

Р2
К-60

ЮРИЙ КОЛЕСНИКОВ

ЗЕМЛЯ
ОБЕТОВАННАЯ...

ЮРИЙ КОЛЕСНИКОВ

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ...

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1973

Колесников Ю. А.
К60 **Земля обетованная. Роман. М., «Сов. Россия», 1973.**
 320 с.

Роман повествует о судьбе еврейского юноши Волдитера, который накануне второй мировой войны, захваченный сионистской пропагандой, приехал в Палестину — «землю обетованную». Столкнувшись с реальностью, познав антинародную сущность сионизма, ВолдITER порывает с ним, возвращается на родину, Бессарабию, которая к тому времени вошла в состав СССР.

P2

7—3—2
126—74

Поздно ночью судовой врач, вызванный к больному пассажиру, осмотрел его и, не проронив ни слова, удалился к капитану. Пароход «Трансильвания», заполненный до отказа эмигрантами из Европы, миновал пролив Скарпанто и вышел в открытое Средиземное море. Он держал курс к побережью Палестины. Оставались сутки с небольшим плавания, когда «Трансильвания», дав легкий крен на левый борт, внезапно свернула с курса. Капитан решил еще до рассвета высадить больного в ближайшем порту, пока не распространился слух о вспышке эпидемии на борту парохода. Капитан знал, что такое паника среди пассажиров. Кроме того, в случае эпидемии «Трансильвания» не смогла бы войти в Хайфу до истечения срока карантина, нарушив тем самым расписание рейсов. Этого капитан и тем паче фирма, владевшая судном, опасались, пожалуй, больше всего.

Больного Хаима Волдитера отнесли в крошечное помещение в кормовой части парохода, служившее по мере надобности то изолятором, то моргом.

Светало, когда вдали, за темно-фиолетовой полосой горизонта, выползли очертания остроконечных вершин прибрежных скал. Кое-где на них зеленела растительность и угадывались очертания белокаменных строений города, раскинувшегося в юго-восточной части Кипра.

В миле от фарватера «Трансильвания» встала на якорь, на мачте взвился сигнальный флаг: «Просим срочную медицинскую помощь!»

Палубы судна были еще пустынные, когда носилки с больным, накрытым с головой одеялом, спустили в пришвартованный к борту мотобот английской сторожевой охраны.

Хаима Волдитера доставили в невзрачное здание порта города Лимасол. В официальном свидетельстве — «сертификате» больного значилось, что «прошедший

акшару' холуц² Хаим бен-Исраэль Волдитер имеет право на въезд в Палестину», а на обратной стороне документа овальная голубого цвета печать удостоверяла подлинность подписи английского консула, выдавшего визу на право жительства на подмандатной Великобритании земле. При наличии такого документа власти, аккредитованные в Лимасоле, не стали чинить препятствий больному-иноземцу, распорядившись передать его главе местной еврейской общины.

На двуколке Хаима отвезли к раввину Бен-Циону Хагера. Вызванная раввином фельдшерица определила диагноз:

— Тиф...

Бен-Цион Хагера закатил выпуклые, налитые кровью глаза и, сложив на животе руки с длинными, мертвенно-бледными пальцами, в ужасе прошептал слова молитвы:

— Шма Исраэль Адонай Элохейну Адонай эход!..³

Дом раввина был полон детей. Непрошеного гостя тотчас же перенесли в перекосившееся от времени помещение под общей с сараем крышей, отделенное от него прогнившей перегородкой. Ухаживать за больным вызвалась фельдшерица, которая была домашним медиком в семье Хагера. В доме раввина ее звали тетей Бетей.

Раввин запретил детям подходить близко к «флигелю» и приказал повесить на грудь мешочки с черным перцем, очищенным чесноком, какими-то травами и камфорой, что, по его мнению, должно было предостеречь их от заразы. Своей работнице Ойе, хлопотавшей по двору, он велел помазать стены дома известью, а порог, двери и полы протереть карболовкой.

Ночами возле больного дежурил шамес — синагогальный служака. Бородатого, косого старика еще издали можно было узнать по съехавшему на одно ухо картузу и длинному, засаленному черному кафтану. Он приходил поздно ночью и уходил чуть свет: по утрам и вечерам шамес был занят в синагоге подготовкой к молению. Старик любил напоминать, что именно он в городе является

¹ Трудовая стажировка, проводимая сионистами за пределами Палестины, дававшая право на въезд в «страну обетованную».

² Буквально: пионер, доброволец, вызвавшийся ехать обрабатывать и отвоевывать «земли предков».

³ Слушай, Израиль, господь бог наш — господь один!.

старшим «хевра кадишу»¹ и что на его долю лежит обязанность по обрядовым предписаниям омыwać и облачать в белое полотно покойников. Конечно, только мужчины... А это вовсе не такое уж простое дело!

К вечеру второго дня состояние Хаима ухудшилось. А старика, как назло, вызвали совершать обряд над покойником в одну состоятельную семью, и шамес, конечно, надеялся урвать хорошие чаевые... С больным на всю ночь осталась тетя Бетя. На рассвете она сообщила пришедшему служителю синагоги, что парень очень плох и едва ли дотянет до вечера.

Шамес подошел к больному, приподнял ему веко и, убедившись, что фельдшерница права, стал нашептывать молитву, вздыхая и присвистывая: у старика не хватало двух передних зубов. Заодно он наметанным взглядом прикидывал, сколько вершков имел в длину парень.

Вскоре шамес ушел. В синагоге в тот день царило необычное оживление: до рош-га-шана² оставалось менее двух дней! Не до шуток здесь, если учесть, что в эти «грозные дни» на небесах решаются судьбы обитателей земли!..

Утром рано, вскоре после ночной «слихэс» — молитвы прощения, — шамес и его хромой напарник, взяв лопату и кирку, отправились на кладбище. Нелегко копать могилу в сухой, каменистой земле, да к тому же еще и поторапливаться: ведь в канун Нового года уже с полудня запрещалось хоронить и, как назло, сразу после праздника — суббота! Хоронить тоже нельзя... А откладывать погребение не позволяла жара.

— Если всевышний задумал не пускать человека на обетованную землю, то тут не помогут ни сертификат, ни шифс-карта, ни виза, ни даже молодость!.. — проговорил напарник шамеса, распрямляя спину и опираясь на заступ. — Парень, можно сказать, был уже перед самым порогом рая, а он отнимает у него жизнь... Ну, так разве он не всеильный?

Шамес ответил не сразу.

— Э, когда нет у человека счастья, так ничего не поделаешь. Это я давно заметил. Да простит меня господь бог, но и он в последнее время, кажется, выжил из ума... Косит кого не надо! Нет чтобы прибрать нашего реббе, горю он ясным огнем...

¹ «Братья погребальщики».

² Новый год.

Хромой оживился: такая речь была ему по душе.

— Хэ-хэ-э! Наш реббе? Наш реббе здоров, как буйвол, его и тиф не возьмет...

— Вечного на свете ничего еще пока не было! Будем надеяться, господь поможет...

Могильщики еще долго копали яму и тешили себя мечтой о том, как с божьей помощью им удастся выкопать могилу и для реббе.

Шамес появился во дворе раввина Бен-Циона Хагера задолго до захода солнца и сразу направился в сарайчик к больному. Однако, к своему удивлению, вместо фельдшерицы он застал там молодую девушку, работницу раввина гречанку Ойю, старательно моющую кипятком с мылом дощатые стены.

— Пустые хлопоты...— пробурчал шамес, подходя к больному, посмотрел на него, покачал головой и протянул руку, чтобы приподнять веко.— удостовериться, долго ли протянет парень. Но Ойя, вдруг бросившись к старику, резко оттолкнула его. Шамес, испуганно посмотрев на девушку, поспешно вышел.

Узнав о том, что Ойя ухаживает за тифозным, раввин рассвирепел:

— Кто разрешил этой дуре заглядывать в сарайчик? Видно, хочет нас всех заразить? Чтоб духу ее здесь больше не было!

Вернувшаяся к тому времени из аптеки тетя Бетя покорно согласилась с раввином, но сказала:

— Что сделано, то сделано, а за больным, как ни говорите, реббе, надо же кому-то присматривать... Парень еще жив! А я, поверьте мне, еле-еле стою на ногах...

Постепенно Бен-Цион успокоился.

— Холуц скоро преставится, пусть побудет с ним,— согласился он.— Но к нашему дому чтоб она близко не смела подходить! Вы слышите или нет?!

Тетя Бетя заверила раввина, что об этом она непременно позаботится. Никто, кроме тети Бети, не относился к Ойе столь сердечно и ласково. Каждый раз, когда фельдшерица вспоминала об Ойе, сердце у нее обливалось кровью.

«Господь наделил ее всем,— думала она,— и умом, и красотой, и добрым сердцем. Но какой дорогой ценой заплатила девочка за все это...»

Ойя была глухонемой. Родилась она, как утверждали люди, в Фамагусте, росла сиротой: отец, матрос с рыбо-

ловного судна, ушел в море и не вернулся. С тех пор Ойя со страхом поглядывала на море. Шло время, и как-то поздно вечером мать Ойи пришла домой с высоким, красивым матросом. Она крепко-крепко прижала девочку к груди, поцеловала ее, долго гладила по головке, с тоской всматриваясь в смуглое личико. Так Ойя и уснула на руках у матери. А утром, проснувшись, увидела пустую комнату. Девочка соскочила с постели, побежала во двор. Старушка, у которой мать снимала комнату, указала ей на море. В сизой утренней дымке Ойя увидела удаляющийся белый пароход... Девочка осталась у старушки, помогала ей по хозяйству, носила воду, пасла козу, в школу не ходила из-за своего недуга и всегда с тоской и надеждой поглядывала на приходявшие в гавань большие белые суда...

В семью раввина Ойя попала еще в Фамагусте. При переезде в Лимасол больная жена Бен-Циона взяла с собой выгодную работницу. Ойя была старательна и безотказна.

Когда же в предвечерние часы Ойя заканчивала работу и приводила себя в порядок, она казалась писаной красавицей. И соседки-гречанки поговаривали, будто господь отнял у девушки речь лишь потому, что наделил ее такой красотой.

В Лимасоле частым гостем раввина бывал Стефанос — отставной полицейский сержант, содержавший на паях с реббе у портового пакгауза кабак с притоном. Всякий раз, когда девушка попадалась ему на глаза, толстяк, поглаживая усы, жадно оглядывал ее с ног до головы... И о чем-то подолгу шептался с раввином.

Было это минувшей весной. В один из предпасхальных дней, когда вся подготовка к празднику в семье раввина подходила к концу, Бен-Цион Хагера неожиданно заявил, что недозволительно в течение всей пасхальной недели пребывание в их доме человека иной веры... По священным пасхальным законам, добавил он, все, начиная с пищи и кончая посудой, должно быть кашерным¹ и, конечно, чисто еврейским. При этом Бен-Цион дал понять, что девушку придется хотя бы на время определить к Стефаносу.

Узнав о том, что ее отдадут в кабак, Ойя замотала

¹ Пища и посуда, которая с точки зрения иудейской религии является ритуально чистой.

головой и, закрыв лицо руками, убежала. Она всю неделю скрывалась во «флигеле», где теперь маялся в тифозном жару Хаим Волдитер. За исключением Бен-Циона и его дочери Циля, все знали, где находилась девушка. Ей тайком от раввина приносили еду, утешали, жалели. Но что могли сделать они, запуганные отцом дети: лишь Циля, пышногрудая, статная красавица, с большими карими глазами, любимица отца, имела право возразить раввину. Остальные дети: и старшая горбатенькая Лэйя и даже сын Йойнэ — должны были молча повиноваться.

Только незадолго до Нового года Хаим Волдитер пришел в сознание. Смутно различив худенькую и молчаливую девушку, сидевшую подле него, он с трудом повернул к ней голову и попросил пить.

Девушка склонилась к больному, вглядываясь своими черными, как смола, глазами в его изможденное лицо, и тут же проворно поднесла кружку с водой ко рту Хаима.

Солнце уже взошло, когда пришла тетя Бетя. Смерив больному температуру, она вздохнула с облегчением: слава всевышнему — кризис миновал. Надо немедленно сообщить об этом раввину, пусть порадует, что господь смиростивился и оставил в живых молодого парня. Но в дверях она столкнулась со стариком шамесом и его хромым напарником. В руках одного было свернутое черное покрывало, которым накрывают покойника, другой держал подсвечник и свечи.

Фельдшерница со слезами на глазах от счастья, вместо обычного приветствия встретила «хевра кадишу» радостным восклицанием:

— Все! Все, вы слышите?!

— Так к чему так радоваться? — склонив голову набок, удивленно спросил шамес. — Я и сам знал, что бедняга и до утра не дотянет... Пойдемте, надо спешить! До полудня мы должны отнести «месса»¹ к священному месту... Вы видите, где уже солнце? Скоро Новый год... О! — указал старик на небо.

— Вы что, одурели? — вскрикнула фельдшерница, только теперь догадавшаяся о цели прихода «хевра кадишу». — Сумасшедшие! Кризис у холуца миновал благопо-

¹ Тело покойника.

лучно... Вы это понимаете? Он поправляется! Он жив!

— А мы думали...— разочарованно произнес хромой и невольно вытянул руку с подсвечником.

Женщина набросилась на него, размахивая кулаками и продолжая отчитывать:

— Кто вас просил об этом?! Такое придумать: копать могилу, пока человек еще жив?! Ужас!..

Шамеса это обидело.

— Что значит: набрасывается на нас с кулаками?— возмущался он, когда вышел с напарником на улицу.— Как будто мы хотели, чтобы парень умер? Кричит «ужас»! Скажите пожалуйста... А она знает, что есть обряд? Ей, конечно, на все это насвистеть! Ну, а скажем, если бы таки да холуц преставился? Тогда что? Подумала она, что завтра праздник? А после завтра — суббота? Тоже ведь нельзя хоронить!.. И потом пусть попробует в такую жару сидеть все дни и ночи напролет с разлагающимся покойником... Хэ! Думает, шамес все стерпит! А кукиш не хочет, старая ведьма, гибель на ее голову! Можно подумать у меня нет обязанностей поважнее. Гвалт подняла такой, будто мы хотели убить человека...

— Хорошо, хорошо,— прервал его излияния хромой напарник.— Пусть так, пусть не так... Но к чему, хочу я вас спросить, почтеннейший шамес, надо было нам в такую невыносимую жару копать яму, да еще такую глубокую? Я же говорил — хватит! Так нет: «еще!» И все мало...

— А что такое, что? Боятесь, она будет пустовать?

— Это так, да, но все же надо было бы ее зарыть... Неудобно. И притом ведь порядок же предписывает, кажется, я знаю?..

— Можно, конечно, ее прикрыть...— нехотя согласился шамес.— А если нет, так что? Э! Только бы эти мне беды остались... Пригодится она. Как-нибудь...

Когда Хаим открыл глаза, было раннее утро. Свежепобеленные дощатые стены, тщательно подметенный земляной пол, маленькое оконце, сквозь которое ярко сияло чистое, еще не выбеленное жарой небо. Где он? И тут же вспомнился пароход «Трансильвания», последние дни перед отъездом, волнения, прощание с друзьями. Да, он, Хаим, ехал в Палестину. Потом, кажется, заболел... Да, да, заболел, его ссадили с парохода. Но куда?

Впрочем, кажется, ему повезло: его подобрали добрые люди, выходили.

Хаим снова обвел взглядом сарайчик, заметил на табуретке у своего изголовья покрытую чистой тряпочкой кружку, видимо, с водой, какие-то лекарства: кто-то о нем заботился. И от сознания этого стало легко, даже радостно, мысли потекли спокойно, медленно. Казалось, все страшное осталось позади, впереди его ждало счастье.

В памяти всплыл маленький зеленый румынский городок его детства — Болград, тихие улочки, залитые солнцем сады, каменное здание мужского лицея, где учились Хаим и его друзья. Впрочем, далеко не все были его друзьями. Настоящим другом был Илья Томов. Милый, умный, верный Илюшка. Как-то, копаясь на чердаке, они обнаружили тщательно спрятанные связки книг и газет, листовок и прокламаций, которые оказались нелегальной большевистской литературой, чудом сохранившейся еще со времен революции в Бессарабии.

Тогда Хаим стал приносить в класс то листовку, то прокламацию, то газету. Лицеисты читали их с восторгом, горячо обсуждали. Наиболее активными были его одноклассники Илья Томов и Вальтер Адами. Но однажды ночью жандармы оцепили базарный квартал, а перед домом Волдитера установили пулемет. Агенты сигуранцы ворвались в дом, учинили обыск. Хаима увели с собой и посадили в «погреб» полиции.

По городу распространились самые невероятные слухи. В лицее появились полицейские комиссары, по коридорам шныряли сыщики сигуранцы.

Через некоторое время Хаима Волдитера выпустили. Остриженный наголо, бледный, худой, точно после тяжелой болезни, он был встречен друзьями, как герой. Несмотря на жестокие истязания, он никого не выдал сигуранце, а вот имя доносчика стало ему известно. Это был один из лицеистов, сын местного богача, владевшего мельницами, маслобойнями и пекарнями. Имя предателя стало притчей во языцех среди лицеистов. На стенах появились надписи, клеймившие иуду. Сторожа стирали мел, но появлялась надписи, сделанные краской, дегтем, смолой. В конце концов директор лицея был вынужден просить родителей доносчика перевести сына в лицей другого города. Богачу все было под силу, а вот перед Хаимом Волдитером двери всех лицеев страны закры-

лись навсегда. Так он стал работать в керосиновой лавке своего дядюшки. Да, много прошло времени с тех пор... Ушло детство, жизнь обернулась для них суровой стороной. И для Хаима и для Ильи. Совсем недавно, в Констанце, перед отъездом он встретил Илью. Тот получал в порту грузовые автомашины «шевроле», прибывшие из Америки для гаража «Леонида и К^о», где Илья работал.

«Я слышал, ты уезжаешь?» — спросил Томов.

«Да, еду», — вздохнув, ответил Хаим.

«А куда, если не секрет?»

«Куда? Сам не знаю, — как всегда, пожав плечами, грустно ответил Хаим. — Говорят, там, за синими морями, мед течет, вот я и еду попробовать его. Но, честно говоря, боюсь. Илюшка, как бы тот мед не оказался горчицей... Ей-богу! А что мне делать, если Гитлер безнаказанно проглатывает одну страну за другой и, как поговаривают, собирается наведаться сюда? Сам понимаешь: мне тогда крышка!» — И Хаим выразительно вздернул голову, обернутый вокруг шеи поблекший галстук.

Томов долго молчал, посматривая на Хаима, на его потертый серый пиджак, висевший на худых плечах, как на вешалке, на вздыбленные огненной волной жесткие волосы, на всю его жалкую, смешную и вместе с тем трогательную фигуру и думал... О чем думал тогда Илья Томов? Разумеется, ему трудно было расстаться с другом, и, разумеется, он жалел его, Хаима: позади была закадычная дружба, много неосуществленных планов.

«Не торопись с отъездом, Хаим, — сказал ему тогда Илья Томов. — Найдем и здесь что-нибудь и для тебя, ты же не один!»

Томов рассказал о своей работе в Бухаресте, о друзьях. Вскользь упомянул он и механика гаража «Леонида и К^о» Захарию Илиеску.

«Я тебе советую остаться, Хаим, — начал настаивать Томов, видя нерешительность друга. — Попросим этого механика, и, уверен, он поможет и подыщет тебе неплохую работенку. А там, глядишь, и наши из-за Днестра скажут свое веское слово!»

Хаим тогда сразу оживился:

«Ты, конечно, имеешь в виду Советы?»

«Кого же еще? — как само собой разумеющееся ответил Томов. — Долго так не может продолжаться. Они пока молчат и терпят, но терпение их лопнет».

«Это верно, Илюшка,— согласился Хаим.— И, возможно, ты прав — я наивен,— проговорил Хаим, как бы оправдываясь.— Но подумай сам, что мне делать? А если сюда в самом деле придет Гитлер? Останься я в Румынии, меня, конечно, повесят, или расстреляют, или замучают. А кто это сделает — нацисты в коричневых или фашисты в зеленых рубашках,— сам понимаешь, не столь уж большая разница. Я еврей, и этим сказано все. Мне здесь нет места. Вот я и еду, Илюшка, искать счастья. Понимаешь? И хотя я не очень-то ободряюсь насчет многомиллионного еврейского государства, о котором трубят сионисты, не верю, что там рай земной, но надеюсь, понимаешь, очень надеюсь в это страшное время, которое надвигается на нас, выжить. Просто хочу выжить.— Хаим в волнении вертел в руках смятую газету.— И не смотри на меня так укоризненно и грустно. Я, наверное, слабый человек, не такой, как ты. Не герой и даже не борец. Мне иногда делается страшно: я отчетливо вижу, как меня хватают зеленорубашечники. И прихлопнут меня, как муху. Я даже крикнуть не успею, не то что сделать что-то полезное... В Германию слетаются фольксдойч, а в Палестину едем мы, фольксюдены...»

Томов пытался отговорить друга от далекой и рискованной поездки, но Хаим ответил, что теперь уже поздно. У него на руках виза английского консульства на въезд в подмандатную Великобританию Палестину. Вдруг он оглянулся и шепотом спросил:

«Слушай, Илюшка, не знаешь ли ты, где здесь можно купить револьвер?»

Томов насмешливо посмотрел на друга.

«Что ты на меня так смотришь? — продолжал Хаим.— Думаешь, у нас нет оружия? Так ты ошибаешься!.. Гитлер проглотил Чехословакию, а у них как-никак были первоклассные оружейные заводы. И вот теперь оружие это бродит чуть ли не по всей Европе. Говорят, чехи его сами разбросали, чтобы не досталось нацистам... И правильно сделали! Но есть же на свете еще и сионисты, и они, конечно, клюнули на это оружие... Ей-богу! Мы купили новенький пулемет «ZB». Ты знаешь, что такое «ZB»? Очень просто: «Z» — это «збруйно» — оружейный, а «B» — город Брно!.. Но если ты еще знаешь, где мы купили тот пулемет, так ты, Илюшка, просто умрешь от смеха. Сказать тебе?»

Томов лишь развел руками.

«Я таки скажу тебе! — торжествующе произнес Хаим. — Купили пулемет здесь, в Констанце, в каком-то припортовом притоне... Ну, я спрашиваю, что это по-твоему? Если на минуту только представить себе, что Хаим Волдитер из Бессарабии на деньги американских сионистов покупает у румынских проституток для евреев Палестины пулемет чешского завода, который достался немцам? А?! Разве это не потеха?»

«Если и потеха, то все-таки не смешная...» — задумчиво ответил Томов.

«Не смешная?! — переспросил Хаим. — Ну, ну... Она, Илюшка, с кровью! Слышишь? С кровью!.. И, честно говоря, свою кровь мне проливать жалко, может быть, еще пригодится... Помнишь листовки с чердака нашего дома? Вот потому, хочешь не хочешь, приходится ехать... Прощай, Илюшка!.. Пиши: Тель-Авив, до востребования...»

Так они расстались тогда в Констанце. Дойдя до перекрестка, Хаим оглянулся: Илья Томов стоял на том же месте и смотрел ему вслед. Высокий, сильный и бесстрашный... Где он сейчас? Что с ним? От этих тревожных мыслей у Хаима разболелась голова, захотелось пить. Он протянул руку, но достать кружку не смог: от слабости все поплыло перед глазами, воздух наполнился звонким синим светом, и в этом мареве — показалось ему или в самом деле — появилась девушка.

Вечерело. В крохотном помещении синагоги, с трудом вместившем почти всех верующих, было нестерпимо душно, пахло потом и гарью чадающих свечей. Расставленные на старых противнях или просто в наполненных песком жестянках из-под консервов свечи всех сортов и достоинств, начиная от произведений кустарей и кончая шедеврами всемирно известных фирм, были наглядным свидетельством имущественного положения их владельцев. Но независимо от этого свечи или горели ровно и ярко, или, оплывая растопленным воском, оседали и, скорчившись, догорали. Как люди...

Раввин Бен-Цион Хагера стоял перед бархатной занавеской, за которой в парчовых и плюшевых чехлах хранились священные торы¹. С обеих сторон его столика,

¹ Пятки и жие — пергаментные свитки с изложением заповедей мифического пророка Моисея.

похожего на пюпитр, на котором лежал пухлый молитвенник, высились огромные серебряные подсвечники: в каждом из них, согласно талмуду, утверждавшему, что бог сотворил мир в семь дней, горело по семь свечей, установленных в один ряд.

В торжественной тишине, согласно традиционному порядку — «кто повышает голос, тот не верит в силу молитвы», — Бен-Цион Хагера сдержанно, но величаво, как это и подобало раввину, читал нараспев особые вставки для Новолетия в молитве «амида». Лишь изредка верующие трепетно произносили «аминь!». Наступал новый, пять тысяч шестьсот девяносто девятый год...

Несколько в стороне от раввина, с накинутым поверх головы «талесом»¹, раскачиваясь в такт чтению, самозабвенно молился шамес синагоги. В соответствии с наказами ученых предков он весь отдавался священной молитве, благочинно всхлипывал, воздавая хвалу все-сильному, все-святому, всевышнему... И вдруг шамес почувствовал, как стало трудно дышать, словно кто-то сдавил горло, сердце всполошенно заколотилось и замерло. Он откинул на затылок парчовый, пожелтевший от времени талес, осторожно вдохнул полной грудью спертый воздух, но острая боль под лопаткой почему-то не утихала. Тогда он протиснулся к скамейке и тяжело опустился на нее.

К нему пробрался хромой приятель и впросительном заглянул старику в лицо.

— Вот тут что-то... — сказал шамес и указал на левую лопатку.

В этот момент раздались величавые звуки «шофара»², и синагога содрогнулась от голосов молящихся. Хромой приятель шамеса, не обращая на это внимания, взял старика под руку, повел к выходу и во дворе усадил на лавочку.

— Так душно, что можно богу душу отдать, — сказал хромой могильщик, кивнув на синагогу. — Скорей всего от чада самодельных свечей. Болит? Отчего бы это?

— А я знаю? — переводя дух, с трудом ответил шамес.

— Может, дать немного воды?

— А я знаю?

¹ Молитвенное облачение — белое покрывало с черными полосами и кистями из шерсти по краям.

² Рог, древний духовой инструмент,

Хромой принес кружку воды. Шамес выпил глоток другой, выпрямился, глубоко вздохнул.

— Кажется, чуточку лучше...— И вдруг стал валиться на бок. Сбежались люди, стали искать в толпе доктора, но подошла тетя Бетя и сказала, что покойнику никто уже не поможет...

Тело шамеса унесли в крошечную и почти пустую комнатку на заднем дворе синагоги, где он жил как отшельник, и положили на пол, произнеся краткую молитву, накрыли черным покрывалом, еще утром заботливо приготовленным для молодого приезжего парня.

И покойник лежал ночь, весь следующий новогодний день, потом целые субботние сутки. Лишь во второй половине воскресенья шамеса понесли на кладбище. Хромой могильщик положил покойнику на глаза по черепку, третьим, побольше, накрыл рот — этого требовал обряд: в загробной жизни человек избавлялся от присущей ему на земле скверны — от жадных, завистливых глаз и ненасытного, сквернословящего рта. Могильщик на прощание наклонился к покойнику и стал настойчиво нашептывать ему на ухо:

— Это я, твой хромой приятель. Прошу тебя, будь снисходителен, не сочти за труд и сбегай к богу, замолви за меня словечко и за знакомых тебе Аврама, Бореха, Шмуэля, Гитлу, Двойру, Сурку, Янкеля, Симху, ну, и... за всех остальных, конечно... Попроси его испослать нам немного счастья, хорошего здоровья, и пусть он наконец-то чуточку глянет вниз, сюда, на землю! Пора уже, кажется, сжалиться над нами... Ты сам прожил немало и, слава богу, видел и знаешь, что тут творится! А ему стоит только захотеть, так и здесь еще может быть ничего себе...

Раввин Бен-Цион знал, что хромой обращается к покойнику с последней просьбой, и подсказал:

— Скажите, пусть сбегает и попросит за реббе Бен-Циона, за его детей, за весь наш верующий народ.

Хромой кивнул головой в знак согласия и вновь наклонился к уху покойника:

— О! Еще реббе наказывает тебе сбегать и попросить за весь наш верующий народ, за его несчастных детей, и, я знаю, может, надо попросить и за него... Может быть, ты уже переменял свое мнение о нем? Словом, как сам понимаешь... Может быть, я что-нибудь не так сказал, так уж прости меня, невежду...

И лишь после этого труп шамеса накрыли досками и захоронили в той самой могиле, которую так торопливо и усердно он копал для другого... У свежего холмика, к удивлению присутствующих, раввин Бен-Цион Хагера лично прочел отходную молитву и, так как покойник был бездетным, даже заупокойную «кадеш». По дороге с кладбища Бен-Цион Хагера умиленно делился с окружающими воспоминаниями о шамесе, называл его самым ревностным служителем синагоги и повторял, как он, раввин Бен-Цион, всегда великодушно и справедливо относился к покойному. И кто знает, стал бы раввин так же восхвалять покойника, если бы знал о мечте почившего старика отыгаться над трупом раввина за все, что он, шамес, претерпел от Бен-Циона Хагера за годы службы в синагоге.

— Так что это за жизнь? — грустно, растягивая слова, спросил хромой могильщик, ставший теперь по велению раввина шамесом. — Старик был такой хороший человек, да простит ему бог грехи! Такой честный труженик, чтоб земля ему была пухом! Такой «хасид»¹, царство ему небесное!.. Он так старался, вы слышите, реббе? Так усердно копал ту могилу, так хотел, чтоб она непременно была глубокая, и думать не думал, бедняга, мир праху его, что сам навсегда ляжет в нее! Ну, так я вас спрашиваю, это жизнь, а?!

2

Молодость победила болезнь. Хаим поправлялся, медленно восстанавливались силы. Мысли об отце и сестренке, оставленных им в Румынии, о друге Илье Томове, который скитался по Бухаресту, вдруг стали казаться не такими безнадежно черными. Радость возвращения к жизни все окрашивала в непривычный для Хаима яркий свет надежды. Он ждал лучших дней, уповал на свои силы, упорство, мечтал, как, устроившись на новом месте, непременно вызовет отца, сестру и как все они славно заживут вместе. В эти розовые и хрупкие мечты всегда почему-то приходила Ойя. Тогда Хаим закрывал глаза и видел ее нежную, застенчивую улыбку и длинные ресницы, веером лежащие на смуглых щеках. Прошел месяц, и Хаим уже ходил один, без поддержки Ойи, его

¹ Благочестивый (буквально: «учение благочестия»).

стриженная голова заросла красновато-рыжими, густыми и жесткими, как щетина, волосами.

— Ну и дела! — шутил он. — Ехал набивать мозоли на ладонях, а вдруг набиваю их на боках... Сколько можно отлеживаться на чужих хлебах?

Ойя вернулась к своим обязанностям по хозяйству, и для Хаима потянулись скучные дни. Все чаще приходили мысли об отъезде.

— Меня же в Палестине не станут ждать! — поговаривал он, весело сверкая серыми глазами. — Без меня еще построят рай на земле, а что тогда останется на мою долю?!

В семье раввина больше не остерегались «тифозного». Сам Бен-Цион Хагера стал приглашать его в дом. Это расположение к какому-то пришлому из далекой Бессарабии парню было не случайно. Хаим не подозревал, что своей непосредственностью, простотой и остроумием завоевал сердце капризной и избалованной дочери раввина. Дородная и красивая Циля Хаиму казалась привлекательной, но постоянное любованье собой, пренебрежение к окружающим, желание командовать, повелевать ими, наконец, ее излишняя самоуверенность — все это отталкивало, вызывая раздражение.

Как-то в дождливый вечер раввин предложил Хаиму перебраться из сарайчика в их дом.

Хаим поблагодарил и уклончиво ответил:

— Теперь, надеюсь, недолго придется вас беспокоить... Сколько можно испытывать терпение людей!

— Пустяки! Мои дети так привыкли к вам. А Цылька уступает вам свой угол, у шкафа... У нее такое нежное сердце.

— Там можно будет поставить кушетку! — поспешно заметила Циля и покраснела.

Хаим еще раз поблагодарил хозяев и снова отказался. Во флигеле-сарайчике он чувствовал себя свободнее. Да и не только свободой привлекал флигель: туда заходила Ойя. Она привыкла к нему и в короткие минуты отдыха напряженно вглядывалась в его серые с белесыми ресницами умные глаза. Если случалось, что он смущенно отворачивался, Ойя обижалась, обхватывала тонкими руками его голову, поворачивала лицом к себе. Она хотела знать, верен ли он ей, останется ли здесь навсегда или уплывет в пугающе бескрайнее море, укравшее некогда ее отца и мать.

Однажды за ужином семье раввина захотелось послушать рассказы Хаима. «В лицее учился! — шептались они. — Говорит по-французски, по-румынски и даже по-русски! А рассказывает так, что можно заслушаться!» Хаим действительно был неистощимым рассказчиком всяких происшествий и комических историй. Охотно откликаясь на просьбы дочерей Бен-Циона, он с увлечением и грустным юмором вспоминал о своем детстве. Разумеется, все это происходило во время отсутствия раввина.

— Отец непременно хотел, чтобы я учился в талмуд-тойре! — говорил Хаим. — А я не хотел! Мне нравилось бегать по улицам... Но если один хочет так, а другой хочет не так, то в результате ровным счетом ничего путного не получается... Так оно и было! Отведет, бывало, меня покойная мама в школу и скажет: «Иди, Хаймолэ, слушайся меламеда², слышишь?» — «Да, конечно!» — отвечал я. Мама, бедняжка, уходила и думала, что ее Хаймолэ уже сидит в классе, а я возвращался к воротам школы, притаившись, ждал, пока мама свернет за угол, и тут же бросался наутек, сколько сил было...

— Зачем?

— Как, не в школу?!

— И куда же? — наперебой спрашивали дочери раввина.

— Куда? — весело продолжал Хаим. — О-о, там у нас было куда... Городишко — ровным счетом — люкс! В-первых, там у нас озеро, можно купаться. Во-вторых, можно смотреть на рыбаков, на лодки, можно бродить по казенному саду, валяться в траве — она там большая-большая, по пояс, и вообще, мало ли что можно делать... Я, например, любил шляться по конному базару. Одно удовольствие! Всех мастей рысаки и клячи, тяжеловозы и жеребенки. Стоишь и смотришь, как их оглядывают покупатели или как лошади брыкаются... Еще любил я глазеть, когда лошадям заглядывали в морды, ощупывали зубы... Так определяется возраст!.. Но если в городе, не дай бог, случался пожар или похороны — первым был я! И конечно, в школу уже не ходил...

¹ Начальная еврейская школа, находящаяся на содержании местной общины.

² Учитель.

— Ну, а дома? Дома как? Отец, мать разве не бранили? — удивленно спросила старшая дочь Бен-Циона.

— Дома? Дома никто равным счетом ничего не знал... Когда все ученики шли из школы, возвращался и я домой. По вечерам притворялся, будто делаю уроки, а сам рисовал горящие домики и лежащих лошадок... Когда отец приходил с работы, я уже спал. А мама, довольная тем, что я учу уроки, умиленно говорила: «Мой сыночек будет доктором! Да, Хаймолэ, ты будешь доктором?!» Я отвечал «да» и в школу не ходил...

Девчонки звонко смеялись. Сокрушенно покачивал головой Йойнэ. А Циля поглядывала на себя в зеркало и сдержанно улыбалась, любуясь своей красотой.

— Длилось так равным счетом до одной прекрасной субботы, — продолжал Хаим. — Утром отец ушел в синагогу. Там ему попался на глаза мой меламед Ицхок. Мы его звали просто Ицек. Злой он был, как полынь! Из-за него я, собственно говоря, не хотел ходить в школу. Боялся его. На уроках он не выпускал линейку из рук, и стоило кому-нибудь чуть-чуть шевельнуться, как Ицек звонко стучал его по голове. И вот этот меламед спрашивает у отца: «Что случилось? Ваш мальчишек, не дай бог, захворал?» — «Нет, — ответил отец, — слава богу, он здоров... А что это вы спрашиваете так?» — «Вы спрашиваете, что я спрашиваю так? — разозлился меламед. — Я спрашиваю так потому, что ваш мальчишек уже три недели не появляется в школе!»

Ободренный дружным смехом девчонок, Хаим с еще большим огоньком продолжал:

— У отца был ремень... Кожаный! И какой это был ремень, и какая у ремня была медная пряжка, в тот день почувствовали все мои мягкие места...

— Уй-юй-юй?! — удивленно протянул Йойнэ. — Ваш отец в самую субботу позволил себе вот такое вот? Уй-юй-юй, как же можно в субботу бить ребенка?! Ы-м-мы-ы... В субботу?!

— О-о, именно потому, что была суббота, отец был дома, а не на работе и всыпал мне так, что равным счетом целую неделю я ходил как на ходулях... С того дня он сам отводил меня в школу и доводил до самых дверей класса. И представьте, я таки сидел. Но как сидел, если бы только знали?! Больших мук мне не могли придумать! Класс у нас был малюсенький. За каждой партой сидели три и даже четыре ученика, а должно бы-

ло быть ровным счетом два... Так как тут не будет тесно? Каждый раз то один, то другой ставил кляксу, а сосед размазывал ее локтем и раздавался крик нараспев: «Господин мелама-эд! Он меня толкну-ул!» А Ицек только этого и ждал. Огреет линейкой так, что потом ровным счетом месяц мерещится, будто она висит над твоей головой! А парты? Они годились только на растопку.... Вечно скрипели, шатались, наконец ломались, и мы падали, ушибались, кричали и ревели. И что вы думаете? За это еще получали удары линейкой от меламеда Ицека... А разве мы были виноваты? Но не думайте, что он бил всех! Нет, не всех... Детей богатых Ицек не трогал... Это был тот меламед! С особым удовольствием он таскал за уши. Подойдет сзади, схватит за ухо и заставляет подниматься. Вытянешься во весь рост, даже на цыпочки встанешь, а он все тянет выше и выше, чуть ли не до потолка. Уже, кажется, кожа с черепа сдирается, а этот живодед не отпускает...

Девчонки съежились от страха и слушали холода с открытым ртом. Подошла фельдшерица. Хаим уже рассказывал про один смешной случай, который приключился с ним. Девчонки смеялись от души.

— Прямо артист! — сказала тетя Бетя, умиленно поглядывая на Хаима.

— Вот увидите, — вдруг произнесла Циля, — сейчас и немая появится у окна! Стоит нам собраться, и она тут как тут!

Все невольно посмотрели на распахнутое окно. И в самом деле в темном его проеме появилась Ойя.

— Вот видите, что я сказала?! — торжествующе воскликнула Циля.

Все рассмеялись. Ойя смущенно опустила глаза, наклонила голову, но от окна не отошла.

Хаим почувствовал, как кровь прилила к его лицу, словно ему вlepили пощечину. Сдерживая себя, чтобы не сказать резкость, он молча подошел к окну, улыбнулся Ойе, нежно взял ее за руку.

Смех мгновенно оборвался. Лицо Циля покрылось пунцовыми пятнами, глаза зло заискрились. К Ойе подошла и фельдшерица, погладила ее по голове. А когда Хаим, не произнеся ни слова, вышел во двор и увел девушку от окна, тетя Бетя сказала:

— Не надо смеяться над несчастной... Бог все видит! Она тоже человек...

Раввин сделал вид, что не придавал значения поступку Хаима.

— Любовь к кому — к этой нищей? Она ухаживала за ним, стирала ему белье, вот он на минутку и пожалел ее... — проговорил раввин. — Так что из этого?

Бен-Цион Хагера, когда это было в его интересах, говорил одно, а думал и делал другое...

Уже на следующий день он вызвал в синагогу фельдшерницу.

— Вы, тетя Бетя, принимали у моей покойной жены Цилечку, — начал он издалека. — Потом, не приведи господь подобное в моем доме, вы ее выходили от scarлатинны...

Фельдшерница молча кивнула головой и глубоко вздохнула. Она растрогалась.

— Знаю, вы любите Цилечку. Поэтому-то и прошу вас помочь ей составить партию...

— Вы считаете, реббе, — удивилась старушка, — что я могу быть и свахой?

— Почему бы и нет? — с не меньшим удивлением в голосе спросил Бен-Цион. — Разве это не делает вам честь?

— Я не об этом, реббе... Вы, конечно, имеете в виду Хаима?

— Разумеется!

— Что ж, реббе, если вы считаете... Можно, конечно, попробовать.

В пятницу перед заходом солнца к тете Бете зашла старшая дочь Бен-Циона, Лэйя.

— Я пришла пригласить вас к нам завтра на обед, — сказала она.

— Что это вдруг? — спросила фельдшерница.

— Вы спрашиваете, что это вдруг? А я знаю? Просто так... Слыхала, будто холуц должен скоро уехать... Но вы лучше спросите, что у нас сегодня делалось?!

— А что такое?

— Очень просто: Циля была весь день на кухне... Вы уже можете себе представить, что там творилось! Стоял такой крик, такой шум, такое делалось, что не знаю, как это я еще не сошла с ума!

— А что? — попытывалась фельдшерница. — Что все-таки случилось?!

— Что случилось?.. Циля, дай ей бог здоровья, решила сама, вы же понимаете, одна, без меня пригото-

вить фаршированную рыбу! Ну, ну... Можно подумать, небо расколосось пополам! — воскликнула девушка, подняв обе руки вверх. — Вы бы посмотрели, тетя Бетя, что делалось! Повсюду валялись кишки и жабры, летела чешуя и брызгала кровь, падали куски рыбы на пол и гремели кастрюли, звенели сковородки и пригорал лук, черный перец попал всем в нос, и мы уже чихали так, что аж до самых слез... А эта немая прыгала туда и сюда, поверьте мне, быстрее чем дикая коза в миллион раз! И в конце концов что вы думаете? — Лэйя не без удовольствия рассмеялась. — Цилька порезала палец. Ну, ну... Уж весело было, что до сих пор у меня в ушах звенит! Одним словом, Цилька на кухне!

Фельдшерица слушала внимательно, делая вид, будто не то удивлена, не то возмущена всем происходящим, потом с той же наивной наигранностью, спросила:

— Кому же она вдруг захотела угодить своей стряпней? Уж не холуцу ли?

— Вы спрашиваете?! Будто я знаю?! Слыхала, что он собирается уезжать... А если нет, то мне бы хотелось ошибиться, но у него, кажется, что-то есть с нейой...

Фельдшерица сделала еще более удивленное лицо, однако промолчала.

— Вот так! — продолжала Лэйя. — Она немая-немая, а он вроде бы тифозный, и вот так... Но сегодня ночью, кажется, гречанку от нас заберут. Так я слыхала. Только это пусть останется между нами, слышите, тетя Бетя?!

Фельдшерица укоризненно глянула поверх очков на Лэйю.

— А что? Ты думаешь, я побегу им рассказывать? О чем говорить?!

И дочь раввина продолжала:

— Кажется, ее отдадут Стефаносу... Куда же еще? Но мне они не говорят. Я, видите ли, убогая, я не умная, я им во всем враг! И мое место у плиты... Что ж делать, если у меня нет счастья?! Наверное, так суждено. А гречанку таки жалко, вы думаете, нет? Очень! И мне теперь будет еще хуже. Разве я не понимаю? Всю работу и в доме, и по двору уже свалят на мою голову... Вы же понимаете, тетя Бетя, какой помощи я могу ожидать от Цильки? Ну, ну... Уж будет мне весело, не спрашивайте!

Фельдшерица, грустно покачивая головой, слушала Лэйю. «Ну и реббе! — думала она. — Он таки опутает этого бедного парня так, что тот забудет, откуда родом!

И, чего доброго, еще посадит ему на шею свою Цилечку без всякого приданого... Этакую, прости господи, дуру».

Дочь Бен-Циона прервала мысли фельдшерицы:

— Но, тетя Бетя, только чтобы это, не дай бог, не стало им известно, прошу вас! — взмолилась девушка. — Иначе меня дома съедят... А на обед приходите. Слышите? Мы будем вас ждать! Непременно.

Бен-Цион Хагера был не только раввином, но и главой местного «товарищеского» банка. От него зависели выдача ссуды или отсрочка платежей. К нему обращались по спорным вопросам, возникавшим при заключении и выполнении коммерческих сделок; ему же принадлежало последнее слово и при бракоразводных делах.

Человек он был неглупый и образованный. Выходец из Галиции, он объехал многие страны Европы, учился в Афинах, свободно владел не только родным языком «идиш» и древнееврейским, но и греческим, английским, польским, мог объясняться на немецком и арабском.

Он был высокий, узкогрудый с длинными руками и крепко посаженной, большой головой. Густая шевелюра, пышная седая борода, пронизательный взгляд больших карих глаз делали его похожим на библейского пророка.

В Лимасоле раввин Хагера вел добропорядочный образ жизни, однако люди, близко знавшие его, шептались, будто отставной полицейский сержант Стефанос содержит кабак с «девочками» на средства реббе.

Бен-Цион Хагера был властолюбив, не терпел возражений, но прислушивался к голосу рассудительных людей, особенно если их мнения шли ему на пользу. Он не брезговал никакими средствами, чтобы отстоять свои интересы, однако внешне всегда казался добрым и миролюбивым. Неискушенному человеку он порою казался сговорчивым и безобидным, так как людей, пытавшихся причинить ему вред или просто мешавших ему, он предпочитал убирать со своей дороги осторожно, без шума.

Отставной полицейский сержант Стефанос, работавший с ним на процентах и близко знавший раввина, называл его не иначе, как «змей Хагера». «Бесшумно подползает, — говорил он, — а ужалит, и все!» Когда в свое время Стефанос решил было жениться на молодой вдове из Фамагусты, Бен-Цион учуял неладное. Женщина показалась ему своенравной и умной. Как такая по-

смотрит на отношения своего мужа с «компаньоном»? И Хагера тотчас же устранил опасность. Через доверенных людей он распустил порочащие молодую вдовушку слухи, и та вскоре с позором покинула остров...

Раввин Хагера дорожил Стефаносом. И не столько из-за доходов от кабака, как думали некоторые, сколько из-за возможности через отставного полицейского осуществлять связь с миром контрабандистов...

Помимо своих официальных постов, Бен-Цион Хагера был также негласным, но весьма влиятельным деятелем «Акционс-Комитета»¹, главного штаба сионистского руководящего «Национального центра». Назначение этой богатейшей организации, получавшей, кроме своих непосредственных доходов, субсидии от многих еврейских банкиров и лавочников, фабрикантов и ремесленников со всех концов мира, состояло в создании мощной экономической и военной базы, на основе которой предстояло образовать единое еврейское государство с последующим расширением его жизненных пространств для переселения единоверцев, живущих в диаспоре².

Бен-Цион трудился, не жалея сил, хотя в свои пятьдесят четыре года очень дорожил здоровьем. По утрам и вечерам в синагоге он усердно отправлял богослужения, в течение дня выполнял функции арбитра и духовного наставника, судьи и мудреца. Если, случалось, днем не управлялся с делами, ради которых поселился на острове, он вершил их ночью; вел переговоры и заключал сделки, по своим масштабам и беззаконию выходившие далеко за рамки махинаций самых крупных и ловких мирских дельцов... В делах он был осторожен и предусмотрителен, и, конечно, не случайно прислужой в его доме была глухонемая гречанка; если она и могла что-либо заметить и заподозрить, то рассказать об этом была не в состоянии. И вот неожиданно она стала помехой.

«Плохи дела моей Цилечки, если ее соперницей оказалась эта убогая девка!» — с горечью заключил свои раздумья раввин и пообещал дочери устранить это «незначительное», как он выразился, препятствие с ее пути.

Однако заняться этим ему помешали обстоятельства.

¹ «Комитет действия».

² То есть евреев, живущих за пределами Палестины, в рассеянии.

— Настали жаркие дни...— сказал он, открывая совещание узкого круга людей, прибывших в дом раввина по случаю приезда на Кипр специального курьера от руководящей верхушки «Акционс-Комитета». Представив съехавшимся на Кипр сионистским миссионерам человека в вылинявшей парусиновой рубаше с маленькими погончиками и туго набитыми нагрудными карманами, Бен-Цион Хагера уступил ему председательское место за столом.

Курьер, человек жилистый, чернявый, в больших роговых очках, с курчавой жидкой шевелюрой и просвечивающей сквозь нее плешью, начал с рассказа о том, как счастливо живут и упорно трудятся колонисты на родине, в Эрец-Исраэле¹. Он особо подчеркивал значение непрерывно расширяющейся деятельности «Керен-га-исода»² по покупке новых земель и строительства ряда колоний. С особым пафосом говорил он о больших успехах сионистов в повседневной борьбе с англичанами, препятствующими иммиграции единоверцев, с арабами, оказывающими сопротивление евреям в расширении их жизненного пространства. Но главное внимание посланец сионистского центра уделил характеристике международной ситуации и задачам, которые в связи с этим возникают перед «бейтарцами».³

— Британия поглощена войной с Германией, она предпринимает отчаянные попытки отвести удар, который готовит ей Гитлер,— говорил курьер, сопровождая свою речь размашистой жестикуляцией.— Конечно, она вывернется. Это же Британия! Однако в данный момент ей приходится довольно туго. Над ней нависает и другая угроза. Это уже со стороны Италии. Муссолини, как вы знаете, объявил Средиземное море «своим морем». Пока что он, стремясь выкачать из Абиссинии нужные ресурсы, прежде всего хочет обеспечить своим судам безопасность плавания... А вот тут-то и начинается игра в «кошки-мышки»... Британцы намерены снять блокаду с Италии, установленную в дни вторжения ее в Абиссинию. Они, представьте себе, ведут переговоры с Италией о заключении торгового соглашения!.. Словом, хо-

¹ Страна Израиль; подразумевается — родина.

² Сионистский трест по покупке земельных участков у арабов.

³ Ультраправое крыло сионистов, ставившее своей целью освобождение «земли предков» вооруженным путем.

тят задобрить Муссолини. А дуче знает цену дружеского расположения Англии. Но и в Лондоне знают, что Италия их потенциальный противник и ее стремление создать «закрытое море» — серьезная угроза Египту и Суэцкому каналу.

— Это уже хуже,— протяжно заметил один из доверенных лиц «Акционс-Комитета», адвокат по профессии, человек язвительный и нетерпеливый. Пустой рукав его поношенного пиджака был заправлен в карман.

Вместо ответа курьер усмехнулся, дал понять, что подобный вывод преждевременен, и тут же стал объяснять, как при курсе, который был взят сионистским «Центром», можно извлечь весьма солидную выгоду из складывающейся международной обстановки.

— Благодаря своему географическому положению,— звенел голос посланца,— Палестина обретает важное стратегическое значение в этой части света. Британцы опасаются, что Муссолини в самое ближайшее время может найти повод к войне. И руководство «Акционс-Комитета» всячески поддерживает эти опасения. Вы можете спросить: почему? Ответ очень прост: нам выгодно. Нападения итальянцев, как полагают в Лондоне, следует ожидать скорее всего через Ливию. Тогда Палестина станет главной военной базой, необходимой Англии. Именно через Палестину британцы смогут оказать помощь своим войскам в Египте...— Курьер поправил съехавшие на нос очки, отпил глоток воды из стакана и продолжил: — Лондон уделяет исключительно большое внимание Палестине еще и потому, что территориально она прикрывает Египет с севера. А о том, какую ценность для Британской империи представляет Египет, особенно Суэцкий канал, говорить сейчас нет необходимости... Кроме того, вы знаете, что по землям Палестины проложен нефтепровод. По нему доставляется иракская нефть. Без нее британскому флоту в этой части света будет не сладко!

— И все-таки, да простят мне почтеннейшие,— вновь заметил адвокат, поправляя свой пустой рукав,— я не вижу пока ничего такого, из чего мы могли бы извлечь выгоды. Если не ошибаюсь, наш уважаемый курьер сказал даже «солидные выгоды»? Каким образом мы можем их извлечь? И в чем выражаются эти выгоды? Я, простите, не понимаю.

Присутствующие молча посмотрели на своего колле-

гу и с любопытством стали ожидать ответа посланца «Национального центра». Однако курьер не спешил; воспользовавшись паузой, он старательно вытирал вспотевшее лицо и шею платком далеко не первой свежести.

Бен-Цион Хагера опустил голову, стараясь скрыть невольную улыбку. Его радовал заданный вопрос. Раввин знал, что адвокат умел логично аргументировать свои суждения и оспаривать его точку зрения было весьма трудно. Бен-Циону Хагера довелось в этом не раз убеждаться. Несколько лет назад между ними возник спор из-за отдельных формулировок, разработанных на встрече вожака сионистов Владимира Жаботинского и главы итальянских чернорубашечников Бенито Муссолини. Дуче уже в те годы интересовался Ближним Востоком, вынашивал планы распространения сферы своего влияния и на Палестину. Жаботинский заверил его в полной поддержке, предварительно заручившись согласием дуче удовлетворить ряд просьб «Акционс-Комитета». Одна из них состояла в том, чтобы направить в Италию тридцать специально отобранных евреев-добровольцев — холуцев — для обучения мореплаванию. И вскоре в городе Чивитавеккья этих парней стали обучать муссолиниевские инструкторы. По замыслам «Акционс-Комитета», после обучения холуцы должны были купить пароход для нелегальной перевозки на «обетованную землю» будущих иммигрантов и некоторых недозволенных грузов.

С самого начала адвокат высказался против рискованной затеи.

«Если приобретение парохода не составит труда, — сказал он, — то его эксплуатация с намеченной целью непременно натолкнется на серьезные препятствия и ограничения. В результате время будет потеряно, а желаемого результата мы не достигнем».

Бен-Цион Хагера осудил позицию адвоката. Когда же тот сгоряча назвал этот план авантюрой, раввин обвинил его в отступничестве и трусости. Адвокат был вынужден пойти на попятную. Больше того, чтобы предупредить возможные последствия конфликта с Бен-Ционом Хагера, он лично отправился с добровольцами-холуцами в Чивитавеккья. И там произошел несчастный случай: на судне возник пожар. Адвокат действовал самоотверженно, он спас от верной гибели двадцать девять холуцев и многих итальянских инструкторов, но сам лишился руки и получил сотрясение мозга. Однако прогноз адвока-

та о нецелесообразности всей этой затеи впоследствии подтвердился.

После выздоровления на однорукого адвоката была возложена работа, по роду которой он стал еще теснее соприкасаться с Бен-Ционом. Несмотря на прошлую ссору, они неплохо сработались, проявляя изрядную изобретательность при исполнении различных махинаций, диктуемых «Акционс-Комитетом». Различие между ними состояло, пожалуй, лишь в том, что Бен-Цион без малейших возражений принимал и выполнял все без исключения указания «свыше», утверждая, что любые средства хороши ради достижения цели. А его коллега почти всегда находил в них какие-то изъяны, неточности в формулировках, сомневался в целесообразности выполнения решений, казавшихся ему низменными.

Бен-Цион недолюбливал однорукого адвоката, но был вынужден считаться с ним, так как знал, что «Национальный центр» высоко ценит его за исключительную работоспособность и многосторонние связи. Когда адвокат бросил курьеру очередную реплику, раввин злорадно усмехнулся: он заранее знал, как ответит на нее эмиссар «Центра». Бен-Цион был в курсе событий лучше, чем кто-либо из присутствующих на сборище, больше других знал «тонкости» политики, проводимой «Акционс-Комитетом». Ведь именно он возглавлял на Кипре перевалочную базу, занимавшуюся главным образом тайной закупкой оружия и от случая к случаю нелегальной переброской на «обетованную землю» иммигрантов...

— Вы не ошиблись,— обращаясь к адвокату, ответил курьер с оттенком раздражения в голосе.— Я сказал именно так! На первый взгляд международная обстановка крайне трудна и даже угрожающа. И все же мы твердо рассчитываем извлечь из нее крупную выгоду! Столь крупную, что она явится решающей акцией в реализации нашей программы!..— И он стал перечислять новые и новые факторы, в силу которых, по его убеждению, англичане не могут бросить Палестину на произвол судьбы.

— Эта часть подмандатной англичанам территории играет для Британии чрезвычайно важную роль! Одна только Хайфа чего стоит!— гордо произнес курьер.— Британцы имеют здесь не просто порт, но и военно-морскую базу. А это что-то значит! Ну, а дорога, связывающая Палестину с Персидским заливом? Сами понимаете: единственный сухопутный путь для снабжения анг-

лийских войск в случае, если в Средиземном море обстановка окажется неблагоприятной.

Исчерпав наконец доводы, подтверждающие исключительно важное значение, которое приобретает Палестина для Англии, курьер перешел к изложению «большой политики» «Акционс-Комитета» и «Национального центра».

— Лондону сделано предложение разрешить нам формировать легионы добровольцев, которые могут быть использованы для борьбы с противниками Англии в случае высадки вражеского десанта на севере Африки,— отчеканил курьер тоном приказа.— Ведутся переговоры о создании батальонов из сынов нашего народа на самой территории Палестины! Больше того! Мы предлагаем сформировать в Палестине из наших людей полноценную армию, включающую все рода оружия, которая при необходимости может быть использована англичанами на европейском театре военных действий...

Сидевшие, как загипнотизированные, миссионеры робко зашевелились. Адвокат заерзал на своем шатком стуле. Сообщения оратора вызывали у него возражения. И он снова прервал курьера.

— Я слушал вас внимательно,— начал он миролюбиво,— но можно ли узнать, для чего все это делается? К чему, спрашивается, бросать наших сыновей в пекло далекой войны? Или, может быть, почтеннейшие мужи из «Центра» полагают, что мало крови пролито нашим народом за столетия его пребывания в изгнании?

Курьер «Центра» нахмурил брови, обменялся мимолетным взглядом с раввином, иронически улыбнулся и подчеркнуто укоризненным тоном проговорил:

— Прежде чем ответить на ваш вопрос по существу, я должен сказать, что впервые в нашей среде слышу подобный упрек в адрес нашего руководства, которое будто бы не дорожит жизнями и судьбами сынов своего народа. Я не ошибусь, если скажу, что во всем нашем движении не найдется другого человека, разделяющего такого рода сомнения.

Лицо адвоката потускнело, он молча проглотил «пилюлю», а курьер, дав волю своим чувствам, неожиданно для самого себя и большинства присутствующих сделал признание, отнюдь не свидетельствующее о том, что «руководящий центр» действительно «дорожит жизнями и судьбами своего народа».

— Необходимо раз и навсегда понять,— сказал он,— что до тех пор, пока наш народ не внесет или хотя бы не попытается для видимости внести определенный вклад в укрепление Британской империи, он не сможет с достаточным основанием требовать того, чего так долго добивается... И если даже придется пожертвовать немногим ради достижения большего, руководство «Акционс-Комитета» пойдет и на это! Такова тактика в настоящее время...

Адвокат понял, что напрасно поспешил высказать свои соображения: тактика «вносить вклад для видимости» была ему по душе. Он успокоился и стал сосредоточенно слушать.

— Но это только одна сторона вопроса,— продолжал оратор.— К сожалению, имеются серьезные основания думать, что не все наши предложения будут приняты Лондоном... Почему? Да потому, что в основе этих предложений лежит утверждение, будто назревает военный конфликт, который может распространиться на территорию Палестины и, следовательно, угрожает нашему народу. Но реальная действительность далека от подобного утверждения... И пусть это никого не удивляет... Там, где надо, у нас есть свои люди, и поэтому мы хорошо информированы о действительных планах и возможностях держав оси, есть у нас и достаточные средства, чтобы в нужный момент решающим образом повлиять на ход событий в нашу пользу. Кое-кто из присутствующих здесь мог бы подтвердить все конкретными примерами, но, как вы понимаете, говорить об этом пока не следует. Одно скажу: тысячелетняя борьба нашего народа, обреченного на изгнание, и приобретенный им опыт чему-то научили нас...

Украдкой наблюдавший за каждым из присутствующих Бен-Цион отметил, что эта часть речи произвела на всех благоприятное впечатление. Даже адвокат одобрительно кивнул головой.

— Но! — неожиданно воскликнул представитель «Центра» и после секундной паузы многозначительно добавил: — Мы не говорим открыто о нашей тактике и ее целях. К чему бравировать? Я попрошу всех это запомнить. Наоборот, мы утверждаем во всеуслышание, что опасность со стороны Италии и Германии, как никогда прежде, велика и в полной мере реальна!

И он с увлечением стал разъяснять, какую пользу из

этой тактики стремится извлечь «Национальный центр».

— Представим себе на минуту, что наши предложения Лондон примет хотя бы частично... Победа! Вы спросите почему? Очень просто: формирование батальонов самообороны — это только ширма, которая позволит нам легально, повторяю и подчеркиваю, легально вооружать людей в гораздо большем масштабе, чем это делается сейчас! А это и есть наша перво-степенная задача! — Оратор потряс над головой обоими кулаками. — Это будет решающий шаг к осуществлению генеральной программы: через «аллия»¹ и поголовное вооружение наших людей к созданию суверенного государства с территорией, способной удовлетворить нужды и потребности всего нашего народа, включая и живущих в диаспоре! Пока речь идет о шестидесяти пяти процентах палестинской земли!..

Курьер напоминал бегуна-марафонца. По обеим сторонам пухлых нагрудных карманов его парусиновой рубашки расплзлись влажные пятна, с лица градом катился пот. Возбужденный и разгоряченный нарисованной им самим картиной, посланец «Центра», казалось, не замечал ни тошнотворной духоты, ни спертости воздуха, скопившегося в крохотном помещении, закупоренном из соображений предосторожности по указанию раввина.

— Осмелится ли возразить против этой тактики кто-либо из тех, — переводя дух, задиристо подчеркнул курьер, — кто претендует на право именоваться настоящими сынами Израиля, в ком течет кровь избранного народа!

Шепот одобрения пронесся из угла в угол. Более двух часов миссионеры слушали, не нарушая тишины. Возникший шумок тотчас прекратился, как только эмиссар с «широкими полномочиями от высоких руководителей», промочив горло очередным глотком тепловатой воды, с неослабевающей страстью продолжил свою речь. Он утверждал, что именно теперь наступил долгожданный момент, когда иммиграция людей, равно как и накопление оружия должны приобрести массовый характер.

— Наши великие учителя Теодор Герцль и Владимир Жаботинский прозорливо предсказывали наступление этого времени! — торжественно прозвучал его заметно охрипший голос. — Вспомните великолепные слова Герцля о том, что чем больше будет погромов, тем скорее на-

¹ «Восхождение» — у сионистов демагогический призыв к переселению всех без исключения евреев в «страну отцов».

ступит подходящий момент для разрешения проблемы иммиграции наших людей в Палестину... Сегодня мы с полным основанием можем сказать, что его предсказание оправдалось! Желанное время пришло! Жаботинский говорил по этому поводу: «Антисемитизм подобен вше, от укуса которой спящий человек может лишь проснуться!» Наш народ начал просыпаться...

Внезапно раздавшийся грохот резко отодвинутого стула заставил всех повернуть головы в сторону вскочившего с места адвоката.

— Вы говорили так красиво, что можно было заслушаться,— раздраженно перебил он распалившегося оратора.— Вы высказали такие ошеломляющие идеи, что я поражаюсь, как это еще никто не прослезился?! Что и говорить, укус вши — не велика беда! Суший пустяк! Зато народ просыпается... Но, извините, я бы хотел уточнить: считаете ли вы и distinguished руководители из «Национального центра» антисемитизм господина Гитлера и фашистов вообще, их жесточайшие преследования людей нашей национальности всего лишь укусом этого безобидного насекомого? А?

С лица представителя «Центра» мгновенно исчезло выражение уверенности и высокомерия. Даже со стороны этого неуравновешенного критикана он не ожидал столь дерзкого выпада против основоположников сионизма. Эмиссар «Центра» чувствовал себя так, словно ему плюнули в лицо.

— Здесь был упомянут германский канцлер Адольф Гитлер,— произнес он, задыхаясь от нахлынувшего гнева и судорожно, без всякой надобности поправляя оправу очков.— На этот счет у нас имеется особая точка зрения, и я изложу ее с предельной ясностью, дабы впредь избежать недомолвок и кривотолков. Грубо говоря, она состоит в том, что не будь сегодня этого Адольфа Гитлера, нам, сионистам-бейтарцам, следовало бы его придумать! — патетически воскликнул он и, опасаясь, что однорукий адвокат снова прервет его, заговорил тотчас же, без паузы: — Кое-кто, возможно, скажет, что это цинично! Наоборот! В отрицании данной точки зрения мы усматриваем гнилой сентиментализм, ложную гуманность, которые приводят только к тому, что тормозят претворение в жизнь тысячелетней мечты нашей нации!.. И пусть нас не осуждают за откровенность и, возможно, грубое сравнение, но уж если здесь было сочтено воз-

можным подвергать критике гениальные предвидения Герцля и Жаботинского, то я должен сказать совершенно определенно, что, не будь национал-социалистской теории и их расовой доктрины, являющейся всего лишь одной из разновидностей антисемитизма, подавляющее большинство наших братьев и сестер не вспомнили бы, чьими сынами и дочерьми они являются!.. И это уже, извините, не ссыла на высказывания авторитетных лиц, это констатация прискорбного, но неоспоримого факта.

Адвокат снова вскочил, но Бен-Цион Хагера опередил его, в деликатной форме попросив не перебивать оратора, соблюдать порядок.

Ободренный поддержкой раввина, представитель «Центра» стал горячо доказывать, что именно в результате притеснений, которые испытывают дети Израиля в изгнании, они вынуждены обращать свой взор к «землям предков».

— Представим себе на мгновение, что Адольф Гитлер и его расовая концепция ликвидированы. И тогда мы с ужасом воскликнули бы: «Шма Исраэль!..¹ Какая же беда нас вновь постигла!» Ни один человек из тех, кто сейчас подвергается жестоким преследованиям и потому устремляется в страну своих отцов, ни за какие блага на свете не согласился бы покинуть насиженные места! Да, мы, сионисты, заинтересованы в разжигании антисемитизма! Вы скажете, что это печально. Да, печально, но это факт! Ведь большинство евреев, иммигрировавших за последнее время в Палестину, никогда прежде не помышляли об этом! До прихода национал-социалистов к власти им жилось в той же Германии совсем неплохо. Среди них были и банкиры, были и фабриканты, были и владельцы торговых заведений... И никто слушать не хотел о возвращении на обетованную землю...— Представитель «Центра» провел рукой по вспотевшему лбу.

— Вот их-то в первую очередь мы теперь и вывозим!— выкрикнул адвокат, воспользовавшись минутной паузой. И сразу стал обосновывать свое заключение. Он напомнил, что несколько лет назад политика нацистов сводилась в основном к насильственному изгнанию евреев, позже возможность эмигрировать была обусловлена выплатой определенной суммы, которая непрерывно рос-

¹ Слушай, Израиль!..

ла и достигла астрономической цифры. Потом нацисты сочли и эти меры недостаточными. Они стали загонять несчастных людей в концентрационные лагеря, обрекая их на тяжкий труд, болезни и лишения.

Слушая адвоката, курьер то и дело вытирал платком влажно блестящую плешь и встревоженно поглядывал на раввина.

— Если прежде наши люди, — взволнованно продолжал адвокат, — оказавшиеся под пятой нацизма, исчислялись десятками или сотнями тысяч, то теперь их миллионы! И трагедия этих несчастных заключается еще в том, что никто из нас, в том числе и тех, кто сидит в «Национальном центре», не думает и, да простят меня за прямоту, не желает думать о том, какая уготована им судьба!.. Смогут ли они эмигрировать или же, не приведи бог, окажутся вынужденными остаться в неволе? Что их ждет? Нечеловеческие мучения, а возможно, и смерть... Я хочу верить, что бог все же сбережет их от страшной доли, но это не значит, что мы вправе бездействовать...

Бен-Цион Хагера счел необходимым вмешаться.

— А разве хавэр¹ адвокат не знает, — спросил он, не повышая голоса, — что нами установлен контакт с влиятельными лицами германского рейха? Разве не хавэр адвокат в марте нынешнего года зафрахтовал пароход «Колорадо», который под Корфой принял на борт лучших наших людей из рейха Адольфа Гитлера?

— Ведь это же капля в море! Триста человек! — возмущенно воскликнул адвокат.

— Верно! — перебил его курьер. В голосе его отчетливо прозвучали нотки раздражения. — Но не надо забывать, что пароход «Колорадо» — только начало!

— Вы думаете, господин адвокат этого не знает? — с усмешкой, неторопливо заметил Бен-Цион Хагера. — Знает! Прекрасно знает, как и то, что в дальнейшем суда будут производить погрузку уже не тайком, как было с «Колорадо», а открыто и вполне законно заходить в немецкие порты Гамбург и Эмден... И знает он еще многое другое, — иронически улыбаясь, заключил раввин, — но уж такой у него беспокойный характер...

— При чем здесь мой характер?! — вспыхнул адвокат. — Все, о чем вы, почтенный реббе, говорили и что я

¹ Друг, товарищ,

действительно знаю, касается немногих очень состоятельных семей либо лиц, имеющих особые заслуги перед сионизмом! Но скажите на милость, как подобный отбор согласуется с нашим программным утверждением, с нашим принципом, согласно которому все люди нашей национальности, независимо от их имущественного, сословного и социального положения, должны сотрудничать как единая еврейская нация? Какое же это сотрудничество, если мы заботимся о немногих избранных и ничего не делаем для спасения миллионов тех, у кого нет капиталов и, представьте себе, нет «особых» заслуг перед сионизмом! Эти обыкновенные люди, так же как миллионеры и прочие знаменитости, там, в царстве нацизма, отмечены клеймом «Могэн Довэда»¹, отличающим их от людей других национальностей! Ведь это клеймо означает, что они обречены!..

Выкрикнув эту фразу, адвокат схватился рукой за сердце и, тяжело дыша, медленно опустился на стул.

Воцарилась гнетущая тишина. Молчал и курьер. Злоба перекосила его лицо, темные глаза за толстыми стеклами очков презрительно сощурились. Молчание становилось опасным. И, почувствовав это, курьер прервал его дрожащим от гнева голосом:

— Чтобы в столь ответственное время никто из присутствующих не впал в заблуждение и не проявил малодушия, я отвечу на необоснованные обвинения в адрес «Центра» словами почтенного Вейцмана... Недавно в Лондоне на заседании королевской комиссии его спросили: как намечается организовать эмиграцию нескольких миллионов евреев из стран, захваченных нацистами? Вейцман ответил коротко и четко: «Старые уйдут... Они пыль, экономическая и моральная пыль большого света... Останется лишь ветвь!..»

Бен-Цион взглянул на однорукого адвоката. На этот раз раввин решил вмешаться, если адвокат вновь прервет оратора. Однако адвокат сидел, печально склонив голову, и молчал. Конечно, ему хотелось бы вновь возразить посланцу «Центра», сказать, что изречение идеолога сионизма Вейцмана цинично, жестоко по существу и лишний раз подтверждает правоту его, адвоката, позиции. Но сил не было даже на то, чтобы подняться со стула: сердце отчаянно колотилось, от резкой боли в

¹ Шестиугольная звезда «Щит Давида».

груди темнело в глазах. И потому он долго молчал.

— Но в это великолепное изречение,— продолжал курьер, снова повысив голос,— пусть суровое, но основанное на анализе реальной действительности, а не на бесплодных благих пожеланиях, необходимо внести поправку. Ни для кого не секрет, что родные нам по крови финансовые магнаты подчас являются вершителями судеб других народов. Во всяком случае, влияние их на политику правителей этих народов колоссально! Вот почему, оставаясь в странах изгнания, они могут принести и приносят неоценимую помощь нашему делу. Исключением ныне являются нацистская Германия и страны, находящиеся в сфере ее влияния. В этих странах евреи, в том числе и банкиры, бесправны и бессильны. И наша задача состоит в том, чтобы в первую очередь выволить именно этих состоятельных и влиятельных людей, уберечь их до того времени, когда они в той же Германии смогут вновь сказать свое веское слово... И напрасно здесь пытались уличить нас в том, будто такой отбор противоречит программному принципу сионизма о сотрудничестве всех сынов народа независимо от их классовой принадлежности. Сотрудничество на данном этапе в том и состоит, чтобы в первую очередь переселить на родину предков тех, кто принесет всему нашему народу-мученику, всей нашей многострадальной нации наибольшую пользу. Можете поверить мне, что руководящие деятели «Центра», как и все мы, глубоко скорбят о каждой утрате, понесенной нашим народом, но жертв, видимо, не избежать... Недаром в торе записано, что «по-настоящему светло и доподлинно хорошо не становится, пока не бывает слишком тяжело и до крайности темно...»

Потный, разгоряченный, с всклокоченными волосами оратор на мгновение замолчал, испытующе поглядывая на своих слушателей, которые, затаив дыхание, не спускали с него глаз, только адвокат сидел, понуря голову. И курьер «Центра» уже спокойно продолжил свой официальный инструктаж. Он подверг критике вышедшую недавно в Лондоне «Белую книгу», в которой объявлялось о строгом ограничении иммиграции в Палестину — не свыше пятнадцати тысяч человек в год,— и со злобным восторгом отметил, что это ограничение в скором времени лопнет, как мыльный пузырь, в результате войны, навязанной Гитлером Британии.

В заключение он горячо призвал собравшихся все-сторонне использовать возникшую в мире обстановку, благоприятную для осуществления намеченной «Центром» программы, и действовать, ни перед чем не останавливаясь, ничем не пренебрегая, не брезгуя никакими средствами.

— Как никогда прежде, сионисты-бейтарцы должны изыскивать возможности для сосредоточения максимума оружия и непрерывного увеличения иммиграции на земли предков наших лучших людей из диаспоры,— заключил курьер осипшим голосом.— И эту священную миссию с помощью всевышнего мы любой ценой выполним, ибо воля у нас твердая, разум ясный, энергия в избытке!

Бен-Цион Хагера с головой окунулся в хлопотливые дела по закупке оружия. «Национальный центр» требовал от него расширения масштабов этой деятельности. Надо было использовать момент. И не удивительно, что порою он забывал о своем обещании дочери удалить из дома Ойю, согласившись на предложение Стефаноса. Однако не было свободной минуты, чтобы не только выполнить свое обещание, но даже увидеться со своим компаньоном. Стефанос тоже увяз по горло в делах: именно он устанавливал контакты с торговцами оружием, вел с ними предварительные переговоры. Но Циле до всего этого не было дела!

«Мой характер!» — с удовольствием отметил Бен-Цион, вспомнив утренний разговор с дочерью. Раввин собирался отбыть по срочным делам с курьером «Национального центра» на весь день и сказал Циле, что к вечеру непременно исполнит ее желание, но домой в этот день он не вернулся. Такое бывало с ним нечасто, тем не менее особой тревоги в семье его отсутствие не вызвало. Не явился раввин и в синагогу на предсубботнее вечернее моление, но богомольцев это не особенно удивило: мало ли какие дела могли быть у раввина. Одна Циля не скрывала своего раздражения. Злило ее не отсутствие отца, а присутствие во дворе этой убогой девчонки Ойи. «Завтра суббота, а она еще тут!» — думала Циля, с ненавистью поглядывая во двор, где работала гречанка. В субботу намечался званый обед, к которому она старательно готовилась. «Придет же и наша тетя Бетя! И, наверное, как положено в таких случаях, заведет разговор с Хаимом. И кто знает, может состояться и по-

молвка!» — Циля, взглянув на себя в зеркало, осталась довольна собой.

В прихожую вошел Хаим, взял щетку и стал стряхивать пыль с одежды и обуви. Он ходил в порт, навещался в агентство, узнавал, какие формальности надлежит выполнить перед отъездом. К счастью, чиновники английской администрации признали судовой билет действительным, надо было только доплатить незначительную сумму. Хаим надеялся на помощь раввина. «Заработаю, вышлю долг немедленно», — думал он.

С этими мыслями Хаим постучал в дверь. Увидев его, Циля быстро поправила прическу и, улыбаясь, пригласила войти. Хаим прошел в столовую. Настроение у него было отличное, хотя, отвыкнув от длительной ходьбы, он сильно устал и основательно проголодался. Завидев стол, накрытый белой скатертью вместо обычной клеенки, и особо тщательно убранную комнату, он шутя заметил:

— О-о! Уж не сватов ли ждете?

Циля покраснела и не нашла, что ответить. Ей показалось, что Хаим не случайно заговорил об этом. Когда же в столовую вошла Лэйя и Хаим повторил свою шутку, та, равнодушно пожав плечами, проговорила:

— С чего вы взяли? Просто сегодня канун субботы, вот и в доме, как водится у порядочных евреев, прибрано по-праздничному.

Но Циля тут же прикрикнула на сестру:

— Когда человек приходит с улицы и хочет кушать, ему подают обед, а не занимают разговорами. На окно я поставила запеканку. В кухне на столе покрытая тарелкой бабка из лапши, принеси-ка тоже... Человек не кушал бог знает с каких пор!

Циля суежилась, часто выходила в прихожую и о чем-то шепталась с сестрой. Все это испортило Хаиму настроение, насторожило. Не прикоснувшись к еде, он поблагодарил и вышел. К его удивлению, Циля не настаивала, как обычно, чтобы он остался.

Во дворе его поджидала Ойя. Он улыбнулся девушке, объяснил, что очень устал за день и хочет отдохнуть. Ойя проводила его до флигеля.

Хаим прилег на постель не раздеваясь, стал думать о том, как его встретят на обетованной земле друзья из «квуца»¹, вместе с которыми он проходил стажировку,

¹ Трудовая военизированная группа.

как начнет работать, накопит деньги и вызовет оставшихся в Болграде отца и сестренку. А Ойя? Что будет с Ойей? Он же не сможет расстаться с ней. Она дорога ему, как дороги отец и сестра. Нет, без нее он жить не сможет... Завтра он скажет ей об этом. И они уедут вместе.

Проснулся Хаим от сильного шума. Взревев мотором, во двор въехала машина. Послышались шаги, хлопнула дверца автомобиля, потом шуршание шин отъехавшей машины. Хаим поднялся, выглянул во двор и с изумлением заметил, что все окна в доме раввина освещены. «Поздно, а они почему-то не спят,— подумал он.— Не случилась ли беда?»

Тревога охватила парня, и он побежал к дому. Заглянув в окно столовой, Хаим увидел, как, стоя посреди комнаты, Циля зло топала ногами на горько плачущую горбатую сестру. Увидев его, обе девушки испуганно замолчали. Хаиму было неловко.

— Извините,— сказал он.— Увидел свет, подумал, не случилось ли чего...

Лэйя, сдерживая рыдания, проговорила:

— Случилось с Ойей...— И выбежала из комнаты.

— Гречанка исчезла,— сквозь зубы процедила Циля.

— Как исчезла?— вскрикнул Хаим и, не дожидаясь ответа, бросился к сараю, заглянул на кухню, во флигель, на улицу. Всюду — ни души. Он прислушался. Со стороны порта долетел шум мотора: машина одолевала крутой подъем. Вскоре из-за угла улицы широкий луч света прорезал темноту. Хлопнула дверца, из автомобиля вышел человек и, пройдя немного, остановился, освещенный ярким светом фар. Хаим с удивлением узнал в нем раввина. «Вот это да!— подумал он.— В субботнюю ночь реббе на машине? Ничего себе...»

Обеспокоенный Хаим поспешил к дому. В столовой, несмотря на позднее время, Циля спокойно вышивала толстыми цветными нитками подушечку. Быстро взглянув на него, она тут же молча склонила голову над вышивкой.

— Да будет благословенной суббота!— произнес традиционную фразу Бен-Цион Хагера, входя в комнату.

Хаим сдержанно ответил на приветствие. Помогая раввину снять верхнюю одежду, он почувствовал, как что-то тяжелое ударило его по колену: из-под откинувшейся полы капота раввина Хаим увидел свисавший на

ремне автоматический пистолет, какие доводилось ему видеть лишь в кинофильмах. Он прикинулся, будто ничего не заметил, и, держа одежду раввина на весу, направился к вешалке.

Бен-Цион Хагера прошел в свою комнату. За ним последовала и Циля. Вскоре раввин вернулся в столовую и огорченно спросил:

— Цилечка мне сказала, что сбежала Ойя. Это правда?

Хаим промолчал. Он не понимал, что происходило. Может, перед ним был не раввин, а главарь какой-нибудь шайки бандитов?

— Плохо!— сочувственно продолжал раввин, глядя в упор на Хаима.— Но потеря невелика... Найдется. Не первый случай. Однажды перед пасхой она тоже сбежала. Искали целую неделю, не нашли, вдруг сама появилась. И, знаете, где эта идиотка скрывалась? В сарае, рядом с флигелем! Находит на нее иногда...

Сердце твердило Хаиму, что, хотя раввин возводит напраслину на девушку, обижаться на него он, Хаим, не имел права. Реббе был человеком, который приютил его, неизвестного холоуца, выручил из беды, помог на чужбине. И потому Хаим лишь робко заметил, что пропавшего человека следовало бы поискать, курицу и ту ищут. А тут пропала девушка. Может, с ней случилось несчастье? Тогда что?

Бен-Цион Хагера холодно бросил:

— Нечего шум поднимать. Тоже мне добро! Найдется!..

Расстроенный Хаим ушел к себе во флигель. Было не до сна. На ум приходили страшные предположения. Обессиленный, он задремал лишь под утро, и почти тут же его разбудили: ему показалось, что его тормозит Ойя. Хаим открыл глаза: перед ним стояла Циля. Она сухо передала приглашение отца зайти к ним в дом.

В столовой раввин, облаченный в капот, встретил его улыбкой.

— Бог помог, вы выздоровели, а сегодня у нас суббота! Все евреи в этот день должны идти в синагогу молиться... Вы сейчас пойдете со мной... Покройте себе голову и возьмите сиддур¹. Вот этот, со стола. Теперь он будет ваш...

В синагоге Хаим читал молитвенник, не понимая смысла молитвы: все его мысли были об Ойе. Где она?

¹ Молитвенник.

Что с ней? Почему вчера вечером он не остался с ней подольше? Не признался, что любит, что не может жить без нее! Стеснялся, робел...

Богомольцы вслед за раввином вразной жужжали молитвы, не обращая внимания на Хаима. Он был здесь чужой. Им всем нет дела до его горестей, им безразличны его боль и судьба. С кем он может поделиться своим несчастьем, утратой? От кого услышит слова утешения, кто поможет ему? С грустью вспомнил он своего друга, Илюшку Томова. Конечно, тот сейчас по-прежнему работает в гараже и живет хоть и не богато, зато спокойно, и фашистов ему нечего бояться, нечего бежать к черту на кулички в погоне за счастьем... А вот Хаиму пришлось спутаться черт знает с кем, и теперь несчастья валяются на него одно за другим. «Впрочем,— продолжал размышлять Хаим,— если в Румынию заявятся немцы, Илюшке тоже будет несладко. Все может быть...»

Не знал Хаим Волдитер, какая беда обрушилась на его друга, не знал, что в это время Илья Томов валялся на холодном, липком от крови полу бухарестской префектуры.

Томов с трудом приподнялся, сел, прислонясь спиной к стене. Голова кружилась, тело болело, хотелось пить. На подбородке, на груди запеклась кровь. Да, здорово отделали молодчики из сигуранцы!

Томова схватили по доносу провокатора. Полиция искала подпольную партийную типографию, выпускавшую антифашистские листовки. Допрос вел известный своей жестокостью инспектор румынской полиции Солокану.

— Давай договоримся,— монотонно проговорил Солокану.— Не бог весть какие признания от тебя требуются. Скажи только, где получал литературу. Больше ничего. Отпустим сразу. Мы прекрасно знаем, что ты втянулся в это грязное дело случайно, а тот, кто завлек тебя, гуляет сейчас на свободе. К чему, чудак, отдуваться за них? Парень ты, как видно, неглупый, но, должно быть, не знаешь, что господа «товарищи», вскружившие тебе голову, целыми чемоданами получают деньги из Москвы... А живут знаешь как? Мой совет тебе: признайся по доброй воле. Сам потом будешь благодарить нас...

Томов молчал.

Сильный удар ногой в живот вновь опрокинул его на пол. От острой боли потемнело в глазах. Томов лишь

увидел над собой искаженное злобой лицо подкомиссара Стырчи.

Инспектор сигуранцы Солокану взирал на эту сцену, как искушенный столичный зритель на игру актеров провинциального театра.

— Говори! Убью! Слышишь? Убью!—орал подкомиссар, прижимая голову арестованного к полу подошвой лакированного сапога.

— Перестаньте, господин подкомиссар!—с ноткой отвращения произнес Солокану.— Вы не отдаете себе отчета в том, что делаете. Наступили парню на горло и требуете, чтобы он говорил...

— Сколько же можно, господин инспектор, терпеть! Бьемся над ним целых трое суток. Ведь врёт он нахально,— будто извиняясь, ответил подкомиссар, отлично понимавший игру своего шефа. Он словно нехотя отошел к окну, закурил.

Снова Стырчу сменил долговязый комиссар полиции. Этот с самого начала разыгрывал из себя доброжелателя. Вместе с полицейским, молча стоявшим во время допроса, он помог арестованному подняться и сесть на табурет, поднес стакан воды и предложил закурить.

— Послушай, Томов!— миролюбивым тоном заговорил комиссар.— Стоит ли из-за каких-то глупых смутянов переносить такие муки? Ты же парень грамотный, учился в лицее, в авиацию его величества хотел поступить, а ведешь себя так необдуманно. Мы хотим всего-навсего помочь тебе выпутаться из этой истории. Больше того, вознаградим тебя и даже на службу к себе примем. Человеком станешь!—увещевал комиссар, поглядывая на Солокану, чтобы узнать, одобряет ли он такой ход.

Томов понимал, что палачи не оставят его в покое. И он решил ускорить развязку.

— Обещать-то обещаете, а кто знает, заплатите ли?—пробормотал он.

— Вот это другой разговор!—воскликнул комиссар.— Можешь не сомневаться, Томов. Мы всегда верны своему слову... Так вот слушай: скажи, где находится типография, и... сразу получай тыщонку. Идет?

— Тысячу лей?—изумленно переспросил Илья.

— Да, тысячу... А что?

— Так я за такую сумму на весь мир скажу, что типография коммунистов находится в королевском дворце...

Уловив удивленный взгляд, которым обменялись палачи, Томов добавил:

— Да, конечно! Типография установлена там с согласия нашего любимого монарха — короля Карла Второго! Договорить Илье не пришлось. Солокану стукнул кулаком по столу и вопреки обыкновению повысил голос до крика:

— Он насмехается над нами!

Последнее, что запомнил Томов, были мелькнувшие перед глазами кулаки долговязого комиссара, перекошенное злобой лицо Стырчи, который успел уже соскочить с подоконника и пустить в ход резиновую дубинку.

Еще накануне вечером крепкий северный мороз к утру внезапно сменился оттепелью. В парке Чишмиджиу, что в нескольких шагах от бухарестской Генеральной дирекции префектуры полиции, оседал и чернел влажневший снег, с крыш в монотонном ритме падали прозрачные, как слезы, капли.

Дежурный полицейский, пожилой и суеверный увалень, убедившись, что до скорого прихода смены лежащий на носилках «бессарабский дьявол не даст дуба», махнул рукой на компрессы, которые фельдшер обязал его почаще менять арестованному. Он грузно опустился на скамейку, почесал затылок и, лениво потянувшись, зотяжно зевнул.

Со стороны бульвара Елизабета доносились протяжные, скрипуче-воющие звуки трамвая, пересекавшего центральную улицу Каля Виктории. За стенами лазарета сигуранцы жизнь протекала своим чередом...

Подвыпивший фельдшер спал беспробудным сном. Его храп со свистом и фырканием выводил из себя охранника: хотелось чем-нибудь тяжелым огреть фельдшера по голове. К тому же и арестованный, придя в сознание, тяжело стонал. А в желудке полицейского, совсем некстати, назойливо и бурно заурчало. Он перекрестился и, позевывая, подошел к узкому зарешеченному толстыми железными прутьями окну. Упершись локтем о решетку и задрав голову, полицейский уставился на свисавшую с карниза крыши сосульку: чем-то она напоминала ему распятого Христа в предалтарной части храма, который он исправно посещал.

Полицейский чинно снял фуражку, благоговейно и размашисто перекрестился раз, другой и только вновь

вскинул руку, как из-за ширмы, где спал фельдшер, донесся продолжительный и не очень приятный звук... Благочестивый охранник на мгновение замер, потом злобно выругался и, довершив в третий раз крестное знамение, нахлобучил на лоб фуражку с большой желтой кокардой, увенчанной замусоленной королевской короной. Поморщившись, он открыл форточку...

Наконец-то пришел сменщик. Полицейский сдал ему, как вещь, арестованного в кровавых подтеках и синяках. Вновь заступившему на дежурство он наказал «стеречь дьявола, поскольку он вполне еще дышит, и кто знает, глядишь, вздумается срываться... Ведь как-никак большевик он, а от них всякое жди...»

При всей своей ограниченности полицейский был себе на уме: он потребовал от напарника расписаться в журнале разборчиво и, главное, приписать, что «принял арестованного вполне еще живого...»

Новый дежурный безропотно выполнял все требования. На ногах он держался устойчиво, но язык подводил, заплетался, и поэтому предпочитал делать все молча. Накануне он достойно встретил рождество Христово, но вот выспаться да протрезвиться не удалось.

Уже рассвело в полную меру. Фельдшер по-прежнему спал. Уснул, сидя на скамейке, и заступивший на дежурство полицейский. Было очень душно. Тишина нарушалась лишь сопением спящих и все чаще и чаще доносившимися автомобильными гудками и скрипучим воем трамваев.

Томов приподнялся, оглянулся по сторонам, понял, где находится, и снова опустился на носилки. Ныло тело, горели раны, мучила жажда. Особенно его донимали тревожные мысли: «Какой сегодня день? Где сейчас механик Илиеску? Что думает об аресте? Приняли ли меры предосторожности? А не считают ли товарищи, что он может выдать? Наверное, и мать скоро узнает обо всем? Наверное... Наверное...»

В дверь постучали раз, другой и третий. Полицейский вскочил, заметался как угорелый, поправляя то френч, то ремень, то фуражку. Пришел сменщик фельдшера. Долго будили спящего. Гораздо быстрее соблюли формальности «сдачи и приема» дежурства. И только после этого разбуженный фельдшер взглянул на часы и ахнул: оказывается, сменщик пришел с опозданием на добрых полтора часа. Фельдшера взорвало. Он отпустил коллеге несколь-

ко хлестких фраз, не забыв при этом, очевидно по случаю рождества, упомянуть богородицу и самого новорожденного. Ушел, хлопнув дверью с такой силой, что зазвенели расставленные на столике с кривыми ножками пузырьки и склянки.

Вступивший на дежурство фельдшер хихикнул, приоткрыл дверь и вдогонку послал приятелю слова, полные взаимности. Потом подошел к лежавшему с открытыми глазами арестанту, пинцетом приподнял с его лица влажную тряпку и с восторгом воскликнул:

— Мэй! Вот это разукрасили! Под стать рождественской елке!

Стоявший рядом рябой сутулый полицейский громко икнул.

— По почерку видать, обработка господина подинспектора Стырча!..— показывая свою осведомленность, прогнусавил фельдшер.— Коммунист?

— Т-так точ!..— с трудом вырвалось у полицейского, и, не договорив, он вновь икнул.

Очкастый фельдшер замахал рукой и поспешил за ширму. Тотчас же вернувшись, он сунул под нос содрогавшемуся от икоты полицейскому тампон с нашатырем, многократно повторил эту процедуру, невзирая на фырканье, кашель, слезы и брань полицейского.

Потом он занялся арестованным: смазал марганцовой раны, прижег крепким раствором йода кровоточащие места, а напоследок прослушал сердце и заключил:

— Этот выдержит еще не один допрос...

Принесли завтрак: кружку чая, ломоть черного, клейкого, как оконная замазка, хлеба и по случаю рождества кусок покрывшейся слизью брынзы.

Томов приподнялся, выпил чуть теплый, отдававший мешковиной и едва прислащенный сахаринном чай. Есть не стал. Болели зубы, кровоточили десна, кружилась голова.

Около полудня появился низенький подкомиссар в парадной форме с покрытым позолотой аксельбантом. Томов уже знал, что имя его Стырча. Обменявшись с фельдшером рождественскими поздравлениями, Стырча, как гиена, выследившая добычу, устремился к Томову, внимательно разглядел результаты своей «работы» и с ехидной улыбкой спросил:

— Так как? Рождественский дед образумил тебя?

Томов смотрел в потолок.

— Я спрашиваю, говорить правду будешь? — повысив голос, произнес Стырча.

— Все сказал, — ответил Томов, продолжая смотреть в одну точку. — Вы обещали мне деньги. Где они?

— Заткнись!

— Только обещаете!.. — невозмутимо повторил Томов, хотя каждое слово стоило ему немалых усилий.

Стырча впал в истерику:

— Я тебе дам деньги, бестия гуманная! Я тебе покажу, как прикидываться дурачком! Ты заговоришь у меня...

Изрыгая ругательства и угрозы, Стырча вышел; ему пора было заступать на дежурство.

Весь остаток дня Томова никто не тревожил. Это позволило ему немного прийти в себя. После обеда он почувствовал себя даже несколько окрепнувшим. Лишь под вечер, когда ему уже казалось, что день благополучно миновал, в лазарет пришел старший полицейский с повязкой дежурного на рукаве и вместе с полицейским, охранявшим Томова, повел его на допрос.

Опять тот же кабинет и та же табуретка для допрашиваемого. Илье все здесь было знакомо: и мебель, и пол, на котором валялся, когда его истязали, и рожа подкомиссара, и резиновая дубинка, и портрет короля, ревностные служители которого учиняли здесь расправу над «верноподданными его величества», и... О, нет! Это что-то новое... На стене, рядом с портретом всемогущего монарха, появился огромный многокрасочный плакат. Томов приоткрыл рот и, покачивая головой, стал нарочито внимательно рассматривать плакат. В верхней его части большими буквами написано: «БОЛЬШЕВИЗМ». Ниже художник изобразил тяжелое артиллерийское орудие с впряженными в него женщинами. Все они растрепанные, с грудными детьми на руках и с выражением ужаса на лицах. Их погоняют плетью скачущие на конях усатые казаки в черных папахах с красными донышками.

С головы до ног они обвешаны портупелями, карабинами и маузерами, в зубах у каждого окровавленный кинжал. Сбоку, во всю высоту плаката, в белом саване стоит скелет человека с огромной косой, на ножне которой выведено кровоточащими буквами: «КОММУНИЗМ». У подножья скелета — кладбище с уходящими в бескрайнюю даль перекосившимися крестами.

«Ну и ну...— подумал Илья, вглядываясь в изможденные лица женщин.— Вот, оказывается, как хотят запугать народ!.. Но просчитаются. Румынские труженицы — работницы и крестьянки, а бессарабки тем паче с полным основанием скажут, что это их тяжкая доля изображена на плакате...»

Илья отвернулся от плаката, посмотрел на низенького и по его взгляду понял, что все это время подкомиссар следил за ним.

— Хочешь, чтобы и в нашей стране так было? — кивнув на плакат, сказал Стырча и, не дождавшись ответа, продолжал, ехидно улыбаясь: — Не-е! Это вам не удастся. Не-е. Всех уничтожим, прежде чем занесете над нами вон ту косу! Слышишь, бестия гуманная?!

Томов крепко стиснул кулаки и смело, с явной ненавистью посмотрел на подкомиссара.

Жест молчаливого протеста вывел из равновесия низкорослого, узкоплечего и узколобого человечка, облеченного неограниченными правами, человечка с мелкими желтыми зубами и вечно искривленным от злости ртом, с прищуренными маленькими мутными глазами и большими оттопыренными ушами. Человечек этот сорвался с места, подскочил к арестованному, схватил его за голову и резко повернул к плакату:

— Нет, ты смотри! Смотри! Вот оно, дело твоих соотечественников, бессарабская бестия!

Стырча впал в очередной приступ звериной злобы. Одну за другой извлекал он из полицейского арсенала специфические фразы, которые то и дело сопровождал целым «небоскребом» бранных слов.

С презрением смотрел Томов на подкомиссара и невольно думал: «И вот этот выродок облечен правом безнаказанно избивать, лишать свободы людей... А заключения его следуют через начальника Генеральной дирекции сигуранцы на доклад королю! На их основе во дворце принимаются «кардинальные решения», издаются «указы» и «постановления», разрабатываются «меры», призванные сохранить в неприкосновенности строй и укрепить власть, которую олицетворяют полиция, жандармерия, армия, их превосходительство министры, его величество король...»

Мысли Томова и брань Стырчи были прерваны приходом долговязого комиссара. Он тоже дежурил и по случаю рождества также был облачен в парадную форму

с широким позолоченным аксельбантом, свисавшим с эполет.

— А ты, Томоф, опять не соизволишь встать, когда начальство входит? Нехорошо! Или в лицее тебя этому не учили? А?! Ты где учился?

— В городе Болграде... В мужском лицее короля Карла Второго...— нехотя, не глядя на комиссара, ответил Томов.

— Вот как! В лицее его величества! А ведешь себя как последний невежда. Некрасиво...

Томов продолжал сидеть и смотреть в пол.

— Ну, а сегодня как? Будешь говорить правду или прикажешь начинать все сначала? — вьедливым тоном спросил долговязый.

«Опять те же слова и те же приемы...— подумал Илья.— То, что они называют правдой, имеет и другое название — предательство».

— Мне ничего неизвестно о том, о чем вы спрашиваете. А наговаривать на себя я не стану,— ответил Томов.— Хоть убейте!

Низенький заскрежетал от злости зубами, а долговязый подошел к Томову и, хитро улыбаясь, спросил:

— А если докажем, что ты получал и передавал другим коммунистическую литературу? Тогда что велишь с тобой делать?

Томов пожал плечами и равнодушно ответил:

— Не знаю я, как можно доказать то, чего в действительности не было?!

— Отрицаешь... Что ж, пеняй на себя.

С этими словами долговязый подал знак Стырче, который тотчас же вышел из кабинета. Комиссар уселся в кресло и принялся рассматривать рождественский номер иллюстрированного журнала «Реалитатя иллустратэ».

Томова осаждали всякие предположения: «Быть может, кто-либо из товарищей арестован?», «А может быть, это ловушка?», «Кто мог выдать?! Лика? Конечно, только он... Если он, тогда как быть? Отрицать все?..»

Позади Томова открылась дверь, кто-то вошел и остановился на пороге. Томова так и подмывало обернуться, поскорее узнать, с кем же ему предстоит очная ставка. Большим усилием воли он заставил себя сидеть неподвижно и сохранять равнодушное выражение лица. В эти считанные секунды в нем происходила напряженная борьба нервов с рассудком. Он с облегчением вздох-

нул, когда наконец долговязый насмешливо спросил:
— Ты спишь, Томоф? Ну-ка, посмотри. Узнаешь?

Илья неторопливо обернулся и стал рассматривать прищельца с таким видом, словно впервые видел эту прыщеватую физиономию, худую и стройную фигуру.

— Что молчишь? — поторопился Стырча прервать затянувшуюся паузу. — Язык отнялся от такой встречи?

— Почему отнялся, — спокойно ответил Илья. — Если этот господин меня знает, пусть скажет. Я вижу его впервые.

Это был Лика. Он подробно рассказал о том, как руководитель подпольщиков сообщил ему пароль для встречи с Томовым и получения от него литературы, как в намеченное время поздно вечером пришел в условленное место и, обменявшись паролями, пользуясь темнотой, неожиданно накинул Томову на руку кольцо от наручников, а тот в ответ нанес ему сильный удар в пах.

— Невольно я скорчился от боли, — оправдываясь перед комиссарами сигуранцы, говорил Лика, — и не успел накинуть второе кольцо себе на руку. Оттого и сбежал... Не то бы лежал как миленький рядом со мной!..

Илья слушал с таким видом, будто рассказ действительно очень интересный, но к нему не имеет никакого отношения. Он понимал, что от его поведения на очной ставке с провокатором зависит исход следствия, и старался не выдать себя ни жестом, ни мимикой, ни вздохом. «Надо держаться. Играть до конца!» — твердил про себя Илья. И он играл, хотя голова разламывалась от боли, гнев подкатывал к глотке. «Наши тоже хороши... Кого привлекли к подпольной работе!»

— Не могу понять, почему этот человек пытается навязать мне то, чего со мной не было?! — удивленно сказал Томов, когда Лика наконец закончил свой рассказ. — Возможно все, о чем он говорил, произошло с кем-либо другим? И вообще нормальный ли он... — кивнув на предателя, сказал Илья. — Плетет какую-то чушь о кольце! Какое кольцо? И при чем тут я?

Долговязый комиссар не выдержал:

— Послушай, Томоф! Говорю тебе по-доброму: кончай валять дурака. Не то возьмусь за тебя по-настоящему... Смотри! Каторги тогда не миновать, а то и кое-чего похуже... Давай-ка лучше признавайся и будешь работать вместе с этим парнем. Он тоже, когда попался, отпирался, но вовремя поумнел... Мы ему все простили

и неплохо вознаградили. Видишь как он одет?! И деньжата всегда позванивают у него в кармане, и вообще... Так что давай забудем прошлое и начнем дружить! Идет?

Томов закатил глаза, как бы не в силах больше повторять одно и то же, но все же сказал:

— Понятия не имею, о чем говорил ваш агент и чего вы от меня добиваетесь?! Все это недоразумение... Не иначе!

Воцарилось молчание. Все трое смотрели на сникшего и оборванного арестованного, и каждый из них думал, что еще сказать, чтобы уличить его, заставить признаться. Первым нашелся Стырча.

— А если мы приведем сюда твоего механика Илиеску? И он подтвердит, чем ты занимался, тогда что?

У Томова тревожно забилося сердце, в какое-то мгновение пронеслось в голове: «Неужели и товарищ Илиеску попался? Но он не может выдать... Нет. Это ловушка! Провокация!» Быстро овладев собой, Томов ответил:

— Пожалуйста. Приведите и его! Вы все время пугаете меня механиком,— твердо произнес Томов,— а кто он мне? Ни сват ни брат... Знаю его только по работе в гараже. Если он чего-то там натворил, отвечать за него не собираюсь. Могу лишь сказать, что в гараже господина механика Илиеску все считали честным человеком, даже господин инженер-шеф! Спросите кого угодно, и вам подтвердят это.

Ли́ка чувствовал, что очная ставка не оправдала надежды, которые на нее возлагали его хозяева, и он поспешил исправить положение:

— Значит, говоришь, не узнаешь меня, Томоф?

— О-о, и фамилию мою уже знает! — иронически заметил Илья.— Давно ли?

— А ты не цепляйся за фамилию,— горячился Ли́ка.— Я тут ее узнал, сейчас, а вот кличку твою пораньше узнал. Ты «Костика»! А я был «Ли́ка». Это ты тоже хорошо знаешь, не прикидывайся...

Томов сокрушенно покачал головой.

— Сегодня рождество и ваш агент, видать, хорошо хлебнул! «Крещение» мне устроил! «Костикой» каким-то назвал. Но это очень глупо. Если ёсть на свете какой-то Костика, так его и ищите. Не за то же вы этому парню хорошо платите, чтобы он с похмелья морочил людям голову!..

Ответ Томова обескуражил Лику. Он не блистал сообразительностью. Единственное, на что был способен, так это выложить напрямик все свои «козыри». И горячася еще больше, он привел еще одну, казавшуюся ему неопровержимой, улику:

— Да не цепляйся ты за соломинку! Я ж узнаю тебя даже по голосу!

Томов не растерялся. Он и эти слова обернул прогив предателя.

— По голосу, говоришь, узнаешь? — неторопливо спросил он.

— Да, по голосу! Меня слух никогда еще не подводил!

— Ну вот, господа начальники,— обратился Томов к полицейским.— Ваш агент, как видите, совсем уже заговорился... Слух, говорит, не подводит его... Но вы сами прекрасно знаете, что голос мой был совершенно иным, когда меня привели сюда... После всего того, что со мной здесь сделали, я же не голосом говорю, а хрипом! Зубы вы мне выбили... Здесь. Я сам не узнаю своего голоса, а он, видите ли, сразу узнал... Ловкач!

Агент уловил укоризненный взгляд подкомиссара Стырчи, прыщи на его лице побагровели. Сдвинув жиденькие брови, он поторопился оправдаться:

— Пусть говорит, что хочет, все равно — это он! Честное слово, господин шеф! Не ошибаюсь...

Томов брезгливо отвернулся. Хотелось ему подчеркнуть, что даже здесь, в сигуранце, избитый и растерзанный, остается полон презрения к предателю.

Лике велели выйти. Следом за ним вышел и долговзый комиссар. Оставшись наедине с арестованным, Стырча принялся было обычными для него методами настаивать, чтобы Томов сознался, кто помог ему снять с руки кольцо от наручников-кандалов и куда их дели, но, ничего не добившись, вдруг без всякой связи с предыдущим визгливо закричал:

— Думаешь, мы не знаем, чем ты занимался еще в лицее? Где тот пархатый жид, с которым ты дружил? Где он, я спрашиваю?! Как его фамилия? Говори, бестия!

Томов сразу догадался, о ком идет речь, но притворился, будто понятия не имеет. Он скорчил удивленную мину и промолчал.

Стырча кинулся к столу, начал перелистывать какие-то бумаги.

— Волдитер! — завопил он. — Хаим Волдитер! Где он? Христа, господя, бога, веру, душу... Говори!

Томов не проронил ни слова.

— Молчишь, бестия гуманная? Я спрашиваю, где тот большевистский шпион? Это он втравил тебя в подпольную организацию? Признавайся, бестия! Где он?

— Откуда я знаю? — ответил Томов, словно только сейчас догадался, о ком идет речь. — Его, помню, исключили из лица, и с тех пор мы не виделись. Я уехал сюда, в Бухарест, а он... он, наверное, в Болграде остался... Мать у него, кажется, есть там...

Томов нарочито говорил неправду. Он-то знал, что мать Хаима умерла от погрома. Об этом ему рассказал Хаим, когда они встретились в Констанце. Знал Томов прекрасно и мать Хаима. Это была тихая, приветливая и очень добрая женщина. Когда случалось, Томов подолгу засиживался у Хаима, она всегда говорила: «Посиди еще у нас, Илюшка! Чего ты спешишь? Поужинаем уже вместе... Я сварила из полкурочки такой бульон, что сам король, наверное, в жизни не пробовал!.. Останься. Может, и мой Хаим за компанию с тобой покушает... А то он, видишь, какой худой?»

Подкомиссар Стырча тоже знал, что мать Хаима Волдитера умерла, но не подавал вида. Твердил свое:

— Овечка!.. «Ничего не видел!», «Ничего не знаю!», «Ничего плохого не делал!», «Все это недоразумение!». Но запомни, бестия большевистская: не расскажешь, какие у тебя дела были с тем жидом, бить буду, колотить буду и ни тебя, ни твою старую каргу на свет божий не выпущу, пока вы у меня тут не сгниете!..

Вмиг Илья представил себе больную одинокую мать, измученную вечными нехватками, страдавшую из-за своего отца, перебивавшего чуть ли не во всех тюрьмах королевства за участие в Татарбунарском восстании бесарабских крестьян. Томова охватила нестерпимая злоба.

— За что вы арестовали маму? Что плохого она вам сделала?

— «Что плохого сделала?», «За что арестовали?» — передразнил подкомиссар. — А хотя бы за то, что сама она — дочь большевистского бунтаря! Да и за то, что тем же навозом напичкала мозги своего выроodka, неведомо от кого нагулянного...

Томов не выдержал и, не отдавая себе отчета, выпалил:

— Ничего, господин подкомиссар... Когда-нибудь вы ответите за все!.. Ответите.

Стырча обомлел. Он съежился, как рысь перед броском, и, скривив вбок тонкие губы, медленно подошел к арестованному.

— Как ты сказал, большевистская бестия? Мне?! По-смел мне угрожать?! Да я тебя в порошок... — взвизгнул подкомиссар и размахнулся.

Терпение Томова иссякло, нервы окончательно сдали. На лету перехватил он руку подкомиссара и резко отодвинул его. Стырча ударился об угол письменного стола...

Побледневший от испуга подкомиссар судорожно извлек из кармана пистолет, вогнал в ствол патроны и, выждав секунду-другую, медленно, прижимаясь к стене, обошел арестованного и только после этого рывком бросился к дверям, распахнул их и громко окликнул дежурившего в коридоре полицейского. Вдвоем они накинули на Томова наручники. Полицейскому Стырча велел удалиться, а сам не торопясь вытер испаринку со лба, подошел к стене, снял с гвоздя висевшую резиновую дубину, осмотрел ее со всех сторон. Улыбаясь, он подошел вплотную к арестованному и спросил:

— Стало быть, не знаешь ничего о коммунисте Волдitere Хаиме? А ты, большевистская бестия, знаешь, что такое «адио мамы»?..¹

Нет, Хаим Волдитер, конечно же, не знал и не мог знать о том, что случилось с его другом Томовым, и, завидуя его спокойной судьбе, горевал в этот час только об Ойе. А раввин Бен-Цион Хагера тем временем продолжал усердно читать молитву «модин» и, поскольку этот субботний день совпадал с новолунием, он перешел к молитве «атта-язарта». Верующие дружно забубнили: «енке-элохейну...»

И только много время спустя, когда наконец-то Бен-Цион Хагера, закончив монотонное чтение, громко хлопнул тяжелой ладонью по молитвеннику, Хаим очнулся от горьких раздумий и закрыл свой сиддур. Он уже было пошел к выходу, но тут выяснилось, что еще предстоит церемония с «бар-мицвой»² одного паренька.

Объявили короткий перерыв. Точно школьники в пе-

¹ Прощай, мама. (рум.).

² Обряд религиозного приобщения к вере для мальчиков, достигших возраста тринадцати лет, т. е. совершеннолетия.

ремену, обгоняя друг друга, богомольцы ринулись во двор... К Хаиму подошел степенной походкой Бен-Цион.

— Мы пришли вместе сюда, — сказал он тихим, но повелительным голосом, — вместе мы и уйдем отсюда...

Потупившись, Хаим наблюдал, как паренек поцеловал обтянутые тонкой черной кожей квадратные кубики «тфиллен»¹, как накинул первый филактерий на оголенную по самое плечо левую руку и, одновременно продолжая произносить молитву, накручивал на нее семь колец сверху вниз вплоть до среднего пальца, вокруг которого также обвел три витка тянувшейся от кубика узкой тесемки ремешка; наконец, как он довольно ловко — в синагоге ни на мгновение нельзя оставлять голову непокрытой — накинул на затылок кожаный ремешок, образовавший узел, и прикрепил второй филактерий к верхней части лба. Тут паренек начал читать фрагменты из Торы. Делал это он с большим чувством, трепетом и, как положено, нараспев. Иногда он искоса, но с особым благоговением, поглядывал на раввина. Бен-Цион стоял как скала.

Завершающим церемонию совершеннолетия был своего рода экзамен, устроенный имениннику. Первым задал вопрос Бен-Цион. Ответы паренька следовали как из автомата: быстро, четко и мелодично. Это о том, что филактерий, накладывающийся на руку, называется «шел яад» и «шедл зероа», второй — с головы, называется «шел-рош» и оба содержат пергаментные полосы с четырьмя цитатами из библии; что ручной филактерий имеет внутри одно отделение и каждому параграфу там уделяется семь строчек, а в головном — четыре отделения и по четыре строчки; о том, что в обоих филактериях пергамент скручен в трубку, которая перевязана узкой полоской из пергамента и в обязательном порядке еще тщательно вымытым волосом от тельца, именуемым «чистым животным»... Затем парень ответил, что снятие филактерий с руки и головы, если это имеет место в день новолуния, сопровождается чтением молитвы «мусаф».

Созерцая эту довольно нудную церемонию, Хаим вспомнил, как в день своего совершеннолетия точно так же старался отвечать, четко и восторженно смотрел на

¹ Филактерий; внутри кубина находятся написанные на пергаменте отрывки из библии.

раввина, почитал его чуть ли не как самого бога... «Посмотрел бы этот юнец, — думал Хаим, — как это его «божество» приехал в ночь на субботу на автомобиле черт знает откуда, да еще с таким револьвером, которому даже чикагские гангстеры позавидовали бы!»

Хаим не заметил, как церемония подошла к концу. Он понял это, увидев, что хромой шамес складывает свой талес в потертую бархатную сумку. Но раввин оставался на месте. Тем временем отец паренька достал сверток, извлек из него один обыкновенный песочный и другой медовый «лейкех»¹, затем в заранее припасенные рюмки величиной с наперсток разлил мутную инжирную настойку.

Первым поднял рюмку раввин. Закатив свои большие глаза, он произнес положенную в подобных случаях «бруху»², благословляя плоды, из которых делается этот винный напиток.

— Барух ата адонай элохейну барэ при агэфен!³ — протянул он нараспев и опрокинул содержимое в рот. Закусывая лейкехом, раввин выразил пожелание свидеться всем в самом скором времени на обетованной земле.

— Омейн!⁴

— Омейн! — ответили в тон раввину верующие.

В полдень Бен-Цион Хагера и Хаим вернулись домой. Пожалуй, никогда прежде Хаиму не доводилось видеть такого изобилия яств, какое красовалось на праздничном столе раввина. Тут были рубленая сельдь с грецкими орехами, мятые крутые яйца с куриным жиром и шкварками, паштет из печенки с зарумяненным луком, «пэцэ» из куриных ножек, горлышек, крылышек, пупочков и прочих потрохов, залитых соусом из взбитых желтков, растертого миндаля и вина и разукрашенного кусочками лимона. В центре стола возвышалась внушительного размера ваза с тертой редькой, пропитанной гусиным жиром и корицей. Без этого любимого Бен-Ционом блюда не обходился ни один субботний обед. В глубокой тарелке были знаменитые кипрские пельмени, начиненные дважды пропущенным через мясорубку ку-

¹ Мягкий пряник.

² Благословение.

³ Благослови, господь, плоды винограда!

⁴ Амины!

риным филе. И, наконец, фаршированная рыба с застывшей темно-бордовой от свеклы юшкой! Коронное кушанье праздничного обеда приготовила сама Циля, об этом свидетельствовал забинтованный палец на ее руке.

Все были в сборе. Улучив момент, когда тетя Бетя остановилась одна у окна, Хаим подошел к ней и сообщил об исчезновении Ойи. Оказалось, что фельдшерица знает о случившемся. Хаим поразился спокойствию, с которым старушка встретила его сообщение. «Неужели и у нее нет сердца!» — с горечью подумал Хаим, отойдя от фельдшерицы.

Все разместились, но к трапезе не приступали: ждали, когда раввин усядется в свое огромное потертое кресло.

Хаим взглянул на самодовольное лицо Бен-Циона и вспомнил лубочную картину, найденную несколько лет назад на чердаке дома. «Снять бы с реббе его «штраймел»¹, — подумал он, — и как две капли воды Гришка Распутин!»

Бен-Цион Хагера был доволен — все шло как по-писаному: Ойя исчезла, Хаим, как видно, смирился с этой утратой, и обед был приготовлен на славу. Чуть слышно реббе напевал подходящую для субботней трапезы мелодию «Змирес», но едва он успел положить себе ложку редьки, как в распахнутом окне показалась черноволосая голова мальчика-слуги Стефаноса.

— Кали мэра!² — громко произнес мальчик, переступив порог. Он хотел было что-то сообщить, но раввин остановил его и, медленно поднявшись, удалился в прихожую. Тотчас за ним вышла и Циля. В столовой наступила тишина.

Хаим взглянул в окно, увидел, что Циля побежала в конец двора, где стоял флигель, юркнула в дверь, выскочила и тотчас же скрылась за дверью сарая.

«Что ей там нужно?» — удивился Хаим. Подойдя к окну, он услышал приглушенный голос Циля:

— Там ее нет! Все облазила...

Хаима поразила догадка: ищут Ойю.

В столовую вернулись Бен-Цион и Циля. Оба были явно расстроены, хотя всячески старались скрыть это. Сели за стол. Все, кроме Хаима, набросились на еду.

¹ Обшитая мехом бархатная ермолка.

² Добрый день! (греч.).

Вскоре он встал, поблагодарил за обед и хотел выйти. Раввин остановил его и с недовольным видом сказал, что не полагается покидать свое место до тех пор, пока старший не выйдет из-за стола.

Хаим послушно опустил на стул. Ему вспомнились слова из песенки, которую распевали еще в лицее:

За столом у чужих
ел и пил,
Вспоминая край родной,
слезы горькие лил...

Из задумчивости его вывел вопрос тети Бети. Она спрашивала, скоро ли он собирается покинуть их.

— Пока не найду Ойю, никуда не уеду! — резко ответил Хаим и сам удивился своей храбрости.

Категоричность ответа обычно робкого парня огорчила всех. По лицу Бен-Циона пробежала злая усмешка. Обращаясь к тете Бете, он нарочито спокойно произнес:

— Говорят, что чудак хуже выкреста... Выходит, правы люди... Ну, а если, скажем, она не отыщется? — Раввин повернулся к Хаиму. — Тогда что? Не уедете? Глупости! Разумеется, не потому, что живете у нас или мешаете нам... Боже упаси! Но вы холуц, мой дорогой мальчик, прошли «акшару», и ваше место теперь только в Эрец-Исраэль! И потом, скажите на милость, что вы нашли в этой глухонемой шиксе?¹ Она ухаживала за вами во время болезни? Да! Ну и что из этого? А наша тетя Бетя разве мало для вас сделала? А мы все? Кто готовил вам еду? Кто как не Цилечка ходила для вас к туркам за козьим молоком? А знаете, какие там собаки?! Вы хоть раз этим поинтересовались? Иметь мне столько счастливых лет, сколько раз Цилечка возвращалась с молоком испуганная и, как мел, бледная! По-вашему, это ничего не значит?

Праздничный обед был испорчен. О помолвке не могло быть и речи. Раввин это понял. Он встал. Поднялся и Хаим, поблагодарил за обед и направился было к двери, но его остановила фельдшерница.

— Вы не проводите меня? — тихо спросила она.

— Пожалуйста, — неохотно ответил Хаим.

¹ Девушка не еврейка.

Раввин отозвал фельдшерицу и, нагнувшись к ее уху, зашептал:

— Вдолбите этому придурку, что на имя Цилечки в иерусалимском «Империял бэнк оф Бритш» лежат не меньше и не больше, как двенадцать тысяч фунтов стерлингов! Вы слышите, тетя Бетя?! Двенадцать тысяч! Рас толкуйте ему, что это означает! Не то, я вижу, он не очень большой умник и не слишком маленький дурак... Ходит в драных портках, а корчит из себя вельможу...

— Я знаю, реббе... Вы же сами видите, парень, оказывается, с фантазией! — ответила фельдшерица. — Но можете не сомневаться, я постараюсь... Какой еще может быть разговор!..

Когда Хаим и тетя Бетя подошли к ее дому, она спросила его, сверкнув толстыми стеклами очков:

— Вы любите Ойю?

— Да! — не задумываясь, ответил Хаим.

Фельдшерица тяжело вздохнула.

— Я поняла это лишь сегодня. И вижу, что вы не доверяете мне. Напрасно... Не меряйте всех одной меркой. Слышите?

Хаим пожал плечами. Фельдшерица пригласила его зайти к ней на минутку.

— Идемте, я вам говорю! Понимаете? Я вам не враг...

Переступив порог, Хаим нерешительно остановился. Чистенькая комнатка, тюлевые занавески, стол под белой скатертью. Закрытая дверь, видимо, вела в другую комнату или кухню.

— Откройте эту дверь, — ласково проговорила тетя Бетя, с грустной улыбкой посматривая на Хаима. — Нелегко вам будет жить, мальчик мой: робость не самое лучшее качество мужчины. — И, видя, что Хаим по-прежнему стоит в нерешительности, сама толкнула дверь. В маленькой, слабо освещенной комнатке, забившись в угол, стояла испуганная Ойя.

— Ну вот видите? Не все люди сделаны на одну колодку. Они разные... Запомните это на всю жизнь! — сказала тетя Бетя. — Бедняжка прибежала ко мне на рассвете в рваном платье, босая, в синяках. Я ничего не могла понять! Что случилось?.. Видите, какой ценой она отстояла свою честь!

Хаим гладил исцарапанные руки Ойи, нежно обнимал

ее, а девушка от испуга и радости вздрагивала, словно в ознобе.

— Она была у знаменитого здесь Стефаноса, — продолжала тетя Бетя. — Вы его, конечно, не знаете, чтоб он сторел. А теперь вам надо поскорее уходить, упаси вас бог проговориться, что она у меня... Слышите? Вы отсюда уедете, а я останусь доживать свои дни... У меня, как вы понимаете, в банке нет капиталов... Но я не жалуюсь. Много ли мне нужно!.. Всю жизнь я помогала людям, помогу и вам...

Хаим хотел сказать фельдшерице, что она дважды вернула ему жизнь: и тогда, когда помогла побороть тяжкую болезнь, и теперь, когда приютила его любимую девушку. Хаим хотел сказать этой старой доброй женщине, вернувшей его к жизни и теперь дарившей ему счастье, но тетя Бетя прервала его на первом же слове.

— Прошу вас, уходите, — сказала она. — С нашим реббе будьте осторожны! Вы еще не знаете его! И не надо вам знать... Жили у него? Поправились? И слава богу... А вас я понимаю! Думаете, нет? Любите? Что ж, и это богом дано. Но сказать вам правду, как сыну своему, ума не приложу, как вы будете жить вместе?! Вы же едете туда! Дай бог, чтоб вам обоим было хорошо! Но жизнь скверная... Ой, какая это скверная жизнь, чтобы вы ее лучше не знали!..

3

Обшарпанный и неуклюжий трансатлантический пароход, некогда славившийся своей скоростью, медленно выходил из бухты, оставляя позади замызганные торговые суденышки, причудливые рыболовецкие баркасы, стоявшие в стороне грозные сторожевые суда британского флота и вытянувшиеся вдоль берега убогие киприотские строения. Широкий шлейф дыма, густыми клубами валивший из двух больших труб, словно черным занавесом заслонял остров.

В каютах, на палубах судна — всюду чемоданы, саквояжи, тюки и люди, люди, люди. Уставшие, возбужденные, встревоженные: впереди, там, где-то за этим синим маревом, их ждала новая жизнь. Какая будет она? Лучше ли той, что они сейчас оставляли? Молодая женщина с гладко зачесанными, собранными в пышный узел черными волосами, увидев стоявшую поблизости испуган-

ную хрупкую девушку в легком платьице, пригласила ее присесть рядом с собой на ящик.

— Битте! Битте, немен зи плац...¹, — сказала она приветливо, взяв на руки одного из своих мальчиков-близнецов.

Ойя вопросительно взглянула на Хаима и, когда тот, улыбнувшись, ласково подтолкнул ее к черноволосой женщине, робко присела на край ящика. Ей чудом удалось вырваться из притона Стефаноса, скрыться от преследования мстительного и безжалостного Бен-Циона Хагеры, но страх еще не прошел, и не было ощущения счастья. Наоборот, она с тоской смотрела на море, принесшее ей столько бед. Ей казалось, что и сейчас море, яркое и спокойное, принесет ей несчастье.

Хаим тоже с трудом верил в то, что свершилось: вместе с Ойей он на палубе корабля! Это походило на чудо! И он, не отрываясь, смотрел на нежное лицо Ойи, гладил ее руку, дотрагивался до плеча, будто стараясь убедиться, что это не сон. Да, мир не без добрых людей. Если бы не тетя Бетя, не быть бы им вместе. Помог им и моторист-грек: фельдшерица когда-то спасла от верной смерти его больного ребенка. Он тайком доставил Ойю на пароход. Риск был велик, но одно обстоятельство, оставшееся и для моториста и для фельдшерицы загадкой, помогло осуществить задуманное. К тому времени, когда маленький катерок с гречанкой подошел к пароходу, царившая на нем суматоха улеглась. «Особо важный» груз, доставленный с берега людьми Бен-Циона Хагеры и Стефаноса, уже лежал в двух основных трюмах. Изрядно уставшие матросы отдыхали, и никто из команды не заметил, как девушка, встреченная Хаимом, поднялась на борт судна.

С помощью все той же тети Бети Хаиму удалось вписать Ойю в «сертификат» как жену, однако свидетельства о браке, зарегистрированного в соответствии с законом и обычаями, даже тетя Бетя выхлопотать не смогла. Но сейчас ничто не могло омрачить радости Хаима. Подумаешь, формальности! Все будет хорошо, самое страшное они оставили позади.

С трудом подбирая немецкие слова, Хаим спросил черноволосую женщину:

— Вы из Германии?

¹ Пожалуйста! Пожалуйста, садитесь (нем.).

— Нет, из Австрии, — тихо ответила она, с опаской поглядывая на сидящую с ней рядом пожилую женщину, ее мать. — А вы говорите по-немецки?

— Совсем немного, — ответил Хаим. — Но понимаю почти все.

Женщина отвернулась от своей матери, очевидно, для того, чтобы не расстраивать ее печальными воспоминаниями. Стараясь говорить как можно тише, она рассказала, что их семья жила в Вене, отец был зубным врачом, а муж — скрипачом; сама она пианистка, давала уроки музыки. Нацисты убили отца и мужа у нее на глазах. Но нашлись хорошие люди, с их помощью удалось эмигрировать в Югославию, а теперь они едут в Яффу.

— К дяде. Он инженер-строитель. Бетонщик. Это он выхлопотал нам «вызов». На него теперь вся надежда, — заключила пианистка.

Теперь Хаим не удивлялся тому, что у этой молодой женщины так много седых волос и под глазами залегли синие тени, что ютится она с маленькими детьми на открытой палубе и что у ее матери безжизненно свисает правая рука... Он вспомнил свою мать, скорострительно скончавшуюся после погрома, учиненного молодчиками главаря легионеров Хории Симы.

— Завтра кончится весь этот ужас. — Пианистка улыбнулась. Ее светлые глаза наполнились слезами. — Слава богу, теперь мы спасены!..

Хаим охотно подхватил эту тему разговора и стал объяснять Ойе, что на пароходе им придется провести только одну ночь. Женщина догадалась, о чем парень толкует «сестре». Жестами и мимикой она тоже принялась разъяснять девушке, что с завтрашнего дня у всех прибывающих на пароходе в Палестину жизнь пойдет по-новому, станет по-настоящему хорошей и обязательно радостной.

— Да, да! — уверенно произнесла пианистка и, тепло улыбнувшись Ойе, прижала ее к себе. — Это так и будет, конечно! О, увидите, увидите!..

Ойя смотрела широко открытыми глазами то на удивительно ласковую женщину, то на любимого парня, и было непонятно, верит ли она тому, что ей пытаются объяснить и внушить или же страх и недоверие по-прежнему довлеют над нею.

Пианистка извлекла из большого коричневого риди-

кюля старый конверт и протянула его Хаиму. На нем был указан обратный адрес ее дяди инженера-строителя Гордона из Яффы и фамилия пианистки. Звали ее Шелли. Шелли Беккер...

Солнце клонилось к закату, и спокойное зеркально-ослепительное море потускнело, словно покрылось ржавчиной. Многие пассажиры успели перезнакомиться, рассказывали друг другу, откуда они родом, есть ли у них родственники на «обетованной земле», чем те занимаются и каково их финансовое положение. Всех занимал один вопрос: будут ли они, приезжающие в Палестину, обеспечены работой, жильем или обо всем этом еще придется хлопотать?

В торопливых вопросах и таких же торопливых ответах ощущалась тревога людей, их неуверенность в завтрашнем дне, желание найти поддержку, успокоение, надежду на лучшее.

Рядом с Хаимом расположилась небольшая группа оживленно беседовавших мужчин. Речь шла о военных событиях: об участии бывших польских воинов в сражениях на французской оборонительной линии «Мажино», о потоплении английского торгового судна где-то в Атлантическом океане, заспорили о возможности проникновения германских подводных лодок в Средиземное море и нападения их на пассажирские суда.

— Нам повезло, — заметил по этому поводу молодой человек с жиденькой и коротко стриженной бородкой. — Пароход идет под флагом нейтральной страны!

— Об этом кое-где своевременно позаботились, — тоном хорошо осведомленного человека проговорил худощавый мужчина в темных очках. — В такое отчаянное время нелегко заполучить пароход, но... удалось! А как и почему? Потому что этому транспорту там, в верхах, придадут большое значение...

— П-с-с! Такие уж мы важные птицы?! — прервал его маленький, толстый человек в соломенной шляпе и светлом клетчатом пиджаке. Массивная золотая цепочка, продетая в петлю на лацкане пиджака, тяжело свисала в боковой кармашек. — Или вы думаете, что трюмы этой старой галоши завалены золотом?

— Важные мы или неважные и золото в трюмах или нет, но именно этому пароходу, к вашему сведению, кое-где придадут большое значение! — поддержал мужчину в темных очках молодой человек с бородкой. — И только

благодаря этому ваш животик с золотой цепочкой будет благополучно доставлен в Эрец-Исраэль!..

— И вообще я бы не советовал задавать праздные вопросы, — в упор глядя на толстяка, внушительно произнес человек в темных очках.

— А что такое? — Толстяк обиделся. — Что я спросил? Что?! Это же не какой-нибудь военный крейсер?! Подумаешь! — Он небрежно махнул рукой. — Умеем мы пускать пузыри из носа и кричать на весь мир, уверяя, что это дирижабли. Оставьте меня в покое... Я не мальчик, и эти холуцские фокусы-мокусы знаю не первый день! Да, да... И не смотрите на меня так... Мы тоже кое-что соображаем, не беспокойтесь!..

Хаим не придал значения этой перепалке: мир полон болтунов. И все же он подумал, что совсем не плохо, если действительно по какой-то причине «в верхах» особо позаботились о безопасности рейса этого парохода.

Солнце скрылось за горизонтом, оставив на краю небосвода багровые полосы. Слабый ветерок разносил по судну аппетитные запахи из камбуза. Из кают первого и второго классов выходили на палубы пассажиры, принадлежавшие к высшему свету, те самые влиятельные и имеющие «особые заслуги» перед сионизмом господ, иммиграцию которых «Национальный центр» считал первостепенной задачей.

В полукруглый застекленный салон, завешанный выгоревшими на солнце портьерами, собрались мужчины. Здесь полным ходом шла подготовка к вечерней молитве. Уже горело несколько свечей, их зажгли пассажиры, отмечавшие в этот день годовщину смерти близких. Предстояло проникновенно произнести достойную благочестивого покойника молитву «кадешь». И мужчины сосредоточенно собирались на «миньен» — обряд, согласно которому на молитве должно присутствовать не менее десяти мужчин, достигших тринадцатилетнего возраста.

Хаим заглянул в приоткрытую дверь салона. Увидев мужчин с молитвенниками в руках, разочарованно отвернулся и поплелся дальше. Они с Ойей основательно проголодались. Наконец им удалось, предъявив талоны от «шифс-карты», протиснуться в переполненный зал ресторана. Впервые в жизни Ойя сидела рядом с незнакомыми, хорошо одетыми людьми за столом, накрытым белоснежной скатертью. Сердце ее всполошенно колотилось, на смуглом лице проступил румянец.

Принесли ужин. Ойя ни к чему не притронулась, она украдкой озиралась по сторонам, словно опасаясь, что ее вот-вот прогонят. Все усилия Хаима успокоить девушку, заставить поесть были безуспешными. Тогда он достал из кармана газету и, не обращая внимания на удивленные взгляды сидевших за столом людей, завернул пирожки и сыр.

Когда они вышли на палубу, Ойя, виновато улыбаясь, потянулась к свертку и с аппетитом принялась за пирожки. Едва сдерживая подступавшие к горлу спазмы, Хаим улыбался.

На палубе царило оживление. Освежающая вечерняя прохлада, обильная, вкусная еда приободрили пассажиров. С кормы парохода доносилась веселая песня.

— Последняя ночь плавания! — сказала Шелли, обращаясь к подошедшим Хаиму и Ойе. — Проснемся утром, и будут видны берега Палестины...

— Уж поскорей бы!.. — Мать Шелли вздохнула. — Никогда не думала, что человек может испытать столько горя и не умереть.

Взяв на руки маленького Доди, одного из близнецов, Хаим вместе с Ойей поспешили туда, откуда доносилась песня.

На корме, перед открытой палубой, огромная толпа холуцев слаженно пела:

Куму-куму холуцим,
Куму-куму гардоним!
Кадима мизраха!
Мизраха а Кадима! ¹

Песня была знакома Хаиму. Он пел ее по вечерам на «ашкаре». Теперь, охотно подпевая, он стал пританцовывать в такт песне. Сидя на руках Хаима, малыш звонко смеялся.

Не сразу Хаим почувствовал, что Ойя тормозит его. Он оглянулся: Шелли обеспокоенно всматривалась в толпу. Хаим поднял руку, и Шелли стала поспешно пробираться к ним. Подойдя вплотную, она прошептала Хаиму,

¹ Вставайте-вставайте, холуцы, вставайте-вставайте, гардонисты! (Гардонисты — члены «Гардонии» — филиал сионистской организации, занимающейся вербовкой молодежи для переселения в Палестину.) Вперед на Восток! Восток впереди!

что на пароходе происходит что-то странное. Холуцы азартно продолжали петь:

Пану-пану бадерех!
Пану-пану бадерех!
Ки холуцим — иврим
Омрим — акшем! ¹

Песня закончилась, но запевалы сразу затянули новую, воинственную. А Шелли указала на холуца в форменной рубашке с погончиками, с закатанными по локоть рукавами и большой голубой шестиугольной звездой на нагрудном кармашке. Пробираясь сквозь толпу, он на ходу отдавал какие-то распоряжения, парни и девушки в форме холуцев послушно срывались с места. Хор голосов становился все слабее и слабее, наконец пение оборвалось. Среди холуцев возникло замешательство. Послышалась команда: холуцам немедленно собраться по своим группам, а пассажирам освободить кормовую часть палубы, разойтись по каютам и своим местам.

Никто не знал, чем все это вызвано, что задумали холуцы: одни подшучивали над ними, другие бранились, третьи покорно молча шли в свои каюты, все были встревожены.

Хаим, Ойя и Шелли вернулись к своему месту на палубе. У ящика с противопожарными инструментами стоял толстенький человек в клетчатом пиджаке. Держа в руке золотые часы с цепочкой, он с возмущением говорил матери Шелли:

— Суматоху затеяли, п-с-с!.. И к чему? Зачем? И где?! Посреди моря. Парад, видите ли, наши холуцики решили устроить завтра по случаю прибытия в Палестину! Как будто эту репетицию нельзя провести тихо, спокойно, солидно, без шума. Так нет, им нужно, чтобы люди перепугались и получили на минутку разрыв сердца...

Хаиму хотелось рассеять возникшую тревогу, и потому он, сделав вид, что поверил толстяку, рассмеялся. Шелли сидела бледная, напуганная, прижав к себе обоих мальчиков. Она напоминала квочку, оберегающую своих цыплят.

¹ Собирайтесь-собирайтесь в путь! Собирайтесь-собирайтесь в путь! Холуцы еврейские шлют вам привет!

Глядя на нее, насторожилась и Ойя, стараясь понять причины возникшего волнения. Смех Хаима нисколько ее не успокоил. Глядя ему в глаза, она чутко улавливала в его взгляде какую-то озабоченность.

— Вы поняли, о чем говорил этот симпатичный толстячок? — спросил Хаим пианистку.

— Готовятся к параду. Но странно...

— Что странно? — мягко перебил ее Хаим и, смеясь, добавил: — Это ведь холуцы! Их муштруют, как солдат... Вы знаете, кто такие «холуцы»?

Шелли пожала плечами, неуверенно сказала:

— Что-то вроде штурмовиков. Не так ли? Разумеется, вы знаете, кто такие «штурмовики»?

Серые глаза Хаима округлились. Он лишь покачал головой: тема была весьма щекотливая, кругом шныряли холуцы, и потому разумнее было помолчать.

Внимание Хаима привлекла девушка в форме холуцев. Она что-то возбужденно рассказывала окружившим ее пассажирам. Хаим прислушался. Речь шла о каком-то военном корабле, который преследует их пароход и будто бы требует его остановки.

Слух об этом, видимо, уже распространился среди пассажиров, многие из них бросились к противоположному борту судна, надеясь увидеть военный корабль. Вдруг мирную тишину моря разорвал гром орудийного выстрела.

На пароходе поднялась паника. Как штормовая волна, она обрушилась на людей.

— Торпеда!

— Тонем!..

Пассажиры из кают, трюмов хлынули на палубы, устремляясь к шлюпкам, вырывая друг у друга спасательные круги, пробковые пояса. Бледные, потные лица, вытаращенные от ужаса глаза, перекошенные в истерическом крике рты... У Хаима похолодело сердце: страшнее он не видел ничего в жизни — перила, опоясывающие палубы судна, под напором обезумевшей толпы выгнулись наружу и могли вот-вот сорваться. Душераздирающие крики впавших в истерику людей заглушили все вокруг...

В этот момент на палубе появились матросы и группа холуцев. Без стеснения действуя кулаками, они оттесняли пассажиров от перил, не щадя ни женщин, ни детей, не обращая внимания на отчаянные вопли и плач.

С верхней палубы мужчина с коротко остриженной бородкой в жестяной рупор призывал обезумевших людей к спокойствию, объяснял, что нет причин для паники...

Хаим узнал его: это был тот самый молодой человек с бородкой, который недавно высокомерно разговаривал с толстяком в клетчатом пиджаке с золотой цепью.

«Этот тип, — подумал Хаим, — пожалуй, здесь за правила...»

— Внимание! Внимание! Шум прекратить! Всем замолчать! — повторял повелительный голос радиодиктора, транслировавшийся через усилители по всему судну. По голосу Хаим узнал, что это говорит тот же молодой человек с бородкой. Сначала на жаргоне¹, потом на древнееврейском, а затем на английском языке он требовал сохранять спокойствие и беспрекословно повиноваться холуцам, которым вменяется в обязанность навести порядок на пароходе.

Паника постепенно стихла. Тот же голос через усилители довел до сведения пассажиров, что на судне образован специальный штаб Хаганы², который взял на себя ответственность за доставку людей на «обетованную землю». На судне погас свет, и диктор тотчас же сообщил, что категорически запрещается всем без исключения пользоваться электрическим светом, зажигать спички и курить... Виновные в нарушении этого требования будут привлекаться к суровой ответственности.

— Мы выражаем уверенность, — выкрикнул диктор бодрым голосом, — что своим образцовым поведением пассажиры докажут, что они достойны поселения на священной земле предков, время прибытия на которую исчисляется несколькими часами! И этим еще раз будет продемонстрировано величие всей нации!

Это обращение непрерывно передавалось на разных языках и всякий раз заканчивалось традиционным словом — «шолом»³.

Призыв судового штаба Хаганы возымел действие: установились спокойствие и порядок... Группы холуцев непрерывно патрулировали по судну, бесцеремонно за-

¹ Еврейский язык, так называемый «идиш».

² Буквально: защита, оборона; тайные военизированные отряды сионистов.

³ Мир (приветствие).

глядывая в каюты. Каждый уголок парохода был взят ими под контроль. Они предупреждали пассажиров, что малейшее нарушение дисциплины повлечет за собой заключение в «бокс» или даже выброску за борт...

Но никакие строгие меры не могли предотвратить распространение тревожных домыслов и слухов. Упорно поговаривали, будто военный корабль, преследовавший пароход, немецкий, но скрывается под чужим флагом. По другой версии это был итальянский линкор, сопровождающий из Абиссинии караван судов...

И снова воздух потряс орудийный выстрел. Капитану парохода после упорного молчания пришлось ответить на многократные запросы сторожевого военного корабля. Капитан сообщил, что управляемое им судно исключительно пассажирское, следует своим курсом согласно расписанию и графику... В радиোগрамме были указаны и другие подробности: какой стране принадлежит пароход и его водоизмещение.

Несмотря на более или менее вразумительный ответ, с военного корабля вновь последовало требование остановить пароход. Капитан пассажирского лайнера ответил отказом, мотивируя тем, что на борту находятся преимущественно женщины с детьми и во избежание разрастания паники, уже возникшей из-за произведенных кораблем предупредительных выстрелов, он, капитан, вынужден продолжать плавание. Капитан выразил готовность выполнить любое требование сторожевого судна, но только с наступлением рассвета или в порту назначения, то есть в Бейруте.

С военного корабля последовал приказ капитану парохода зажечь огни. Представители штаба Хаганы, которые с самого начала плавания действовали в тесном контакте с капитаном парохода, рекомендовали ему повременить с ответом. Во что бы то ни стало нужно было дотянуть до наступления полной темноты и под прикрытием ночи попытаться уйти от преследователя.

Между тем расстояние между сторожевым кораблем и пассажирским судном значительно сократилось, и снова последовал приказ немедленно зажечь огни и впредь двигаться в соответствии с установленными правилами международного мореплавания для пассажирских судов, то есть держать курс строго на порт Бейрут.

Капитан разгадал замысел командования военного корабля. Он ответил, что полностью согласен с предло-

жением, однако глубоко сожалеет, что не может тотчас же выполнить его, так как световые динамо-машины повреждены. Сейчас они ремонтируются и с минуты на минуту дадут свет, а пока он вынужден ограничиться лишь сигнальным освещением.

Как только эта депеша была передана в эфир, на пароходе погасли и сигнальные лампы, а судно резко изменило курс.

Вскоре пароход окончательно оторвался от преследования. Стемнело. Радиосигналы, все еще поступавшие со сторожевого корабля, оставались без ответа. Наконец, умолкло и радио... Никто теперь не знал, отказался ли сторожевой корабль от преследования, или только потерял след пассажирского парохода.

Лишь часа через два капитан вновь вернулся на прежний курс.

Глубокая черная ночь, как плотным покрывалом, прикрыла пароход, усиливая тревогу испуганных людей. Всех занимал один вопрос: почему капитан не выполнил приказа военного корабля, почему не остановился, если корабль, как все утверждают, был действительно английским?

Догадок и объяснений по этому поводу было много: одни говорили, что некоторые пассажиры якобы не имеют виз английского консульства на право въезда на подмандатную Британской империи территорию Палестины; другие утверждали, что среди пассажиров находятся какие-то очень важные персоны из сионистской верхушки, имена которых держатся в строгом секрете; третьи видели причину в том, что на рассвете минувшего дня, когда пассажиры еще крепко спали, пароход остановился вблизи Кипра и принял в свои трюмы с пошедшего к нему судна большую партию бочек с цементом... И люди гадали:

— Цемент, наверное, контрабандный?

— Или не оплачена пошлина?

— Оттого и грузили на рассвете...

— И в открытом море... Тайком!

— Вы сами это видели?

— Нет, но так говорят...

— Из-за каких-то паршивых бочек с цементом? — удивлялся толстяк с золотой цепочкой в отверстии пиджака. — Тоже мне контрабанда! Из-за такого пустяка не станут палить из пушек! Тем более если это англичане.

Я их знаю. Джентльмены! Люди интеллигентные, тонкие, никогда человека не обидят... Уж кому-кому, а мне приходилось с ними иметь дело. Я же ювелир... Вот, если бы тут, скажем, пахло золотом или какой-нибудь там валютой!.. А так что? Кого везет эта галоша? Несколько сот несчастных евреев, удравших от Гитлера, чтоб он сдох, и вот этих фанфаронщиков холоуциков-шмолуциков?! Пустые басни! И разговор о цементе — тоже сущая басня...

Напуганные и уставшие люди постепенно расходились по своим местам и укладывались на покой.

Засыпая, они думали о завтрашнем дне, о предстоящей встрече с родными и близкими, о конце странствий и начале новой жизни в желанном и благословенном Эрец-Исраэль!

После долгих мытарств и для Хаима «обетованная земля» стала сокровенной мечтой. «Добраться бы уж поскорей до нее...» — с этой мыслью уснул и он. И когда рано утром Шелли разбудила его, он не сразу сообразил, что происходит. Палуба была заполнена почти одними женщинами и детьми. Не спала и Ойя. Хаим смутился, поднялся и... обомлел: на небольшом расстоянии от парохода, вровень с ним шел военный корабль.

— Это английский. Так говорят, — пояснила Шелли. — Чем все это кончится?

Оказалось, что по другую сторону парохода происходило то же самое: неподалеку от «трансатлантика» шел такой же английский эсминец, и на палубах парохода толпились женщины и дети. Их вывели сюда из нижних кают и трюмов по распоряжению штаба Хаганы: пусть, дескать, англичане смотрят, кого везут на пароходе.

С ужасом смотрели люди на стремительные и грозные контуры эсминцев. Хождения по судну запрещались. Около каждого выхода и перед каждой спасательной шлюпкой дежурили парни и девушки в форменных рубашках с погончиками и большой шестиугольной звездой на кармашке. По указанию штаба Хаганы на кормовой части судна собрались мужчины с накинутыми на плечи «талесами» и на виду у всех возносили молитвы... Было жутко.

С военных кораблей поступило категорическое приказание: «Немедленно остановить судно, в противном случае ответственность за последствия ляжет целиком на капитана!»

С парохода ответили, что остановка возможна только в порту назначения, до которого осталось не более шестидесяти пяти миль. Портом была названа Хайфа.

Эсминцы пошли на сближение с пароходом.

Пассажиры замерли в мучительном ожидании неизбежной, как им казалось, катастрофы. Напряжение росло с каждой секундой, и, несмотря на строжайшее предупреждение, то тут, то там раздавался женский крик и плач детей. Эсминцы одновременно с двух сторон подошли вплотную к пароходу. С боковых крыльев мостика эсминца, подошедшего к левому борту парохода, два английских матроса прыгнули в спасательную шлюпку, висевшую над палубой пассажирского судна напротив ящика с противопожарными инструментами. Но в то же время дежуривший у шлюпбалки холуц дернул за пусковой рычаг, и шлюпка вместе с английскими матросами рухнула в образовавшуюся узкую щель между эсминцем и пароходом... Все произошло молниеносно: сманеврировать эсmineц не успел, и у всех на виду шлюпку, как яичную скорлупу, раздавили столкнувшиеся металлические корпуса обоих судов.

С эсминца прогремел выстрел, потом второй, третий... Как ураганом, людей смело с палубы. Все хлынули в каюты, давя в дверях друг друга. Хаим успел заметить, как упал стоявший у шлюпбалки холуц, а напарник его скорчился, как Шелли, отчаянно вскрикнув, схватила одного из близнецов... Прижимая к груди другого мальчика, Хаим бросился по опустевшей палубе к Шелли. Она билась в истерике, на руках у нее с залитым кровью лицом лежал Доди.

Мать Шелли сидела рядом на краю ящика, мертвенно бледная, словно окаменелая, она, не моргая, смотрела на безжизненное лицо внука.

Подбежала Ойя. Увидев, что произошло, схватилась за голову и, будто сиюминутно что-то сказать, застыла с судорожно открытым ртом.

В это время к Хаиму подошли холуцы, отозвали в сторону и сообщили, что штаб Хаганы постановил всем без исключения пассажирам в знак протеста против действий англичан разорвать свои «сертификаты» и «шифс-карты», причем половину обрывков передать холуцам как доказательство исполнения приказа штаба. Хаим молча выслушал парней и молча отошел к ящику, на котором теперь лежал Доди.

Все, что произошло потом на пароходе, Хаим Волдигер воспринимал, как во сне: и как пришвартовались эсминцы к пароходу и как высаживались английские матросы, встреченные банками из-под консервов, бутылками, тарелками... Равнодушно смотрел он на матросов в малиновых беретах, постепенно занимавших одну палубу за другой, а потом ринувшихся к капитанскому мостику...

Ни капитана, ни его помощников, ни членов судовой команды там не оказалось. Все они, переодевшись, затерялись среди пассажиров. Вместо документов каждый из них, как и большинство пассажиров, имел всего лишь клочки разорванных пассажирами «сертификатов» и «шифс-карт». Об этом позаботился штаб Хаганы, призывавший пассажиров выразить «протест» столь необычным образом, а в действительности преследовавший единственную цель: спасти себя и многих других лиц, у которых не было документов на въезд в Палестину.

Из уст в уста по судну передавалось распоряжение штаба: «Ни при каких обстоятельствах не выдавать англичанам экипаж парохода! В противном случае...»

Особенно упорное сопротивление англичанам оказали холуцы на подступах к одному из трюмов. Здесь завязалась отчаянная схватка. Англичане были многоопытны в подобных делах. У них была специальная экипировка: резиновые манишки и нарукавники, предохранявшие от ударов, а также каучуковые дубинки... Появились раненые с обеих сторон: матросы переносили своих на эсминцы, холуцы — в свой наскоро созданный «лазарет».

Две лестницы, которые вели в трюм, при появлении малиновых беретов тотчас же были сбиты холуцами. С эсминцев принесли сборные лестницы, но как только англичане попытались спуститься по ним в трюм, в них полетели кружки, стаканы, банки и все, что попадало под руку холуцам.

Матросы отступили. Однако вскоре они перекинули с эсминцев шланги. Мощная струя воды сбивала с ног сопротивлявшихся, но они все же сумели овладеть сборными лестницами и спустить их в трюм...

Рассвирепев, командование эсминцев пустило в ход гранаты со слезоточивым газом. Сопротивление было сломлено. Избитых, в разодранной мокрой одежде, с воспаленными от слезоточивых бомб глазами холуцев выводили из трюма. Под усиленной охраной матро-

сов туда спустилась группа британских офицеров. Подстрекаемые штабом, переодетые холуцы, затерявшись в толпе пассажиров, сопровождали офицеров оскорбительными выкриками, угрозами, плевками.

Но вот из трюма на палубу, где все еще возносилась молитва богу, матросы выволокли обычную продолговатую, лимонобразную бочку, на дощатых доньшках которой жирными маркировочными буквами было написано «Цемент», а на клепках — название фирмы, вес брутто и нетто, год выпуска — 1939. На виду у богомольцев, проклинавших англичан за то, что из-за какого-то контрабандного цемента они довели дело до кровавого инцидента, матросы в малиновых беретах сбили с бочки металлические обручи. Богомольцы в «талесах», с молитвенниками в руках замерли от неожиданности. Из бочки вывалились пулеметные стволы, кожухи, ложки, патронные кассеты, затворы... На них стояло клеймо чехословацких заводов Шкода.

— Чехословацкие? Как это возможно? Ведь там хозяйничают нацисты? — спросил один из богомольцев. — Что-то не верится...

— Не верится? — отозвался другой. — Вы что, родом из Порт-Саида?! Наивный какой, а?

— А что? Почему вы меня оскорбляете?

— Потому что не нужно быть слишком умным, чтобы понять, что Англия воюет с Германией, а Германия заинтересована, чтобы Англии было кисло... Трудно понять, скажите, пожалуйста!

— Порт-Саид или шморт-саид, умный или шумный, кисло или шмисло, — возбужденно заговорил оказавшийся среди богомольцев ювелир в клетчатом пиджаке с золотой цепочкой в отвороте. — Поди, знай, с кем едешь, что за пароход и чем занимаются эти холуцки-шмолуцки... И спрашивается, кто они? Откуда у этих сморкачей пулеметы-шмулеметы в такое суматошное время?

Весть о том, что в бочках из-под цемента обнаружено оружие чехословацкого производства, которое, видимо, было захвачено Гитлером, а теперь, по всей вероятности, получено сионистами для борьбы с англичанами и арабами, разнеслась по всему судну. Люди ругали и Гитлера и англичан, поносили холуцев, проклинали и пароход, и его капитана, и тот день и час, когда они согласились ехать.

Матросы обыскивали пассажиров, рылись в их чемо-

данах и тюках, искали оружие, изымали острые предметы, начиная с кухонных и перочинных ножей и кончая лезвиями для бритвы. К полудню «трансатлантик» был взят на буксир. Прекратилась подача питьевой воды, остановилась работа на кухне, закрылись ресторан, буфеты и бар... К исходу дня от жажды среди пассажиров начались обмороки. Верующие усердно молились.

Когда стемнело, вдали стали отчетливо видны мелькавшие огоньки.

— Хайфа!

— Эрец-Исраэлы!

— Земля предков!..

— Конец страданиям!

До пристани оставалось не более полмили, как вдруг просигналили с буксировавшего эсминца, и на пароходе загремели тяжелые цепи якорей. Пассажирам объявили, что до наступления утра высадки не будет...

Сообщение взбудоражило людей. Вновь начались всяческие толки, поползли слухи. Вновь стали поносить и холуцев, и англичан. Матросы терпеливо слушали, отмалчивались или виновато твердили, что приказ есть приказ и не от них он исходит, а приутихшие холуцы делали вид, будто не они «заварили кашу».

Вторая ночь, проведенная пассажирами на лишенном освещения судне, была еще мучительнее. Людей терзали невыносимая жажда, голод и все усиливающееся тошнотворное зловонье. подача морской воды была отключена, все машины на судне бездействовали.

Ночью Доди перенесли в музыкальный салон. Здесь находились трупы убитого холуца и его напарника, скончавшегося от ран. Мальчика положили с ними рядом на полу и также накрыли черным полотном с вышитой на скорую руку белой шестиугольной звездой. У изголовья сына, возле двух коптящих свечей, воткнутой в грубо смастеренный из жестяной банки подсвечник, опустилась на пол в полуобморочном состоянии несчастная мать. Второго сына она все время держала на руках.

Хаим и Ойя вернулись на палубу, чтобы помочь матери пианистки добраться до салона. Ее с трудом подняли с ящика, повели под руки, но не сделали и двух шагов, как она вздрогнула, пошатнулась и стала клониться вниз. Хаим и Ойя едва удержали ее от падения.

Сбежались люди. Нашли врача. Оказалось, что несчастную женщину вторично разбил паралич.

От Шелли это скрыли. Сказали, что на палубе матери лучше, что здесь для нее слишком душно, чадят свечи... Пианистка выслушала молча, не поднимая головы, несколько мгновений неподвижно сидела и вдруг стремительно встала. Шатаясь и прижимая ребенка к груди, она побежала на палубу. Увидев мать, вытянувшуюся на том же ящике, где недавно лежал ее сын, и поняв, что с ней произошло, Шелли без сознания рухнула на пол.

Хаим и Ойя валились с ног от усталости. Они не отходили от пианистки и ее мальчика, который всю ночь не смыкал глаз. Тем временем с парохода исчезли матросы в малиновых беретах, снялись с якорей оба эсминца. Их отсутствие Хаим заметил, когда совсем рассвело и неподалеку от парохода вместо эсминцев он увидел канонерскую лодку британской береговой охраны.

Едва взошло солнце, как измученные, помятые пассажиры засуетились, торопливо куда-то ходили, на ходу о чем-то говорили, словно дел у них было по горло, а до высадки оставались считанные минуты. Переодетые холуцы опять сновали по палубам. Штаб Хаганы после внезапного ухода эсминцев снова что-то затевал.

Лишь немногие пассажиры спокойно стояли у перил и подолгу рассматривали видневшиеся вдали причалы, пристань и еще погруженный в сон город.

Но вот со стороны порта показался быстроходный катер. Приблизившись к пароходу, он описал широкий круг, сбавил ход и остановился между пароходом и канонерской лодкой. На борту стоял человек в белой блузе, он крикнул в рупор:

— Шолом, иудеи! Да будет счастливым ваше прибытие на обетованную землю, родственники желанные!

Со всего судна люди устремились на палубы, словно наконец-то с неба снизошел ожидаемый тысячелетиями мессия. Каждый хотел поскорее увидеть и услышать первого человека с легендарной «земли предков». Многие женщины плакали от умиления, приветствовали посланца, размахивая платочками, шляпами... Минуту или две столпившиеся на палубах пассажиры с воодушевлением слушали обращенные к ним медоречивые приветствия. Но вот кто-то выкрикнул:

— Нам здесь плохо!

И хотя было очевидно, что человек на катере не услышит голоса пассажиров, вслед за первым криком взметнулась многоголосая волна выкриков:

— У нас есть больные!

— Сидим без пищи!

А человек с катера продолжал славословить:

— Здесь земля манная, реки молочные, берега кисельные. Добро пожаловать в дом родной, иудеи!

— Сидим без хлеба!

— Умираем от жажды!

— У нас есть убитые!

С канонерской лодки взлетела красная ракета.

Человек в белой блузе понял предупреждение. Помахав на прощание рупором, он опустил в катер, который, быстро набрав скорость, умчался в сторону порта.

Пассажиры, убедившись в том, что «там уже знают» о прибытии корабля, облегченно вздыхали и не сомневались, что «там, конечно, позаботятся»... Никто из них не видел, как в то время, когда все они хлынули на палубы одной стороны парохода и с волнением слушали приветствия человека в белой блузе, к противоположной стороне судна, почти невидимый в ярких лучах восходящего солнца, подошел небольшой катерок. И только Ойя, оставшаяся с больной матерью Шелли, видела, как с катерка в нижний грузовой трюм высадился человек с объемистым чемоданом. Она ничего не заподозрила и наблюдала за происходящим просто из любопытства. Но когда высадившийся человек вернулся на катерок за вторым чемоданом и, запрокинув голову, воровато оглядел палубу, Ойя вздрогнула. Она узнала этого человека: он был на Кипре с раввином Бен-Ционом Хагерой в канун того памятного дня, когда глубокой ночью Стефанос увез ее в свой притон. Да, это был он: небольшого роста, худощавый, с плешинкой, в больших очках. Почти исчезнувший страх преследования, мучивший ее в первые часы пребывания на пароходе, нахлынул с новой силой.

Когда Хаим вернулся, Ойя стала взволнованно объяснять ему что-то, но понял он немного, и причина тревожного состояния девушки осталась ему неясной.

Часам к десяти утра к пароходу причалило комфортабельное судно. Оно доставило чиновников портовой администрации, таможенников, детективов британской колониальной полиции, врача и санитаров. Следом подошло еще одно судно, доставившее представителей англо-арабо-еврейского муниципалитета. Они привезли пассажирам подарки от местного благотворительного общества «Джойнт»: пакеты с пресными галетами и мятными

лепешками, апельсинами и миниатюрными сэндвичами с плавленым сыром, а также ящики с маленькими бутылками какого-то напитка типа лимонада. Это же судно предназначалось для перевозки пассажиров с парохода в порт.

Таможенные чины объявили, что в первую очередь будут вывезены раненые и больные. Одновременно было сообщено, что покинуть пароход можно только по предъявлении заграничного паспорта или «сертификата» с визой английского консульства на право поселения в Палестине. И снова на пароходе возникла буря негодования. Люди кричали, спорили, плакали, проклинали Чемберлена и Гитлера, а заодно с ними холуцев, повинных в том, что вместо требуемых документов у них остались жалкие обрывки бумаги.

Неистовствовали и холуцы. Одни из них убеждали сбитых с толку пассажиров не сдаваться, бойкотировать решение портовой администрации, другие пытались воздействовать на представителей власти:

— Надо понимать состояние людей, доведенных до отчаяния убийством своих братьев!

Порыв протеста охватил всех пассажиров.

— Кошунство говорить людям о каких-то документах, когда рядом лежат еще не остывшие трупы братьев! Трехлетний ребенок убит!

— Это неслыханно! Посреди моря остановить пароход, убивать и избивать безвинных пассажиров!

Портовые власти, чтобы выйти из затруднительного положения, решили провести сортировку людей. Выразив сожаление по поводу случившегося и будто несколько уже не интересуясь ни оружием, лежащим в трюмах, ни тем, кто повинен в его доставке, а лишь желая замять инцидент, они обратились к членам команды «трансатлантика» с просьбой занять места по швартовому расписанию и содействовать скорейшей отправке пассажиров на берег.

Маневр не привел к желаемому результату: объявились лишь рядовые матросы и прочий обслуживающий персонал. Капитан и его помощники не явились, и обнаружить их среди пассажиров не удалось.

Тем временем приготовились к высадке на берег раненые. Их оказалось так много, что англичане заподозрили обман и, прежде чем начать отправку раненых, решили устроить проверочный осмотр. Но первый же

раненый холуц с забинтованной головой и глазом наотрез отказался подчиниться. Остальные поддержали его, с возмущением осуждая представителей властей за ничем не оправданное недоверие к жертвам произвола.

Страсти разгорелись. Вмешались представители муниципалитета, полиция, и холуца все же увели на осмотр. Осторожно и долго разбинтовывали ему голову, наконец сняли повязку, сняли ватную «подушку» и... одноглазый холуц обрел второй, совершенно здоровый глаз и голову без единой царапины.

Задуманный судовым штабом Хаганы трюк с целью проташить на берег холуцев, не имеющих документов на въезд в Палестину, закончился провалом. Однако холуцы не пали духом. Подстрекаемые штабом Хаганы, они заявили:

— Или все сойдут на берег, или никто!

Представители портовых властей обещали проконсультироваться с вышестоящими инстанциями о том, как поступить с обладателями разрозненных клочков документов, а пока разрешили доставить на берег трупы убитых и предложили сойти тем, у кого сохранились документы на право поселения в Палестине.

К удивлению холуцев, такие нашлись. И холуцы обрушили на них поток отборной брани и угроз.

— Штрейкбрехеры!

— Вас Гитлер подкупил!

— Предатели нации!

— Обетованная земля не для таких!..

— Мы еще найдем вас, не уйдете!

— Мешуметы!¹

В числе «мешуметов» оказался и толстяк ювелир в клетчатом пиджаке с золотой цепочкой в лацкане. Он, видимо, не представлял, с кем имеет дело и как накалена обстановка, и потому крикнул ораве холуцев:

— Посмотрите на этих молокососов! Они хотят меня учить! Утрите сначала сопли, а потом...

Договорить ему не удалось. Ювелира оттеснили от пассажиров, прижали к борту с явным намерением сбросить в море. Не подоспей таможенники и полиция, толстяку бы несдобровать. Уже сидя на судне, увозившем его вместе с другими обладателями документов на берег, ювелир вдруг схватился за отворот пиджака, ощупал карман и вскрикнул:

¹ М е ш у м е т — выкrest.

— П-с-я! Паршивые собаки, вырвали часы! Последняя модель «Лонжина» с девяносто второй пробой... Вы знаете, какое это золото? А цепочка сколько весила!

Ойя снова пыталась объяснить Хаиму что-то, как ему казалось, весьма серьезное: он видел ее встревоженные глаза. Но почему? Этого Хаим так и не понял. Да и некогда было особенно задумываться: забот хватало. У Ойи не было документов на въезд в Палестину, и ее могли не пустить. Помогло несчастье, постигшее Шелли Беккер. Совсем обессилив, она передала сынишку Ойе, а сама держалась за ее руку. Ойю приняли за родственницу пострадавшей.

Трупы холуцев и Доди были перенесены на транспортное судно, а мать Шелли Беккер осталась на пароходе. За ней, как и за другими больными, должно было подойти специальное судно с медиками.

Вдруг Ойя, схватив Хаима за руку, указала на появившегося в конце узкого прохода судна сухощавого человека в очках. Обознаться Хаим не мог. Этого человека он видел однажды вместе с Бен-Ционом Хагерой. Горбатая дочь раввина Лэйя назвала его каким-то «курьером» и «важным человеком». Она туманно тогда пояснила, что прибыл он «оттуда». Теперь Хаима поразило, что вместе с очкастым курьером шел заправила штаба Хаганы, главарь холуцев — молодой человек с коротко остриженной бородкой.

«Тайны мадридского двора! — подумал Хаим. — Холуцы орали, чтобы никто не смел покидать пароход, обзывали «штрейкбрехерами» и «предателями», а их вожачок смывается почему-то первым!.. И откуда у него документы? Говорили же, что все холуцы в знак протеста порвали их?!»

Судно причалило к пристани. Пассажирам предложили пройти в невзрачный домик рядом с главным зданием порта. Здесь мужчин и женщин направили в разные помещения. Им предстояло пройти санитарную обработку. В заключение беглого медицинского осмотра каждый пассажир получал порцию противохолерной вакцины и изрядную дозу белого порошка за пазуху и за ворот. Откашливаясь, сморкаясь и чихая, они один за другим выходили из помещения. Толстяк ювелир, как всегда, ворчал:

— Придумали какие-то прививки, дезинфекции!..

Смотрели бы лучше, чтобы средь бела дня не грабили как... — Он чихнул и с отвращением сплюнул. — Кому это нужно? Зачем?

Хаим вышел во двор, походивший на большой теннисный корт, обнесенный высокой оградой из плетеной проволоки. По другую сторону ограды толпились празднично одетые люди: обособленно стояла группа молодых парней и девушек. Каждого выходившего во двор после санитарной обработки они приветствовали шумными возгласами:

— Брухим абааим!¹

— Брухим абааим ше-игатем ла-а — Эрец!²

Хор девочек в белых блузках с веточками маслин в руках запел боевую песню:

Эр гейт дум бафрайюнг
 фун энглянд,
 дум брэг.
Кайн Эрец-Исраэль
 цу лихтиге тег...³

Многие старики, едва переступив порог здания и услышав приветствия встречающих, опускались на колени и со слезами на глазах благоговейно целовали землю... Одни из них тихо нашептывали, другие звонко, нараспев воздавали всевышнему молитву за избавление от ужасов минувшего.

Двор постепенно заполнялся гулом голосов. С обеих сторон ограды люди выкрикивали фамилии и имена родных или знакомых, которых надеялись встретить.

— Гутвар Фроим! Гутвар Фроим!.. Держит мучную лавку в Натании! Фроим Гутвар!.. — кричал охрипшим голосом старик, уже не первый раз проходя вдоль ограды.

— Тойви Гриншпун из киббуца Квар-шале!.. Гриншпун! Тойви Гриншпун!.. — звонко вторила старику обливавшаяся потом тучная женщина.

Хаим сиротливо стоял в сторонке, смотрел на взволнованные лица людей, ожидавших родственников, остав-

¹ С благословенным приездом!

² С благословенным приездом, поселяющиеся в своей стране!

³ Он идет освобождать от англичан, к берегам, к стране Израиля, к светлым дням!

шихся на пароходе, и с тревогой думал об отце и сестренке. Доберутся ли они до него и когда это будет? Сможет ли он обеспечить им кров и хлеб насущный? В раздумье побрел он к решетчатым воротам, по другую сторону которых на вышке с «грибком» стоял английский часовой. Внимание Хаима привлекла невысокая эстрада под большим полосатым тентом, увенчанная белым панно, на котором огромными синими буквами было выведено:

ЭРЕЦ ХАЛАВ УДВАШ¹

На эстраде суетились юноши и подростки в голубых рубашках и светлых шортах; с деловым видом они расставляли пюпитры, раскладывали ноты, усаживались на свои места с начищенными до зеркального блеска медными инструментами.

Сквозь шум разноголосого говора, пение и приветственные возгласы до Хаима донеслись слова, заставившие его насторожиться:

— ...из Вены... с детьми...

Он оглянулся: по другую сторону ворот, рядом с невысокой женщиной и полной девушкой, стоял рослый мужчина. Он кричал в сложенные рупором ладони:

— Фейга Штейнхауз и Шелли Беккер с детьми! Из Вены!..

Хаим понял, что этот человек и есть дядя Шелли Беккер — инженер-бетонщик из Яффы.

У выхода из здания он увидел Ойю с мальчиком на руках и рядом с ней Шелли. Яркое солнце особенно отчетливо выделяло снежно-белую поседевшую голову пианистки.

— Шелли Беккер! — крикнул Хаим стоявшему у ворот инженеру из Яффы. — Вот Шелли Беккер из Вены!

Инженер не понимал, на кого указывал ему чудаковатый парень. Он знал племянницу по фотографиям и ожидал, что она прибудет с двумя детьми и матерью...

— Ваш дядя, Шелли! — Хаим подбежал к Шелли. — Вот он стоит с женой и дочерью, ищет вас!

Шелли со стоном бросилась к воротам.

— Дядя Бэрл! Это я, несчастная Шелли Беккер... Это я, дядя Бэрл. Шелли Штейнхауз!

¹ Страна молока и меда.

— Шелли? Шейнделэ?! Что с тобой? Где мама?

— Шейнделэ! Милая! Что случилось?

— Это я, дядя Бэрл, я! Горе, ой, какое большое горе! Убили нашего Доди! Они его убили! Они... — указывая на часового, стоявшего на вышке, кричала Шелли. Силы изменяли ей. Цепляясь руками за решетку, она повисла на ней, опустилась на колени. — Ой, за что такое горе! — причитала она. — Убили папу и мужа нацисты... Убили моего бедного мальчика англичане... Моего Доди-и уже нет! И мама там, дядя Бэрл! Она больна, осталась там, на пароходе...

На эстраде загремел духовой оркестр, исполнявший «Атикву»¹. Пережитые тревоги, радость прибытия, надежды на будущее — все это вызывало у измученных людей слезы умиления. И вдруг воздух потряс взрыв, земля содрогнулась под ногами, с грохотом распахнулись двери и окна портового здания, со звоном посыпались стекла, на эстраде разбросало пюпитры, ноты, медные трубы. Слетел с вышки «грибок», укрывавший часового от палящего солнца. На мгновение все стихло, замерло...

— Пароход взорвался! То-онет! — вдруг крикнул часовой с вышки. И словно эхо, со всех концов раздались полные ужаса голоса:

— Взорвался пароход!

— Он тонет!

— Там люди!..

В нарастающий шум встревоженных голосов ворвался пронзительный вопль, прерываемый хохотом. Это Шелли Беккер, повиснув на решетке ограды, забилась в истерику...

Хаим инстинктивно сжимал трясущуюся руку Ойи и не мог оторвать взгляд от сорванного взрывной волной и повисшего на одном конце огромного белого пanno. Тупо уставившись в его ярко-синие буквы, он никак не мог разобрать перевернутую надпись:

ЭРЕЦ ХАЛАВ УДВАШ

4

Никто из пассажиров, высадившихся с злополучного «трансатлантика», не знал, куда и зачем их везут на бе-

¹ Буквально: надежда; сионистский гимн.

шено мчавшемся крытом брезентом грузовике. Измученных людей швыряло на крутых поворотах из стороны в сторону, они судорожно хватались друг за друга, настойчиво стучали кулаками в стенку кабины, требуя и умоляя шофера остановиться хотя бы на минуту.

Наконец шофер резко затормозил, выскочил из кабины и, злобно выкрикивая бранные слова, заявил, что ему строго-настрого запрещено останавливаться в пути.

Тогда один из пассажиров отважился сказать сидевшей в кабине рослой девице в полувоенной форме:

— Людей же выворачивает наизнанку! Неужели нельзя набраться немного терпения? Мы что, на пожар едем? Хватит с нас, пожар мы уже видели...

— Вы думаете это его прихоть? Ошибаетесь, здесь порядки не те, что у вас где-то там! — ответила она. — У нас приказы выполняются четко!

Толстяк ювелир едва слышно пробурчал что-то невнятное, его сосед тяжело вздохнул и тихо промолвил:

— Видимо, так надо...

Грузовик тронулся. Вновь трясло и подбрасывало на выбоинах, но люди терпели. «Видимо, так надо...»

Около полуночи машина ткнулась радиатором в проволочные ворота. Водитель выключил мотор, погасил фары. Девица спрыгнула с подножки кабины и скрылась в темноте. Тишина вокруг была такая, словно все вдруг вымерло. Люди выглядывали из-под краев брезента, с тревогой всматривались в темноту, в равнодушное, в непривычно ярких и крупных звездах, южное небо.

Наконец послышались торопливые шаги, и к грузовику подошел мужчина. Осветив прибывших длинным, как полицейская дубинка, электрическим фонариком, он радостно приветствовал их традиционным: «Шолом, хавэ-рим!»¹ — пожелал всем крепкого здоровья и долгой счастливой жизни на «земле обетованной». Потом так же доброжелательно попросил внимательно выслушать и принять к руководству небольшой, но весьма важный совет местной администрации: помалкивать о несчастье с «трансатлантиком».

— Конечно, случившегося не утаишь, — заметил человек с фонариком, — но не следует вдаваться в подробности и строить всякие догадки... Лучше помолчать до

¹ Мир вам, друзья! Здравствуйте (приветствие).

поры до времени, во всяком случае, до официального сообщения. И вообще молчание — золото. Так вам советуют. Здесь процветает мир, порядок и согласие между людьми, живущими в духе послушания обетам наших благочестивых предков. Между прочим, следует учесть, что обетованная земля пока, к сожалению, не освобождена от врагов. Это, конечно, уже другой вопрос, но об этом не следует забывать. И мы не перестаем напоминать и утверждать во всеуслышание, что враги за все содеянное против нашего народа еще изопьют горькую чашу...

С этими словами мужчина с фонариком встал на подножку кабины, и грузовик въехал на территорию, именуемую «пунктом сбора».

Перед длинным приземистым зданием барачного типа Хаим и Ойя в числе четырнадцати человек получили долгожданную возможность сойти на землю.

Несмотря на поздний час, встретить новичков пришло много ранее прибывших иммигрантов, все еще проживающих на территории «пункта сбора». О случившемся в порту никто из них еще не слышал, но всем хотелось узнать, кто приехал, откуда, какие новости привез и, главное, нет ли среди вновь прибывших знакомых, родственников.

Новичкам предложили поужинать. Большинство, однако, отказалось. Лишь кое-кто изъявил желание утолить жажду. Моментально появился огромнейшего размера подойник, сверкавший белоснежной эмалью. Упитанная молодая женщина черпала большим глиняным кувшином молоко и приговаривала:

— Попробуйте наше молоко! Вы знаете, какое это молоко? Кашерное, конечно... Попробуйте!

Кто-то из прибывших взял кружку, отпил несколько глотков и растрогался:

— М-мм-м! Никогда не пил такое, чтоб я так был здоров... Не молоко, а чистейшая сметана!

В первые же дни Хаим Волдитер понял, что «пункт сбора» создан для тех иммигрантов, кто не имел в Палестине родственников, а следовательно, и жилья.

«Пункт сбора» представлял собой обыкновенный лагерь. Множество брезентовых палаток раскинулось на голлом клочке песчано-глинистой земли. В стороне от них расположились длинное здание столовой и десятка два стандартных низких квадратных домиков из фанеры и прессованного картона, предназначенных для престаре-

лых и семейных иммигрантов и для миссионеров сионистского движения.

Хаим Волдитер и Ойя, значившаяся здесь по личному его заявлению законной женой, были поселены в остро-конечную, державшуюся на единственной подпорке палатку.

В отличие от Ойи, все еще не переборовшей чувство страха и продолжавшей чуждаться людей, Хаим легко осваивался с местными порядками, быстро перезнакомился с иммигрантами, внимательно слушал их рассказы о здешней жизни. Обретенный покой казался ему вершиной счастья. Когда администрация узнала, что он холуц, прошел в Румынии «акшару» и отстал от своей квуца из-за болезни, ему посочувствовали, обещали помочь. И он терпеливо ожидал указаний своей квуца, которая по существующему порядку должна была распорядиться его дальнейшей судьбой. Правда, Хаим не исключал, что его приезд с женой мог явиться для руководителей квуца некоторой неожиданностью, но не придавал этому особого значения и был доволен уже достигнутым. Даже свою жалкую палатку, где, кроме тонких тюфяков поверх досок от старых ящиков, уложенных на голую землю, легкого одеяльца и глиняной посуды для воды, ничего не было, он ласково прозвал «кибиточкой»!

Услышав, каким эпитетом Хаим награждает предоставленное иммигрантам жилье, толстяк ювелир в клетчатом пиджаке, уже успевший прожужжать всем уши, утверждая, что попал сюда по недоразумению, вдруг вскипел:

— Какая это кибиточка-шмибиточка? Цыгане не валяются так, как мы!

Хаим старался обратить разговор в шутку:

— Не страшно. На безрыбье, говорят, и рак рыба...

— При чем тут рак и рыба? Вы когда-нибудь, молодой человек, были в Америке? Нет?

Хаим виновато улыбнулся и пожал плечами.

— Я так и знал! Но вы слышали хотя бы, что такое гарлем? Не-ет? Тогда вам, молодой человек, вообще надо молчать. Лачуги, в которых ютятся нищие и дряхлые негры, ни чуточки не отличаются от вашей «кибиточки»!

Хаим слушал спокойно, а толстяк все больше горячился. Подходили люди, привлеченные шумным разговором. А любопытству людей здесь не было границ, для

иммигрантов из европейских стран все здесь было ново, непонятно и загадочно: странные, забытые обычаи, и допотопные, много столетий назад утратившие свой смысл ритуалы, и древний, как мир, язык иврит, на котором разговаривали местные жители и некоторые из прибывших. Особый интерес, естественно, вызывали перспективы жизни на «земле обетованной». Об этом толковали с утра до ночи.

— Посмотрите на этого холуца,— обратился к собравшимся вокруг него людям толстяк ювелир.— Фантазер! Идеалист! «Кибиточку» придумал... Один сортир в моем доме в Варшаве я бы не отдал за все эти вместе взятые дырявые шатры и вон те карточные балаганы! Но теперь в Варшаву пришел Гитлер, чтоб он уже один раз окошел, и потому я должен ютиться в этой поганой кибиточке!

Ойя с тревогой следила за каждым движением толстяка. Ее беспокоило, что человек, который до сих пор неплохо относился к ним, почему-то теперь наскакивает на Хаима, как петух, и о чем-то возбужденно говорит. Хаим заметил это и, встречаясь с Ойей взглядом, всякий раз улыбался, давая понять, что ничего дурного не происходит. Однако улыбки Хаима выводили из себя толстяка, и он ожесточенно продолжал размахивать руками, с пеной у рта доказывать правоту своих суждений.

Его прервал какой-то паренек, облаченный во все черное: блестящий кафтан и большую круглополую, изрядно вылинявшую шляпу:

— Благоверный еврей должен все воспринимать терпеливо... На все ведь божья воля!

Прищулив глаза, толстяк искося высокомерно глянул на бледно-восковое лицо парня.

— И это мне вы даете вот такой вот умный совет? Я вам просто благодарен... Что и говорить! Но должен заметить, что вы чуточку опоздали, молодой человек... Да! Я, можно сказать, всю жизнь только и делал, что «воспринимал все терпеливо». Божья воля! Ломал себе голову над тем, как бы выкрутиться с налогами, с уплатой по векселям, уберечься от погромов, от черт знает чего еще... И начал с того, что днем и ночью, хуже в тысячу раз каторжанина, работал в холодной и сырой, как погреб, мастерской: делал какие-то кольца, крестики, браслеты и перстни, чинил часы и всякие штучки-шмучки — словом, пыхтел, как сифон, лишь бы капля за каплей,

правдой и неправдой скопить хоть мало-мальски капитал. А в конечном итоге, когда, слава богу, уже встал по-человечески на ноги, когда уже представилась возможность открыть собственный ювелирный магазин в таком городе, как Варшава — второй Париж! — и не где-нибудь на вонючей окраине, а на углу главнейших улиц Новы Свят и Маршалковской, когда, наконец-то, деловой мир начал принимать тебя за солидного человека, доверять крупные суммы, а ты все-таки продолжал понемногу копить и, как нищий, во всем себе отказывать, вот тогда нежданно-негаданно на твою голову обрушивается Адольф Гитлер... В один миг, вы слышите? В одно мгновение все годами собранное, накопленное по ниточке, по крупинке лопается, как мыльный пузырь! Но на все ведь «божья воля», и тебе говорят, как сейчас этот вот молодой «хасидел»¹, что «благоверный еврей должен все воспринимать терпеливо...» И ты воспринимаешь! Терпишь!.. А что, я вас спрашиваю, остается делать? Какой у тебя еще выход есть? И вскоре уже радуешься, что хотя бы успел унести свои больные ревматизмом ноги... Ты в самом деле счастливый человек, если еще удалось прихватить с собой заработанные горбом золотые часы! Я уже не говорю, какой они пробы, какой фирмы и какие у них на крышках алмазы... Главное же, что не только у тебя часы, но с ними цепь! Притом не цепочка, как может кто-нибудь нечаянно подумать, а именно цепь!.. Конечно, она золотая и тяжелая, и с такими большими бриллиантами, которым просто нет цены! Вы слышите? Что-то особенное!.. И вот ты спокойно едешь себе на пароходе. «Трансатлантик»! Лучше бы его не знать...

— Тот самый? — спросил кто-то. — Неужели?!

— Тот самый и, пожалуйста, без «неужели»... — тяжело вздохнул толстяк и, понизив тон, добавил: — Да. Но об этом теперь... ша!

Среди окруживших толстяка слушателей прокатилась волна возбужденного шепота. Послышались голоса:

— Тише!

— Не мешайте!

— Дайте человеку говорить!

— Так это же очень интересно-о! Оттуда — и живой?!

— Живой? Интересно?! — в тон переспросил ювелир. — Так «интересно», что не приведи господь кому-ли-

¹ Набожный, «благочестивый».

бо и когда-либо испытать подобное... И уж если что интересно, так это как раз то, что едешь себе тихо, спокойно, солидно и, главное, законно, не как контрабандист или фанфаронщик какой-нибудь с завихрениями в голове, а со всякими там шифс-картами, талонами, купонами-шмалонами, с паспортом, с визой и всем, что должно быть в кармане порядочного человека. И вот тут вдруг появляются уже не «прелестные» молодцы Адольфа Гитлера, чтоб иххватила кондрашка, и даже не твои конкуренты,—они тоже неплохо умели выпускать кишки,—а самые близкие, самые родные по крови люди и среди бела дня, среди синего моря и ясного неба сдирают с тебя те самые золотые часы с алмазами и золотую цепь с бриллиантами!.. Так как, нравится вам это?

Со всех сторон слышались восклицания:

— Что значит «сдирают»?

— Просто так? Ни с того ни с сего?

— Свои? Неужели?

— Неужели сюда, неужели туда,—раздраженно ответил толстяк,—а содрали, не сказав даже «будьте здоровы»! Содрали так, как с овцы шкуру, вместе с мясом... Вот полюбуйтесь! — и он обошел круг слушателей, потрясая оторванным куском лацкана, свисавшим с отворота пиджака.

— Вэй-эй-й! — воскликнул кто-то.— Похоже, что это-таки так!..

— И конечно, опять терпишь! — продолжал толстяк.— А какой, скажите пожалуйста, выход у тебя? Ты ведь благоверный человек и обязан покорно воспринимать «божью волю»... Но если ты все же надеешься, что на этом мытарства окончены, то ты такой же идиот, каким был в Варшаве, когда имел богатейший, битком набитый товаром магазин и во всем себе отказывал... Выясняется, что тебе еще суждено, как благоверному и терпеливому еврею, чудом быть спасенным от того, чтобы не уйти на дно моря! Это тоже, должен вам сказать, удовольствие не из великих... Однако вы же можете спросить, где и как все это случилось? Так я не открою вам большого секрета, если скажу, что имело это место не в открытом море, не в бурю или шторм, а почти у самого берега, в тихую и ясную погоду!.. Вы понимаете, что это значит?

Ювелир перевел дыхание, оглядел застывших в изумлении людей и с еще большим жаром продолжал:

— И все это, когда ты уже проплыл целое море, где качало и тошнило, воняло и коптило, где рекой лились слезы и даже кровь, а кругом стоял стон и ужас?! Казалось бы, хватит! Так нет. Надо, чтобы еще и стреляло... А как стреляло, люди благоверные! В тысячу раз хуже, чем на самой настоящей войне... Я видел, что творилось в Польше. Но там хоть ты был на суше, мог как-то выкрутиться, если у тебя работали мозги, мог чего-то кричать... На худой конец мог куда-то бежать — на то у тебя имеются ноги. А тут что? Бездонное море и бескрайнее небо. Можешь сколько угодно кричать, даже вопить «ацилу!»¹. Можешь сколько сил есть бежать, но все равно ты останешься на месте и никому нет дела до тебя... Как до лампочки!

Люди сочувствовали толстяку, переглядывались, иногда шептались, но тишина быстро устанавливалась, как только он начинал говорить о чем-то новом.

— Однако и это, оказывается, не самое страшное. Тебя еще поджидает взрыв... И пароход тонет... С людьми, конечно. В живых, между прочим, никто не остается... Прелестно, нет? И как там получилось, как случилось, что ты в конечном счете опять уцелел, сейчас не будем выяснять. Ни к чему это. Одно скажу: заварилась каша... Чтоб она уже лучше застряла в глотке у тех, кто ее задумал заваривать!..

— Вэ-эй-ей-ей! — с ужасом воскликнул кто-то в кругу. — С ума же можно сойти!

— А вы думаете, что?! И сходили-таки с ума!.. Но ни к чему сейчас об этом... Как бы то ни было, а ты уже снова рад, что успел унести ноги, дай им бог здоровья! Не первый раз выручают... И вот тут-то, слышите, люди?! — воскликнул он неожиданно и притопнул ногой. — Именно тут, где повсюду, можно сказать, текут молочные реки в кисельных берегах, где земля от края до края медом пропитана, где небо днем и ночью ниспосылает людям манну, тебя хватают, да так хватают, будто ты кого-то обворовал, и бросают, как скотину, в автомобиль, чтоб он горел в огне вместе с шофером, как он хорошо возит людей!.. Но куда? Зачем? Для чего? Никто ничего не знает. Опять, как на пароходе: едешь ни живой ни мертвый... Наконец-то среди ночи куда-то приехали. Тем-

¹ Спаситель

но так, словно в глаза чернила налили. И вдруг в лицо тебе ударяет такой луч света, что можно ослепнуть! От неожиданности ты уже думаешь, что либо земля треснула и черт выскочил из бездны, либо небо раскололось и сам великий Моисей снизошел к людям! Ты уже не шевелишься, не дышишь и никого не видишь. Перед тобой луч света и больше ничего! Но зато ты слышишь голос... Пс-с-с, какой это голос, люди-и! Заслушаешься... Сладкий, мягкий, нараспев, как кантор в синагоге на «симхатора»¹, он сообщает, что ты, хавэр, уже находишься в раю... Мазелтоф!² — говоришь ты себе, — наконец-то всевышний образумился и сделал тебя счастливым... А голос все еще продолжает вещать, убеждая, что о всех твоих бедах и муках, переживаниях и страданиях ты уже можешь больше не вспоминать, так как всевышнему и еще кое-кому обо всем известно... Правда, тебе от этого пока ничуть не легче, но сказать нельзя и ты молчишь, как рыба... На тебя направлен луч света, а голос сообщает, что отныне ты обязан безропотно выполнять «обеты твоих благочестивых предков...» Что ж, — думаешь ты, — безропотно... Повиноваться тебе не привыкать. Но и этого оказалось мало. Самое замечательное из того, что изрек голос человека-невидимки, это утверждение, будто золото — вовсе не содранные с тебя часы со знаменитой цепью, а всего-навсего молчание!.. Вот так, благоверные евреи, молчание — золото, а часы и цепь — пустяк... Так как? Нравятся вам вот такие вот штучки?

— Вот именно, молчание — золото, а вы тут распускаете свой язык! — послышался из толпы шепелявый голос.

Только что сиявшее холеное лицо толстяка стало вдруг жалким, как у провинившегося шалуна-мальчишки. Он вытянул короткую шею, оглянулся, надеясь увидеть того, кто произнес эти слова укоризненно-угрожающим тоном. В толпе зашевелились, о чем-то оживленно зашептались.

Толстяк скользнул растерянным взглядом по лицам застывших в тревожном молчании людей. Едва слышно он спросил:

— Ну, а потом, кто распускает язык? И главное, где распускает язык? Или это не Эрец-Исраэль? Я что-то не понимаю. Где я? А что, собственно, я тут сказал та-

¹ «Радость о торе» — последний день праздника Кушей.

² Поздравление с пожеланием счастья.

кого? Выдумал, что ли? Клевету? И в конце концов, скажите на милость, что мне за это сделают? Что?!

— Может, ничего, а может...— угрожающе произнес бледнолицый парень в черном кафтане.— Поживем — увидим...

Толстяк окинул его с головы до ног пренебрежительным взглядом. И уже взволнованно он сказал:

— Знаете что, молодой человек? Не пугайте. Я не знаю, кто вы и откуда, что в жизни видели и что пережили... Но отвечу вам: уже сделано! Уже более чем достаточно сделано!.. Да. Где, скажите мне, пароход? Где люди, которые были на нем? А их было там несколько сот! И, представьте себе, одни только наши... Да, евреи! Несчастные убегали от Гитлера, а погибли от чьих рук? Или вы полагаете, что кругом олухи?

Глаза толстяка умиленно бегали по лицам окруживших его людей. Он ждал от них поддержки или хотя бы сочувствия. Однако все молчали, словно окаменели. Толстяк съежился, испарина выступила на его лбу и подбородке. Он понял, что сболтнул лишнее, и постарался загладить допущенную оплошность.

— Но кто об этом говорит хоть слово? Тогда ночью тот, что был с фонариком сказал: «Божья воля! Надо помалкивать...» Мы и помалкиваем. Достаточно уже, кажется, помалкиваем... Гори они все в огне днем и ночью. Иметь дело со своими — я знаю, что это, еще по Варшаве... Самое паскудное дело, какое только может быть!.. В гости к тебе приходит, на улице вежливо раскланивается, в синагоге молится с тобой рядом, как самый благоверный и желает тебе всяческого добра, постоянно с тобой куценю-муценю, но стоит ему пронюхать, что ты можешь чуточку больше его заработать, как он уже готов утопить тебя в чайной ложечке... Не ново это. Но кому они нужны, эти наши хавэрим? Кто с ними вообще связывается? Мы тут просто говорили о том, что вот эти кибитки хуже сортиров. Вот и все! А почему, думаете, возник у нас этот разговор? Даю честное слово, что все ночи напролет ни я, ни мой сосед, который не даст соврать, глаз не могли сомкнуть! Быть мне так здоровым!..

— Кусают? — хихикнул кто-то.

Толстяк оживился:

— Мало сказать, кусают! Рвут куски мяса, быть мне так счастливым!

Дружный смех окруживших ювелира людей был вызван не столько словами самого толстяка, сколько желанием замять назревший конфликт.

Смеялся и Хаим. Ему очень хотелось убедить Ойю, что никто о них не говорит плохо.

— А этот молодой человек,— вдруг кивнул толстяк на Хаима,— может, конечно, нежно называть свое жилье «кибиточкой»... Почему бы и нет! Кусают насекомые или не кусают, ему наплевать. Он с молодой женой... Медовый месяц! Мне бы их заботы!..

Вновь все рассмеялись. Хаим оказался в центре внимания. Он покраснел, смутился, но не переставал смеяться.

— В их возрасте,— продолжал ювелир,— было бы куда голову положить, а остальное... пс-сс, к тому же, если хотите знать, так вот это молодой человек самый счастливый супруг на свете! Вы спросите, почему? Очень просто: жена у него немая и потому никогда не будет его пилить... Представляете? Это же просто мечта, нет?!

Слово толстяка вызвали и взрыв смеха и шиканье. Не все знали о недуге Ойи.

Хаим сконфуженно взглянул на ювелира. Не хотелось в присутствии Ойи одергивать человека, объяснять, что не все шутки хороши. Смущенно улыбаясь, он топтался на месте, не зная, что предпринять. На его счастье, какой-то мужчина, проходивший стороной, довольно громко крикнул:

— Эй вы, парламентщики! Сколько можно языком работать? Шли бы в столовую. Там два «пурица»¹ из Хайфы набирают охотников мозоли набивать... Меня уже осчастливили! На стройку под Натанией посылают...

Все ринулись к столовой, как голодные за хлебом. Хаим стоял в раздумье. Он твердо знал, что до распоряжения от квuca его никуда не пошлют. И все же, направив Ойю в палатку, поспешил к столовой.

Когда Хаим завернул за угол здания, он увидел на обочине дороги открытый легковой автомобиль и группы оживленно беседующих иммигрантов. Каждого выходящего из столовой они забрасывали вопросами, пытаясь узнать, о чем спрашивают прибывшие из Хайфы вербовщики, какую работу предлагают, на каких условиях и куда направляют, обещают ли жилье...

Стараясь не привлекать к себе внимания, Хаим нето-

¹ Важная личность, вельможа.

ропливо переходил от одной группы к другой и молча слушал, о чем толкуют люди. Он завидовал тем, кто уже получил назначение, хотя мало кто из них был доволен предстоящей работой. Из разговоров Хаим узнал, что пожилых людей даже с семьями, если в их составе есть трудоспособные, направляют в колонии, для которых «Керен-гаисод» якобы скупил у местных феодалов земельные участки. Услышал он также о том, будто парней и девушек, достигших восемнадцати лет, направляют в Сарофент — небольшой городок около Рамлы.

— Это где-то между Тель-Авивом и Иерусалимом, — пояснил какой-то сведущий парень. — Место ничего себе... Там у англичан военный лагерь, укрепленный по последнему слову техники. Вы же понимаете, они не выберут себе плохое место! И вот где-то там, очевидно, поселят и нас. Будут обучать на шоферов и слесарей, токарей и электромонтеров, механиков и как будто на трактористов тоже!

— А вам не кажется, что нас вообще станут обучать на поваров и пекарей, судомоек или прачек? — иронически улыбаясь, сказала девушка.

— И в этом ничего зазорного нет, — поучающе-назидательно ответил ей крепко сложенный мужчина лет сорока. — Вы можете быть инженерами или, допустим, врачами, но здесь, если вы настоящие холуцы и понимаете задачи, стоящие перед всей нацией, обязаны уметь делать все! И трактор водить, и хлеб выпекать, и, конечно, пищу готовить... Стыда в этом нет никакого. Сегодня в ваших руках трактор, а завтра — танк! Обстановка и наши цели обязывают поступать именно так...

Судя по голубоватой рубашке из грубого полотна и маленьким погончикам, из-под одного из которых свисал толстозаплетенный защитного цвета шнур с торчавшим из нагрудного кармана широким свистком, Хаим определил, что этот человек, по всей вероятности, инструктор военной подготовки. С людьми в подобном одеянии ему приходилось встречаться во время стажировки перед отъездом в Палестину. И все они чем-то напоминали Хаиму преподавателя гимнастики в королевском лицее. У того рубашка была ярко-зеленого цвета, и на рукаве красовалась белая лента со свастикой и буквами «LANC»¹. — Зеленорубашечника в лицее остерегались.

¹ Лига защиты национал-христианства (рум.).

Хаим и сейчас решил было отойти от греха подальше, как вдруг увидел, что из столовой вышло несколько человек, один из которых, широкоплечий, высокий, показался ему знакомым. Хаим обошел машину, к которой приближалась группа людей, присмотрелся... Да, это был Нуци Ионас! Они вместе проходили «акшару» вблизи румынского города Тыргу-Жиу. Хаим не осмелился сам обратиться к Нуци, но тот его заметил и, всплеснув руками, радостно приветствовал.

— Хаймолэ Волдитер?! — крикнул он в полном изумлении. — Слушай! Мы думали, что тебя давно нет в живых!

Они обнялись как родные. Хаим смущенно улыбался, словно был виноват перед коллегами по «акшаре». Нуци взял Хаима под руку и энергично протиснулся с ним сквозь толпу на дорогу.

Хаим понял, что Нуци занимает высокое положение, но все же спросил дружка:

— Ты, Нуцик, как я вижу, большим человеком стал? Это очень хорошо. Я рад за тебя, ей-богу!

— Дел по горло, а забот еще больше, — уклончиво ответил Ионас. — Ты лучше расскажи о себе. Это правда, что болея тифом? Как это случилось? Кто лечил?

Хаим коротко поведал о своих злоключениях. Смущаясь, сообщил он и о своей женитьбе на той самой девушке, которая спасла его от смерти.

— Так это отлично! — искренне обрадовался Нуци. — Молодец! А где она? Покажи, не прячь!

— Да нет, не прячу... Но она, понимаешь... — запнулся Хаим. Он не хотел, не мог произнести слово «глухонемая», хотя не мог и подобрать другое, которое сразу позволило бы собеседнику все правильно понять.

Нуци же был в хорошем расположении духа и, не задумываясь, сказал первое, что пришло в голову:

— Ребенка уже ждете, а, Хаймолэ? Признавайся!

Хаим еще больше смутился, опустил глаза.

— Нет, Нуцик... — сдержанно ответил он. — Она просто не может говорить... От рождения. Совершенно... Теперь ты понимаешь?

Ответ был настолько неожиданным, что Нуци остановился, словно налетел на стену.

— Серьезно-о? — едва прошептал Нуци. Лицо его выражало крайнее удивление, но, спохватившись, он заставил себя улыбнуться и преувеличенно бодрым голосом

добавил: — Ну и что?! Какое это в конце концов имеет значение! Ведь ты ее любишь?

— Больше жизни,— тихо, но твердо ответил Хаим, глядя Нуци в глаза.— А жизнью, как тебе уже говорил, я обязан в очень большой мере именно ей.

— Так это же отлично, Хаймолэ! — Нуци потрянул руку друга.— Это же главное!.. Ты извини. Сначала я не понял тебя...

Ойя встретила Нуци очень настороженно. Скрыть испуг, вызванный неожиданным приходом незнакомого человека, она не могла. Когда же поняла, что гость — добрый друг Хаима, будто засветилась вся, улыбаясь, торопливо смахнула пыль с табуреток и подала одну гостью, другую — Хаиму.

Красота Ойи поразила Нуци, однако, рассуждал он про себя, Хаим, видимо, честный и в то же время чудакватый парень. Ведь одной красотой счастлив не будешь... А рабское повиновение можно получить и от прислуги...

Выйдя из палатки вместе с Нуци, Хаим с сожалением заметил:

— Спешешь? Я понимаю, много дел... А мы ни о чем не успели поговорить...

Нуци насторожился. Он подумал, что Хаим собирается его о чем-то попросить. Он же, Нуци Ионас, не любил оказывать помощь тем, кто вряд ли мог быть полезным ему самому. Поэтому равнодушно, не глядя на Хаима, он спросил:

— Тебе что-нибудь надо?

— Не-ет! — протянул Хаим.— Просто хотелось узнать, как наши друзья по квуцá поживают. Где они? Кто чем занимается?

Нуци облегченно вздохнул. И все же, стараясь поскорее отделаться от Хаима и тем самым предупредить его возможные просьбы, он небрежно заметил:

— А что, собственно, здесь можно делать? Сам видишь: все трудятся, вкалывают и пока что живут не жирно...

Нуци рассказал коротко об их руководителях — хавэрим. И когда дошел до Симона Соломонзона, вспомнил, что трудовую стажировку за него проходил Хаим Волдигтер, что Симон сожалел, узнав о его болезни, и не раз вспоминал случай, свидетельствующий об исключительной честности холуца Волдигтера, и что именно его Иона-

са, Симон намеревался послать на Кипр, чтобы узнать, жив ли Хаим, и если жив, то привезти его. Но кто-то пустил слух, будто холуц Хаим бен-Исраэль Волдитер скончался от тифа, и поездка не состоялась...

Нуци был практичным человеком, и сразу в его мозгу начал созревать план отнюдь не бескорыстного использования этого, как ему казалось, чудаковатого человека.

— Слушай, Хаим! А что если я сейчас переговорю с хавэрим из местной администрации, чтобы тебя с женой отпустили из лагеря?

— Куда? — не понял Хаим.

— Ну как «куда»? Поедете со мной в Тель-Авив! Я ведь там работаю в Экспортно-импортном бюро у Симона Соломонзона. Он развернул тут такую деятельность, что в двух словах не объяснишь! Словом, он очень влиятельная личность!

— Вот как! — Хаим усмехнулся. — Впрочем, это понятно: он сын фабриканта! А фабрика, как известно, денежки печатает... Можно развить и очень бурную деятельность и стать даже видной фигурой! Почему бы и нет?..

— Нет, Хаймолэ, ты не так меня понял, — несколько раздраженно ответил Нуци. — Хозяином всего является не столько его папаша и, разумеется, не сам Симон, сколько его дядька по матери. Живет этот дядя за границей. Симон его только представляет. А тот персона крупная... Мультимиллионер! Личный друг Муссолини... Представляешь?

— Ровным счетом ничего не понимаю... — Хаим развел руками. — Личный друг Муссолини? Ты понимаешь, Нуци, что говоришь? Какого Муссолини?

Нуци рассмеялся.

— А какого Муссолини ты еще знаешь? — И подчеркнуто серьезно добавил: — Как-нибудь я не один год состоял в «Гардонии», а до этого был «маккабистом»¹ и в международных делах научился кое-что смыслить... Я работаю в Экспортно-импортном бюро Симона, но здесь выполняю совершенно другие функции... Ты, наверное, думаешь, что мы просто отбирали молодых пар-

¹ Член полуспортивной, но с военной направленностью организации, находящейся под непосредственным контролем всемирной сионистской организации.

ней и девушек? Представь себе, не все так, как может показаться... Не всех же молодых направляют в так называемый «Батарба»¹. Что это такое и каково его назначение, ты, возможно, еще узнаешь, но пока — между нами!.. И уж если я говорю, то не надо спорить. Условились?

— Я не спору, боже сохрани! — согласился Хаим. — Но у меня не укладывается в голове, ей-богу!.. Или я ровным счетом ни черта не смыслю. Ты не обижайся, Нуци! Но как могут быть друзьями главарь итальянской шайки чернорубашечников и еврей Соломонзон, пусть он даже архимиллиардер?!

— Представь себе!.. Кстати, его фамилия не Соломонзон. Он дядька Симона по матери. Но не в этом дело... Как-нибудь в другой раз расскажу тебе кое-что, и ты ахнешь! Но, повторяю, только между нами! А сейчас я сбегая к местным властям, скажу, что забираю вас с собой.

— Обожди, Нуци! Надо хорошенько подумать...

— Чего думать? — удивленно переспросил Нуци.

— Понимаешь... — замялся Хаим. — Я же не знаю, как на это посмотрит руководство нашего квуца?!

— Вот это, между прочим, пусть тебя меньше всего беспокоит. Они все зависят от Симона. А он хорошо относится к тебе. Это важно! Ведь ты за него «акшару» отбивал, вкалывал дай бог! Я же помню! Чудак ты...

— Ничего это ровным счетом не значит, — уныло сказал Хаим. — Тем более, когда он стал, как ты говоришь, фигурой. И, кроме того, его отец за все, что я выполнял, денежки в кассу квуца внес. Ты же знаешь!

— Все знаю... Все! И тем не менее не говори глупостей!

Нуци отмахнулся и ушел, оставив Хаима в растерянности. Прошло совсем немного времени, когда из-за угла столовой показался Нуци. Еще издали он крикнул:

— Собирайтесь! Едете со мной!

Когда допотопный автомобиль остановился у палатки и Хаим с Ойей вышли с узелками, к ним подошел толстяк ювелир. Тут же прибежали и другие иммигранты из соседних палаток. Все были поражены неожиданным отъездом молодой пары.

— Посмотрите на них! — громко обратился толстяк к людям, которые не без зависти смотрели на Хаима

¹ Четвертое отделение, занимающееся военной подготовкой.

и Ойю.— Он все время играл из себя тихоню, она вообще ни гугу, а им подают легковой автомобиль!.. Скажите, пожалуйста, какие знатные персоны! Можно подумать, что иначе они не привыкли ездить у своих родителей?! Черт их поberi вместе с их родителями и прародителями!..

Симон Соломонзон был не столько обрадован, сколько поражен неожиданным сообщением Нуци о том, что Хаим Волдитер жив, здоров и вместе с молодой женой ждет в машине у подъезда дома.

— Красотка! — заискивающе говорил Нуци.— Но молчит, как рыба... Немая.

— Вот как?! — удивился Симон и, помедлив, стал размышлять вслух: — Как это понимать? Богатое приданое соблазнило? Видимо, Хаим не такой уж простак, как я думал...

— Откуда приданое? — перебил Симона Нуци.— Нищая! А Хаим действительно неглупый парень, но провинциал и чужак... Сам надел на себя этот хомут потому, что она будто бы спасла ему жизнь...

— Серьезно? — Симон еще больше удивился.— Тогда он и в самом деле простак, не в меру порядочный простак...

— Да, честный дурак! — Нуци рассмеялся.— Провинциал...

— Ну что ж! Посмотрим, на что он годится...

Вместе с Нуци он вышел встретить нежданных гостей. Симон крепко пожал руку Хаима, дружески похлопал его по плечу, вежливо поздоровался со смущенной Ойей, пригласил их в дом.

Хаим заметил, что Нуци держится на весьма почтительном расстоянии от Симона. Робкий по натуре, Хаим сейчас совсем стушевался. Когда же хозяин дома, усадив гостей за стол, попросил Хаима рассказать о его странствиях, тот почувствовал себя, как школьник перед лицом строгого экзаменатора: он знал Симона, человека черствого и скрытного. Какие уж тут откровенности! Заикаясь, он в нескольких словах рассказал о том, как болел на Кипре и как после выздоровления добрался до Палестины. Вспомнив недвусмысленный «совет» человека с фонариком и инцидент с толстяком ювелиром, Хаим ни словом не обмолвился о том, что произошло с «трансатлантиком». Постарался отделаться шуткой:

— Несмотря на помощь медицины, я все же поправился и вот... прикатил! — закончил он свой рассказ.

В комнату вошла дородная женщина. Поднос в ее руках был тесно заставлен посудой и угощениями. Расставив на столе чашки с чаем, розетки с вареньем, разрезанный на куски торт и печенье, женщина молча и бесшумно удалилась.

Предложив Хаиму и его супруге угоститься с дороги чем бог послал, Симон сказал, что дела вынуждают его ненадолго покинуть гостей, и тотчас вышел из гостиной. Вслед за ним вышел и Ионас.

Хаим окинул взглядом гостиную. Все здесь свидетельствовало о богатстве обитателей дома и вместе с тем подавляло мрачностью, вычурностью и тяжеловесностью — и хрустальная люстра с массивными черными цепями, и стены, завешанные дорогими коврами, и вишневые с золотистым орнаментом плюшевые портьеры, и висевшие между ними три овальные портрета в тяжелых бронзовых рамах. В центре висел большой портрет мужчины с пышной бородой и большими суровыми глазами. В нем Хаим без труда узнал основоположника сионистской теории Теодора Герцля. Подобный портрет он уже видел в столовой «пункта сбора».

Хаим прислушался к мягкому ходу больших часов в оправе из саксонского фарфора, стоявших на мраморной крышке многоярусного, как буддийская пагода, обильно инкрустированного буфета-серванта. За его толстыми зеркальными стеклами сверкал хрусталь ваз, графинов, блюд и бокалов.

«Да,— с горькой покорностью подумал Хаим,— богатым всюду рай, не то что нам, бедным иммигрантам. Пусть томятся на «пунктах сбора», голодают, болеют. Кому они нужны...»

Нерадостное раздумье Хаима прервал приход Соломонсона и Нуци.

— Ионас разумно поступил, забрав вас сюда,— проговорил хозяин дома.— Нам нужны честные труженики. Но прежде всего надо решить, где вы будете жить.

Нуци будто ожидал этого вопроса. Он сразу предложил остановиться у него.

— Я живу с женой и тещей в доме хавэра Симона,— пояснил он Хаиму.— Недалеко отсюда поселок Бней-Берак... А во дворе у нас флигель. Правда, его надо немного привести в порядок...

— Вот и отлично! — перебив Нуци, тотчас же согласился Соломонзон.

Хаим поблагодарил и робко спросил:

— А как вы думаете, не будут ли у меня неприятности от руководства нашей квуца за то, что я самовольно покинул «пункт сбора»? Может, поставить их в известность?

— Мелочи! — уверенно ответил Соломонзон. — Устраивайтесь, приводите в порядок жилье, а потом потолкуем и о другом... Главное — работать! Вы поняли меня, хавэр Хаим? Работать!

5

День был на исходе, когда автомобиль с важно восседавшим Нуци Ионасом, его напарником-шофером и прижавшимися друг к другу на заднем сиденье Хаимом и Ойей остановился у ворот приземистого, слегка покосившегося четырехоконного дома. Решетчатые ставни с деревянными, облезлыми, местами выломленными поперечными планками придавали ему унылый, заброшенный вид.

Тотчас же машину окружила орава ребятишек, вынырнувших со дворов соседних домов. Наперебой они стали здороваться:

— Шолом, хавэрим!

— Шолом!

Напарник Нуци выключил мотор, намереваясь вместе с хозяином войти в дом, но тут один из мальчуганов, загорелый, в брюках чуть ниже колен и в маленьком, точно блюде, сатиновом берете, едва прикрывавшем курчавые волосы, подошел к нему и вызывающе заявил:

— Вы шаббат-гой! Скорю суббота, а вы все катаесь!

— Рано еще, — ответил ему Нуци, взглянув на позолоченное закатом небо. — До вечера знаешь сколько? А ты орешь «суббота»! Иди-ка отсюда, слышишь?!

— Сам иди! — нехотя пятась, огрызнулся мальчуган. — Вот пусть только войдет первая звезда, мы тогда проткнем все шины вашему проклятому автомобилю... Вот увидите!

Нуци пригрозил мальчугану, а явно встревожившийся

¹ Ш а б б а т - г о й — еврей, не чтящий праздника субботы.

шофер поспешно включил мотор и тут же уехал, напутствуемый криками ребят:

— Шаббат-гой! Шаббат-гой!

Вдогонку автомобилю полетели камни.

Нуци натянуто рассмеялся:

— Видал, Хаймолэ, какие здесь растут парни?! Это не то, что мы с тобой, а? Герои!

Хаим улыбнулся, но ничего не ответил. Он не понимал, чем вызвана дерзость ребят и почему Нуци, явно смущенный, все же одобрительно отзывается о них.

Едва открыв калитку, Нуци принялся кричать по-румынски:

— Этти! Мамико! Где вы? Гостей принимайте!

На пороге открытой двери показалась молодая женщина в ярко-голубом атласном халате, расписанном большими ромашками. По выражению ее лица нетрудно было заключить, что она далеко не в восторге от того, что муж приволок с собой гостей с жалкими узелками.

— Мой друг! — поспешно и весело представил Хаима Нуци, желая предупредить жену от неуместных реплик на румынском языке. — Холуц из Румынии! И его жена...

— Очень приятно, что из Румынии, — сухо ответила Эттиля и, осуждающе взглянув на мужа, иронически добавила: — Мне это доставляет большое удовольствие...

Хаим смущенно поклонился, назвал свою фамилию и, осторожно дотронувшись до локтя Ойи, робко представил и ее:

— Моя жена... Ойя.

— Ойя?! — рассмеявшись, переспросила Эттиля. — Что это: имя или ваше ласковое прозвище? Ойя!..¹

— Нет, Этти! — опережая Хаима, постарался быстро ответить Нуци. — Это действительно ее имя! Она и в самом деле такая милая и такая тихая, как овечка... — Довольный тем, что удалось обратить в шутку язвительно-насмешливый вопрос жены, Нуци поспешно добавил: — А ты знаешь, Этти, мой товарищ — большой друг нашего Симона! Да, моя дорогая! Соломонзон так радушно нас принял... Мы сейчас от него, честное слово!

Эттиля выпучила глаза, лицо ее внезапно вытянулось, губа отвисла: она была поражена.

— Вы все вместе были у Симона? — обратилась она к ссутулившемуся Хаиму, точно не поверила словам мужа. — Вы его знаете?

¹ По-румынски Ойя — овечка.

Хаим кивнул, еще не понимая, сколь магически подействовал на женщину рассказ о визите к Соломонзону.

— Я же тебе говорю, Эттилэ! Мы были у него дома! — раздраженно ответил Нуци. — Сидели в гостиной, нас угощали чаем, вареньем, печеньем, тортом и еще чем-то... Полный стол, честное слово! И сам Симон просил меня помочь им временно устроиться здесь, во флигеле...

— Эттилэ! Нуцилэ! Почему вы не приглашаете людей в дом? — послышался трескучий женский голос. — Что вы стоите во дворе?

Хаим обернулся. В дверях стояла полная, низенькая, коротко подстриженная седая женщина. Он виновато поклонился ей.

— Люди с дороги, наверное, устали, — продолжала старушка отчитывать дочь и зятя, — а они держат их во дворе, как будто для этого нет дома?! Кошмар! Кто так принимает гостей, Эттилэ?!

Грозная теща Нуци, разумеется, услышала, что бедно одетые молодые люди были приняты самим Симоном Соломонзоном...

Нуци что-то шепнул жене, она удивленно взглянула на Ойю и, обращаясь к ней, несколько нерешительно сказала:

— Входите, конечно... Вот сюда! Сюда, сюда проходите... Пожалуйста!

Ойя и Хаим вошли в маленькую, чисто выбеленную переднюю, заставленную сундуками и коробками, на которых виднелась жирная надпись «Джойнт дистрибьюшн Комити USA»¹. Хаим помнил, что в таких же коробках и с такой же точно маркировкой в тот страшный день им доставляли на «трансатлантик» пакеты с едой. Наличие таких же пакетов в доме Ионасов его удивило.

— Здесь можно оставить? — спросил Хаим, указывая на свои пожитки.

— Что за вопрос?! — Эттиля фыркнула, как рассерженная кошка. — Если ваши узлы набиты золотом, то и в этом случае их никто не тронет!

Хаим покраснел, робко сказал, что его не так поняли, он лишь боялся, не побрезгуют ли хозяева невзрачным на вид багажом.

— Ну! Что же вы стоите здесь? — выйдя в переднюю, засветилась старушка. — Проходите!

¹ Сионистское благотворительное общество, субсидируемое американскими евреями.

Хаим поблагодарил, осторожно положил узелки на пол, снял свои поношенные ботинки и быстро, стыдясь их жалкого вида, сунул под узел. Ойя последовала его примеру, и они вместе на цыпочках прошли в большую комнату.

— Вот стулья, тахта, кресло, садитесь, где вам будет удобно,— предложил Нуци и вышел в прихожую.

— Пусть она снимет кофточку,— указывая на Ойю, посоветовала Эттиля.— Объясните ей, что у нас тепло!

Хаим помог Ойе снять шерстяную кофточку. Сняла она и косынку, поправила косу и сразу преобразилась. Хаим умиленно смотрел на нее и, когда Эттиля вышла из комнаты, нежно поцеловал. Ойя просияла и, в свою очередь, кивнула на его помятый и потертый пиджак.

Хаим подошел к зеркалу, взглянул на себя: щеки впали, под глазами темные круги, а веснушки, казалось, никогда еще не были такими яркими.

— О, правильно! — одобрила старушка, войдя в комнату и увидев, что Хаим снимает пиджак.— Чувствуйте себя как дома! Мы сами испытали, что значит приехать в страну, где никого не знаешь и тебя никто не знает. Кошмар! Но... как-нибудь! Не умерли, слава богу... Нуцилэ работает у Соломонзона — это вы знаете. А Эттиля? Она тоже устроена. Не очень хорошо, но ничего... Учит детей музыке.— Она указала на старенькое пианино.— Я его тащила из Галаца!.. Сколько здоровья мне это стоило, один бог знает... Но здесь, чтобы купить такой инструмент, надо иметь бешеные деньги! А откуда их взять? Дочь и зять, дай им бог здоровья, не любят, когда я так говорю. Они все-таки занимают большие посты. Особенно Нуцилэ! Он очень успел... Но зато он и работает, как вол! Иначе Соломонзон держать не будет... Поверите, иной раз целую неделю не бывает дома. Что он там делает, куда ездит — и не спрашиваем. Какое наше дело? Конечно, у таких, как Соломонзон, мозги не сохнут о том, где взять деньги, чтобы идти на базар, или кому раньше отдать долг: лавочнику за продукты или хозяину за квартиру. А цены, чтоб они пропали вместе с теми, кто их повышает, все растут и растут...

Вошла Эттиля. Старушка смолкла, суетливо сняла со стола плюшевую скатерть с длинными кистями, постелила другую — белоснежную, хрустящую, накрахмаленную, разложила на столе ложки и вилки. Вслед за дочерью она взяла что-то из буфета и тут же вышла.

Оставшиеся наедине Хаим и Ойя переглянулись и с любопытством стали озиаться по сторонам. Комната была просторная и чисто убранная. Особый уют ей придавал огромный яркий трансильванский ковер, свисавший почти от потолка и прикрывавший широкий диван, на котором, как у Симона Соломонзона на полу в гостиной, лежало множество разноцветных подушечек. На самом видном месте, как раз над пианино, висел большого формата цветной фотопортрет Симона Соломонзона. Здесь он выглядел старше своих лет, хотя был облачен в спортивную белую рубашку с открытым воротником и короткими рукавами. На нагрудном кармане рубашки красовалась большая, вышитая голубыми нитками шестиугольная звезда «Щит Давида».

Взгляд Хаима остановился на открытой настежь двери, ведущей в другую маленькую комнату: шкаф и стоявший вплотную к нему диванчик оставляли лишь узкий проход.

Нуци, войдя в столовую, обратил внимание на устремленный в открытую дверь взгляд Хаима.

— Там живет наша мама,— сказал он,— а за стеной другая семья. Вторую половину дома Соломонзон сдает еще двум семьям... У них отдельный вход. Мы с ними не соприкасаемся... Это ватиким¹. Они жили здесь еще до того, как отец Симона купил этот дом. У него вообще слабость к домам... Как приедет в Палестину, так непременно купит парочку или тройку домов...

— Неплохая «слабость»...— заметил Хаим.— Как я понимаю, он постепенно переводит сюда свои капиталы из Румынии?

— Как тебе сказать? Пожалуй, это не совсем так...— замялся Нуци.

Тем временем в комнату вернулись Эттиля с матерью и принялись расставлять закуски. Мать Эттили пригласила гостей к столу, а Нуци достал из-под тахты бутылку с прозрачной жидкостью. Увидев ее на столе, старуха пришла в ужас.

— Он уже берется за свое! Кошмар! И сколько я ни говорю, что это самая настоящая погибель, а стакан сока куда полезнее, он все равно тянет эту дрянь, хоть режьте его!

Виновато ухмыляясь, Нуци тем не менее неторопливо откупорил бутылку.

¹ Коренные жители Палестины.

— Ты слышал когда-нибудь, Хаймолэ, что такое «арак»? — спросил он. — Смахивает немного на румынскую цуйку...

— Ой, Нуцилэ! Мама ведь не хочет, чтобы ты пил... — взмолилась Эттиля и, обращаясь к Хаиму, пояснила: — Вы же понимаете, какой это может быть напиток, если его делают сами бедуины?!

— Просто кошмар! — негодовала старуха. — При одном только взгляде на бедуинов меня выворачивает наизнанку! О чем вы спрашиваете?! Вечно грязные, немытые, нечесанные и все, что хотите... А он себе пьет! И еще как, вы бы посмотрели, кошмар! Это же сущая гадость...

Нуци причмокнул языком, предвкушая удовольствие, налил Хаиму и себе.

— Арабы его пьют с водой, — пояснил Нуци с видом знатока. — Как в Румынии в лучших ресторанах, добавляют на три четверти бокала вина одну четверть сифона... Получается прямо-таки шампанское!

— Шприц, — скромно заметил Хаим.

— Верно, шприц! — обрадованно подхватил Нуци, и в его голосе прозвучала тоска. — Ты, оказывается, все помнишь, Хаймолэ?! Молодец!

Нуци долил в чашечки воду. Жидкость помутнела.

Он лихо опрокинул в рот содержимое, а Хаим, не торопясь, отпил половину и, к удивлению наблюдавших за ним Эттили и ее матери, спокойно сказал:

— Ничего...

— Скорее закусывайте! — сморщив лицо, закричала старуха. — Кошмар!

— Дать тебе воды запить? — предложил Нуци. — Глоточек?

— Вам плохо, наверное? — забеспокоилась Эттиля. — Горит, нет?

— Нормально, — ответил Хаим. — Ей-богу! Спасибо.

Воцарилась тишина. Все принялись за еду. Не спеша Хаим и Ойя ели положенные им на отдельные тарелочки рубленые яйца с куриным жиром и мелко нарезанным жареным луком. Старуха положила по тарелкам куски курицы и по две-три ложки отварной фасоли.

— Попробуйте гарнир! — приглашала она гостей. — Вы видите, какая это фасоль? Это же не фасоль, а просто сахар! Прямо тает во рту...

Вслед за закуской и вторым блюдом она принялась

разливать в тарелки бульон из покрытого толстым слоем гари чугуника.

— На редкость удачная курочка мне попалась... Ой, почему вы не кладете себе сухариков? Видите, какой это бульон? Чистое золото! Берите сухариков, ну! — приговаривала она, пододвигая к Хайму миску с маленькими, аккуратно нарезанными зарумяненными квадратиками. — И жене тоже положите... Что-то она, кажется, плохо у вас кушает? Объясните ей, что эти сухарики я сама приготовила...

— Ну-у! — причмокнув, воскликнул Нуци, стараясь задобрить тещу. — Как наша мама умеет готовить, поискать надо! Что-то необыкновенное! У нас однажды был Симон. Помнишь, Эттилэ, как он тогда кушал?

— Спрашиваешь?! — ответила Эттиля, словно речь шла о событии из ряда вон выходящем. — Он пальчики облизывал...

Нуцина теща заерзала:

— Мне так доставляет удовольствие ваша похвала, деточки мои, чтоб вы были здоровы и счастливы, и все же, скажу я вам, что все кушанья могли бы быть гораздо лучше и гораздо вкуснее, не будь у нас таких отвратительных соседей... Да, да! Не удивляйтесь. — Старуха глянула Хайму в глаза. — Сегодня же канун субботы! Конечно, до приезда сюда я не очень придерживалась этого обычая. И не потому, что плохо веровала. Боже сохрани! Просто так у нас было принято. Но тут хочешь не хочешь, а надо соблюдать никому не нужные обычаи, возникшие, наверное, не одну тысячу лет тому назад! И представьте себе, что местные здесь, как было когда-то у предков, продолжают придерживаться этих порядков!.. Иначе почему, вы думаете, мне приходится их выполнять? Из-за соседей...

— У нас тут такие соседи, — поддержала Эттиля, — что лучше бы их вовек не знать! Упаси бог, если, к примеру, они узнают, что кто-то в субботу, уже не говоря о праздниках, осмелился зажечь огонь...

— Кошмар! — перебила ее мать. — О чем говорить! Это не люди, а я даже не знаю, как их назвать... Хуже, поверьте мне, арабов!

— Не хуже, положим, — осторожно поправил тещу Нуци, — но не в этом дело. Арабы арабами, и все мы знаем, как они нас и как мы их любим... А соседи наши просто очень отсталые и с предрассудками люди.

— Только это разве? — не унималась Эттиля. — Что ты говоришь, Нуцилэ?! Они такие же хорошие, как арабы... Ты же сам это не раз говорил?!

Нуци под столом слегка подтолкнул ногой жену, и она замолчала, но сидевшая на другом конце стола теща была недосыгаема. К тому же она не принадлежала к категории людей, которые могли промолчать, когда оказывалось задетым их самолюбие.

— Не делайте из меня, пожалуйста, дуру! — вспылила теща. — Я еще пока не выжила из ума! И уж если хотите знать, так я бы не знаю скольких таких «ватиким», как наши соседи, отдала за одного араба... Один наш сосед чего стоит? Его бы только к болячке подкладывать... Такой он хороший!

— Никто не говорит, что он хороший... — заискивающе согласился Нуци и, стараясь замять разговор, объяснил Хаиму: — Это отец того чернявого паренька в коротких штанах и с черной кеполэ на голове. Отец собирается отдать его в «йешиву»¹ и оттого строго соблюдает все правила «законов предков».

— А что же этот выродок хотел от тебя? — насторожилась старуха. — Что ему надо было?

— Что он мог хотеть? Увидел мальчик автомобиль, вот и подошел...

Старуха недоверчиво глянула зятю в глаза. Ее не так-то легко было провести.

— Это он разве так просто подойдет? — ехидно переспросила она. — Тот еще мальчик растет. Кошмар! Такому лучше бы не родиться, поверьте мне. И вообще семейка у них — не спрашивайте!..

— Мы их, знаете, как зовем? — не удержалась снова Эттиля. — «Сабра»!

Нуци опять попытался сгладить резкие выпады тещи и жены, придав разговору шутливый характер. Он рассмеялся:

— Да, да... Здесь есть такое растение — кактус. Плоды его сладкие, но растение очень колючее. Так вот коренных жителей так и прозвали — «сабра». Они тоже немножко колючие... Хотя есть довольно порядочные люди и среди них! Но наши соседи просто особые... Немножко колючие.

¹ Богословские школы с мистическим характером обучения, крайне отсталые и фанатичные.

— Немножко! — возмутилась старуха. — Ты слышишь, Эттилэ? А не из-за этих «сабра» я должна все время держать на огне готовый ужин и целый обед с самой пятницы аж до вечера следующего дня?! И кто, как не они, постоянно не дают нам покоя со своими глупыми обрядами? Вы же понимаете, что мы не какие-нибудь там свиньи, чтобы кушать холодное кушанье, — обратилась старуха на румынском языке к Хаиму. — Можно заработать такой бухвейтег¹, что потом всю жизнь не будешь рад!.. Ну, а зажечь в субботу огонь — я уже не говорю о том, чтобы приготовить свежее кушанье, — только просто разогреть? Боже упаси! Чтобы пронюхали эти «немножко колючие» и потом смешали нас с грязью на весь Эрец-Исраэль? Мы тоже не хотим... Они ведь на все, что хотите, способны! Просто кошмар!.. Хотя я, поверьте мне, не боюсь их. Видала их всех на полу под черным покрывалом! Но мой же зятек и доченька тоже, дай им бог хорошего здоровья, постоянно твердят, что им, видите ли, неудобно нарушать обычаи. И потому только мы не затеваем с ними никаких дел. Но сами понимаете, что нам за все это приходится в субботу, и особенно в праздники, кушать застоявшееся, прокисшее и, не за столом будет сказано, провонявшее кушанье... Кошмар! Тут и не только дымом будет отдавать или пригореть может пища, но даже керосином, тоже случается, пахнет...

Нуци ерзал на стуле и, не находя лучшего способа прервать поток откровений тещи, раз за разом подливал себе «арак» и демонстративно опрокидывал чашечку за чашечкой. Эттиля краснела и осторожно бросала на мать укоризненные взгляды. Наконец та уразумела и стала стихать.

— Но от этого еще никто не умер! — произнесла она менее воинственным тоном. — Мы привыкли, привыкнете и вы! Как говорится, только бы эта беда у всех нас осталась и другого горя бы никому не знать... Так что не брезгуйте и кушайте себе на здоровье! Все-таки бульон от очень удачной курочки!

К концу трапезы Нуци заметно осоловел, и, когда все встали из-за стола, он предложил Хаиму прогуляться.

— Вон там находится флигель, в котором вы будете жить, — сказал он, показывая рукой в глубь двора на ед-

¹ Боль в животе.

ва различимое в темноте небольшое строение.— Сегодня вы как-нибудь устройтесь у меня, а завтра осмотрим его. Симон сказал, что это на первых порах, ведь там нет потолка... Но крыша, Хаймолэ, отличная! И двери... Правда, стекла в окне придется вставить. А на пол раздобудем циновки. В порту у меня их навалом. Будет дешево и сердито! Нет? Зато они приятно пахнут рогожкой, а стоят ерунду, и не жалко их выбросить... Многие из местных стелют их даже в комнатах, честное слово! Но вот хуже тут обстоит дело с удобствами...

— О чем ты говоришь, Нуцик?! — воскликнул не без удивления Хаим.— О каких удобствах может идти речь?! Что, я не вижу, как большинство людей здесь живет? Тебе, Нуцик, я очень благодарен, ей-богу! От души говорю...

— Ну нет, Хаймолэ, нет! Удобрства, о которых я говорю, нужны всем, будь ты царь или батрак! Ведь ты же не бедуин, которому ничего не нужно?! А покамест вы будете жить здесь, неподалеку есть такое место.

— Что ты имеешь в виду? Туалет?!

— А ты думал — ванную и душ с горячей и холодной водой?! — рассмеялся Нуци.— Это, мой друг, могут пока иметь только такие, как Симон Соломонзон! Мы сейчас пойдем, и я покажу тебе, куда ходят ватиким... Придется и тебе с женой туда прогуливаться. Недалеко это...

Они вышли на улицу, зашагали по сплошь выщербленному, тускло освещенному редкими фонарями тротуару.

— Устроишься на работу, подыщем другое, более благоустроенное жилье,— продолжал Нуци разговор на прежнюю тему, которая, как показалось Хаиму, почему-то его очень беспокоила.— И тогда не надо будет вам совершать малоприятные прогулки... Правда, Симон надумал было построить это «заведеньице» у нас во дворе, но наши сволочи рабочие запросили втридорога!

— Что значит наши? Евреи, что ли?

— Именно! — возмущенно ответил Нуци.— Тогда я нашел двух бедуинов. Эти брались буквально за несколько пиастров¹ выкопать яму. Но тут нашу маму вдруг осенило... Зачем, сказала она, делать общую уборную во дворе и, хочешь не хочешь, общаться с этими пачкунами

¹ Единица денежного счета

«сабра»? А если повесить там замок, так они сорвут его в первую же ночь вместе с дверью и петлями! Тогда-то мы и подумали, не лучше ли отвести угол на нашей кухне? Так и сделали. Конечно, это не шик-модерн. Даже ничем не отгорожено. Кухня такая крохотная, что и без того негде повернуться. И приходится всякий раз выпроваживать всех, и тебя вечно то-ропят, потому что там что-то может подгореть или пере-жариться... Словом, это не «кабинет задумчивости»...

Теперь Хаим понял, что именно тревожило друга. Сам факт неблагоустроенности жилья, в котором много лет обитают местные жители, поразил его, пожалуй, не меньше, чем скупость Симона Соломонзона и враждебность тона, каким Нуци говорил о евреях-рабочих, о своих соседях по дому. Да и царившая здесь атмосфера зависти, неуживчивости и даже склочности также удивила его. Он поспешил успокоить Нуци, сказав, что ни сегодня, ни тем более в последующие дни, когда они с женой переселят-ся во флигель, не будут злоупотреблять его гостеприим-ством.

Нуци облегченно вдохнул и перевел разговор на дру-гие темы.

— Все здесь только начинается, дорогой Хаймолэ! Работы кругом непочатый край... Куда ни повернешь-ся — все надо: и ремонтировать, и строить, и базу для борьбы с врагами тоже надо создавать!.. И, представь себе, продукты питания нужно ввозить. Земля у нас, ска-жем прямо, дрянная.

— Обетованная! — съязвил Хаим. — А я-то думал, что земля предков и в самом деле медовая...

— Медовая... Я с тобой говорю откровенно, а ты по-смеиваешься... — обиженно произнес Нуци. — Обрабаты-вать ее — сизифов труд!.. Посмотришь на наших киббу-цам и ужаснешься! Это тебе не Европа, где воткнешь в землю палку, оглянешься, а она — уже дерево! Здесь семь потов сойдет, пока вырастишь паршивый кустик. К тому же за всем надо следить! Иначе арабы обчис-тят в два счета... Да и наши, думаешь? Эти местные тоже хороши: за ними только поглядывай... Вообще они нас, пришлых, ненавидят, несмотря на то, что именно мы соз-даем им все блага. Все, что они имеют здесь, — это ведь благодаря нам! Но вместо признательности они твердят, будто мы неженки, отступники и только портим им все. Оттого приезжему человеку порой бывает не-

сладко. И все же здесь, конечно, неплохо...

— В самом деле? — спросил Хаим. — Что же тут хорошего, если арабов надо остерегаться, между своими вражда, всяких трудностей непролазная куча?

— Что хорошего? — замялся Нуци. — Ну хотя бы то, что никто тебя здесь не оскорбит... И, конечно, не тронет!.. А в остальном?.. В остальном, сам понимаешь, если музыка играет зауспокойную, так не станешь же танцевать «фрейлехс»¹... Арифметика простая. Хотя должен тебе признаться, что от арабов того и жди, что воткнут нож в спину. Здесь арифметика тоже простая. Ведь нетрудно догадаться, что постепенно мы их вытесняем... Как и то, впрочем, что на всем этом греют руки англичане. Чтобы прикрыть свои подлые делишки, они норовят подлить масла в огонь, разжечь вражду... Старые интриганы! Но повторяю: с арабами мы справимся. Здесь, конечно, решит сила! А будет у нас сила, выдворим отсюда и англичан... Арифметика не сложная...

— Неплохо бы, — согласился Хаим. — Но боюсь, с ними не так-то просто будет... Империя! И это уже не «арифметика», а немного посложнее...

— Ничего. Силы кое-какие у нас уже есть. И они растут. Причем так растут, что трудно себе даже представить! Вот, кстати, в этом отношении «сабра» себя показывают с наилучшей стороны. Они никому спуска не дают! Не-е! Попробуй их тронь. Моментально у тебя перед глазами блеснет нож! И должен тебе признаться, что кое-кому из наших таки приходится подчас довольно туго с ними...

— Что же получается? — удивленно спросил Хаим. — От арабов, говоришь, жди ножа в спину, а от своих — в грудь!

— Ну, не совсем так, конечно... Но тем не менее сложно. Очень сложно, — уклончиво ответил Нуци, сворачивая с тротуара в сторону.

Они шли куда-то под гору, деревья заслонили последний, оставшийся позади электрический фонарь. Местность напоминала заброшенный сад или рощу. Хаим подумал было, что под действием «арака» Нуци, видимо, забыл, куда и зачем они идут.

— Со временем здесь будет парк! — гордо сказал Нуци. — И знаешь, кто пожертвовал на его строительст-

¹ «Веселая» — национальный еврейский танец.

во? Ротшильд! Целый миллион отвалил! Но, сам понимаешь, и Иерусалим не в один миг был построен. Со временем будет у нас рай, увидишь! Планы грандиозные!.. А пока здесь поблизости отхожее место...

Зловоние, которое Хаим ощутил еще раньше, стало все более одуряющим.

— Как видишь, совсем недалеко,— продолжал Нуци.— Всего одна автобусная остановка, честное слово...

Хаим едва удержался, чтобы не рассмеяться.

— Ну-у, на автобусе, разумеется, можно успеть, если приспичит...— притворно серьезным тоном заметил он.

Нуци Ионас, не уловив иронии в реплике Хаима, продолжал наставлять приятеля. Он сообщил, что с пяти утра и до одиннадцати вечера автобусы ходят по расписанию почти через каждые четверть часа, а проезд стоит сущую ерунду.

Хаим молча выслушивал друга и про себя с горечью думал: «Стоило ехать на «обетованную землю», чтобы по нужде добираться на автобусе?! Поглядим, что будет дальше... Во всяком случае, не мед тут течет, это уже ясно. И, пожалуй, прав был Томов, не советуя ехать...»

На обратном пути стал накрапывать дождь.

— О, это хорошая примета, Хаймолэ! На счастье, увидишь! Честное слово!..— сказал Нуци, схватив Хаима за локоть.

— Что ты имеешь в виду? — уныло спросил Хаим.— Дождь или неудобства с уборной?

— Дождь, конечно, чудак!

— Возможно,— безразлично ответил Хаим.— Откуда мне знать, на чем здесь зиждется счастье... А вдруг и в самом деле на дерьме?!

Нуци остановился и тупо уставился на Хаима, но, видимо, «арак», мешал ему до конца понять подлинный смысл услышанных слов. Он круто повернулся и быстро зашагал. Хаим поторопился его догнать и, в свою очередь, схватил друга за локоть. Придержав его на мгновение, он чистосердечно признался:

— Не обижайся, Нуцик! Я так думаю, ей-богу!.. А ты как считаешь?

Хаим и Ойя поселились в помещении, которое Ионасы, как и сам владелец дома Симон Соломонзон, почему-то называли флигелем, а соседи-сабра не без основания окрестили временкой. В этом небольшом квадратном строении в глубине двора, сложенном из крупного белого камня в незапамятные времена, были единственное и узкое, как бойница, оконце, выложенный каменными плитами пол, стены, штукатуренные, видимо, еще при царе Соломоне, и черепичная крыша, которая одновременно служила и потолком. Строение скорее всего когда-то было летней кухней, а потом, судя по тошнотворному запаху, его длительное время использовали как склад для козьих и овечьих шкур.

С приездом Ионасов в знойные дни Нуцина теща принимала здесь душ.

— Летом это же одно удовольствие! — призналась Хаиму старуха. — Вы знаете, какая жара тут бывает? Кошмар! Вода за два-три часа сама по себе нагревается... И главное, о водостоке думать не надо... Вы же видели, какие там трещины в полу?! Но это не так уж страшно...

Молодоженам пришлось основательно потрудиться, чтобы помещение стало мало-мальски пригодным для жилья. Они долго скребли и мыли пол, оттирали и обмазывали стены известью с песком, выносили груды мусора. Оба валились с ног от усталости, но не роптали. Ойя все принимала как должное, а Хаим прекрасно понимал, что немало семей с детьми, не говоря уже об иммигрантах, были бы счастливы получить и такое жилье, за которое, кстати, Симон Соломонзон уже установил арендную плату.

— Дружба дружбой, а денежкам — счет, — оправдывая эту поспешность, заметил Нуци. — И если ты думаешь, что мы с Эттилей не платим за нашу конуру столько, сколько не стоит весь этот дом, так ты глубоко ошибаешься, Хаймолэ!

Молодая пара постепенно обживала свои «хоромы». Появились примитивные, на удивление аккуратно сделанные самим Хаимом полочки и вешалки, заменившие новоселам и стол, и шкаф, и буфет. А вместо обещанных Нуци Ионасом, но так и не привезенных циновок пол застелили картоном упаковочных коробок с яркой

маркировкой благотворительного общества «Джойнт», которых во флигеле оказалось куда больше, чем в маленькой прихожей квартиры Ионасов.

Вскоре Хаима вызвали к Симону Соломонзону. На этот раз обошлось без угощений. Тонем, не терпящим возражений, Симон велел Хаиму приступить к работе в Экспортно-импортном бюро.

— Двадцать пять шиллингов в неделю,— сказал он.— Дальше будет видно. Все зависит от вас, хавэр Волдитер. Не понравится? Скажете.

Хаим был счастлив. Такое быстрое поступление на службу было настолько необычным явлением, что прослышавшие об этом соседи по дому стали поговаривать, будто холуц из Бессарабии — дальний родственник некоего очень влиятельного человека в Эрец-Исраэль... «Не успел еще приехать, как ему уже все подают чуть ли не в постель!» — нашептывали завистники.

— Чему удивляться? — с апломбом отвечала Нуцина теща любопытствующим кумушкам.— Это же сделал не кто-нибудь, а Симон Соломонзон! Спросите лучше: чего не может этот человек?! Ему стоит только захотеть... Вы знаете, кто его отец? Я уже не говорю, кто брат его матери!.. Но не мешало бы всем им быть такими здоровыми, чтобы половина их богатств утекла к врачам... Такие они хорошие!..

В ночь перед выходом на работу Хаим не сомкнул глаз: предстояла работа, о которой он имел весьма смутное представление. Однако волнения Хаима оказались напрасными. Как выяснилось, для начала его обязанности сводились к выполнению несложных поручений, связанных с оформлением приема и отправки грузов. Правда, поручений этих было так много, что весь день он, как челнок, сновал то с кипой фрахтовых договоров от весовщика к товарному кассиру, то с пачкой накладных от пакгауза к погрузочной платформе, чтобы проследить за погрузкой или разгрузкой. К товарным операциям в порту Хаим не имел отношения. Там работать было куда сложнее. Порт в Тель-Авиве всего года три, как был основан, и большая часть грузов шла через порты в Хайфе и Яффе. За этим участком были закреплены люди более опытные и, о чем еще не догадывался Хаим, пользующиеся особым доверием Соломонзона и его непосредственных помощников. В частности, правой рукой его был там Нуци Ионас.

Хаим работал и не жаловался. Привыкал.

Задолго до наступления темноты Ойя на остановке дожидалась возвращения Хаима. Радости не было границ, когда он, сойдя с автобуса, вручил ей полученные вперед за неделю шиллинги и пиастры. Тотчас же они побежали в лавчонку, купили два пышных калача плетеного белого хлеба, коробку сахара и почти целый круг обернутой в серебристую фольгу колбасы, которую прежде не раз с вожделением созерцали на витринах магазинов.

— Скажите, пожалуйста, какие богачи объявились! — не преминула заметить Нуцина теща, разглядывая в руках Ойи кружок колбасы. — А на что будете жить потом? У нас ее кушает только Нуцилэ. Вы это знаете?!

Потекли дни за днями трудовой жизни. Хаим возвращался изрядно уставшим, и, быть может, поэтому молодая чета редко выходила за пределы своей хижины. Жили они скромно, старались быть незаметными. Всеми своими помыслами Ойя была устремлена к одной цели — самоотверженно заботиться о любимом супруге. Ей доставляло неизъяснимое счастье на виду у соседей каждое утро провожать его до автобусной остановки, нести сверток с завтраком и только с прибытием автобуса вручать его Хаиму. Изредка случалось, что Хаим уезжал вместе с Нуци на машине. Тогда Ойя стояла у ворот, пока автомобиль не скрывался из виду.

Однако это бывало не часто. Нуци Ионас обычно уезжал из дома намного позже Хаима и часто возвращался под утро. Он не посвящал Хаима в свои дела, но изредка давал понять, что поглощен выполнением каких-то «весьма важных» поручений. «Не всякому, наверное, надо о них знать!» — размышлял Хаим, не обижаясь на Нуци.

Ионас каждый вечер наведывался в дом Симона Соломонзона, часто подолгу засиживался и в этих случаях возвращался к себе домой в автомобиле патрона.

Исключением бывала пятница. В этот день он приезжал с работы раньше Хаима, а иной раз вместе с ним. И всякий раз их встречала ожидающая у калитки Ойя.

Однажды, когда Нуци вернулся домой поздно ночью, он постучал в дверь флигелечка.

— Кто там? — спросил Хаим.

— Слушай, Хаим! — произнес Нуци Ионас. — Ты знаешь, что твою жену вызывают в миштору?¹

¹ Полицейский участок.

— Впервые слышу,— спокойно ответил Хаим, хотя душа у него тотчас же ушла в пятки.— А зачем она им понадобилась, как ты думаешь?

— Понятия не имею! Мне только что сказала об этом наша мама. Говорит, звала тебя, когда ты проходил мимо наших окон, но ты даже не нашел нужным остановиться...

Хаим прервал друга:

— Ничего подобного не было, Нуцик!

— Не в этом сейчас дело... Днем приходил оттуда человек, пытался поговорить с Ойей. Ничего, конечно, не вышло. Потом расспрашивал нашу маму, откуда прибыла твоя благоверная, кто она, зачем да почему... Отчего бы это вдруг?

Хаим пожал плечами, сказал, что совершенно не представляет, зачем и почему она им понадобилась... Но это была неправда. Все дни с момента вступления на «обетованную землю» Хаим постоянно терзался предчувствием грядущих неприятностей. Основания у него были: своего «благодетеля» Бен-Циона Хагеру он достаточно хорошо узнал и был уверен, что раввин постарается разузнать, с кем и куда исчезла гречанка, и тогда им не сдобровать — реббе не прощал обид.

На следующий день рано утром, когда соседи еще спали, Хаим и Ойя вышли из дома. Они сели в маленький прокуренный автобус, заполненный почти одними феллахами, ехавшими из поселка Петах Тиква в Тель-Авив.

Ойя была в полном неведении о случившемся. Привыкнув с детства к неожиданным для нее несчастьям, она насторожилась, но ничем не выдавала возрастающую тревогу. Сидя рядом с Хаимом, она сквозь давно не мытые стекла рассеянно рассматривала проплывавшие мимо неясные очертания угрюмых строений и еще редких в этот ранний час прохожих.

Было пасмурно. Заметно похолодало. Дул порывистый ветер. По обеим сторонам дороги тянулся мрачный палестинский пейзаж с желто-серыми каменистыми холмами и заброшенными карьерами, напоминавшими остатки древних храмов. Местами появлялись подходявшие вплотную к шоссе зеленоватые оливковые и финиковые рощи.

Перед самым Тель-Авивом по крыше и стеклам автобуса забарабанили крупные капли дождя. Он хлынул

сразу, будто где-то наверху открыли огромный шлюз.

Феллахи тотчас же перестали курить, благочинно забормотали молитву. Один из них с изборожденным глубокими морщинами лицом и узким кольцом на голове, которое прижимало опускавшуюся фартуком с трех сторон черную накидку, стал о чем-то назидательно говорить притихшим соплеменникам, а когда он замолчал, феллахи все разом загалдели.

Хаим делал вид, будто с интересом прислушивался к разговорам арабов и понимал, о чем они толкуют, с притворным любопытством разглядывал их причудливые черные, длинные до пят балахоны, высокие и узкие, как глиняный сосуд, чучалы из грубого домотканого холста, набитые доверху сельским товаром, который они, очевидно, везли в город на продажу и от которого несло неприятным для горожанина запахом верблюжьего навоза и козлятины.

Однако напускное спокойствие Хаима не могло обмануть Ойю. Она внимательно всматривалась ему в глаза, сиюсь понять, отчего он вдруг ни с того ни с сего взял ее с собой в город.

Под проливным дождем добежали они от автобусной остановки до мрачного здания мишторы. Уже не в силах таить друг от друга тревогу, понурившись и едва дыша, ступили они в темный вестибюль здания с высокими, как в храме, потолками и уныло-серыми стенами.

Более четырех часов Хаим и Ойя ожидали вызова. За это время в вестибюле набралось много людей. Одни из них были настроены воинственно и не скупились на самые изощренные проклятия в адрес местных властей, другие, как Хаим, были подавлены и либо безучастно, молча взирали на окружающих, либо изливали душу, рассказывая о своих злоключениях.

Наступило и прошло время обеденного перерыва. Снова начался прием. А Ойю все еще не вызывали. И Хаим с надеждой подумал, что произошла ошибка: просто что-то перепутала теща Нуци. И он успокоился. Его состояние сразу передалось Ойе: она улыбнулась ему своими темными, всегда печальными глазами.

Когда в вестибюль вошел полицейский, Хаим не обратил на него внимания. Лишь грозный окрик: «Кто здесь Волдитер?..» — заставил сжаться его сердце.

— Сюда проходите... Да поживее! — рявкнул полицейский, указывая на одну из дверей.

Робко вошли Хаим и Ойя в просторную комнату, разделенную перегородкой из плетеной в сетку проволоки. Тотчас же к ним подошли два полицейских и, не сказав ни слова, грубо учинили поверхностный обыск, поставив обоих поодаль друг от друга спиной к стене.

— К стене не прикасаться! И не переговариваться! — предупредил на иврите сорванным от крика голосом один из полицейских.

Обескураженные неожиданно суровым приемом, Хаим и Ойя стояли мертвенно-бледные, с трепетом думая о том, что их ожидает.

За перегородкой появился высокий человек в идеально отутюженном мундире. Прямой, как палка, он неторопливыми, размеренными шагами подошел к столу, стоявшему возле квадратного оконца, прорезанного в перегородке, и медленно опустился на стул. Его вытянутое лицо, с маленькими, глубоко посаженными холодными глазами и с прилизанными на продолговатом черепе жидкими прядями седеющих волос, выражало полное равнодушие ко всему окружающему. Это был чиновник Верховного комиссариата Соединенного Королевства, осуществлявшего в Палестине функции мандатного администратора в смешанном англо-арабо-еврейском правлении. Ни на кого не глядя и неизвестно к кому обращаясь, невыразительным голосом он что-то спросил по-английски.

Стоявший рядом с Ойей полицейский ткнул ее кулаком в бок.

— Тебя спрашивают! По-английски говоришь? — перевел на иврит полицейский. — Отвечай!

Но за Ойю ответил Хаим. Он объяснил, что эта женщина — его жена и что она глухонемая. Впервые он выдал из себя это слово и сокрушенно добавил: — Совершенно, от рождения...

— Это обстоятельство, — процедил англичанин, поняв, что сказал Хаим, — меня меньше всего интересует. Чтобы поселиться на территории, находящейся под юрисдикцией Британской империи, необходимо иметь документ, дающий на это право... — монотонно отчеканил он заученную фразу. — Кто не обладает таким документом, тот подлежит высылке туда, откуда прибыл. Кроме того, поселение на данной территории без соответствующего разрешения по законам империи его величества, распространяющимся и на подмандатную террито-

рию Палестины, карается тюремным заключением! Хаим побледнел, волнуясь, стал сбивчиво объяснять англичанину, что жена прибыла вместе с ним на неизвестном «трансатлантике» и что во время суматохи на том судне она потеряла все документы...

Англичанин окинул недобрый взглядом своих посетителей, и на его зеленоватом лице мелькнула презрительная ухмылка. Без слов Хаиму стало понятно, что легенды подобного рода не новость для англичан.

— Холуц? — спросил чиновник, испытующе глядя на Хаима.

— Да! — радостно подтвердил Хаим, но, уловив на лице англичанина презрительную улыбку, почувствовал, что признание его возымело отрицательный эффект. И он поспешил добавить: — Но я долго болел... От холуцев отстал. Тиф у меня был... Если бы не моя жена, я давно бы сгнил на Кипре... Это точно! Я вам клянусь! Вот единственное, что у нас сохранилось, — робко сказал Хаим, просунув в квадратное отверстие перегородки шифс-карту и сертификат. — Посмотрите, пожалуйста!

Холодным взглядом чиновник пробежал первые несколько строк, затем небрежно швырнул бумагу обратно Хаиму.

— Слушай, парень! — насмешливо произнес англичанин. — Не надейся, что я глупее тебя, если не хочешь, чтобы твою немую или глухую сегодня же отправили с первым пароходом на Кипр... Я сказал тебе: нужен документ на ее имя, а не на твое! Ты-то, надеюсь, не глухой? Удивительно, как это ты еще не догадался прикинуться глухим или немым?

Трясущимися руками Хаим снова просунул в оконце шифс-карту, указывая при этом на то место, где стояла большая овальная печать.

— Вот тут, пожалуйста, посмотрите, сэр! — умоляюще проговорил он. — Вот тут, где стоит печать с короной... Это в вашем консульстве на Кипре поставили... Можете проверить! Видите, сэр, здесь?!

То, что рыжеватый парень с обсыпанным веснушками лицом мучительно пытался что-то доказать и чуть не плакал, англичанина не трогало. Он не был сентиментален. К тому же он был свидетелем и истерик, и припадков эпилепсии, и обмороков, и в конце концов это чаще всего оказывалось симуляцией ради достижения определенной цели. Ему все это надоело. И особенно хо-

луцы, эти фанатики-националисты. Англичанин был убежден, что они опасны для британской короны, и потому слушал Хаима рассеянно. Он достал из кармашка часы, открыл крышку: до конца службы оставалось полчаса. Холодно взглянув на Хаима, он скользнул глазами по шифс-карте, которую Хаим все еще просовывал в окошко, и вдруг резко потянул к себе документ, наморщив лоб, стал в нем что-то разглядывать, потом потребовал сертификат и, не сказав ни слова, с озабоченным видом вышел.

Потянулись мучительные минуты ожидания. Подавленный и жалкий Хаим с опаской посмотрел на блюстителей порядка, равнодушно созерцавших его трагедию, и, заметив на груди одного из полицейских шестиугольную звезду, пришел в отчаяние: мелькнула мысль, что эти безумцы могут разлучить его с любимой! От одной этой мысли он побледнел. Не сводившая с него глаз Ойя опрометью кинулась к нему. Но полицейские рывком отбросили ее к стене.

Хаиму казалось, что он последний раз видит свою жену. Он знал: ему не пережить разлуку. Одному, без родного человека, в чужой стране!.. Кому он нужен? Нуцику, Соломонзону? Кто заступится за него, за Ойю? Нет такого человека здесь, в Палестине, на «земле обетованной». Он один среди чужих, непонятных ему людей. Там, дома, было бы все иначе... Там были друзья! Разве бросил бы их, Хаима и Ойю, например, Илюшка Томов? Да никогда в жизни! Хаим не заметил, как за перегородкой бесшумно появился англичанин и, сев за столик, стал что-то списывать с шифс-карты. Полицейский толкнул Хаима в бок, и тот увидел свои документы в протянутой густо заросшей рыжеватыми волосами руке англичанина, услышал равнодушно произнесенные совсем неожиданные слова:

— Можете идти. Вы свободны...

Через минуту Хаим и Ойя, еще не задумываясь над причиной всего случившегося, сияющие от радости, бежали к автобусной остановке под проливным дождем. Подгоняемые сильным ветром, они шлепали по грязи и глубоким лужам. Им хотелось как можно скорее уйти от мишторы, от страшных своим равнодушием людей, которые сидели там, за ее стенами.

В какой уже раз за сравнительно короткий отрезок времени они ощущали неопределимую и мудрую заботу

о них доброй тети Бети. Это ведь она, умудренная жизненным опытом труженица, сумела вписать гречанку в шифс-карту Хаима. Чуяло сердце старой фельдшерицы, что не так-то легко все устроивается на белом свете, как иной раз кажется молодым людям, если даже они едут на «обетованную землю»...

Хаим вспомнил, что заподозрил было в мстительности Бен-Циона Хагеру, и теперь от души радовался тому, что ошибся. «Ведь и у него есть дочери! — думал он. — Да и реббе же он все-таки...»

Насквозь промокшие, голодные, озябшие, но счастливые вернулись они в свою холодную и сырую временку. Ойя сразу принялась разжигать керосинку, а Хаим решил зайти к Ионасам и рассказать о результатах поездки в миштору. Не хотелось ему, чтобы там бог весть что подумали о них...

— Тише! — открыв ему дверь, зашипела Нуцина теща. — Вы разве не слышите, Эттилэ дает урок...

Хаим извинился и в двух словах рассказал о поездке в миштору. Однако его радостная весть старуху не обрадовала, вроде бы даже огорчила. Хаима это поразило. В замешательстве он еще раз извинился за беспокойство и попятился к выходу. Однако старуха его остановила.

— К вам зачем-то прибежала Моля... — сообщила она неодобрительным тоном. — Два раза и в такой дождь!

Хаим пожал плечами. Он не знал, о ком идет речь.

— Ну Моля, Моля! Вы Молю не знаете? — раздраженно прошептала старуха. — Эту «шхуну»?¹ Кошмар!.. Спросите, кто ее не знает? Из Венгрии! Артистка...

Хаим вспомнил, как-то Нуци говорил ему, что в соседнем дворе живет семья из Венгрии: Моля была когда-то артисткой, ее муж — теперь очень больной человек — музыкантом. Их красивого мальчика лет десяти Хаим видел. Если человек прибегал в такой проливной дождь, значит, он нуждался в помощи, и Хаим пошел к Моле. Оказалось, что женщина приходила совсем с другой целью.

— На фабрике, где я работаю, освободилось место мотальщицы. Я подумала, может быть, ваша жена захочет поработать? — сочувственно сказала Моля. — Не блестяще, конечно, однако более подходящего ей побли-

¹ Женщина легкого поведения.

зости не найти. Мы живем здесь четвертый год...

Хаим ничего определенного не ответил. Ему не верилось, что хрупкая Ойя справится с такой работой. Да и согласится ли она? Никогда прежде они не задумывались над тем, надо ли вообще Ойе устраиваться на работу.

К удивлению Хаима, Ойя с радостью согласилась на предложение Моли. Жить на один заработок Хаима было трудно: его едва хватало на питание и оплату жилья. Купили недавно керосинку, без которой не обойтись в хозяйстве, и пришлось несколько дней брать хлеб в долг, пить кофе без сахара, отказаться от молока... Конечно, Ойе хотелось приодеть Хаима и самой хоть немного приодеться, но, как она ни прикидывала, все получалось так, что нужную сумму придется копить годами.

Через несколько дней Ойя приступила к работе на фабрике, принадлежавшей фирме «Дельфинер». Тепло приняли ее давно работающие здесь женщины. Думая, что молодой, к тому же глухонемой работнице будет особенно трудно освоить новую для нее профессию, старались помочь, показать. Но Ойя быстро освоила несложную работу и выполняла ее технически правильно, чисто и без брака. Женщины-работницы полюбили Ойю, по достоинству оценив ее трудолюбие, сообразительность и необычайную проворность.

Однажды ей стало плохо. Никто не знал о причине. Свою беременность она скрыла от всех, даже от Хаима, боясь, что он не разрешит ей работать на фабрике. Но приступы болезненного состояния стали повторяться, и тогда работницы дознались, что Ойя уже ходит на пятом месяце... Крутить ручную станок ей было теперь невозможно, а хозяин фабрики не соглашался перевести ее на более легкую работу. Он напрямик сказал хлопотавшим за Ойю работницам, что ему на фабрике требуется только мотальщица. Если трудно,— пусть уходит. Однако за Ойю дружно заступились Моля и другие работницы, заявив хозяину, что, если тот не выполнит их просьбы, они пойдут работать к Заксу, владельцу другой маленькой фабрики, конкурировавшей с «Дельфинером».

Хозяин знал, что Закс давно пытается переманить к себе лучших работниц, и потому пошел на уступки: Ойя получила более легкую работу.

В течение всего дня она собирала в цехе освободившиеся от ниток катушки и относила их в отведенное помещение, подметала и убирала. Оплата труда была, естественно, гораздо меньше, но это не мешало ей относиться к новым обязанностям с присущим ей рвением.

С той минуты, когда Хаим узнал, что у них с Ойей будет ребенок, он стал настаивать, чтобы она бросила работу, но Ойя упрямо покачивала головой, надув губы, обиженно, исподлобья смотрела на Хаима. С болью в душе Хаим уступал желанию любимой, надеясь, что не сегодня так завтра она сама почувствует и поймет необходимость расстаться с фабрикой. А Ойя, довольная своей маленькой победой, обнимала Хаима, щурила блестящие от счастья глаза.

Когда Нуцина теща узнала, что Ойя ждет ребенка, она подолгу ходила по комнате, причитая:

— Такое ничтожество, а скоро уже будет с большим брюхом, разорви его... Моя же несчастная Эттилэ должна страдать... И какое образование мы ей дали, и музыку как знает, и такая все-таки красивая! А как умеет себя вести! Или как рассуждает! Англичане от нее прямо-таки в восторге, когда слушают, как она учит их девочку играть на пианино, а вот с ребенком — хоть режь, ничего у них не выходит... И Нуцилэ вроде бы ничего себе... Здоровенный парняга, кровь, можно сказать, с молоком! Самое лучшее, самое вкусное и полезное кушанье получает он... Во всяком случае, не то, что этот рыжий дохлятик! Тоже мне большой умник! Выбрал себе жену, собирается всю жизнь с ней прожить, чтобы ни разу словом не обмолвиться... Такой идиот! Но ребенок у нее может быть нормальный, хотя... бог еще может сделать так, что у Эттилэ будет сладенький, как мед, ребеночек, а у немой такое, что не приведи господь...

Успокоенная упованием на божью справедливость, старуха подходила к открытому окну и, напряженно всматриваясь сквозь пелену сгущавшихся сумерек, наблюдала за жизнью обитателей временки, продолжая причитать:

— Мы еще поживем и увидим... Хоть говорят, что бога нет, но пока никто не доказал, что это так. Что-то все-таки должно быть?! И если в мишторе у рыжего дохлятика все обошлось с его немой красавицей, так и это еще тоже не все... Не-ет!..

Теща Нуци Ионаса, любительница зло посудачить о соседях, перемыть их косточки, наблюдая из окна за Ойей, нет-нет да признавалась:

— Днем с огнем не найдешь такую работягу! Кошмар!.. Не человек, а вол! Как ни посмотрю — она моет или стирает, убирает или гладит. Просто помешанная, чтобы мы с Эттилэ и Нуцилэ были так здоровы!.. — И тут же, словно досадуя на себя за вырвавшееся доброе слово о человеке, старуха раздраженно добавляла: — И отчего, думаете, она такая? Немые все железные. Не иначе, как в них заложена дьявольская сила!

Нуцина теща кичилась чистотой в доме, но к черной работе сама руки не прикладывала, а дочери своей вообще не позволяла заниматься хозяйством.

— Не порть себе руки, Эттилэ! — ворчала она, как только та, больше от скуки, пыталась что-либо сделать по хозяйству. — Еще успеешь все это делать потом, когда, бог даст, у тебя уже будет ребенок! Доктор же обещал! Эти беды у тебя только остались бы, и другого горя чтобы мы никогда не знали... В конце концов скоро должна прийти с работы немая. Большое для нее дело вымыть пол и немного постирать?! Угощу ее чем-нибудь... Сколько уже раз я давала ей то пирожок, то коржик, и ты об этом даже не знала...

Ойя считала Нуци Ионаса и его семью благодетелями, которым она и Хаим многим обязаны, и потому безотказно выполняла все, на что отнюдь не просительным жестом указывала ей старуха. А Хаиму по складу характера вообще была свойственна услужливость. Запросто брал он метлу и подметал двор, относил ведро с помоями, которое Нуцина теща предусмотрительно выставляла на порог. Когда ему доводилось возвращаться вместе с Нуци домой, он нес и его сумку с продуктами да еще и подшучивал над Ионасом:

— Не сопротивляйся, Нуцик! Все же ты старше меня... на две недели!

Нуци снисходительно улыбался и, будто нехотя, уступал сумку. На самом деле он был старше Хаима на три года. Густые черные брови, слегка сросшиеся на переносице, темные глаза с хитринкой, прямой нос и подстриженные на английский манер усики заставляли смотреть на него с обожанием не одну Эттилэ. Был он широк

в плечах, строен. Рядом с ним Хаим, тощий, с срыжими вихрами, походил на смешного подростка. Добродушный и непосредственный, Хаим всегда был доверчив, общителен и порою не в меру говорлив, но теперь его словно подменили. В ином, чем прежде, неприглядном свете предстали перед ним во время плавания на «трансатлантике» собратья-холуцы. Душевное смятение, вызванное катастрофой, уступило место смутной, но постоянно терзавшей его догадке об истинных причинах и виновниках взрыва на пароходе и гибели сотен людей. Хаим стал молчалив, робок и менее доверчив. Хотя у него и в мыслях не было воспользоваться своим давним знакомством с Ионасом, тем не менее он заметил, что Нуци, особенно в последнее время, старался дать ему понять, что он уже не тот Нуцик, каким был прежде, и что отношения между ними теперь в первую очередь должны определяться служебной субординацией.

Особенно по субботам, хватив лишнюю порцию «арака», Нуци важничал, пытаясь выдать себя за человека солидного, обремененного серьезными делами. Однако это не мешало его теще срамить зятя даже в присутствии Хаима.

— Где вы видели, чтобы еврей был пьяницей? А?— возмущалась старуха.— Это же неслыханно, кошмар!

Нуци помалкивал. Деваться ему было некуда: старуха владела значительной суммой денег, которая при ее изворотливости давала весьма приличный доход.

— С деньгами— ты человек! Без денег— ничто. Ноль!— не раз говорил он Хаиму.— Если мне вдруг придется уйти из Экспортно-импортного бюро, то я не пропаду! Открою небольшое дело, и будем жить. Теща давно предлагает...

Терпеливо выждав, пока теща уgomонится, Нуци и на этот раз туманно намекнул на свою особую роль в каких-то делах, выходящих за рамки официальных функций Экспортно-импортного бюро.

Хаиму не раз доводилось слышать из его уст подобные намеки, а однажды Нуци доверительно заметил, что ему известно о связи дядьки Симона Соломонзона с самим Муссолини. О подробностях тогда Ионас умолчал. Но на этот раз после сытного, изрядно сдобренного спиртным субботнего обеда Нуци не терпелось поделиться своими впечатлениями и мыслями, навеянными очередным «большим разговором» у Симона Соло-

монзона: всемогущий хозяин любил высказывать свое кредо.

— Великие дела можно вершить только при наличии денег!— говорил Нуци, зайдя к Хаиму.— Но одних денег мало — нужна проницательная голова. Однако и головы, пусть даже самой проницательной, представь себе, тоже мало! В наши дни нужна еще и сила! Большая, тщательно подготовленная! Нужен железный кулак! Иного пути для осуществления нашей программы нет и быть не может...

Нуци Ионас, с пафосом пересказывая эти изречения, не знал, что и Симон Соломонзон лишь повторил то, что любил говорить его дядюшка.

— Вот так, Хаймолэ, обстоят наши дела!— многозначительно подмигнув, Нуци лаконично заключил:— Деньги! Умная голова! Сила, способная расправиться с открытыми и скрытыми врагами возрождения нашего отечества! Так-то.

Хаим лукаво усмехнулся. Не бог весть какая мудрость заключалась в словах Ионаса. Кто не знает, что с деньгами хорошо, а без них худо, и что умная голова куда лучше глупой... Хаим и думать не думал, что вся эта болтовня имеет какое-либо отношение к нему лично. Однако именно предыдущий день, когда обо всем этом весьма горячо толковали у Симона Соломонзона его приближенные, предрешил крутой поворот в жизни Хаима Волдитера.

Прежде всего, как понял Хаим, Симон в тот день повел речь о создании «железного кулака», с помощью которого можно будет наконец-то перейти от слов к делу.

— Чтобы создать свой рейх, национал-социалисты не брезговали никакими средствами,— смакуя, повторял Нуци слова Соломонзона.— Когда они аннексировали Австрию, все смирились с тем, что еще раньше они попросту наплевали на ограничения по Версальскому договору и создали вермахт, потом реокупировали Рейнскую область... Позднее мир узнал о вступлении немцев в Чехословакию, и вновь поднялась была буря, но и она оказалась бурей в стакане воды, и потому Гитлер вскоре приступил к захвату Польши... Сейчас об этих акциях если и вспоминают, то только потому, что теперь речь идет о землях Франции и, если хотите знать, даже Великобритании! Величие стратегии и тактики Адольфа Гитлера и заключается в том, что он, опираясь на ре-

альную силу, всякий раз ставит мир перед совершившимся фактом, предоставляя своим недоброжелателям возможность размахивать после драки кулаками и упражняться в словесном излиянии протестов, негодований, осуждений и тому подобное.

Нуци объяснил Хаиму, чем была вызвана такая речь Симона, который в общем-то редко выступал, предпочитая оставаться «за занавесом», — любил загребать жар чужими руками. Недавно по указанию руководства «Аktionс-Комитета» из Хаганы, этой массовой военизированной организации, была выделена небольшая группа наиболее воинственно настроенных людей.

Проектованному сверху акту был придан характер раскола Хаганы на сторонников и противников нового политического курса, провозглашенного руководством «Аktionс-Комитета», который стремился использовать возникшую в результате войны между Англией и Германией новую ситуацию в своих целях: поскорее изгнать из Палестины как англичан, так и арабов. Суть этого курса состояла в том, чтобы создать видимость примирения с арабами и союза с англичанами, якобы ради совместной борьбы против германского фашизма. В действительности же имелось в виду, с одной стороны, легализовать приобретение оружия и формирование военных отрядов Хаганы, ускорив таким образом создание «железного кулака», а с другой стороны, спекулятивно использовать участие в войне против Германии при предстоящей рано или поздно политической борьбе за создание самостоятельного еврейского государства. Курс на примирение с арабами и союз с англичанами был широкоещательно принят Хаганой, несмотря на ее резко отрицательное отношение к опубликованному в «Белой книге» решению английского правительства об установлении жесткого ограничения на иммиграцию евреев в Палестину.

Группа, «отколовшаяся» от Хаганы, категорически отклонила курс на сближение с арабами и англичанами. Другими словами, сторонники этой группы намерены были и впредь совершать диверсии и террористические акты против англичан и арабов, но ответственность за них уже не падала на Хагану. Одним из закулисных заправил этой группы стал Симон Соломонзон.

— Он говорил, — продолжал пересказывать речь Соломонзона Нуци Ионас, — что мы только делаем вид,

будто возмущаемся позицией и тактикой Хаганы, и втайне остаемся всем сердцем с ними, а они, в свою очередь, только делают вид, будто осуждают нашу позицию как слишком воинственную, однако и они до конца с нами... Мы идем к единой цели разными, дополняющими друг друга путями! И если в данное время мы ограничиваемся требованием на незначительную часть территории будущего нашего государства, то это не значит, что, создав свое государство и добившись его признания, мы не станем всеми силами и средствами добиваться максимального его расширения... Претендовать сразу на многое чревато потерей верного малого! Сейчас не время «дразнить гусей»! Напротив, испрашивая минимум, мы ослабляем бдительность противников, исподволь накапливаем силы для следующего шага, а может быть, и скачка вперед! И тогда, захотят наши противники или не захотят признавать за нами право на присоединение новых земель, они будут поставлены перед свершившимся фактом...

На мгновение Нуци прервал пересказ речи Симона и, самодовольно улыбаясь, сказал:

— И вот здесь я подал реплику: «Победителей не судят! Такова историческая закономерность!» — «Это верно, — подтвердил Симон, — но, чтобы стать победителями, надо любыми средствами, не теряя ни минуты, готовить железный кулак! В этом заключается наша прямая обязанность, это нам поручено, и за это все мы в ответе перед нашим многострадальным народом!»

Ионас, все более увлекаясь своей речью, принимал эффектные позы, жестикулировал, точно находился перед многочисленной аудиторией. С особым восторгом он рассказывал Хаиму, как Симон, упомянув о недавних событиях в Испании, подчеркнул, что нет и не будет такого суда, который мог бы привлечь к ответу Муссолини и Гитлера за помощь генералу Франко самолетами и танками, а самого Франко — за переброску в Испанию мавританских войск, прославившихся жестокостью.

— Но представь себе, Хаймолэ, — возбужденно продолжал Ионас, — среди присутствующих нашлись-таки люди, которых испугала программа решительных действий, изложенная нашим Симоном! Один из них, человек пожилой и довольно заслуженный, попытался даже урезонить его... Он утверждал, будто не исключено, что в один прекрасный день от испанского каудильо, немецко-

го фюрера и итальянского дуче могут потребовать ответа «по большому счету» и воздать с лихвой за все содеянное... Ты понимаешь, на что он намекал?! Можно было бы не обращать внимания на такое выступление, но человек этот как раз у муссолиниевских инструкторов проходил обучение и там совершил подвиг, лишившись при этом руки! Он неспроста занял такую позицию...

— Наверное!— подтвердил Хаим.— Раз ты говоришь, что он такой заслуженный человек, зачем же ему бросать слова на ветер?..

— В том-то и штука!..— согласился Нуци.— И знаешь, что он еще сказал?

— Тот однорукий?

— Ну да. Он говорил, будто трагизм такой перспективы заключается не в том, что Гитлер, Муссолини, Франко и другие подобные им личности будут жестоко наказаны, а в том, что вместе с ними расплачиваться будут и народы, позволившие вовлечь себя в авантюру!.. При этом он сослался на мудрые слова какого-то пророка, сказавшего, что человеку в полдень известно, чем начался для него день, но ему отнюдь не дано знать, как он кончится... А мы, дескать, находимся лишь на заре осуществления тысячелетней мечты еврейского народа, еще не дожили и до полудня, а уж до конца дня и по-давно нам далеко.

— Кто же этот человек? Секрет, что ли?— спросил Хаим.

— Он адвокат. Фигура довольно крупная, но все же я думаю, что наше руководство не потерпит в своей среде этого человека... Ведь, по существу, его позиция предательская! Правда, он не отрицал, что подготовку к воссозданию подлинно независимого национального очага нужно вести, но тут же оговорился: «Ни в коем случае не впадая в крайности...» Что чересчур, то лишнее, говорил он. А планы «Акционс-Комитета» якобы содержат чересчур крутые меры, в которых будто бы нетрудно узреть пренебрежение к тому, от чего тридцать два столетия назад предостерегал сынов своего народа наш великий Моисей...

Пересохшие от жажды губы Ионаса покрылись липкой пленкой. Надо было бы отхлебнуть глоток воды. Но куда там: ему не терпелось рассказать об эпизоде, героем которого был он сам.

— Однорукий, наверное, долго бы еще разглагольст-

вовал, призывая к осторожности, неторопливости и всякое такое, но тут уж мое терпение лопнуло. Я первый,— подчеркнул Нуци,— крикнул ему: «Не пугайте! Мы не из трусливых, а с вашей осторожностью придется ждать еще тридцать два столетия!»

Хвастливо рассказывал Нуци о том, как дружно его поддержали единомышленники Симона Соломонзона, как неистовым топотом ног и выкриками заглушили голос адвоката, якобы вынудили того, не договорив, сесть на свое место и как в конечном итоге люди, заслуженно именующие себя бейтарцами-ревизионистами, взяли твердый курс на полную и безоговорочную поддержку «Акционс-Комитета» под девизом «Оружие, раз оно есть, должно стрелять!».

Вскользь Нуци сообщил, что вместе с Симоном Соломонзоном и несколькими хавэрим они всю ночь вырабатывали «отрезвляющие меры», в результате которых кое-кто из колеблющихся уже смещен с занимаемых должностей, а некоторые будут уволены из Экспортно-импортного бюро. Однако Ионас умолчал о том, что тогда же решался вопрос о замене уволенных и что в этой связи зашла речь о Хаиме Волдитере — холузе, прошедшем «акшару» в составе квуца имени Иосефа Трумпельдора. Ничего не сказал он и о том, что именно ему, Нуци Ионасу, было поручено «прощупать» настроение Волдитера, «поднакачать» его, подготовить к активному участию в не подлежащих гласности делах «Иргун цвай леуми»¹.

Из дальнейших откровений Ионаса Хаим понял, что за спиной всемогущего Соломонзона стоит не столько его родной отец, сколько дядюшка, о котором ему приходилось уже слышать. Сам же Симон — всего-навсего доверенное лицо, один из закулисных манипуляторов тщательно законспирированной группы под названием «Иргун цвай леуми» — исполнительницы особых планов «Акционс-Комитета» и отчасти того же таинственного дядюшки.

Нуци явно избегал говорить о том, что конкретно предстоит делать группе «Иргун цвай леуми», но чтобы «прощупать» Хаима, завел речь о нашумевшем событии — о гибели «трансатлантика». И не то по неосторожности, не то под действием винных паров проболтался, сказал больше того, что хотел. Хаим понял, что взрыв на «трансатлантике» — дело рук людей из «Иргун цвай

¹ Национальная военизированная организация.

леуми» и что этот варварский акт был санкционирован верхушкой «Акционс-Комитета».

— Думаешь, наши хавэрим не нашли бы общий язык с англичанами, если бы речь шла только об иммигрантах? Чепуха!— говорил Нуци.— Конечно, это было бы не очень-то просто. Они, сволочи, как ни говори, жестоко преследуют за нарушение установленного ограничения на иммиграцию... И все же обошлось бы, уверен в этом!

— А с «цементом»,— спросил Хаим, имея в виду оружие, обнаруженное англичанами в бочках из-под цемента,— удалось бы тоже уладить?

— Какой еще цемент?!— не сразу поняв, о чем говорит Хаим, сердито ответил Ионас.— Цемент можно было бы везти на обычном «грузовике»... Впрочем, ты прав... Ты же видел, что было в этих бочках. Полный ведь трюм! И нужно оно нам сейчас позарез! Но что поделаешь?! Пришлось пустить ко дну... И знаешь почему?

— Наверно, чтобы не отдавать его англичанам,— неуверенно ответил Хаим.

— Правильно, Хаймолэ! Англичане — наши враги, и снабжать их оружием нет никакого резона! Однако это не все... Главное в том, откуда оно прибыло, клеймо какой страны стоит на нем и в чьих руках в настоящее время находится эта страна!

Хаим вспомнил, что на оружии, извлеченном английскими матросами из трюма «трансатлантика», стояло клеймо чехословацкого оружейного завода «Шкода» и что тогда же на пароходе кое-кто из пассажиров удивлялся, каким образом оно могло оказаться в транспорте, предназначенном для холуцев Палестины. Хаим также вспомнил, сколь различные догадки высказывали тогда пассажиры по этому поводу, тем не менее никто не допускал и мысли, что оружие могло быть получено непосредственно от немцев... Абсурд! Правда, кое-кто хитро усмехнулся, но и только. Однако никто из сопровождавших бочки с «цементом», даже Нуци Ионас, готовившийся к их приемке, не знал, что оружие поставляет абвер — разведуправление при германском генеральном штабе. Этот вопрос входил в компетенцию более высокопоставленных кругов холуцев, в частности некоторых лиц из Экспортно-импортного бюро хавэра Соломонзона...

Ионасу, однако, доставляло истинное наслаждение блеснуть перед другом своей осведомленностью, и он

доверительно поведал Хайму о некоторых обстоятельствах и соображениях, приведших к необходимости потопить «трансатлантик». Он сообщил, в частности, что англичане наложили секвестр на судно и обнаруженное в трюме оружие и были намерены по прибытии корабля в Хайфу не просто изъять оружие, но поднять при этом шумиху на весь мир по поводу того, что оно доставлено из гитлеровской Германии и оккупированных ею стран, что сделано это, конечно, с ведома нацистских главарей и предназначено, разумеется, для борьбы не с нацистами, а с англичанами и арабами.

— Они непременно устроили бы всякие пресс-конференции,— произнес Нуци,— и демонстрировали бы на них образцы оружия, как вещественные доказательства наших связей с нацистами!.. Ты представляешь себе, в каком дурацком положении оказались бы наши хавэрим из «Акционс-Комитета»?! Ведь само «Еврейское агентство» находится не где-нибудь, а в Вашингтоне!— воскликнул Нуци.— Но мы разрушили их планы: пустили на дно вещественные доказательства — и делу конец! При этом и Хагана осталась в стороне, никто не сможет теперь доказать ее причастность к этому делу, и наши хавэрим остались «за занавесом»... Ты понял, Хаймолэ? А англичане помалкивают! Конечно, они могли бы и без вещественных доказательств изрядно пошуметь, но... все течет, все меняется, сейчас это им уже невыгодно.

Нуци объяснил, что в последнее время немцы основательно прижали англичан и не в их интересах сегодня осложнять свое положение в Палестине, тем более что руководство «Еврейского агентства» в Америке поддерживает Палестину.

— Теперь не в интересах Британии,— доказывал Нуци,— обострять, как они делали обычно, наши отношения с арабами, которые и без того обострены до предела... Берлинский ставленник — великий муфтий Иерусалима — тоже не дремлет. Ему такой случай только подай.

Вот почему англичане помалкивают, делая вид, будто верят, что взрыв на «трансатлантике» произошел по чистой случайности...

Откровения охмелевшего Ионаса привели Хаима в полное смятение. Его поразило, что, разглагольствуя об этой трагедии, Нуци ни единым словом не упомянул о гибели сотен ни в чем не повинных людей. Ему стало жутко от сознания того, что они, Ойя и сам он, могли

погибнуть, как какие-то бессловесные, никому не нужные, жалкие твари. Он уже не вникал в смысл того, о чем продолжал говорить Нуци, и неожиданно для себя прервал его, спросив, казалось бы, совсем не к месту:

— А люди? Много детей, женщин! Или на них тоже было иностранное клеймо?!

Нуци недоумевающе посмотрел на Хаима. Потом, нахмурившись, несколько мгновений напряженно соображал, о каких детях и женщинах толкует приятель и при чем тут какое-то иностранное клеймо. Когда же наконец понял, облегченно вздохнул и произнес равнодушным тоном:

— Это ты о пассажирах?.. Ну, от судьбы не уйдешь, Хаймолэ! Здесь на карту ставится гораздо больше, чем человеческая жизнь... И вообще в жизни суждено одним опуститься на дно, другим задержаться на поверхности, а третьим предназначено руководить и оставаться «за занавесом»... И не будь этих последних, сидели бы мы там, откуда приехали, и ждали бы, когда бог ниспошлет нам мессию... Но тогда не было бы здесь ни меня, ни тебя, не встретил бы ты Ойю, не получил бы ты работу в Экспортно-импортном бюро, да и самого бюро-то не существовало бы в природе!.. Спросишь, почему я так говорю? Отвечу. Пожалуйста! Я человек не гордый, но хочу, чтобы ты, Хаймолэ, понял все так, как надо!

Нуци наконец выпил стакан остывшего кофе, поданный ему Ойей, облегченно вздохнул. Но, видимо, хмель еще не прошел и потребность в разговоре не исчезла, поэтому он, пройдясь по комнате, остановился перед Хаимом.

— Представляешь,— продолжал он, в упор рассматривая Хаима,— что было бы, если б, к примеру, деятельность такого человека, как Теплиц, не оставалась скрытой «за занавесом»? Это же фигура! Во всем мире таких зубров раз-два — и обчелся! А ты когда-нибудь слышал эту фамилию? Знаешь ты, кто этот человек?

— Откуда мне знать,— съязвил Хаим,— если он скрыт «за занавесом»?!

— Провинциал ты, Хаймолэ! Но ничего... Я тебя сделаю человеком! Так вот, Теплиц — это величина! Астрономическая величина! И тебе это надо знать...

Ионас почти не преувеличивал. Теплиц в самом деле был незаурядной личностью и могущественной персоной даже в узкой среде воротил финансовой олигархии. Он

в рекордно короткий срок сумел в свое время покрыть горный хребет Альп с его многочисленными реками и озерами густой и сложной сетью гидроэлектростанций с высоковольтными турбинами. В результате Италия, прежде остро нуждавшаяся в электроэнергии, готова была экспортировать ее соседним странам. Отпала тягостная зависимость итальянской промышленности от ввоза каменного угля из-за рубежа. Джузеппе Теплиц и его сын Лодовико стали фактическими владельцами важнейших отраслей хозяйства страны. И, конечно же, соответственно их господству в экономике возросло и их влияние в политике... Еще задолго до того, как будущий вождь чернорубашечников двинул в поход из Милана на Рим свои «фасцио ди комбаттименто»¹, банкир Джузеппе Теплиц уже финансировал его газетенку «Пополо д'Италия», а позднее стал финансовым экспертом номер один «Восточной Римской империи».

Ионас все еще продолжал восторженно приводить новые и новые данные, подтверждающие могущество семьи Теплиц, большую зависимость от нее самого Бенитто Муссолини и его личную дружбу с Джузеппе и Лодовико Теплиц.

— Ну и черт с ними, с этими Теплицами!— потеряв терпение, вдруг выпалил Хаим.— Богатых людей на свете немало. И если они люди, как ты говоришь, башковитые, то нам с тобой от этого ровным счетом ни тепло, ни холодно... Так ведь, Нуцик?

Нуци Ионас тупо уставился на Хаима, долго молчал, наконец, словно рассуждая сам с собой, со вздохом тихо сказал:

— Боюсь, что этот холуц не только до мозга костей провинциал, а много того хуже...

Хаим встревожился. В этой произвольной реплике он почувствовал нотку отчуждения и даже враждебности к себе Ионаса, человека, которого считал своим искренним другом.

— Не обижайся, Нуцик!— взмолился Хаим.— Я просто так сказал, ей-богу! Все, что ты рассказал, очень интересно, но куда больше меня интересует собственная судьба, забота о куске хлеба... Потому я и сказал, что нет мне дела до этих Теплицев...

— А вот представь себе, есть у тебя самое прямое

¹ Бойцы фашистской партии (итал.).

дело «до этих Теплицев»! — сердито прервал его Нуци. — Самое непосредственное!

— Извини, но до меня что-то не доходит, ей-богу!

— А ты вообще, по-моему, родился в товарном поезде... До тебя все доходит с опозданием!..

— Ну зачем ты так?

— Да затем, — вскипел Нуци, — что, не будь этих Джузеппе и Лодовико Теплиц, сидел бы ты со своей Ойей впроголодь на «пункте сбора» и ждал, когда наконец возьмут вас в какой-нибудь киббуц на самой границе с Сирией, где днем, не разгибаясь, работают в поле, а ночью, дрожа от страха, дежурят с винтовкой на плече, остерегаясь внезапного нападения бедуинов!

— За то, что ты привез нас сюда, я тебе бесконечно благодарен. И ты это знаешь, — тихо произнес Хаим. — Но ты все время чего-то не договариваешь, Нуцик, и я действительно не понимаю, почему я должен быть обязан какому-то Теплицу за то, что сделал для меня ты?! Ей-богу, так, Нуцик!

— Да потому, — воскликнул Нуци, — что Джузеппе Теплиц — дед, а сын его Лодовико — дядя нашего Симона по материнской линии! Теперь-то, надеюсь, понял?

Хаим почесал затылок, сморщил лоб, пожал плечами.

— Может быть, я действительно провинциал, Нуцик, но честно тебе признаюсь, я и сейчас не пойму, как это какие-то Джузеппе и Лодовики могут быть близкими родственниками Соломонзона?! Убей, не понимаю...

Нуци окончательно рассвирепел. Нетерпеливо стал он рассказывать Хаиму, как в давние времена после очередного погрома еще совсем молодой Теплиц, и вовсе не Джузеппе, эмигрировал из Галиции и долгое время скитался, пока не нажил капитал и не превратился в Джузеппе Теплица.

— Что ж получается? — удивленно и не без горечи произнес Хаим. — Его колотили антисемиты, а он теперь с фашистами заодно?

Нуци тяжело вздохнул.

— Как ты будешь работать на новой должности, я понятия не имею... Иногда вроде бы разумно рассуждаешь, мыслишь, как вполне нормальный человек, а иной раз такое отмочишь, что уши вянут!.. Вот скажи мне, пожалуйста, разве имеет значение, что один — фашист, а другой — еврей, если оба они извлекают из взаимной сделки большую выгоду? Или ты думаешь, что оружие

нам падает с неба, а фунты и доллары мы собираем, как грибы в лесу? Надо же все-таки немного пошевеливать мозгами, холуц Хаим бен-Исраэль Волдитер!

Хаим чувствовал себя школьником, по недоразумению попавшим в коммерческую академию. Он покорно слушал и уже не удивлялся, когда Ионас стал в качестве примеров называть имена и фамилии некоторых директоров крупнейших банков Европы, в частности Италии — Альберто Адлера и Чезаре Гольдмана.

— Может быть, ты думаешь, что они чистокровные римляне? — ухмыляясь, спросил Нуци. — Ничего подобного! Наши. А небезызвестный делец-финансист Кастельони, по-твоему, кто? Сын раввина из Триеста... Да, представь себе! И, между прочим, во главе правления известнейших итальянских военных заводов «Ансальдо» стоит Исай Леви... Этот, правда, не менял своего «ярлыка»! И, кстати, тебе не мешает знать, что наш Симон только здесь стал Соломонзоном, тогда как проживающий в Румынии его отец с тех самых пор, когда был он в Вене уполномоченным рурских промышленников и там же директором «Дойче банк», прекрасно себя чувствует, присвоив фамилию Саломсен!

Хаим ничему больше не удивлялся и ничего не спрашивал, опасаясь попасть впросак и снова обнаружить свою «провинциальность». А Ионас, полагая, что ему наконец-то удалось убедить Хаима, торжественным тоном заключил:

— Теперь ты представляешь себе, какие головы за нас с тобой думают? Так что можешь не беспокоиться, Хаймолэ, тут все делается на солидной основе! И неспроста наш Симон на днях сказал, что недалеко то время, когда голубые рубахи хавэрим из «Иргун цваи леуми» будут хозяйничать на палестинских землях от Евфрата до Нила!.. Понял, провинциал ты бессарабский?

Хаим понял. Понял, что голуборубашечники, которыми руководит Симон Соломонзон в Палестине, так же как чернорубашечники итальянского дуче, коричневорубашечники германского фюрера и молодчики румынского вожака легионеров Хории Симы, щеголяющие в зеленых рубахах, действуют, никого не щадя, и не иначе, как с помощью взрывчатки, пуль и ножей... Он понял еще, что все они сродни друг другу и что за их спинами действительно стоят такие «головы», как мультимиллионер Теплиц. Понял Хаим и ужаснулся...

Еще совсем недавно Хаим Волдитер относился недоверчиво к высказываниям Нуци Ионаса о планах создания многомиллионного еврейского государства. «О каком государстве с молочными реками и кисельными берегами можно говорить всерьез, если здесь нет даже нормального сортира?— думал он, но тотчас же возражал самому себе:— Конечно, такие, как Соломонзон, живут ничего себе! Дом-особняк, ковры и прислуга, телефоны и шоферы.... Роскошь! Для них здесь действительно земной рай. Им можно жить.... Почему бы и нет?!»

Хаим ничего не знал о закулисной деятельности сионистской верхушки, создавшей различные тайные организации. Не знал он, что эти организации располагают разветвленной сетью агентов в правящих кругах и правительственных учреждениях многих стран мира. Не знал он и об истинном назначении Экспортно-импортного бюро, служащим которого состоял с первых дней прибытия в Палестину.

Между тем тайные организации сионистов с каждым днем все более активно разворачивали свою деятельность, направленную на создание в Палестине еврейского «национального очага». В системе этих организаций особое место принадлежало специальной оперативной службе при штабе Хаганы, исполнявшей роль секретного политического ведомства и занимавшейся сбором информации. Эта служба при штабе Хаганы получила два года назад через своих доверенных лиц от английских чиновников «Верховного комиссариата по мандату для Палестины» документ с пометкой «Strictly confidential»¹. В нем сообщалось о предстоящем прибытии в Палестину двух корреспондентов немецкой газеты «Берлинер тагеблатт».

В Лондоне не придали особого значения кратковременному визиту немцев. Зато этим сообщением заинтересовались люди из специальной оперативной службы Хаганы и особого штаба «Массад»², непосредственно подчиненного политическому департаменту «Еврейского агентства».

¹ «Строго конфиденциально» (англ.).

² Политическая разведка сионистов, занимавшаяся переброской иммигрантов и оружия в Палестину.

Недавно реорганизованная служба Хаганы получила название «Шэрут ле Исраэль», а для маскировки ее сокращенно именовали «ШАИ». По настоянию ее руководителя Рувима Шилоаха, в недавнем прошлом офицера «Интеллидженс сервис», англичане из «Верховного комиссариата по мандату для Палестины» получили от лондонских коллег, в свою очередь черпавших информацию через людей, работавших в германском абвере, сведения о том, что оба корреспондента, направляющиеся в Палестину, не имеют ничего общего с газетой «Берлинер тагеблатт». Весьма подробные установочные данные о них содержались в поступившей из Лондона дополнительной шифровке с грифом «Topsecret»¹.

Тщательно — при непосредственном участии руководителей «Массада» и ШАИ — готовились в Палестине к приезду зарубежных гостей. И с того момента, как немцы ступили на «обетованную землю», их сопровождали представители этих двух тайных служб — и при осмотре Хайфы, и в поездках по Тель-Авиву, и во время прогулок по кривым и грязным переулкам Яффы. Отсюда пути немецких «газетчиков» разделились: один отправился в Иерусалим, чтобы запечатлеть на пленке древние храмы, монастыри и особенно паломников, прибывающих со всех концов земного шара на поклон «гробу господнему». Об этом «журналист» охотно сообщал при каждом удобном случае, умалчивая, разумеется, о своем главном намерении: встретиться с людьми великого муфтия Иерусалима Амин-эль-Хуссейна, на которого в Берлине возлагали большие надежды в связи с предстоящей активизацией в этом районе «пятой колонны».

Второй немецкий «корреспондент», молодой худощавый, белобрысый, выехал на рейсовом автобусе в Шароа — небольшую зажиточную немецкую колонию. Проживавшие здесь с давних времен поселенцы гордились древним монастырем, своим хорошо налаженным хозяйством и пристрастием к старинным национальным обычаям и обрядам. Однако молодой гость здесь не стал задерживаться. К исходу дня он отбыл в Иерусалим, где ему предстояло встретиться с напарником. В пути он заночевал в небольшом и тихом поселке, заселенном недавно прибывшими из Европы евреями-иммигрантами.

Надев пижаму, молодой «журналист» с наслаждени-

¹ Совершенно секретно (англ.).

ем растянулся на большой и удобной кровати. Но заснуть ему не удалось: в дверь постучали, и тут же вошли трое. Это были агенты специальной оперативной службы Хаганы. Представителем «Шэрут ле Исраэль» был высокий, моложавый человек, за толстыми стеклами его очков прятались зеленоватые глаза, седые виски красиво оттеняли матовый цвет лица. На чистейшем берлинском диалекте он заявил, что уважаемый гость Палестины совсем не тот, за кого пытается себя выдавать, и что истинная цель его приезда не имеет ничего общего с журналистикой...

— Это гнусная провокация! — вспыхнул «уважаемый гость Палестины». — Предупреждаю вас, что подобные инсинуации по отношению к гражданам великого германского рейха не остаются безнаказанными!..

Хагановцы, нагло ухмыляясь, молча рассматривали белобрысого «журналиста». Один из них остался у дверей: правый карман его пиджака выразительно оттопыривался.

— Хотите вы того или нет, а вам придется выслушать нас, — проговорил представитель ШАИ. — Итак, нам известна вся ваша подноготная... Ну, хотя бы то, что родились вы в Золингене девятнадцатого марта тысяча девятьсот шестого года. Зовут вас Адольф и фамилия — не Экман, как значится в заграничном паспорте, а Эйхман. Не так ли?

Немец молчал, с тревогой слушая вкрадчивый голос хагановца.

— Вам, естественно, невыгодно являться в Палестину под своей фамилией, герр хауптшарфюрер СС Эйхман. К тому же при чем тут журналистика, когда вы работаете в одной из секций «Зихерхайтдинст»¹. Ведь там вы довольно успешно занимаетесь выявлением франкмасонов. Не правда ли?

Внешне казавшийся невозмутимым, в действительности немец после каждого слова, после каждой фразы наглого собеседника испытывал все большую тревогу и лишь последнее изречение он воспринял неожиданно со скрытым вздохом облегчения. Данные о его работе в секции по борьбе с франкмасонами хотя и соответствовали истине, но устарели: почти целых два года он возглав-

¹ Служба безопасности, или СД (нем.).

ляет департамент, разрабатывающий «решение еврейской проблемы».

На эту весьма существенную деталь в шифровке с установочными данными на эсэсовца Адольфа Эйхмана не было и намека. Составлявшие депешу англичане не без умысла умолчали о ней. Они заведомо знали, что сведения о так называемом «журналисте» из «Берлинер тагеблатт» предназначены для «Шэрут ле Исраэль» и что могут стать достоянием экстремистов из Хаганы... Как потом, в случае какого-либо эксцесса, они, англичане, объяснят факт выдачи Эйхману визы на право посещения подмандатной Великобритании Палестины? Кроме того, обстоятельства так складывались, что Лондон не был заинтересован в обострении отношений с Германией.

Поняв, что вторгшиеся люди не знают о главном, Эйхман несколько успокоился, но все же не знал, как вести себя дальше, и гадал, чем все это может кончиться. Ему шел всего лишь тридцать первый год, в СД он работал еще менее трех лет и в эти годы не вылезал за пределы «рейха».

В отличие от немца, назойливые собеседники были мастерами дел именно подобного рода... Представитель «Шэрут ле Исраэль», иронически посматривая на внешне спокойное лицо Эйхмана, по-прежнему вкрадчиво, как по гомеопатическому рецепту — через короткие интервалы, — продолжал оказывать на него нажим во все возрастающей дозе. Он напомнил Эйхману, как еще в раннем возрасте отец привез его из Золингена в Линц, что здесь он с трудом окончил начальную школу, проучился четыре года в реальном лицее и всего лишь два года посещал курсы федерального технического училища, которое готовило младших инженеров-электриков. Своего девятнадцатилетнего сыночка Эйхман-старший, тогда директор «Электротрамвайной компании» города Линца, устроил продавцом фирмы электрооборудования. Через два года Адольф Эйхман, уволившись, уехал в Вену.

Поразил Адольфа Эйхмана перечисленный незнакомцем длинный и точный перечень лиц, с которыми он либо дружил, либо лишь изредка общался. Среди них были и евреи, которые, как подчеркнул непрошенный гость, весьма положительно отзываються об Адольфе и тем более об его отце, известном в Линце, как «Электро-Эйхман», все еще проживающем на Ландштрассе, 32.

Эйхман терпеливо слушал, чувствуя, как с каждой

минутой нарастает тревога. Безотчетный страх сжимал сердце, хотелось зажмуриться, спрятать голову под подушку и не слышать этого ласкового голоса, от которого мороз пробежал по спине. Предчувствия не обманули: сначала Эйхману сунули под нос пожелтевший от времени листок газетки города Линца с фотографиями, на которых был запечатлен его отец, присутствовавший в качестве почетного гостя в главной синагоге города. Потом молчаливые помощники седовласого представителя ШАИ заставили его прочитать репортаж о церемонии присуждения австрийскими властями высокой награды главе местной еврейской общины небезызвестному деятелю сионистской организации Бенедикту Швагеру. «На торжестве с приветственным словом от муниципалитета и пресвитерианской церкви выступил Отто Эйхман», — прочитал Адольф. Да, это был его отец... Эйхман понимал, что попал в западню, выхода из которой он пока не видел. А тот же владчивый, ласковый голос продолжал перечислять примечательные эпизоды из жизни чистокровного арийца Эйхмана. Оказалось, что тот был замешан в весьма «деликатном» дельце, корни которого вели за океан. И не только... А именно в особую картотеку «Еврейского агентства». Это было, правда, в то время, когда еще совсем молодым человеком Эйхман служил в австрийском представительстве американской фирмы «Вакуум ойл компани». Сюда его приняли на службу при непосредственном содействии того же Бенедикта Швагера — главы еврейской общины города Линца и духовного наставника местной сионистской организации. Это протежирование внешне выглядело как дань благодарности «Электро-Эйхману» за оказанную ему, Швагеру, честь на недавних торжествах, но имело и скрытую от не посвященных в дела сионистской верхушки цель.

То были приятные для Эйхмана и вместе с тем огорчительные дни: по всей Австрии и особенно в ее верхней части, как грибы после дождя, возникали национал-социалистские группки.

«Своих людей мы должны иметь и в стане врагов, — заметил тогда почтеннейший Бенедикт Швагер. — И чем больше их будет, тем скорее и легче мы достигнем цели...»

И молодой Адольф Эйхман оказался «своим человеком», который был внедрен в такого рода группку.

Много позднее, когда некоторые связи Адольфа Эйх-

мана, выходившие за рамки коммерческих сделок нефтяной компании «Вакуум ойл», бросили на него тень, немецкому консулу в Линце господину Дирк фон Лангену не без помощи того же Бенедикта Швагера пришлось за него заступиться. И, конечно, главную роль в оправдании Эйхмана сыграло утверждение консула, что он, Эйхман, является примерным участником подпольного национал-социалистского движения! Только для всех осталось в тайне, что тот же Адольф Эйхман по настоянию тех же доверенных лиц из окружения главы «еврейской общины» города Линца был одновременно и членом антимарксистской австро-германской организации.

И вот первого апреля тысяча девятьсот тридцать второго года Эйхман, будто бы по собственному желанию, а в действительности по указанию своих протекторов из «Вакуум ойл компани», вступил в национал-социалистскую партию и в «Schutzstaffeln»¹, секретно информируя своих подлинных хозяев о положении дел в «СС-штандарте 89»², к которому он был причислен, о личном составе и настроениях эсэсовцев, об их вооружении и намечаемых ими акциях. И прежние хозяева высоко оценили эту заслугу...

Рассказывая все это, представитель «Шэрут ле Израэль», конечно, умолчал о том, что Бенедикт Швагер, организовавший эту акцию, также был щедро вознагражден своими американскими коллегами из «Вакуум ойл компани»... Эта сторона связей главы «еврейской общины» города Линца должна была остаться «за занавесом»...

— Подобная ваша деятельность продолжалась, по существу, вплоть до первого августа тридцать третьего года, — проговорил хагановец, — а затем последовал приказ от гаулейтера Верхней Австрии партайгеноссе³ Боллека отбыть в военно-подготовительный лагерь Лешфельд... Не так ли? Теперь слово за вами, герр Эйхман... Вы, вероятно, понимаете, что от этого слова зависит ваша дальнейшая карьера, и, пожалуй, не только карьера!

Набившие руки на политическом шантаже люди из специальной оперативной службы Хаганы расчетливо выкладывали обличающие немца сведения. Их было более чем достаточно...

¹ Охранные отряды нацистской партии, сокращенно именуемые СС (нем.).

² Эсэсовский полк (нем.).

³ Товарищ по партии (нем.).

В маленьком еврейском поселке маленький фюрер СС начинал понимать, что все эти «маленькие» биографические детали могут сыграть весьма большую роль в его карьере, если сведения о них дойдут до соответствующих органов рейха... Песенка его тогда будет спета... Не выручат и высокопарные слова о том, что он обладает «grosse Fachkenntnis auf seine — Sachgebiet»¹, вписанные всего лишь два года назад в его личную карту-теку, хранящуюся в несгораемом шкафу берлинского Хауптштамта СД².

Вдали от фатерланда, среди людей, над которыми там безраздельно властвовал, здесь эсэсовец Эйхман неожиданно ощутил дикий страх, понял, что он в западне.

Наступившая пауза была мучительна. Адольф Эйхман искал выход из отчаянного положения.

— Это так, господа... — вымолвил он наконец. — Все верно. Однако прежнего Адольфа Эйхмана нет. И это тоже верно... Перед вами — Эйхман-идеалист! А вы, как я понимаю, тоже идеалисты. И, поверьте, мне это весьма приятно. У нас много общего. Это не ради констатации, а отрадный факт! Будь я евреем, вне всякого сомнения был бы самым ярым сионистом...

Ответ заслуживал внимания, потому что у эсэсовца Эйхмана уже были кое-какие заслуги перед сионизмом; пленил ночных собеседников и смиренный тон, каким это признание было высказано. Уловив возникшее к себе доверие, Эйхман ловко пустил в ход испытанные козыри: щегольнул несколькими словами на идиш, затем произнес две-три фразы на иврите, которые запомнились ему, когда он частенько бывал среди евреев, работавших в «Вакуум ойл компани». К подобному маневру Эйхман прибегал не впервые. Как-то года четыре назад для проверки боеготовности австрийских эсэсовцев «черного легиона» в Австрию тайно прибыл рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, и Адольф Эйхман, присягавший ему в верности, приятно удивил шефа, продемонстрировав перед ним «обширные» знания языка того самого народа, который нацизм объявил врагом «номер один».

С тех пор Адольф Эйхман круто пошел в гору. Но, очутившись в Палестине, где, к своему великому несчастью, он встретил людей, досконально знавших о нем

¹ «значительными специальными познаниями в своей области» (нем.).

² Штаб СД (нем.).

чуть ли не все, что он старался скрыть. Эйхман ощутил реальную возможность скатиться с этой «горы» в глубокую пропасть. Чтобы выиграть время для обдумывания очередного хода, он счел целесообразным намекнуть, что если вдруг с ним или его напарником случится несчастье за пределами третьего рейха, то это непременно повлечет за собой серьезные акции против евреев-заложников. Разве подобное обстоятельство не беспокоит их единоверцев?

Хагановец хладнокровно и цинично ответил: если уважаемый герр Эйхман внезапно скончается от разрыва сердца или солнечного удара в каком-нибудь малоизвестном поселке Палестины, а в Германии по этой причине казнят невинных заложников-евреев, то ведь Эйхману от этого вряд ли будет легче.

— Не правда ли, герр Эйхман? — тихо спросил представитель ШАИ. Его глаза выражали искреннее сочувствие своему собеседнику, даже грусть. — Поэтому не кажется ли вам, что пора, наконец, перейти к деловому разговору?

— Чего же вы хотите от меня, господа? — спросил Эйхман.

— Сущего пустяка! И, насколько я понимаю, наше предложение будет выгодно и для вас и для Германии...

— Я весь внимание, господа! Но заранее скажу, если дело, к участию в котором вы хотите привлечь меня, пойдет на пользу Великому германскому рейху, я, разумеется, сделаю все, что в моих силах...

— В клятвенных заверениях, герр Эйхман, нет необходимости, — тихо прозвучал ответ на пылкое обещание. — Как вы теперь понимаете, у нас есть более веские гарантии. И я уверен, что мы договоримся... В свое время кайзер Вильгельм обещал доктору Герцлю поддержать создание «еврейского национального очага», если территория Палестины будет объявлена германским протекторатом. Англичане воспротивились этому. Они опасались, как бы Германия не стала более могущественной империей, чем того хотелось лордам с Даунинг-стрит... Теперь и вы и мы можем многого достигнуть! Но для этого нам нужно оружие! И мы хотим, чтобы вы помогли нам получить его из Германии... Великобритания — потенциальный враг германского рейха.

Выслушав собеседников, Эйхман воспрянул духом:

шантаж не удался, сделка эта соответствовала секретной миссии, которую он выполнял здесь, в Палестине, и о которой, судя по всему, его собеседники не были осведомлены. Успешное выполнение поставленной перед ним задачи сулило и ему, Эйхману, немалые выгоды. Выходит, рановато оплакивать себя, ему предстоит еще взлететь на вершину...

В небольшом, только что возникшем еврейском поселке между эсэсовским фюрером и представителем «Шэрут ле Исраэль» при участии двух человек из специальной оперативной службы Хаганы и особого штаба «Массад» зародилось тогда соглашение огромного международного значения... Предварительная договоренность была достигнута быстро. В ней были заинтересованы обе стороны: нацисты создавали в Палестине «пятую колонну» для действий против Великобритании; сионисты лезли из кожи вон, чтобы ускорить приход того дня, когда можно будет разговаривать с англичанами языком пулеметов. Детали соглашения должны были определиться после переезда Эйхмана в Каир, куда он намеревался отбыть из Иерусалима вместе с напарником. Там им предстояла встреча с великим муфтием Иерусалима Амин-эль-Хуссейном — главным резидентом рейсфюрера СС Гиммлера на Ближнем Востоке. Именно с ним и должен был состояться разговор об активизации в Палестине «пятой колонны».

Рано утром Адольф Эйхман беспрепятственно, в отличном настроении покинул поселок. Он не сомневался, что в Берлине одобряют его план. Довольный собой, Эйхман размышлял: «Если каждая пуля или снаряд, выпущенный из немецкого оружия руками сионистов, попадет в англичан, — это уже хлеб!.. Если же англичане ответят иудеям тем же, — а надо полагать, так оно и будет, — это хлеб да еще с маслом!»

Однако слухок о каком-то тайном сговоре между приезжим эсэсовцем и специальной оперативной службой Хаганы просочился в Лондон. Поэтому находившемуся в Каире «корреспонденту» газеты «Берлинер тагеблатт» господину Экману неожиданно было отказано в повторном въезде в Палестину.

Об этом немедленно стало известно человеку из штаба «Массад». Это был молодой офицер Абба Эбанс, работавший в «Интеллидженс сервис» и поддерживавший со специальной оперативной службой Хаганы более тес-

ный контакт, чем дозволялось практиковать сотрудникам двух родственных ведомств, прислал короткую шифровку с пометкой «Read and destroy»¹. В ней Абба Эбанс сообщал руководству ШАИ, какую в настоящее время занимает должность в СД хауптшарфюрер СС Адольф Эйхман, как исключительно велики его возможности и полномочия в отношении евреев, проживающих в «третьем рейхе».

Тотчас же в Каир поспешили для встречи с Эйхманом двое: руководящий работник «Массад», уже знакомый ему человек, вторгшийся однажды ночью в номер отеля, и второй — тучный, немолодой мужчина, работавший главным экспедитором Экспортно-импортного бюро. При встрече с Эйхманом они обсудили ряд важных вопросов, уточнили детали реализации достигнутого прежде двустороннего соглашения.

Результатом беседы в Каире и представленного затем в СД обстоятельного доклада Эйхмана о поездке в Палестину, в котором в общих чертах излагался план использования, помимо приверженцев великого иерусалимского муфтия Амин-эль-Хуссейна, а также сионистов против англичан, а последних — против иудеев, явилось решение нацистских верхов начать подготовку массовой эмиграции евреев из рейха и доставку в Палестину оружия.

Прибывшие вскоре в Германию представитель штаба «Массад» и эмиссары специальной оперативной службы договорились о создании здесь трудовых лагерей для сортировки и подготовки евреев к отправке в Палестину. Принцип отбора людей в эти легаря был установлен бесстыдно-откровенный: отбирались только вполне трудоспособные мужчины и женщины, которые могли бы совмещать работу с несением воинской службы, специалисты ряда отраслей и, конечно, в первую очередь лица, имеющие заслуги перед сионизмом (то есть буржуа, финансировавшие сионистов), и люди, состоящие в организациях, примыкающих к сионистам, как, например, «Гардония» или «Маккабия».

Таким образом, определение лиц, подлежащих эмиграции, преследовало в основном три цели: заполучить максимум пушечного мяса, денежных тузов и преданные идеям сионизма кадры.

¹ «По прочтении уничтожить» (англ.).

Для первой, наиболее многочисленной категории людей в лагерях организовывалось военное обучение по образцу подготовки, проводимой на «акшаре».

Все эти люди со временем должны были отбыть в Палестину не с пустыми руками. Для этой цели сионистам отправлялось захваченное вермахтом иностранное оружие. Нацисты согласились передать его в виде компенсации за имущество, которое оставляли в Германии еврей-эмигранты.

И опять слухи об одной сделке дошли до англичан, а через них и до арабов. Обстановка накалялась. В ряде городов и поселков Палестины вспыхнули кровавые столкновения между сионистами и арабами. Тогда Лондон был вынужден опубликовать «Белую книгу», вводящую строгое ограничение на иммиграцию евреев в Палестину.

В ответ на это Хагана делала вид, будто приводит в боевую готовность свои подразделения... И чем больше внешне возрастал антагонизм между англичанами и «Еврейским агентством», с ведома которого действовали хагановцы, а также секретный отдел разведки и диверсий «Шэрут ле Исраэль», тем охотнее Адольф Эйхман и стоявшие над ним эсэсовские фюреры и ведомство адмирала Канариса были готовы идти навстречу сионистам, содействуя их планам. Вместе с тем «Еврейское агентство» с подведомственными ему тайными и явными организациями не столько намеревалось избавиться от англичан, сколько сохранить с ними союз, чтобы выдворить из Палестины арабов.

Непрерывным потоком прибывали в палестинские порты различные грузы: машины из Америки, фураж и мясные продукты из Австралии, промышленные товары из многих стран Европы. В обратный рейс трюмы судов загружались преимущественно апельсинами, оливками и кустарными изделиями туземных умельцев.

Как муравьи по проложенным дорожкам, сновали грузчики от кораблей к складским помещениям и от складских помещений к кораблям. Тяжело нагруженные люди непрерывным потоком проходили, замедляя шаг, мимо наблюдателей, внимательно проверяющих маркировку контейнеров и упаковок. По каким-то только им известным признакам они направляли жестом руки в разные стороны грузы, внешне, казалось бы, совершенно

неразличимые, и тогда одна цепочка грузчиков внезапно прерывалась и возникала другая.

Этой таинственной сортировкой грузов руководили главный экспедитор Экспортно-импортного бюро толстяк Давид Кнох и Нуци Ионас. Помощником к ним недавно перевели Хаима Волдитера. Новая должность приносила ему немало хлопот. Приходилось ездить в Яффу, частенько допоздна задерживаться в порту. Во время разгрузки или погрузки судов он всецело зависел от главного экспедитора, человека грубого и требовательного. Соблазняло, конечно, повышенное жалованье: они с Ойей ждали ребенка, и увеличение заработка было как нельзя кстати.

Нуци Ионас настойчиво твердил Хаиму, что его новая должность очень ответственна и что оклад ему повышен исключительно по этой причине.

— Только из-за специфики грузов, которые мы получаем, и существует наша «лавочка», — говорил он. — Иначе Соломонзону и тем более его дядюшке Теплицу не было бы смысла нас держать...

Хаим терпеливо выслушивал внушения Нуци, но спросить, в чем состоит «специфика» грузов, не решался. С первых минут своего появления в порту Хаим понял, что любознательность здесь не в почете.

Главный экспедитор Экспортно-импортного бюро Давид Кнох был местный, «ватиким», и не терпел «олимпиадаш» — приезжих; он считал их белоручками, непригодными для работы в порту.

Лишь через несколько дней, увидев в Хаиме старательного и услужливого работника, Кнох подозревал его.

— Если вы намерены и дальше работать, — проговорил он густым, басовитым голосом, — то запомните: слов «не знаю», «не умею», «не видел» или «забыл» для меня не существует. Вы обязаны все знать, уметь, видеть и непременно все помнить! Отговорок не признаю. Работать будете со мной и только по моим указаниям. Возникнет надобность спросить — спросите, отвечу, но повторять не в моей привычке. Пусть этим занимается ваш друг Ионас... У меня и без того дел хватает. Не понравится работа — заявите. И чем раньше, тем лучше для вас... Скрывать что-то от меня, говорить неправду не советую.

Слушая Кноха, Хаим кивал головой и хлопал рыжими ресницами, а сердце у него колотилось от страха.

Кнох был немногословен, сказанное считал предельно

ясным. Дело свое знал отлично и работал с рвением одержимого. За подвижность, стремительность — при его-то двадцатикилограммовом весе! — портовые рабочие прозвали Кноха «паровозом». И в самом деле, кличка была очень меткой; прикусив верхнюю толстую губу и громко сопя, Кнох шел напролом, словно катился по рельсам. Его тучная фигура показывалась то на сходнях, то в трюме, то на палубе, а то и в пакгаузе. Не задерживаясь, на ходу, он отдавал краткие деловые распоряжения и если уж останавливался, то только для того, чтобы обрушить на чью-то провинившуюся голову поток ругани.

«Паровоз» был беспощаден к лодырям. Хитрецов и нытиков ненавидел. Он быстро освобождался от таких работников. Уговаривать его отменить свое решение, призывать пожалеть малых детишек уволенного было бесполезно. Кнох отвечал всегда одно и то же:

— Работа в порту только для здоровых, как больница — исключительно для больных...

Давид Кнох не давал скидок даже самому любимому грузчику, если замечал за ним оплошность. Он немедленно отстранял его от работы, сам становясь на его место, чтобы показать другим, как надо делать дело.

Хаим Волдитер боялся Кноха, избегал встреч с ним, как, впрочем, и другие служащие и грузчики Экспортно-импортного бюро. Они изучили его повадки и, замечая еще издали его коренастую фигуру, тотчас замолкали, подтягиваясь, гасили и тщательно прятали окурки. Если он попадался навстречу в узком судовом проходе или, упаси бог, на трапе, грузчики шарахались в стороны: иначе Кнох всей своей массой сталкивал с пути встречного, если, конечно, тот не был начальством.

Даже Нуци Ионас, доверенное лицо Симона Соломонзона, обращался к Давиду Кноху с некоторым трепетом. Правда, и тот помалкивал, когда Ионасу случалось ошибиться. А за Нуци такое водилось...

Зато Симон Соломонзон восхищался работой главного экспедитора, частенько интересовался им и дядюшка Симона старик Джузеппе Теплиц. Странно, но они были хорошо знакомы. Когда однажды Давид Кнох по поручению судоходного общества «Израильский морской Ллойд» ездил в Италию для покупки старого судна, которое итальянцы собирались списать, Кноха удостоил вниманием сын Джузеппе — сам Теплиц-младший. По

этому поводу ходил слух, как Кнох, увидев супругу миллиардера в меховой накидке, привез и своей жёне дорогостоящую тяжелую меховую шубу, в которой она пришла в синагогу в достаточно жаркий ещё осенний день новогоднего праздника «рош-га-шана». Поговаривали также, будто главный экспедитор очень верил талмудистской примете: «Каков у тебя день на рош-га-шана, таков будет весь наступающий год!» Поэтому в новогодний праздник Давид Кнох и его семейство одевались во все новое...

Было известно, что главный экспедитор, единственный из всех служащих Экспортно-импортного бюро, помимо жалованья, получал проценты за «важные», хотя и неведомо какие дела.

Грузчики утверждали, что Давид Кнох был очень богат, имел два или три добротных доходных дома. В это трудно было поверить: его всегда видели в помятом, засаленном костюме и стоптанных башмаках, с задранными до предела вверх кривыми носками. Таким он был с весеннего пасхального праздника вплоть до осени, когда наступал «рош-га-шана» и Давид Кнох неожиданно появлялся в новом костюме. Но уже через несколько дней главный экспедитор приобретал прежний неопрятный вид. Неряшливость, как и грубость его, не имели предела. К тому же он был невероятно прожорлив, а кушая, торопился, словно за ним гнались...

Небрежно относился Кнох и к деньгам. Не раз Хаим наблюдал, как главный экспедитор извлекал из глубоких карманов смятые и засаленные купюры вместе со скомканными накладными и жирными обрывками оберточной бумаги.

Если в порту наступало затишье, Давид Кнох мог позволить себе на свой особый лад пошутить с кем-либо из давно работающих грузчиков, потешиться над ним, а новичку дать какое-нибудь обидное прозвище. Любил Давид Кнох затевать борьбу. В молодости он был неплохим борцом. Ходили слухи, будто тогда он одним ударом отправил на тот свет богатого османа, у которого служил, и унес из его дома сундук с драгоценностями. Медвежьё силищу Кноха многие рабочие испытали на себе и не раз давали клятву покончить с «паровозом», однако пока никто не осмеливался привести в исполнение свои угрозы.

Поговаривали люди о том, будто Кнох потому ве-

дет себя столь нагло и самоуверенно, что за его спиной орудует шайка, которая находится на его содержании, действует по его указке и жестоко мстит всякому осмелившемуся ему перечесть.

— Кто платит, тот и музыку заказывает! — заметил как-то один из грузчиков.

— А ты, хочешь или не хочешь, пляшешь под его дудку, — поддержал другой. — Попробуй поступи иначе... Сыграют тебе похоронную, и никто не пикнет. Тебя же потом назовут негодяем!

На Хаима Волдитера главный экспедитор не обращал внимания, словно его не существовало. Даже по утрам, когда Хаим здоровался с ним, Кнох не устаивал его ответом: пустое место — да и все тут! Хаим удивлялся: «Неужто в самом деле не слышит?» Он стал громче здороваться, но тот по-прежнему не реагировал. Как-то Хаим стоял среди грузчиков, окруживших главного экспедитора и Нуци Ионаса, что-то говорившего о предстоящем прибытии судна из Австралии. Внезапно Кнох стремительно рванулся из круга, едва не сшиб с ног Хаима и умчался не оглянувшись, словно холода и не было на том месте, через которое он только что прошел.

Это вызвало смех у грузчиков и сочувственные замечания. Нуци попытался превратить выходку главного экспедитора в шутку, но Хаим не скоро опомнился. С выражением испуга на лице он еще долго стоял в стороне и, сдерживая дрожь в коленях, сконфуженно оглядывался.

На исходе того же дня в порт вошло груженное фуражом для скота судно из Австралии. О необходимости срочной выгрузки Нуци Ионас сообщил грузчикам.

Уже стемнело, когда Хаим по указанию Нуци Ионаса встал на причале у нижней части трапа в ожидании начала разгрузки. Грузчики приготовились ринуться в трюмы, словно солдаты, сосредоточившиеся на исходном рубеже для внезапной атаки.

Люди молчали. Отчетливо доносился плеск волн, скрип трапов и глухие удары борта судна об истертые бревна на стенке причала.

Как всегда, стремительно появился Давид Кнох и, что совсем уже было неожиданно для Хаима, удостоил его своим вниманием.

— Следите за разгрузкой в оба! — буркнул он на ходу. — Слышите?!

— Да, конечно! — ответил Хаим, торопясь вслед за

главным экспедитором.— Мне все объяснил хавэр Ионас. Я должен смотреть, чтобы тюки, перевязанные медной проволокой...

— А вы не бегайте за мной, как собачонка! — оборвал его Кнох, продолжая идти.— Делайте то, что вам приказано.

Вскоре началась разгрузка. Закружился живой конвейер. По узким дощатым сходням с вбитыми поперек планками размеренно шагали, соблюдая дистанцию, грузчики. Они шли молча, при скудном освещении, будто участвовали в траурном шествии. С огромным тюком прессованного сена на спине каждый из них, подойдя к Хаиму, говорил:

— Перевязка медной проволокой — иду на площадку.

— Перевязка простой проволокой... Иду на ярус.

Хаиму нужно было проверить упаковку, хотя при слабом освещении нелегко отличить обыкновенную проволоку от медной. Малейшая задержка исключалась: следом шел грузчик, за ним другой, третий... Ошибка, как предупредил Нуци, была чревата большими неприятностями. Знал об этом и каждый грузчик, но спросить, чем объясняется эта строгость в сортировке обыкновенных тюков прессованного сена, никто не решался.

Хаим заметил, что в порту не было случайных людей, все рабочие — местные, коренные жители, все с большим опытом. Здесь были установлены особые порядки. Во время работы подходить к разгрузочной запрещалось любому постороннему, включая служащих Экспортно-импортного бюро. В ответе за неукоснительное выполнение этого правила был каждый работавший на данном участке.

Вихрем то и дело проносился Давид Кнох и с палубы судна, откуда уходили вниз к причалу сходни, с одного взгляда определял, насколько успешно шла работа.

— Ашер, поторапливайся! — услышал Хаим охрипший голос подоспевшего Кноха.— Чего еле ноги волочишь? Не жрал давно или «сефардка»¹ не дала выспаться?

Ашер был «ватиким», однако женился на приезжей из Триполитании. Главный экспедитор не терпел эту катего-

¹ Еврейка из Юго-Западной Европы, говорящая на так называемом эспаниольском языке.

рию соплеменников, считал их лентяями, очень нахальными и болтливыми. Грузчик ничего ему не ответил, знал, что в подобных случаях положено молчать. Он лишь ускорил шаг.

— А ты куда бежишь? — окликнул Кнох другого грузчика. — На свадьбу торопишься или хочешь создать проблему?!

Грузчик моментально убавил шаг и тоже ни слова в ответ.

— Не торопись, Шая! Пусть как следует проверит упаковку... И вы, эй, ашкенази¹, — услышал вдруг Хаим позади себя хриплый голос главного экспедитора. — Спите? Не отпускайте грузчика, пока не убедитесь, какая проволока. Или я обоим оторву головы!

— Он уже проверил, хавэр Дувэд Кнох, — виновато произнес грузчик, возвращаясь к Хаиму. — Я же сказал, что проволока простая, иду на ярус...

— Тебя не спрашивают, урл!² — рявкнул Кнох. — Знай свое дело!

От волнения Хаиму показалось, что у него помутилось в глазах и он действительно не рассмотрел эту проклятую проволоку.

— Ну вот, теперь совсем ополоумел! — снова загрел голос Кноха. — Где глаза у вас, на затылке?

Хаим поспешно хлопнул грузчика по плечу, это означало разрешение идти. Проволока, конечно, была обыкновенной, но ни Хаим, ни грузчик ни слова не сказали Кноху.

— Тюки с медной проволокой сейчас пойдут чаще. Не спите! — распорядился Кнох, проходя мимо Хаима. — Записывайте каждый тюк, отсчитывайте десятки. И чтобы не было никакой путаницы!

Хаиму надо было не только записать, но и непременно проследить за тем, чтобы грузчик, свернув влево, пошел на площадку и свалил там тюк у весов. Дальше площадки идти им не разрешалось. Отсюда уже другие люди, совершенно незнакомые грузчикам, на двухколесных тележках увозили тюки в пакгауз, где полномочным хозяином был Нуци Ионас. Он лично наблюдал за вскрытием каждого тюка.

¹ Еврей — выходец из Центральной Европы.

² Не подвергавшийся обряду «обрезания» при рождении (оскорбительное слово).

Теперь все чаще попадались тюки, перевязанные медной проволокой, и Хаим едва успевал записывать их в тетрадку, подсчитывать десятки...

Перерыв разрешили только через три часа после начала разгрузки судна, и то всего на пятнадцать минут. Грузчики валились вповалку там, где их застал перерыв, будто сраженные пулеметной очередью. Слово главного экспедитора было сильнее закона.

— Ничего, отдохнете, когда разгрузите тюки с медной проволокой. Слышите? — бросил Кнох. — До рассвета надо управиться.

Никто не возразил.

— Кому не нравится, может уйти! — при случае говорил Кнох. — Насильно никого не держу. У меня полная свобода!

Однако вздумавший уйти рабочий не просто уходил, исчезал бесследно. За спиной Кноха действительно стояла шайка головорезов из «Иргун цвай леуми».

Вновь возобновилась разгрузка, пошли тюки, перевязанные медной проволокой.

С трудом переводя дыхание, люди бежали вверх по трапу и через считанные секунды появлялись на сходнях с тюками. Окрики Кноха подталкивали их, вселяли страх. Попастъ в немилость к главному экспедитору значило для них гораздо больше, чем лишиться сравнительно хорошего заработка. И они работали. И помалкивали. Кое-кто из них помнил, как главный экспедитор однажды нарушил свой принцип и принял на работу одного из «олем-хадаш». Это был хорошо сложенный, жилистый иммигрант из Марокко. Там он также трудился в порту. Возможно, это и прельстило Кноха, который прозвал марокканского портовика «фрэнк-сакин»¹. Грузчик постоянно носил за поясом острый нож и при малейшем несогласии с кем-либо из грузчиков моментально доставал свой «сакин». Однако не прошло и двух недель, как «фрэнк-сакин» показался главному экспедитору слишком зубастым и не в меру разговорчивым. Кнох его одернул, а марокканец огрызнулся. Небывалый случай! К тому же это происходило в присутствии грузчиков. Давид Кнох велел марокканцу тотчас же покинуть причал. Фрэнк отказался, продолжая трудиться. Когда же на него, точно паровоз, двинулся было главный экспедитор, перед глазами у

¹ Ф р э н к — прозвище «черных» евреев; с а к и н — нож.

него блеснуло лезвие ножа. Кнох едва увернулся, а через некоторое время обе жены грузчика и куча его детей ходили в поисках своего мужа и отца...

Давид Кнох без всякого зазрения совести говорил: — Не в порту ищут мертвеца, а в Мертвом море...

С тех пор главный экспедитор Экспортно-импортного бюро не нарушал уже своего принципа: на работу принимал только своих «ватиким».

К рассвету основная часть трюма, в котором находились перевязанные медной проволокой тюки, была освобождена. Тем не менее обещанного Кнохом перерыва не последовало, хотя темп разгрузки резко снизился. Люди работали из последних сил. Даже Хаим едва держался на ногах, мучительно преодолевая одолевавшую его сонливость.

Промчавшийся мимо главный экспедитор на ходу крикнул, что тюков с медной проволокой больше не будет. Но Хаим не решился покинуть свой пост без разрешения Давида Кноха.

Стоять без дела Хаиму было еще мучительнее. Несколько раз он засыпал и, пошатнувшись, просыпался. Сквозь дремоту он слышал, что кто-то зовет его: оказалось, что Нуци Ионас приглашал его в пакгауз.

Хаим не ожидал увидеть в пакгаузе так много людей. Какие-то парни и девушки сновали из конца в конец огромного, как крытый рынок, помещения. У длинного стола, установленного посередине, стояло несколько человек, вооруженных кусачками. Им непрерывно подавали тюки, с которых они тотчас же удаляли медную проволоку, а затем острыми, как скальпель, ножами вскрывали «брюхо» тюков. Наружу извлекались какие-то вещи, обернутые в черную промасленную бумагу. Их тотчас же уносили со стола. Приглядевшись, Хаим вскоре увидел аккуратно уложенные угловатые вороненые предметы, уже освобожденные от бумаги. Он перевел взгляд в другой конец пакгауза и обомлел от удивления и страха. Там, у стены, плотными и стройными рядами стояли пулеметы, винтовки, карабины, горами лежали диски, кассеты, а чуть в стороне высились штабеля ящиков с патронами и, по всей вероятности, с запасными частями.

Мимоходом, но в то же время пристально Хаим разглядывал, что делают в пакгаузе эти люди, куда и зачем переносят разные предметы, и понял, что первое его впечатление о царящей тут беспорядочной суетолоке было об-

манчивым. В действительности сборка оружия из частей и деталей, извлеченных из тех самых тюков с медной проволокой, которые Хаим вписывал в свою тетрадь, была четко налажена и происходила как на конвейере.

Только теперь Хаим Волдитер понял, что имел в виду Нуци Ионас, когда твердил ему об особой ответственности, возлагаемой на всех работающих в порту. Только теперь стали до конца ясны причины порядков и строжайших правил, установленных в порту главным экспедитором, особого подбора грузчиков, изнуряющих темпов и непрерывности разгрузки судна.

Осознав, что и он отныне является соучастником тайных противозаконных дел, Хаим испугался. В его памяти одна за другой промелькнули картины из недавнего прошлого: закупка оружия в Констанце; раввин Бен-Цион Хагера с огромным пистолетом под полой кафтана; взятие «трансатлантика» на abordаж английскими эсминцами, стрельба и трагическая смерть английских матросов и ребенка австрийской эмигрантки; обнаруженное англичанами оружие в бочках из-под цемента; наконец, подозрительные обстоятельства затопления «трансатлантика» вместе с сотнями пассажиров и находившимся в трюмах оружием... Мысленно он вновь предстал перед чиновником-англичанином, который совсем недавно угрожал ему и Ойе тюрьмой и высылкой за нарушение законов, установленных в подмандатной Великобритании территории Палестины...

Весь во власти этих мыслей, Хаим забыл, зачем пришел сюда, и неподвижно стоял на месте до тех пор, пока Нуци Ионас не увидел его.

— Хаймолэ! Волдитер! Быстро ко мне! — повелительно окликнул он и, когда Хаим, боязливо лавируя между рядами оружия, подошел к нему, приказал: — Собери оберточную бумагу, туго перевязывай проволокой... И как можно быстрее! Понял? В нашем распоряжении очень мало времени... Действуй!

Хаим безропотно подчинился, принявшись за работу. Ему хотелось как можно скорее освободиться и уйти с территории порта, как будто это избавляло его от ответственности за соучастие во всем, что здесь происходило.

— Как тебе нравится этот «корм для скота»? — улыбаясь, спросил у него Нуци, когда работа подошла к концу и большая часть парней и девушек уже уехали. — А, Хаймолэ, говори?!

— Австралийское? — уклончиво спросил, в свою очередь, Хаим.

— Вот это? — Нуци кивнул на оружие.

— Ну да...

— Чудак ты! — смеясь, заметил Нуци. — Только флаг!.. Остальное, вот посмотри...

Нуци поднял пистолет с горки оружия и указал на заводское клеймо.

— Эстеррайх... Австрийское, значит?! — удивился Хаим. — Но ведь Австрия...

— Вот именно, Хаймолэ! — перебил его Нуци с насмешкой. — Австрия давно уже не Австрия. От нее ничего не осталось. Разве только клеймо...

— Ничего не понимаю. Но не из Германии же все это добро?

— А почему бы и нет? — Нуци улыбнулся. — Ты запомни, что когда дело касается большой политики и выгодной торговли, то никакие законы и ограничения, никакие нормы и принципы не действуют...

Хаим нехотя кивнул, с опозданием натянуто улыбнулся: не хотелось ему выдавать Ионасу свои мысли обо всем этом.

А Нуци, не подозревая, что холуц Волдитер отнюдь не в восторге от того, что увидел, хлопнул его по плечу.

— Но ты имей в виду, это — только начало! — бодро проговорил он. — Да, да! С помощью вот такого «корма», — он указывал на груды оружия и штабеля ящиков с патронами, — скоро начнем отправлять кое-какой «скот» на бойню! Терпение, Хаймолэ, и мы еще покажем миру, кто мы такие. Увидишь!

В полдень, вскоре после того как Давид Кнох объявил на разгрузочной двухчасовой перерыв, Хаим издали заметил, что к пакгаузу подъехал знакомый легковой автомобиль. В пассажире он узнал Симона Соломонзона.

Хаим соскочил с тюка, на котором удобно примостился в тени, чтобы вздремнуть. Но Симон, даже не взглянув на Хаима, прошел в пакгауз. «Не случайно Нуцик и Кнох остались там, когда все ушли на обед, — подумал Хаим. — Знали, видимо, что приедет хозяин...»

Хаим вновь устроился на тюке. Был первый по-настоящему жаркий день. Одолевала дремота, но беспокойные мысли отгоняли сон. Накануне он получил из Болграда письмо и в который уже раз стал перечитывать его. Отец

и сестра сообщили, что они здоровы, на жизнь не жалуются, но ждут «гостей». Хаим понял, что того и гляди немцы нагрянут в Румынию. «В отношении продуктов,— писал отец,— у нас в избытке зеленые овощи. Они всегда в большом выборе у старика Попа. Он и его сыночек живы-здоровы...»

Что такое «зеленые овощи», Хаим тоже хорошо понял: зеленорубашечники и их болгарские главари — отец и сын Попа, которые были повинны в смерти многих людей, в том числе и его, Хаима, матери...

Заканчивалось письмо пожеланиями сыну и его жене крепкого здоровья и прочного благополучия, а в приписке отец напоминал Хаиму, что если ему удастся хорошенько устроиться и начать прилично зарабатывать, то пусть он позаботится о присылке обещанного «вызова»...

Стало немного легче на душе, когда Хаим перечитал коротенькое письмецо сестренки. Она писала: «Твой тяжелобольной соученик по лицу наконец-то вернулся домой из санатория. Его встретили и с особым почетом провели по бульвару брата господина Статеску. Однако врачи той самой больницы, где когда-то лежал и ты, считают его заразным и два раза в неделю заставляют приходить к ним на процедуры. Из-за болезни никто в городе не хотел брать его на работу. Устроился он грузчиком на товарной станции Траян-вал...»

Хаим не сомневался в том, что речь идет об Илюшке Томове. И «санаторий» — это, конечно, тюрьма. Значит, его друг остался верен себе. «Да, в наше время,— подумал Хаим,— в фашистских застенках сидят не за воровство, а за революционную подпольную работу. А теперь Илюшка находится под надзором полиции и сыщика Статеску...» Тогда в Констанце он уговаривал его, Хаима, не ехать в Палестину, обещал подыскать в Бухаресте подходящую работенку. «Не жирно будет, но на кусок хлеба заработаешь...» — говорил он, ссылаясь при этом на своего друга, какого-то механика по фамилии, кажется, Илиеску... Да, да! Илья по-румынски Илие, а механик — Илиеску... Он должен был вот-вот подойти, и Илюшка настаивал, чтобы Хаим дождался его, познакомился. «На этого человека во всем можно положиться!» — сказал тогда Томов.

Теперь Хаим сожалел, что не мог дождаться того механика, познакомиться с ним. Из рассказа Ильи Хаим понял, что Илиеску не просто хороший товарищ его школь-

ного друга, а учитель и наставник, что их связывает нечто большее, чем совместная работа в гараже...

Хаим подумал, что если бы послушался в то время Илюшку Томова и остался в Бухаресте, то наверняка пошел бы с ним одной дорогой... В сердце вместе с тревогой все чаще и чаще закрадывалось сомнение, правильно ли он, Хаим, поступил тогда в Констанце, решившись покинуть родные края. Но иного выхода у него не было. Позади была каторжная «акшара», на руках мозоли и в кармане виза английского консула на право въезда в подмандатную территорию, а также шифс-карта, которая нелегко досталась... А потом, откажись он от поездки в Палестину, отцу и сестренке пришлось бы без оглядки бежать из Болграда! Еврейская община заклевала бы их на смерть! Не говоря уже о нем, Хаиме...

Задумавшись, он не сразу заметил, как из пакгауза в сопровождении Кноха вышел Симон Соломонзон. Хаим вскочил и, словно солдат при встрече с офицером, быстро поправил рубашку, воротничок и хотел было пойти навстречу, но не решился, стал ждать, оставаясь на месте. К счастью, Кнох свернул на трап, а Симон, увидев Хаима, подошел к нему и, не здороваясь, покровительственным тоном спросил:

— Ну как? Привыкаешь?

Хаим поклонился и покраснел. Там, в Констанце, после прохождения «акшары», он считал Симона равным себе, а здесь — он сознавал это отчетливо — положение изменилось: перед ним стоял хозяин, от настроения и воли которого зависела его судьба. И Хаим почтительно ответил:

— Да, хавэр Симон Соломонзон. Понемногу привыкаю... Спасибо.

— Почему «понемногу»? — нарочито сердито спросил Соломонзон и тут же, похлопав Хаима по плечу, бросил: — Надо помногу! Тогда будет толк, Волдитер. А главное, — Симон оглянулся по сторонам и, вскинув указательный палец, уже с неподдельной строгостью заключил: — Чтобы все было к месту и вовремя! Как говорится, «кашер»!

Хаим кивнул.

— Отлично, Волдитер! — удовлетворенно воскликнул Симон. — Кстати! Ионас сообщил тебе о прибавке к жалованью?

— Да, хавэр Симон, спасибо!

— Я не помню, сколько, но, кажется, теперь будешь прилично зарабатывать. И впредь все будет зависеть от тебя...

— Спасибо...

— Ничего, ничего... Я знаю тебя и доверяю... А сейчас это главное! Конечно, и работать надо, ни с чем не считаясь. И чтобы ни гугу, комар носа не подточил! Прислушивайся к хавэру Кноху. Поучиться у него есть чему... Ого!

Хаим смотрел на Симона покрасневшими от бессонной ночи глазами и думал, что бы сказал о «паровозе» этот холеный Соломонзон, если бы его папочка и дядюшка не владели миллионами и ему самому пришлось бы поработать у этого «хавэра Кноха»? Какое бы тогда прозвище получил «ашкенази» Соломонзон?!

Соломонзон по-хозяйски поглядывал на ярусы тюков прессованного сена с мертвецки спавшими на них грузчиками и, направляясь к автомашине, сказал:

— Дела, Волдитер, предстоят поистине грандиозные! На нашу долю выпала миссия силой оружия доказать, что мы единый народ, единая нация с единым государством — Израэль! Запомни это наше священное кредо! И запомни, что ты, холуц «Иргун цвай леуми», обязан знать это как основные «четыре пасхальные заповеди»!

Вскоре машина с владельцем Экспортно-импортного бюро умчалась, оставив позади себя облако пыли и вонючего дыма. Постепенно пыль осела, дым развеялся, а Хаим продолжал стоять в раздумье, мысленно повторяя только что сказанные Симоном Соломонзоном слова: «Единый народ, единая нация с единым государством — Израэль!» Где-то Хаим уже слышал это или что-то подобное. Но где и от кого? «Единый... единая... единое... Израэль!» Да, он явно слышит это не впервые! Чтобы освежить уставшую от бессонной ночи голову, Хаим побежал в туалет, чтобы умыться. Но и это не помогло. Снова и снова он мысленно твердил: «Единый народ, единая нация с единым государством — Израэль!»

Хаим не выдержал, зло чертыхнулся и сплюнул:

— Вот зараза!

Из кабины вышел грузчик. Кроме Хаима, в туалете никого не было. Грузчик понимающе посмотрел на него и сказал:

— Это правда. Зараза здесь и зловоние страшные! И грузчик тоже смачно сплюнул.

Произнесенное Симоном Соломонзоном кредо — «Единый народ, единая нация, единое государство» — по-прежнему не давало покоя Хаиму. И чем больше он напрягал память, пытаясь вспомнить, где однажды уже слышал эту фразу, тем назойливее, словно испорченная грамофонная пластинка, повторял ее.

Набившие оскомину слова «отвязались» от него лишь в ту минуту, когда раздался хриплый окрик Кноха — «паровоза», возвестивший о возобновлении разгрузки пресованного сена с австралийского судна. На причале снова все пришло в движение, но теперь уже не было ни особой спешки, ни четкого порядка, ни тишины и таинственности, при которых происходила разгрузка ночью. То и дело раздавались резкие гудки грузовиков, прибывающих за сеном, ругань и окрики шоферов, рев моторов отъезжающих автомашин, на ходу балагурили и бранились грузчики.

— Эй вы! — проходя мимо Хаима, бросил Давид Кнох. — Там ваш хавэр на части разрывается...

И опять Хаим не был уверен в том, что правильно понял главного экспедитора, то ли он посылал его к Юнасу, то ли просто сказал так, для встряски.

— Извините, хавэр Дувэд Кнох! Машины гудят, я не расслышал, — нагнав главного экспедитора, сказал Хаим.

— Вы что, за компанию с женой оглохли? — зло ответил Кнох. — Я слышал, она у вас, кажется, глухонемая.

Ошеломленный Хаим остановился. Кровь прилила к его лицу. В это мгновение он потерял контроль над собой и готов был достойно ответить на грубую бестактность Кноха, но тот круто свернул к трапу и быстро, привычно зашагал вверх, а Хаим остался внизу и, горестно усмехаясь, думал о том, как бы Кнох расправился с ним, ответь он на грубость грубостью.

— Вы, бестолочь! — окликнул его уже с верхней палубы главный экспедитор. — Для вас нужно особое приглашение?

Ничего не ответив, Хаим, словно его хлестнули кнутом, бросился к пакгаузу.

Нуци встретил его упреками. Хаим не оправдывался. Он искренне сочувствовал другу: оказывается, и в пакгаузе шла погрузка «корма для скота».

Нуци сунул в руки Хаиму влажную рубашу.

— Быстро повесь вон на то дерево.— Нуци указал на рыжий холм с одиноко растущим на нем деревцем, на котором грузчики обычно сушили свои влажные от пота рубашки.— Если увидишь подозрительных людей, снимешь! Понял?

Хаим поднялся на крутой, выжженный солнцем гребень, повесил рубашу на дерево и огляделся по сторонам. Отсюда хорошо просматривалась дорога к пакгаузу и вся территория, примыкавшая к погрузочно-разгрузочной рампе, а также часть причала. Ничего подозрительного кругом не наблюдалось.

Не прошло и получаса, как три груженные до отказа машины, из-под крытых брезентом кузовов которых выглядывали лишь рыхлые тюки сена, отъехали от пакгауза, а на смену им подкатили три пустых грузовика и встали впритык к высоким дверям пакгауза.

Солнце близилось к закату, когда Хаим вернулся в пакгауз с давно высохшей рубашкой. От оружия здесь не осталось и следа, однако Ионас почему-то по-прежнему был возбужден, суетился, спешил. Он торопливо умылся и, на ходу причесывая волосы, спросил:

— Устал? — И, не дожидаясь ответа, проговорил: — Я тоже. Очень! Глаз сомкнуть не довелось даже во время перерыва. Приезжал Симон, ходил здесь всюду, смотрел... Впрочем, ты же видел его! Даже перекусить не удалось. Конечно, все это не страшно. Хотя, как говорят, голод не тетка...

— У меня, Нуцик, к сожалению, ничего не осталось,— виновато сказал Хаим.— Еще с вечера все до крошки слопал. Ей-богу!

— Ну, нет, нет!.. Все равно не успеть. Время, видишь, сколько?

У Хаима екнуло сердце. «Неужели опять что-то затевается на целые сутки?» — мелькнула мысль.

— Мы еще должны побывать сегодня в одном месте,— продолжал Нуци.— Машина, наверное, уже ждет у разгрузочной. Кнох тоже едет. Там будет очень интересно! Увидишь... Пошли!

Они с трудом задвинули за собой тяжелые двери, со скрипом скользившие на ржавых роликах. Нуци накинул на дверные петли огромный замок, запер его и, поторапливая Хаима, чуть ли не бегом направился к разгрузочной. Кнох мог уехать один: был канун субботы...

Хаим не решился сказать Ионасу, что устал и проголодался, что очень беспокоится за Ойю.

В машине Нуци перекинулся несколькими словами с шофером. Как всегда, тот отвечал очень скупой, как бы нехотя, тоном, отнюдь не свидетельствующим о его подчиненном положении. Хаим и в этот раз подумал, что скорее всего этот молчаливый шофер выполняет в Экспортно-импортном бюро функции не только шоферские.

Хаим не произнес за всю дорогу ни слова. Он думал об Ойе, беспокоился: «Опять небось плачет. Бойтся оставаться одна. Ведь пошел шестой месяц... А тут, пожалуй, придется по несколько суток принимать «корм для скота». Нуцик еще вчера говорил об этом...»

Машина остановилась возле ветхого дома, расположенного недалеко от центра Тель-Авива.

— Хазак!¹ — сказал Нуци, переступая порог.

— Хазак ве-емац!² — бодро ответил ему стоявший в дверях рослый парень.

Едва передвигая ноги от усталости и голода, Хаим Волдитер машинально проследовал за Ионасом и повторил за ним:

— Хазак!

Стоявший в дверях парень с презрительным недоумением с ног до головы оглядел ссутулившегося рыжеволосого человека. Он хотел было схватить его за рукав, но шедший впереди Ионас, видимо, предвидя это, обернулся.

— Он со мной! — крикнул Нуци повелительным тоном. — Наш хавэр!

— Хазак ве-емац! — удостоился ответа Хаим.

Он протиснулся в узкий темный коридор, из него попал в комнату, обстановка которой напоминала столовые с домашними обедами, весьма распространенные в Тель-Авиве.

Здесь было тесно. И потому он устало прислонился к стене, равнодушно разглядывая незнакомых ему людей. Наблюдая за Нуци, Хаим заключил, что тот здесь бывалый и всеми уважаемый человек: он чинно раскладывался с одними, дружески хлопал по плечу других, степенно пожимал руку третьим... Вот он добрался до столика у противоположной от входа стены и, отыскав

¹ Крепись! (приветствие).

² Будь сильным!

глазами Хаима, махнул ему рукой, подзывая к себе. Когда Хаим подошел, он представил его мужчине, сидевшему за столиком рядом с молодой женщиной в полувоенной блузе.

— Знакомьтесь! Наш хавэр... Хаим Волдитер.

— Новичок? — догадался мужчина.

— Да, конечно! — улыбнувшись, подтвердил Нуци.— Только у этого «новичка» за плечами «акшара» и, между прочим,— продолжал он, доверительно нагнувшись к уху мужчины, но все же достаточно громко,— проходил «акшару» не только за себя, но и за нашего хавэра Симона Соломонзона... Да, да! Это «между прочим»...

— Вот как! — искренне удивился мужчина и, поднявшись, удостоил Хаима рукопожатием.— Очень приятно, хавэр! Такие молодцы нужны здесь, да-а!

Хаим залился румянцем.

— Можно его зачислить? Или только на сегодняшнее собрание? — спросила женщина.

— Какой разговор! — воскликнул Нуци и покровительно хлопнул Хаима по плечу.— Конечно, зачислить. Он работает у меня в порту!

Голодный, уставший, Хаим неожиданно почувствовал себя именинником. Незнакомые люди пожимали ему руку, улыбались, почему-то смотрели на него с завистью. Впрочем, минувшие сутки действительно были для него в некотором роде «крещением»: его посвятили во многое из того, о чем не всякий заслуженный холуц имел представление.

Сам того не сознавая, Хаим Волдитер оказался у «источков истории», как сказал ему накануне перехода на работу в порт Нуци Ионас. Правда, Хаим в шутливом тоне ответил тогда, что, дескать, «надо еще разобраться, в какую такую историю ты меня впутываешь!».

Нуци Ионас, к счастью, не понял иронического смысла этой шутки. И вообще он многое прощал своему подопечному, считая его недальновидным, непрактичным, но предельно честным и бескорыстным парнем. Узнав о его женитьбе на глухонемой девушке, он окончательно убедился в том, что Хаим человек «не от мира сего», и без стеснения называл его честным дураком, который сам себя осудил на пожизненную каторгу. Но именно эти черты характера Хаима устраивали Ионаса. Потому-то он и привлек его к работе в Экспортно-импортном бюро. А Хаим все еще не догадывался, что Нуци отнюдь

не из-за простого и, казалось бы, естественного желания помочь товарищу устроил его на эту работу. Он наивно полагал, что оказался в столь привилегированном, по сравнению с другими холуцами, положении только потому, что в свое время осилил «акшару» за неведомого тогда ему Соломонзона и что в благодарность за это при встрече в Палестине тот благосклонно отнесся к нему, предоставил кров и работу, а позднее, убедившись, что Хаим Волдитер трудолюбив, добросовестен и безропотен, не только повысил ему жалованье, но и оказал большое доверие, переводя в яффский порт на работу, связанную с получением особых грузов, о которых знали очень немногие.

Думая так, Хаим Волдитер считал себя счастливым, но в глубине души его что-то безотчетно беспокоило, томило, а иногда просто пугало. Как бы угадав его состояние, Нуци Ионас шепнул ему на ухо:

— Ты же вытянул на редкость счастливый билет, Хаймолэ! Знаешь, какие люди будут здесь сегодня? Тебе и не снилось, о каких великих свершениях пойдет речь!

Хаим молча пожал костлявыми плечами. Его бледные губы тронула робкая улыбка, а в серых глазах плескалось тревожное недоумение.

Только теперь он вспомнил, что шофер Соломонзона высадил сначала Давида Кпоха, а через несколько кварталов его, Хаима, и Нуци, и потом они долго петляли по переулкам, прежде чем вышли к нужному дому с тыльной стороны. Ему стало очевидно, что сборище это проводится тайно, и он нежданно-негаданно оказался в числе каких-то заговорщиков.

Сиротливо прислонившись к стене, Хаим посматривал на сновавших мимо него чем-то возбужденных людей, но мысли его были далеко от того, что происходило вокруг. Он думал о том, что вряд ли мужчина и женщина, которым только что его представил Ионас, были искренни, выразив ему особое уважение, когда узнали, что он отбывал «акшару» за хозяина Экспортно-импортного бюро. Ведь они прекрасно понимали, что не от хорошей жизни он трудился за двоих. И не высокие патриотические чувства были тому причиной. Но они знали: таких, как он, холуцев из бедных семей старательно обрабатывали эмиссары различных обществ сионистского толка, внушая, что «высокий патриотический долг каждого еврея участвовать в воссоздании своего национального оча-

га», что только ради этого стоит жить и умереть. Не скупясь на посулы, эмиссары завлекали молодежь, вынуждали ее проходить сельскохозяйственную стажировку, без которой никто из них не мог получить «сертификат» и «визу» на право поселения в «стране предков».

Подобная «процедура» коснулась и Хаима Волдитера. В свое время при содействии маклера миссионера «Еврейского агентства для Палестины» была сформирована из некоторого числа членов общества «Гардония» очередная «квуча», которой на сей раз было присвоено имя «Йосеф Трумпельдор». В нее-то и был зачислен холуцем Хаим ВолдITER. Маклер-миссионер, действовавший от имени «квуча», заключил контракт с управляющим крупного имения вблизи румынского города Тыргу-Жиу. По этому контракту «квуча Йосеф Трумпельдор» обязывалась в течение одного сезона выполнить все сельскохозяйственные работы — от посева до уборки урожая зерновых, фуражных и бахчевых культур, виноградников и фруктовых садов. И не случайно в этом документе не было оговорено число холуцев, привлекавшихся к работе: по списку их было значительно больше, чем на самом деле. Члены этих трудовых отрядов — сынки богатых родителей не проходили трудовую стажировку, они ограничивались взносом денежных компенсаций в кассу «квуча». Частенько в отрядах, созданных сионистскими филиалами во многих странах мира, числились и холуцы-инкогнито: под чужими фамилиями проходили законспирированные представители «Акционс-Комитета», которые или занимались отправкой соплеменников в Палестину (разумеется, в обход законов), или выполняли секретные поручения специальной оперативной службы Хаганы и даже непосредственно самого штаба «Массада». Нередко эти ведомства, получив от своих людей ту или иную информацию, представляющую ценность для английской или американской разведок, могли уступить ее в порядке взаимного обмена подобного рода материалами. Для рядовых холуцев эти законспирированные представители «Акционс-Комитета», конечно, навсегда оставались неизвестными. Денежную компенсацию за них вносили в складчину иногда лавочники и коммерсанты, порой даже ремесленники и служащие, которым местные еврейские общины вменяли это в обязанность.

Но трудовую стажировку — «акшару» — за людей «невидимок», за сынков состоятельных родителей, отра-

бывали холоуцы-бедняки, работяги, каким был Хаим. Он не любил вспоминать о тех днях. И сегодня упоминание о трудовой стажировке болью и обидой отозвалось в его сердце. «Да ну их к дьяволу! — подумал он. — Любезничают со мной не потому, что я честным тяжким трудом заработал право быть здесь, а только потому, что отбыл эту каторгу за богача Соломонзона!»

С горькой усмешкой Хаим припомнил транспарант, висевший у входа в барак, где размещались холоуцы, проходившие «акшару». На транспаранте было написано: «Арбайт махт гликлих!»¹. За время, прошедшее с тех пор, труд, однако, не принес ему счастья... Вряд ли оно ждало его и в обозримом будущем. «Нуцик считает, что если я честный, то уж непременно дурак...» — подумал Хаим и вспомнил при этом, как во время стажировки однажды показывали какой-то документальный фильм. Внимание его привлекла надпись у входа в гитлеровский концлагерь для интернированных евреев. Она гласила: «Арбайт махт фрай!»². Хаима тогда поразила эта странная аналогия.

«Мало ли какие аналогии бывают на свете! — нехотя ответил на его замечание Нуци. — Случайное совпадение, и все».

«Ничего себе «совпадение»! — Хаим всплеснул руками. — У нас и у фашистов — одинаковые лозунги!»

«Помолчал бы лучше! — сердито оборвал его тогда Нуци. — И вообще, прежде чем сказать, подумай...»

С тех пор Хаим никого ни о чем не спрашивал и ничему не удивлялся. Понимал, что надо терпеть. Ведь он не только поклялся принимавшей его комиссии подчиняться во всем, но и подписал договор, обязывающий его работать безупречно, соблюдать общепринятые нормы поведения и порядка в отряде, чтобы не подвести поручившихся за него руководителей общества «Гардония» и местной еврейской общины. Все это происходило в присутствии отца Хаима. Отказ от прохождения «акшары» был исключен: он грозил большими неприятностями не только ему, Хаиму, но и его семье.

Перед самым отъездом в Палестину, когда у Хаима ныли кости от непосильного труда, он встретил в Констанции Илью Томова и излил перед ним свою душу.

¹ «Труд приносит счастье!»

² «Труд приносит освобождение!» (нем.).

«Погляди на мои руки, и ты поймешь, чего стоила мне эта стажировка... Ведь обычно помещик нанимал около ста человек, а нас было всего тридцать холуцев. Разница! А помещику выгодно: наш труд обходился ему намного дешевле крестьянского. Но ты бы посмотрел, Илюшка, как нас возненавидели крестьяне из местных деревень! Вот от чего зарождается антисемитизм! А что, нет? Мы, можно сказать, ограбили их! Ей-богу! Они только и живут сезонными работами... Душа, веришь, разрывалась!.. Не раз я собирался бежать оттуда, но вставал вопрос: «А что это даст? Да ничего: ни крестьянам, ни мне. Холуцы уедут в Палестину, и я останусь. Придет Гитлер и меня придушит. Сам видишь, что здесь творится... Пришлось смириться и тянуть из последних сил эту каторжную стажировку, чтобы получить право поехать в Палестину! И вот еду! Наши старшие твердят, что там мед течет рекой! Увидим. Но поверишь, Илюшка, боюсь я, как бы этот мед не оказался горчицей...»

Хаим взглянул на висевший напротив него большой портрет чернобородого человека со скрещенными на груди руками. Под портретом висел белый транспарант с двумя крупными ярко-голубыми шестиугольными звездами «щита Давида» по краям. В центре — надпись:

«В Базеле я основал Еврейское Государство. Сегодня эти слова, быть может, вызовут смех, спустя пятьдесят лет, наверняка, они станут действительностью.

Герцль»

Хаим несколько раз перечитал это изречение. Пытаясь вникнуть в его смысл, вновь перевел взгляд на портрет. Вглядевшись в него, Хаим наконец уловил, кого тот напоминает ему: легкий наклон головы, суровый взгляд, скрещенные на груди руки — все это точь-в-точь, как на портретах Наполеона. «Копировал его, что ли? В Бонапарты метил?!» — подумал Хаим и вспомнил, что ведь и у Гитлера на плакатах такая же осанка и точно так же высоко на груди скрещенные руки! Да и подпись под плакатом похожа на эту. Он, Хаим, вместе с Ильей Томовым у себя в Болграде по ночам срывал эти плакаты, и потому хорошо запомнились ему те высокопарные слова:

«В Мюнхене я основал ядро партии... На мою долю выпала священная миссия создать государство с твердо

живущими на своих землях ста миллионами немцев... Сегодня это, быть может, вызовет смех у кое-кого... но дайте мне четыре года, и я клянусь...»

«Что это? Опять совпадение?» — Хаим провел ладонью по лбу.

Тем временем толпившиеся под портретом люди раступились, и Хаим увидел стол, за которым восседало несколько человек. В центре — Симон Соломонзон. Мужчина лет сорока пяти в вылинявшей блузе без всякого вступления заговорил о сложившейся в Палестине обстановке.

Особый интерес присутствующих вызвало его сообщение об обстоятельствах, при которых англичане обнаружили и конфисковали в поселке Бен-Шемеш склад оружия и боеприпасов, принадлежавших «Иргун цваи леуми».

— Печален тот факт, — размеренно чеканя слова, проговорил человек в вылинявшей блузе, — что не впервые происходит подобный провал...

Он напомнил, что несколько месяцев назад, а точнее, в середине октября, англичане задержали сорок пять холуцев, проходивших военную подготовку, и конфисковали все их снаряжение и оружие.

Привел он еще один случай, происшедший шесть недель спустя, когда тридцать восемь бейтарцев-ревизионистов, также во время военных занятий вблизи одного из киббуцев, были арестованы, а их оружие и боеприпасы изъяты.

Спокойно, размеренно, не повышая и не понижая голоса, оратор констатировал, что причиной этих бед является чрезмерная доверчивость людей, которым «Акционс-Комитет» поручил практически осуществлять историческую миссию. Он осудил их за то, что в погоне за прибылями они пренебрегают своими священными обязанностями, нередко перепоручая их случайным лицам, ничем себя не проявившим в освободительном движении и не имеющим заслуг перед сионизмом в целом.

— Втершиеся в доверие к нашим людям и получившие доступ к сокровенным тайнам, эти выродки выдают их нашим заклятым врагам за незначительные вознаграждения...

Последние слова оратора потонули в гуле возмущенных голосов, но человек в блузе поднял руки, и все смолкло.

— Причем информация, которой эти выродки снабжают наших врагов, не ограничивается указанием местонахождения того или иного законсервированного нами склада оружия, она содержит также данные о том, откуда поступает это оружие! А мы с вами знаем, откуда оно поступает. За это нас осуждают многие. Однако на столь выгодных условиях мы ни от кого не получим оружие в таком большом количестве! Поэтому и только поэтому мы не брезгуем сделкой с известной вам страной и с известными вам правителями. Ради достижения конечной цели мы идем на эту моральную жертву. А те, кто предает нас, дают обильную пищу нашим врагам, утверждающим, будто сионизм не отвечает интересам еврейского народа, находящегося в диаспоре.

Оратор отметил, что англичане, возможно, не пошли бы на крайние меры, если бы не были вынуждены заигрывать с арабами, делать им незначительные уступки. Сославшись на «весьма достоверный источник», он сообщил, что в среде командования британских войск циркулирует слух об утечке оружия, боеприпасов и взрывчатки с военных складов и из различных военных организаций, расположенных на территории Ближнего Востока.

— На днях англичане арестовали двух своих военнослужащих: Гаррисона и Стоунера,— продолжал он.— Я назвал их фамилии потому, что кое-кому из сидящих в этой комнате следует соответственно реагировать... Начато следствие. Не исключено, что перед судом предстанут и другие лица. Например, замешан в этом деле и один староста арабской деревни. Обо всем этом, разумеется, арабам уже известно. Они обратились с очередным протестом к британскому верховному комиссару. В протесте говорится о деятельности «Иргун цваи леуми» и Хаганы. Арабы утверждают, что официальный разрыв между ними — фикция, что контакты продолжаются. В документе подчеркивается, что по-прежнему свирепствует террористическая группка «Щтерн-ганг», действия которой поощряются «Еврейским агентством»... Большое место в нем уделено нашей сети, занимающейся контрабандным ввозом в Палестину оружия и боеприпасов. Между прочим, упоминается наша база на Кипре и всячески поносят имя почтенного реббе Бен-Циона Хагеры, хвала ему!..

Услышав это имя, Хаим поежился и взглянул на стоявшего рядом Нуци Ионаса, а тот шепнул:

— Никогда еще не говорил так откровенно...

— А кто он?

— Тише! Слушай... Это очень важно!

Хаим понял, что Нуци уклонился от ответа. Но ему было безразлично: глаза склеивались, в голове гудело, под ложечкой сосало.

На том, однако, и завершилось то, что Нуци Ионас назвал «очень важным». Свое выступление оратор заключил несколькими общими фразами о необходимости соблюдать строжайшую конспирацию, быть проникательным при подборе людей, число которых будет неизменно увеличиваться по мере расширения поля деятельности подпольных военных организаций.

— Вот сейчас услышишь...— шепнул Хаиму на ухо Ионас.— Выступит представитель штаб-квартиры «Еврейского агентства для Палестины». Только что прибыл из Вашингтона... Вот он!

Из-за стола поднялся приземистый, плотный мужчина с седыми вьющимися волосами. Неожиданно молодым, сочным голосом он начал втолковывать слушателям о насущной задаче руководителей организации Хаганы и «Иргун цвай леуми», а также недавно реорганизованной «Штерн»: использовать благоприятную ситуацию, возникшую в результате вступления Англии в войну с Германией. При этом он подчеркивал два аспекта деятельности этих организаций — проявление широкой инициативы в деле быстрого достижения численного перевеса евреев в населении Палестины и о всемерном усилении самообороны ее территории.

— Массовая иммиграция остается основой основ,— подчеркнул он,— ибо только при этом условии можно в ближайшем будущем создать признанный международным правом национальный еврейский очаг, а в последующее время расширить его территорию, как это завещано нам предками, от реки Египет¹ до реки Евфрат!

Не впервые присутствующие слышали эти громкие фразы, они изрядно набили многим из них оскомину. Потому, наверное, в первые мгновения никто не реагировал на них каким-либо проявлением энтузиазма. Наступила неловкая пауза. Ее нарушил какой-то шуплый, с чернявой макушкой человек в первом ряду; запоздало, но с тем большим остервенением он захлопал

¹ Нил (по библии).

в ладоши и настойчиво продолжал до тех пор, пока одиночные хлопки поддерживавших его не переросли в аплодисменты всех присутствующих.

— Масштабы иммиграции,— продолжал посланец из-за океана,— надо наращивать изо дня в день любой ценой и любыми средствами, не обращая внимания ни на какие «белые» или любой другой окраски книги!

— Правильно! — выкрикнул сидящий в первом ряду щуплый черноволосый человек. Он вскочил со своего места и, повернувшись лицом к аудитории, продолжал выкрикивать: — Именно любой ценой и любыми средствами! Силой оружия мы должны заставить англичан раз и навсегда перестать возвращать прибывающих на нашу землю иммигрантов! Хватит унижений! Хватит уступок! Хватит этой дурацкой нерешительности и неуверенности!

— Штерн! — толкнув Хаима локтем, шепнул Нуци. — Отличный малый... Порох!

Хаим с любопытством посмотрел на жилистого человека с злобно перекошенным лицом. Он слышал об этом фанатике-сионисте. Из уст в уста передавались легенды о жестокости, мстительности «штерновцев», об учиняемых ими расправах над иноверцами. Штерна разыскивала английская полиция, ему грозили казнью арабы, да немало было людей и среди сородичей, жаждавших разделаться с ним, а он пребывал в добром здравии и все больше и больше свирепствовал.

— Правильность наших требований вне всяких сомнений,— мягко и благожелательно обращаясь к Штерну, проговорил представитель из Вашингтона.— Но вы, конечно, согласитесь с тем, что нам нужны не сотни, а многие и многие тысячи молодых людей, таких, как вы, страстных и самоотверженных в борьбе за наше святое дело! Иначе нам не справиться с задачей колонизации новых земель, которые непрерывно будут теперь поступать в распоряжение нашего отечества. Мы с вами понимаем, для чего все это нужно и насколько это важно...

Он говорил спокойно, неторопливо, жесты его холерных рук были округлы, изысканны.

Убедившись в том, что Штерн удовлетворен его ответом, старик перешел к вопросу о методах и средствах воздействия на живущих в рассеянии близких по крови людей с целью добиться массового их переселения в Палестину.

— Мы не должны смущаться, изображая перед еди-
новерцами жизнь на земле предков раем. Да, здесь нет
молочных рек и кисельных берегов, а жизнь пока далеко
не райская, но все это будет, как только наши люди
осознают себя единой нацией, встанут под знамена сио-
низма, переселятся на землю праотцов и создадут еди-
ное государство богом избранного народа!

Старик сделал короткую паузу и оглядел собравших-
ся людей. Понизив голос, он тотчас же продолжил:

— Но путь к достижению этой цели не усыпан роза-
ми... Вы это знаете. И знаете прекрасно! Однако неиз-
бежные на этом пути тяготы и жертвы несоизмеримо
малы по сравнению с вечными страданиями наших еди-
новерцев, обитающих в диаспоре. И это мы тоже неплохо
знаем... Вот почему было бы непростительной глупостью
отказаться убеждать рассеянных по всему миру братьев
по крови переселиться в Эрец-Исраэль, отвращать их от
этого, страшая трудностями и лишениями...

И он преподавал урок циничной «дипломатии», цель ко-
торой, как откровенно пояснил оратор, состоит в том, что-
бы выдать в будущем, когда возникнет еврейское госу-
дарство, уже теперь достигнутый их краем уровень эконо-
мического и культурного развития за результат массо-
вой иммиграции, самоотверженного труда переселенцев,
привнесения ими в «страну обетованную» современной
цивилизации...

Послышались одобрительные реплики, но оратор по-
велительно поднял руку и стал рассказывать о методах
«обработки» соплеменников, отказывающихся вернуться
в страну праотцов и отвергающих идеи сионизма.

— Этим людям мы обязаны дискредитировать в гла-
зах окружающих их соплеменников и иноплеменников! —
продолжал с жаром оратор. — Мы обязаны поставить их
перед дилеммой: либо вопреки своему скептическому или
даже враждебному отношению к национальному движе-
нию, к идеям сионизма покинуть насиженные гнезда и
переселиться на землю предков, либо прозябать на ме-
сте в окружении явных или потенциально возможных
врагов, оставаться в состоянии моральной изолирован-
ности и униженности!.. Но если вы скажете, что эти люди
на месте не прозябают, что нет там и тени враждебности,
что отсутствует также моральная изолированность и уни-
женность, то я вам отвечу: все это нам с вами надле-
жит создать!..

Без тени стеснения старик рекомендовал использовать для достижения этих целей все средства — культурные, родственные и религиозные связи, шантаж и провокации.

— Мы исходим прежде всего из интересов еврейского народа как единого целого и не можем поступиться ими в угоду отщепенцам, враждебно относящимся к национальному движению. Напротив! Мы обязаны любыми средствами сделать их послушными исполнителями воли «Еврейского агентства», а значит, и величественных идей сионизма!

Раздались несмелые реплики:

— Но так можно посеять распри среди еврейских меньшинств!

— И навлечь на них еще большие гонения со стороны инородцев!

— А разве это так плохо? — Американский представитель провел рукой по седым густым волосам, довольно улыбнулся. — Чем хуже вчера — тем лучше сегодня! Именно в этом и состоит задача. Пусть наши люди, живущие в диаспоре, окажутся в невыносимых условиях. Именно это заставит их обратить свой взор к Палестине.

— Правильно! — снова выкрикнул Штерн. — Я предлагаю, чтобы тех евреев, которые будут отказываться от связи с нашим Агентством, сопротивляться переселению в Эрец-Исраэль, подвергнуть самому суровому религиозному преследованию, всестороннему гражданскому бойкоту и жестокой травле!.. Вплоть до уничтожения! — Он сделал короткую паузу, окинул жестким взглядом собравшихся в этой душной комнате людей, затем, повысив голос до визгливого крика, закончил: — Пусть это будет суровым предостережением всем паршивым еврейчикам, зараженным болезнью ассимиляции!..

— Верно! Молодец, Штерн! — поддержал его Нуци Ионас. — Они все равно уже не евреи, а мешумэты! От них только вред...

— Не думает ли хавэр Штерн, что столь суровые меры оттолкнут от нас колеблющихся? — послышался вопрос из дальнего угла комнаты.

— Вообще такие крайности, по-моему, на руку только нашим врагам!.. — поддержал реплику молодой, звонкий голос.

Эти реплики пришлись не по душе Штерну. Он вскочил, будто на него плеснули кипятком. Размахивая рука-

ми и брызгая слюной, Штерн обрушился с бранью на тех, кто, по его словам, «проповедует осторожность только из-за боязни за целостность собственной шкуры».

Его пытались урезонить, убеждая, что существенных разногласий нет, однако возникший спор перерос во всеобщую перебранку. Люди поднялись со своих мест и, отчаянно жестикулируя, старались перекричать друг друга. Казалось, что вот-вот начнется потасовка.

Призывы председательствовавшего соблюдать порядок, несмотря на высокий пост, занимаемый им в «Еврейском агентстве для Палестины», были тщетны. С перекошенным от ярости лицом Штерн метался из стороны в сторону, кому-то угрожал кулаком, кого-то обзывал последними словами...

С волнением наблюдая всю эту катавасию, Симон Соломонзон старался придать своему лицу презрительно-бесстрастное выражение. Он решил воспользоваться возникшей сумятицей, чтобы продемонстрировать перед всеми и особенно перед эмиссаром из Вашингтона, как велик его авторитет. Свое влияние на рьяных спорщиков, включая Штерна, он измерял одной всем понятной меркой — их финансовой зависимостью от Экспортно-импортного бюро.

Соломонзон решительно поднялся, вскинул руку вверх, постоял в таком положении несколько секунд, но шум не утихал. Симона обескуражило проявление такого непочтения к нему. Он медленно, нерешительно опустил руку, стал без нужды снимать и снова надевать очки на покрасневший от негодования нос. Ему уже хотелось сесть, но он понимал, что это может быть расценено окружающими, как окончательное поражение. Этого Симон не хотел допустить и продолжал стоять, ожидая тишины. Его надменное лицо было белее бумаги.

Хаим наблюдал за хозяином, понимал его состояние и неожиданно для себя обнаружил, что жалкое положение, в котором оказался его благодетель Соломонзон, не вызывает в нем сочувствия. Хаим злорадствовал и чем дальше, тем больше это чувство превращалось в отчетливую неприязнь ко всему происходящему.

Нуци Ионас тоже понимал, в каком глупом положении оказался Симон, и лез из кожи вон, чтобы показать свою преданность ему. Он ерзал на скамейке, не зная, что предпринять, наконец вскочил и, вытянув вверх крепко сжатые кулаки, истошно закричал:

— Тише, ну! Слышите, тише! Или я сейчас стрельбу открою!

Находившиеся поблизости оглянулись, недоуменно посмотрели на пунцового от волнения Ионаса и, продолжая галдеть, равнодушно отвернулись.

Хаим чуть было не подпрыгнул от радости. «Хотел выслужиться. Не вышло! Сел в лужу! — думал он. — Эту публику одним пугалом не рассеять... Нет. По ним и в самом деле надо стрелять!.. Наглые, как настоящие legionеры!»

Хаим представил себе, что произошло бы, если бы эти горячие головы и в самом деле взяли власть в свои руки... Он глубоко вздохнул, расстегнул влажный от пота воротник рубашки.

Когда страсти несколько улеглись, Симон Соломонзон, уже не рассчитывая на всеобщее внимание и полную тишину, начал излагать свою точку зрения о принципах и методах организации массовой иммиграции соплеменников.

Выразив согласие с эмиссаром из Америки и особо подчеркнув, что предложения Штерна абсолютно правильны и как нельзя более своевременны, Симон Соломонзон, однако, категорически высказался против того, чтобы требование обязательного переселения в страну предков распространялось на всех без исключения сородичей.

— Зачем переселяться в Эрец-Исраэль, скажем, Моргантау? Кому непонятно, что на посту министра финансов в правительстве Рузвельта он нам полезнее, чем в любом качестве здесь? А барон Ротшильд?! Разве не ясно, что, переселившись сюда, он не смог бы использовать для нашего дела и десятую долю того огромного влияния, каким располагает, находясь там, в Европе?

На лице Хаима мелькнула презрительная улыбка. Он не сомневался в том, что, доказывая необходимость делать исключения из общего правила и упоминая в качестве примера фамилии Моргантау и Ротшильда, Симон Соломонзон имеет в виду прежде всего своих родителей и особенно дядюшку, который, как рассказывал Нуци, и не думает переезжать в Палестину.

— Скажу вам больше! — продолжал Симон. — Среди деятелей науки и культуры с мировыми именами есть евреи, к сожалению, отвергающие наши идеи и наши ближайшие конкретные цели, но было бы ошибкой всех

их разубеждать, поносить, шантажировать и дискредитировать, словом, как говорят в таких случаях, не мытьем, так катаньем вынуждать переселиться в эти края. Когда, например, спросили известного физика Эйнштейна, почему он эмигрировал из фашистской Германии в Соединенные Штаты, а не поселился в Палестине, где наверняка стал бы президентом еврейского государства, восстановление которого не за горами, ученый не только не высказал сожаления по поводу переезда в Штаты, но и высмеял идею создания еврейского государства, а вместе с тем и предположение о возможности занять в нем самый высокий пост. И я спрашиваю: есть ли смысл прилагать усилия к тому, чтобы этот переродившийся еврей прозрел? Нет и еще раз нет!

Мотивируя свою точку зрения, Соломонзон говорил о том, что вообще людей, подобных Эйнштейну, по тактическим соображениям не следует толкать на публичные выступления, так как к их голосу прислушиваются. Их мнение, пусть и явно ошибочное, звучит авторитетно и потому способно свратить простых смертных с пути праведного. Что же касается плодов труда этих могикан науки, то Соломонзон цинично уверил в том, что в нужный момент они будут переданы деятелям «Еврейского агентства» людьми, разделяющими тактику и цели сионистов, работающими рядом с Эйнштейном и ему подобными.

— В готовом виде! Как говорится, «на тарелочке»! И без всяких затрат! — смакуя, торжественно заявил он.

Продолжая изображать из себя бескорыстного патриота, Симон Соломонзон в действительности был достойным преемником своего дядюшки и так же, как он, всегда и во всем стремился к личной выгоде. И сейчас Симон Соломонзон больше рисовался, чем был искренним перед сидевшим рядом с ним элегантно одетым рыжеватым мужчиной лет сорока, также прибывшим из Соединенных Штатов, но в пути сделавшим кратковременную остановку в Германии... Разумеется, об этом знали Соломонзон и еще очень немногие.

— Людей, подобных Ротшильду в Европе и Морген-тау в Америке, — продолжал Соломонзон, — как известно, не единицы и не десятки. В странах мира их сотни и тысячи. Они владеют большой долей мирового запаса золота. Им принадлежат крупнейшие банки и заводы, фабрики и торговые фирмы. Это не новость и не секрет...

Также не новость и не секрет, что, обладая контрольными пакетами акций, многие из них являются фактическими хозяевами господствующих в экономике стран торгово-промышленных, железнодорожных, судоходных, авиационных, кредитных, страховых и других акционерных обществ! Через них и только через них мы имеем реальную возможность решающим образом влиять отсюда на политику правительств различных стран, направлять ее в нужное нам русло, формировать мировое общественное мнение в нашу пользу... Вот почему впредь, говоря об иммиграции, надо понимать, что вопрос тут не такой простой, каким кажется на первый взгляд.

Симон резко оборвал речь, сел и тотчас же стал что-то записывать в лежавшем перед ним блокноте, как бы демонстрируя свое пренебрежение к тем, кто только что заставил его стоять, ожидая слова.

Снова поднялся седовласый американский гость, речь которого прервали сначала реплики из зала, а потом беспардонно вклинившийся со своими разъяснениями директор и хозяин Экспортно-импортного бюро Симон Соломонзон.

— Я не собираюсь полемизировать с предыдущим оратором,— спокойно проговорил эмиссар из Америки, иронически склонив свою седую голову в сторону Соломонзона.— Скажу только, что нет надобности ломиться в открытую дверь. Как божий день, давно и всем ясно, что ротшильды и теплицы, моргентауны и им подобные личности не нужны в этих краях. Нечего им здесь делать. Эти люди истинные сыны избранного богом народа и если дела и тела их пребывают в диаспоре, то сердца и помыслы безраздельно принадлежат Сиону!

В зале раздались голоса одобрения.

Седовласый продолжал:

— Но не о них же в данный момент речь... Беспокоит нас многочисленная категория людей, пребывающих в рассеянии и не принадлежащих ни к ротшильдам, ни к эйнштейнам... Эти, с позволения сказать, евреи, чуждающиеся своего происхождения, неверящие в превосходство своей нации над остальными народами, населяющими мир, показывают нам спину, отвергают переселение на обетованную землю. Вот о ком нам предстоит говорить! И именно эти люди составляют основную человеческую массу, призванную заселить и освоить землю своих праотцов, затем раздвинуть ее границы и защитить их от

врагов... Вот почему мы обязаны искать пути, чтобы держать под неослабным контролем и нашим воздействием каждого соплеменника, независимо от того, желает он этого или нет!.. Правда, некоторая часть из них составляет исключение. Это люди, погрязшие в утопии коммунизма, нарушившие тем самым чистоту иудейской веры и окончательно утратившие свою принадлежность к избранному богом народу. Как не горестно признавать, но эта кровоточащая язва на здоровом теле нашего народа берет свое начало от родного нам по крови человека, впрочем, происходящего из не совсем полноценной иудейской семьи... Я имею в виду Маркса...

Люди вновь зашептались, вновь по залу словно жук пронесся. Оратор смолк. Это обратило на себя внимание, и мгновенно воцарилась тишина.

— Другой, не менее крупной бедой является и тот факт,— продолжал старик,— что идеи его дали ростки во всей Вселенной и, прежде всего, в такой огромной, с почти бесконечными просторами стране, как Россия!.. Бороться с этой проказой очень трудно, но крайне необходимо. Видимо, в самое ближайшее время нам придется вернуться к данному вопросу особо, чтобы наметить эффективные меры по преодолению этой преграды на нашем пути...

Хаим почувствовал, как учащенно забилося его сердце. Вспомнились годы лица, верный друг Илья Томов, подвал полиции, куда бросили его, Хаима, за распространение прокламаций. Как давно это было, хотя и прошло всего три года! Там, в мире простых людей, все было ясно: кто твой друг, кто враг. А сейчас? С кем ты сейчас, Хаим Волдитер? Куда забросила тебя судьба? Неужели ты не видишь, что для этих холеных господ, владеющих миллионами, ты не человек, а рабочая скотина? Почему ты стоишь здесь и слушаешь эти лживые речи? И Соломонзона и этого бесноватого Штерна. Что у тебя с ними общего? Хаим с недоумением оглядел зал: ни одного знакомого лица. Он чужой в этой волчьей стае. Невольно вспомнился толстяк ювелир из Польши, с которым Хаим расстался на «сборном пункте». Он любил повторять: «Фанфарончики, посмотрите на них! Холуцики-шмолуцики — умеют хорошо пускать из носа пузыри и бесстыдно орать потом на весь мир, уверяя, что это дирижабли!»

Около полуночи, когда завершились официальные вы-

ступления, Симон Соломонзон, Штерн и с ними высокий рыжеватый мужчина в идеально сшитом светло-сером костюме спешно покинули помещение. Исчез куда-то и Нуци.

Было нестерпимо душно. Хаим встал, поискал глазами Нуци Ионаса, и невольно взгляд его упал на большой портрет Жаботинского, висевший на стене, спиной к которой Хаим просидел весь вечер. И здесь, как и на противоположной стене под портретом Герцля, был натянут белый транспарант с двумя ярко-голубыми звездами по краям и жирной черной надписью:

«Единый народ, единая нация, единое государство — Израиль!»

Это была та самая фраза, которая в течение всего дня не давала ему покоя. И вдруг по какой-то неуволимой ассоциации Хаим вспомнил, где он услышал ее впервые. Это было в Констанце, в день отъезда в Палестину. Вместе с другими холуцами он был в кино. Показывали киножурнал: огромная площадь, запруженная эсэсовцами, на разукрашенной флагами со свастикой трибуне у микрофона Адольф Гитлер. Сборище эсэсовцев скандирует:

«Айн фольк, айн райх, айн фюрер — Дойчланд!»¹.

10

Было уже за полночь, когда Хаим вышел во двор.

— Хаймолэ! Ты куда? — откуда-то из темноты вдруг окликнул его Ионас. — Не уходи. Слышишь?

В стороне возле забора рядом с Ионасом Хаим увидел Давида Кноха и шофера Соломонзона. «Интересно, — подумал Хаим. — Зачем тут околачивается шофер? Ведь суббота наступила еще с вечера... Что-то нечисто».

— Следуй за нами! Не отставай, Хаймолэ! — тоном приказа произнес Нуци, проходя вперед с Давидом Кнохом. Шофера с ними уже не было.

Хаим послушно поплелся вслед за Ионасом и Кнохом по незнакомым темным улочкам и кривым переулкам. Он попытался разобраться в ворохе тревожных мыслей и чувств, переполнивших его в этот вечер. Все, что он слышал и видел на конспиративном собрании, созванном по случаю прибытия представителя «Еврейского агентст-

¹ Единый народ, единая страна, единый вождь — Германия! (нем.).

ва для Палестины» и какого-то гостя тоже из Америки, резко нарушило состояние относительного душевного равновесия, в котором он пребывал последнее время. Хаим прежде, в дни прохождения «акшары», скептически относился к утверждениям сионистских проповедников о кровном братстве и единстве разбросанных по всему миру евреев, будто бы существующем независимо от материального благосостояния, культурного развития и положения в обществе каждого из них. Никогда и прежде он не обольщался посулами сионистских зазывал-вербовщиков обрести райскую жизнь на «земле обетованной». Его и раньше не вдохновляли их призывы к борьбе за воссоздание «великого еврейского государства». Но если прежде все это он выслушивал равнодушно, без внутреннего волнения, помышляя лишь о том, чтобы, переселившись на чужбину, изображаемую сионистскими соловьями земным раем, избежать нависавшей угрозы фашистского концлагеря, то теперь в нем словно что-то надломилось. Сильнее, чем когда-либо, он ощутил, что не было, нет и не будет у него братского родства с Соломонзоном, Штерном и им подобными. Очевиднее для него стала эфемерность надежды обрести здесь, в Палестине, пусть не «райскую», но хотя бы просто спокойную трудовую жизнь. Наконец, он понял, что так же, как десятки тысяч других евреев-бедняков, стал жертвой гнусного обмана, что обман и клевета, шантаж и провокации,— словом, все отвратительные методы и способы, вплоть до убийства из-за угла, возводимые фашистскими идеологами в некую доблесть и добродетель чистокровных арийцев, присущи и сионистским деятелям, оправдываются и насаждаются ими с величайшим усердием.

Хаим не заметил, как они повернули на улицу, где в особняке размещалось Экспортно-импортное бюро. Сейчас все окна в доме были тщательно закрыты и зашторены так, что ни единый луч света не проникал наружу.

Войдя в дом, Ионас о чем-то пошептался с Кнохом и предложил Хаиму остаться в холле первого этажа, никуда не уходить.

— Не вздумай открывать окно или подымать жалюзи... Вообще ничего тут не трогай,— торопливым шепотом наставлял он Хаима, уходя на цыпочках вслед за Кнохом по узкому коридору.

Хаим некоторое время стоял посреди слабо освещен-

ного холла, озираясь по сторонам. Ни с улицы, ни с верхнего этажа сюда не доносилось ни единого звука. Безотчетный страх закрадывался в его душу, томило предчувствие недобрых событий, соучастником которых он становился помимо своей воли, вопреки своему желанию. Он был готов отказаться от службы в Экспортно-импортном бюро, лишиться всех полученных привилегий, только бы избавиться от того ощущения нарастающего страха, от которого он и бежал из Румынии.

Поймав себя на этих мыслях, Хаим вздрогнул. Ему почудилось, что он не один в этом просторном и пустынном холле, что за ним кто-то следит. Он тотчас придал своему лицу выражение полного спокойствия. Заложив руки в карманы, медленно прошелся по холлу, подошел к длинному узкому дивану из светлого дерева с инкрустацией, искусно выполненной умельцами. Здесь он остановился, делая вид, будто с интересом рассматривает это произведение искусства, огляделся: в холле никого, кроме него, не было.

Присесть и отдохнуть Хаиму не пришлось. В открытых дверях коридора показался Ионас. Приложив палец к губам, он поманил Хаима к себе и жестом предложил следовать за ним.

На цыпочках прошли они коридор, осторожно ступая, поднялись по крутой винтовой лестнице на второй этаж и, миновав широкую дверь в матово-стеклянной стене, вошли в продолговатую комнату — приемную.

Снова приложив палец к губам, Нуци осторожно присел на стул у самой двери, ведущей в кабинет Соломон-зона, и кивком указал Хаиму на стул по другую сторону двери. Отсюда отчетливо был слышен доносившийся из-за двери знакомый энергичный голос. Хаим тотчас же признал его обладателя. Это говорил седой представитель «Еврейского агентства для Палестины».

— Вы, сионисты, считаете, что иудейский народ избран богом,— слышалось ясно, словно говорящий был рядом.— Мы, национал-социалисты, утверждаем, что только немецкий народ является наиболее полноценным из всех народов, населяющих земной шар.

Хаим испуганно вытаращил глаза, точно его пинком разбудили ото сна. Не веря ушам своим, он вытянул шею, затаил дыхание...

— Вы, сионисты, говорите о превосходстве своего народа перед всеми прочими народами; мы, национал-со-

циалисты, утверждаем то же в отношении немцев. Вы, сионисты, во всех суждениях и делах опираетесь на концепцию исключительности вашего народа; мы, национал-социалисты, опираемся на аналогичную концепцию исключительности немецкого народа, как принадлежащего к высшей расе.

Исходя из всего этого, вы, сионисты, утверждаете, что то, что можно иудеям по отношению к другим народам и нациям, нельзя этим нациям и народам по отношению к иудеям; мы, национал-социалисты, исходя из аналогичных предпосылок, также утверждаем, что то, что дозволено немцам по отношению ко всем остальным народам, непозволительно этим народам по отношению к немцам. Таким образом, вы, сионисты, считаете, что остальные народы менее полноценны; мы, национал-социалисты, утверждаем то же самое, однако к полноценным относим всю нордическую расу, а среди входящих в нее народов, как наиболее полноценный, немецкий народ! Что же касается иудеев, то они, как это доказано наукой, стоят на третьем месте с конца среди других неполноценных народов.

Хаим усиленно тер морщинистый лоб, напрягая слух. Ему казалось, что он сошел с ума или ему снится невероятный сон. Сочный голос, смакуя, словно читая по печатному тексту, продолжал:

— Вы, сионисты, так же, как и мы, национал-социалисты, против ассимиляции своих народов с другими народами.

Вы, сионисты, отстаиваете чистоту крови своего народа и не признаете иудеями тех, кто родился от смешанного брака; мы, национал-социалисты, пошли дальше в этом направлении, определив и освятив законом как национальную измену вступление немца или немки в брак с иудеем или иудейкой, причем закон этот распространяется на все их потомство.

Вы, сионисты, противопоставляете идею единого еврейского народа, состоящего из братьев по крови, разлагающему учению коммунистов о классах-антагонистах, и мы, национал-социалисты, противопоставляем этому разъединяющему и растлевающему народ учению возвышенную идею единства немецкой нации, состоящей из людей высшей расы.

Вы, сионисты, хотите создать свое государство исключительно для своего народа; мы, национал-социали-

сты, уже создали такое государство, в котором только немцы являются полноправными подданными и только им предоставлено право работать в государственном аппарате.

Вы, сионисты, считаете, что с завоеванием Иерусалима в семидесятом году наступил конец Иудейского государства и что с тех пор продолжается период вашего «Второго государства» — государства, утратившего свою независимость и рассеявшего по всему миру еврейский народ; и что с возвращением его в Палестину будет создано «Третье Иудейское государство», государство, в которое вернется его народ... Мы, национал-социалисты, как известно, создали свое «Третье государство» — Das Reich, в которое разбросанные по всей вселенной немцы уже репатрируются...

Вы, сионисты, считаете, что гражданином вашего будущего государства может стать только иудей, и среди них отдаете предпочтение кохэнам и левитам¹ — наиболее чистокровным, биологически полноценным представителям вашего народа; мы, национал-социалисты, утверждаем, что гражданином в германском государстве может стать только тот, кто принадлежит к немецкому народу, в чьих жилах течет немецкая кровь, и предпочтение среди них отдаем в первую очередь арийцам, как наиболее чистокровным, биологически полноценным представителям нашего народа.

Вы, сионисты, считаете, что на землях вашего будущего государства не должны поселяться лица неиудейского происхождения, и своей ближайшей целью ставите избавление от арабов; мы, национал-социалисты, также препятствуем иммиграции лиц ненемецкого происхождения и требуем, чтобы такого рода люди, поселившиеся в Германии после второго августа тысяча девятьсот сорок и третьего года, покинули ее пределы.

Вы, сионисты, помышляете о создании великого иудейского государства путем изъятия земель у других народов; мы, национал-социалисты, также стремимся к созданию великого германского рейха и не скрываем своих намерений расширить жизненное пространство для избыточного немецкого населения за счет земель неполноценных народов.

Вы, сионисты, добиваетесь переселения в Палестину

¹ По торе, привилегированные колена священнических родоначальников.

всех иудеев, обитающих ныне во всем мире; мы, национал-социалисты, проводим аналогичную политику объединения всех немцев и фольксдойч в фатерланд¹, отводя последним второстепенную роль, так же как вы, сионисты, не ставите в один ряд иудеев ашкенази и сефардов.

Вы, сионисты, воспитываете своих холуцев и цабар² как «суперменов»; мы, национал-социалисты, воспитываем гитлерюгенд и эсэс «сверхчеловеками».

Все сказанное дает основание заявить, что вы, сионисты, и мы, национал-социалисты, придерживаемся, по существу, одних и тех же принципов, стоим на сходных националистических и политических позициях, опираемся на родственные концепции, однако находимся на противоположных полюсах, как «антиподы», усматриваем друг в друге наиболее опасного соперника и потому враждуем между собой. Между тем и вы и мы являемся «плотинкой», сдерживающей натиск народов других национальностей... Таким образом, в этом общем плане на данном этапе наши интересы совпадают...

Хаим напряженно слушал и никак не мог уяснить себе, что же происходит за дверью. Кто же в конце концов этот седой оратор: посланец ли «Еврейского агентства для Палестины» или агент нацистов? Евреи ли собрались там, в кабинете, или те, кто их предает? И не маскируются ли за вывеской «Агентства для Палестины» фашисты?

Опять и опять Хаим вспоминал «трансатлантик», взрыв и гибель сотен людей; вспоминал Кипр, благочестивейшего реббе Бен-Циона Хагеру с автоматическим пистолетом под полами капота... Сосредоточиться, прийти к какому-то выводу Хаим не мог. Каждая фраза, доносившаяся из-за двери, поглощала все его внимание и вместе с тем порождала беспорядочно мелькавшие мысли-догадки одну страшнее другой. А там, за дверью, знакомый голос продолжал неторопливо, внушительно вещать:

— Выслушав, я заверил доктора Геббельса, что все сказанное им доведу до сведения нашего «Центра». В свою очередь, от имени «Центра» я поставил перед ним три основных вопроса, ради решения которых и совершил свой вояж в Берлин.

¹ Отечество, земля предков (нем.).

² Буквально: плод кактуса; молодежь, родившаяся в «стране отцов».

От изумления Хаим чуть было не вскрикнул: «Геббельс?! Вот, оказывается, кто поставил знак равенства между фашизмом и сионизмом! Вот с кем якшался почтенный представитель «Центра»!»

— Первый вопрос касался, — продолжал эмиссар «Еврейского агентства для Палестины», — возможностей расширения наших взаимоотношений с Берлином. Из ответа я понял, что руководители национал-социалистов намерены поддерживать с нами контакты и расширение их зависит от того, как скоро с нашей стороны будут предприняты обещанные выступления против англичан.

— Вам надо было сказать доктору Геббельсу, — донесся резкий голос, в котором Хаим тотчас же узнал Штерна, — что с установлением ограничения на иммиграцию в Палестину мы перечеркнули все прежние связи с англичанами! Мы готовы идти вместе с национал-социалистами, но пусть они скажут свое слово!..

— Обо всем этом, хавэр Штерн, я говорил, говорил и о наших планах выдворения англичан с Ближнего Востока, но в Берлине ждут эффективных действий...

— Тогда пусть дадут нам оружие! — крикнул Штерн.

— Вот этого и касался мой второй вопрос. Меня интересовало, возможно ли ускорить доставку обещанного оружия, захваченного войсками вермахта в странах, которые ныне находятся в сфере влияния Германии. На это доктор Геббельс ответил, что вопрос о поставке оружия находит поддержку в руководящих кругах национал-социалистов и что, по имеющимся у него сведениям, несколько дней назад под австралийским флагом уже отправлено судно с большим количеством оружия и боеприпасов.

При этих словах Нуци Ионас посмотрел на Хаима и горделиво улыбнулся, а Хаим впервые в полной мере осознал, что, работая в порту и участвуя в разгрузке судна, направленного сюда главарями германского фашизма, он стал соучастником Симона Соломонсона, представителей «Еврейского агентства для Палестины», вступивших в сговор с нацистами, и готового на любое злодеяние Штерна...

— Третий вопрос, заданный доктору Геббельсу, — продолжал эмиссар, — касался эмиграции наших людей из Германии и подвластных ей стран. И, как вы, вероятно, догадываетесь, я должен был выяснить, каковы реальные возможности отправки этих людей к берегам Палестины.

По этому поводу доктор Геббельс сообщил, что из-за военных действий возможности вывозить иудеев на немецких судах, к сожалению, крайне ограничены, однако отправка будет производиться в рамках достигнутого двустороннего соглашения. На следующий день я имел встречу с руководителем еврейской секции гестапо Эйхманом. В отличие от доктора Геббельса, человека эрудированного и тактичного, этот выскочка сказал, что подготовкой людей к эмиграции должен заниматься берлинский «Оффис для Палестины», что лично ему, Эйхману, некогда сортировать эмигрантов и что это входит в обязанность наших доверенных лиц на местах... Больше того! Этот Эйхман заявил, то впредь загрузка судов эмигрантами будет производиться по семейному списку... Я резко возразил, сослался при этом на состоявшийся накануне разговор с доктором Геббельсом и на достигнутое ранее соглашение о первоочередном выселении из Германии молодых людей, прошедших трудовую стажировку, а также лиц, способных сразу же по прибытии в Палестину включиться в вооруженную борьбу против англичан! Эйхман молчал, и я был уже склонен думать, что он сделает соответствующие выводы из того, что я ему сообщил и о чем напомнил, однако в ходе дальнейшей беседы он вдруг раздраженно спросил: «А кто будет заниматься вашими стариками, если все молодые эмигрируют? Или вы хотите, чтобы мы, немцы, поили их с ложечки, ухаживали за ними, нянчились? Нам некогда. У нас война!» Я прервал его и дал понять, что старики — это та самая ветка, которой суждено уступить место молодым побегам... Кроме того, в самой категорической форме я сказал ему, что с «балластом», которым он загрузил предыдущие судна, нам не достичь желаемого для Германии результата. Ближний Восток не запылет под ногами англичан, как этого хочет ваш фюрер! Эйхман побледнел, стал оправдываться, сказал, что будто бы наш представитель в «Оффисе» был лично заинтересован в отправке некоторого числа людей преклонного возраста — его родственников и очень состоятельных лиц, перед которыми у него имелись определенные обязательства. Эйхман намекал на что-то неблагоприятное... Я не склонен верить этим басням. Скорее всего, сам Эйхман хотел поскорее избавиться от престарелых... Но так или иначе, теперь у нас достигнута твердая договоренность: эмиграции подлежат исключительно моло-

дые люди и те, которые проходят у нас по особому списку. В противном случае мы будем возвращать транспорты обратно...

Нуци развел руками, как бы соглашаясь с необходимостью обречь стариков на гибель, а Хаим с трепетом в сердце подумал о том, какие страдания выпадут на долю его отца, тщетно ожидающего переселения к сыну...

— Эйхман меня заверил, — продолжал гость из Вашингтона, — что накануне большое немецкое судно доставило на Корфу партию эмигрантов, которые пересядут там на другое судно, плавающее под нейтральным флагом, а два других транспорта таким же путем в течение следующего месяца возьмут на борт холуцев и незначительную часть людей из числящихся в особом списке.

— Эйхман — мелкая сошка, — слышался голос Симона Соломонзона. — К тому же он принадлежит к эсэс и решать дела более значительного масштаба ему не под силу. Иначе бы он сделал многое... Мы крепко держим его в руках! Не следует ли установить контакт с более крупной личностью третьего рейха?

— Если признаться, — подхватил эту мысль Штерн, — меня давно занимает идея направить в Германию человека, который установил бы связь с более солидной фигурой. Может быть, даже с самим Гитлером! Тогда мы наверняка добились бы положительных результатов!

— Сомневаюсь, чтобы в столь напряженное время кому-либо удалось добраться отсюда до Германии, — донесся чей-то голос с сильным акцентом, напоминавшим Хаиму англичанина, который принимал его и Ойю в миш-торе. — Это чрезвычайно сложно.

— Не пугайте! Для вас, как вы уверяете, это чрезвычайно сложно, а для нас — очень просто, — задиристо ответил Штерн. — Человека я переброшу в Ливию. А там у меня есть люди, которые найдут ход к главнокомандующему итальянской армией...

— К самому маршалу Бальбо? — удивленно спросил тот же голос, принадлежащий, по-видимому, американцу в светло-сером костюме.

— Да, к самому, — подчеркнуто безразличным тоном ответил Штерн. — А уж он-то сумеет доставить моего человека невредимым в Берлин! И не как-нибудь, а кратчайшим путем! В этом можете не сомневаться...

— Возможно, но я бы не советовал этого делать. Сейчас не время...

— Что вы говорите?! — слышался удивленно-ехидный голос Штерна. — Скажите, пожалуйста!

— Как угодно, — с достоинством ответил американец. — Обстановка складывается настолько не в нашу пользу, что с нацистами надо вести себя осмотрительнее и, разумеется, ни в коем случае не проводить курс на обострение взаимоотношений с англичанами и, пожалуй, с арабами тоже.

— Как, как?! — завопил Штерн, словно его ужалили. — Нам склонить голову перед англичанами и сложить руки перед арабами?! Неслыханно!

— А почему, собственно, вы так полагаете, Майкл? — сдержанно спросил седой представитель «Еврейского агентства для Палестины», который, очевидно, не менее Штерна был поражен таким советом своего коллеги. — Мы бы хотели знать...

И Майкл рассказал о создавшемся неблагоприятном положении в результате недавно начатых наступательных операций немецких войск во Франции.

— А разве это плохо? — вновь бесцеремонно прервал его Штерн. — Кажется, надо быть полным идиотом, чтобы не понимать, что, поскольку Франции становится кисло, значит, и Англии уже не сладко; если Англии будет совсем горько, значит, легче нам добиться отмены ограничения на иммиграцию, а это наша главная задача!

— Но вы не подумали, — возразил Майкл, — что если англо-французские союзники начнут терпеть поражения на европейском театре военных действий, то здесь, на Ближнем Востоке, моментально зашевелиятся итальянцы?! И, по всей вероятности, вам неизвестно, что Гитлер несколько раз предлагал прислать сюда одну-две бригады «в помощь» итальянцам, как только они выступят!.. Конечно, Муссолини отказывается от подобных услуг. Он прекрасно понимает, что стоит позволить немцам вступить в эти края одной ногой, как вторую они поставят сами... Однако надо иметь в виду, что Гитлер не отказывается от своей затеи... А что означает присутствие по соседству с Палестиной войск вермахта, надеюсь, нет надобности объяснять. Относительно же оружия, которое немцы подбрасывают вам, то его, конечно, нужно принимать и консервировать...

— Чтобы англичане могли его рано или поздно конфисковать? — крикнул Штерн. — Этого вы хотите?

— Мне остается либо пожать плечами, либо ответить

вашими же словами, а именно: надо быть полным идиотом, чтобы так несерьезно мыслить и настолько плохо консервировать оружие... — спокойно парировал Майкл. — Изыщите более надежный способ хранения! Оружие пригодится. Складывающаяся во Франции обстановка заставляет думать о многом...

— При чем тут Франция? — вскрикнул Штерн. — Людей и оружие мы получаем не от нее, а от ее противника!.. На чьей стороне мы должны быть?

— Верно, — согласился Майкл. — Дельный фермер щедро кормит свой скот, предназначенный на убой...

Штерн взорвался:

— Это мы скот?!

— С точки зрения заправил Германии, бесспорно, — сдержанно ответил Майкл. — При первом удобном случае они с удовольствием отправят нас на бойню...

— Врете! — истерически закричал Штерн. — Басни эти можете рассказывать сколько угодно у себя в Америке! Здесь почти целый час зачитывали заверения доктора Геббельса! А вы что? Глухим притворяетесь?!

Майкл перебил:

— Все эти заверения — блеф!

— А пулеметы? — выходя из себя, уже орал Штерн. — А карабины? Пистолеты? Мины, патроны, взрывчатка?! Это что? Тоже блеф? А то, что на Корфу отправляют транспорт за транспортом с холуцами? А разве многие из тех, кто уже находится здесь, прибыли сюда не благодаря Германии?!

— Посмотрите лучше, что благодаря Германии творится с нашими братьями и сестрами в Польше! — слегка повысив голос, произнес Майкл.

— А что происходит в Польше, что?! — перебил Майкла Штерн.

— Льется кровь наших людей... Все еврейское население, независимо от пола, возраста, звания и социального положения, загнано немцами в гетто!

— И что «гетто»?

— Как так «и что гетто»? Есть сведения, что Гитлер намерен разрешить «еврейскую проблему» крайне жестоко. И если он пока воздерживается от выполнения своих намерений, то потому только, что опасается неблагоприятной для себя реакции в Штатах!

— Вы так полагаете? — недоверчиво спросил седой представитель из Вашингтона.

— Не только я, но и люди гораздо компетентнее нас с вами так считают... Оттого наш президент собирается поставить вопрос о приеме полумиллиона или миллиона еврейских беженцев...

— И вы, как его помощник по вопросам оказания содействия жертвам нацизма, ездили с этой целью в Германию? — настороженно спросил седовласый. — Правильно я вас понял, Майкл?

— Правильно.

— Так я и знал! — с горечью воскликнул эмиссар. — Президенту нужно заработать дополнительный политический капитал. Ему не терпится заполучить голоса наших евреев на выборах и всякое такое... Понятно!

— Прежде всего мы хотим спасти людей! — энергично парировал Майкл. — Что, по-вашему, лучше: подвергать риску миллион ни в чем не повинных людей или вывезти их в Америку?

— Да! Представьте себе, лучше! — завопил Штерн. — Из пятисот тысяч немецких евреев уже эмигрировало из Германии около четырехсот тысяч! А сколько их прибыло сюда! Еле-еле набирается пятьдесят тысяч!.. Всего десять процентов... Капля в море! А куда девались остальные? Ваша Америка их проглотила, чтоб вы горели с ней вместе!

— Вы не хотите вникнуть, Майкл, в существо всей трагедии, — примирительным тоном сказал его седовласый коллега. — Ведь европейский еврей второй раз на протяжении своей трудной жизни не решится пересечь океан, чтобы поселиться на землях своих праотцов, если даже предположить, что в Америке, куда вы его вывезете, будет ему тяжело. Мы с вами прекрасно знаем истинное положение в Америке: будет этот несчастный эмигрант скитаться и мыкаться из одного штата в другой, ремесленничать или торговать, браться то за одно дело, то за другое и изо дня в день проклинать вас и себя, но на новое путешествие не решится. Только бы его не трогали! А мы, сионисты, обязаны раз и навсегда восстановить наше государство, и мы не восстановим его до тех пор, пока в Палестине не будет создан численный перевес евреев над арабами!

— Меня удивляет, — с горечью ответил Майкл, — что все вы здесь, как я вижу, не понимаете, насколько необходимо срочно, безотлагательно спасти наших людей от нависшей над ними угрозы гибели, а уж потом думать

о численном соотношении евреев и арабов и о создании государства!

— Вы изменяете идеалам нации, Майкл! — воскликнул Симон Соломонзон. — Это непростительно!..

— По-вашему, спасение людей от гибели — измена, а по-моему, это элементарная человечность, не говоря о том, что речь идет о людях нашей национальности!

— Вы не защитник еврейского народа, — кричал Штерн, — а последний его предатель! И ваше место на виселице!

— Не пугайте... — хладнокровно ответил Майкл. — Поберегите лучше свою горячую голову, пока она окончательно вас не подвела...

— Мне угрожать, предатель?! — раздался дикий вопль Штерна, а вслед за этим последовал грохот упавшего стула и топот ног, затем слышались возгласы:

— Штерн!

— Майкл!..

— Хавэр Штерн, останови...

Прогремел выстрел, второй...

Нуци, вскочивший к тому времени со стула, теперь резко открыл дверь. Через его плечо Хаим увидел стоявшего с пистолетом в руке Давида Кноха и рядом с ним корчившегося на полу человека в сером костюме. Хаим сразу узнал в нем того самого элегантного рыжеватого мужчину, с которым вечером на сборище обнимались и целовались посланец «Еврейского агентства для Палестины», Симон Соломонзон и Штерн. Хаим заметил, что у Штерна с подбородка капала кровь.

В кабинете воцарилась на несколько секунд абсолютная тишина, и тогда все слышали, как стонущий на полу Майкл шептал:

— Фашисты-ы-ы... Убийцы-ы...

Раздался выстрел. Хаим ясно увидел пистолет в руке Штерна.

Нуци повернулся к побледневшему от испуга Хаиму и велел тому немедленно сойти вниз, в холл, и ждать его там.

Как пьяный, спустился Хаим по крутой винтовой лестнице, пробежал через темный коридор, не понимая, что происходит в кабинете хозяина — Соломонзона. Но не успел он отдышаться, как следом примчался Нуци Ионас.

— За углом аптека. Слышишь, Хаим?! Около гимназии Бальфура... Знаешь, где это?

— Знаю, знаю...

— Беги туда. Там наша машина и шофер. Скажи ему, пусть сейчас же едет сюда. Понял? Только смотри, чтобы он не уехал, куда мы договорились с ним вчера! Понял? Ни в коем случае! Сюда пусть едет! Больше ничего не говори... А сам иди домой. Доберешься, ничего... И никому ни слова! Идешь с работы, из порта и... все! Дома увидимся, поговорим. Понял? Беги!

Хаим побежал сломя голову. Еще издали увидел перед аптекой соломонзонский автомобиль. Шофер пристально посмотрел на бледного, испуганного Хаима, дважды переспросил, не надо ли ему, как было условлено прежде с Ионасом, ехать к отелю Гат-Римон? Наконец убедившись, что холуц не путает, тотчас дал газ мотору.

Хаим остался один посреди темной улицы. И сразу почувствовал, как смертельно устал за этот день: подкашивались ноги и лихорадило так, будто снова начинался тиф...

«Единый народ, единая нация, единое государство — Израиль», — думал он, с трудом преодолевая озноб.

11

Сознание того, что он оказался втянутым в темные махинации деятелей Экспортно-импортного бюро, не давало Хаиму Волдитеру покоя. Его терзали страшные догадки о возможных последствиях беззаконий и злодеяний, совершенных при его невольном участии. «Мы же настоящие гангстеры, ей-богу! — с ужасом размышлял Хаим. — Я себе думал, что следил за разгрузкой пресованного сена, а на самом деле принимал контрабандное оружие... Ничего себе дела, а?! Потом пошел как будто на интересное собрание, а стал свидетелем и даже соучастником убийства человека! Это же пахнет тюрьмой! И даже больше, чем тюрьмой... И почему так получилось? Случайно? Что-то не похоже... Поначалу затеяли скандал, потом перешли к стрельбе... А у самой аптеки в ночь на субботу оказался автомобиль Соломонзона. Ясно, как божий день, что все было подстроено...»

Хаим не ошибался, предполагая, что старшие хавэрим намеренно устранили американского гостя. Об этом ему доверительно, как соучастнику, поведал Нуци Ионас

на другой день, когда они уединились за флигелем-временкой Хаима. Час был послеобеденный субботний, все отдыхали. И хотя солнце палило нещадно, Нуци Ионас чувствовал себя превосходно. После событий минувшей ночи он безмятежно проспал до обеда и был удивлен, когда узнал, что Хаим под впечатлением пережитого не сомкнул глаз.

— Напрасно, Хаймолэ, ты так переживаешь, — сказал он. — Надо понять и привыкнуть к тому, что ради достижения великой цели мы обязаны беспощадно убирать всякого, кто мешает нам. До нас и раньше доходили кое-какие слухи о колебаниях Майкла, но никому в голову не приходило, что он может скатиться до измены!

Нуци Ионас поведал Хаиму о том, что Симон Соломонзон и вся верхушка «Акционс-Комитета» прежде были уверены в Майкле и тот не раз на деле оправдывал их доверие. Никто не сомневался в том, что Майкл, их ставленник в Вашингтоне, не просто разделяет их убеждения, но и активно помогает им.

— Старшие хавэрим были твердо убеждены, — подчеркивал Нуци, всячески стараясь как можно убедительнее мотивировать необходимость устранения Майкла, — что этот паршивый американец полностью разделяет нашу готовность сотрудничать не только с немецкими национал-социалистами, но и с самим дьяволом ради достижения поставленной задачи — создать «Третье Еврейское государство»! И когда сюда дошли слухи о том, что он колеблется в решении отдельных принципиальных вопросов и порою говорит одно, а делает другое, то хавэрим из «Акционс-Комитета» решили сами в этом удостовериться.

— И если слухи подтвердятся, то убить? — неожиданно для себя самого спросил Хаим.

— А как же иначе?! Ведь этот подлец выполнял личное поручение президента Штатов! Понимаешь, что было бы, представь он Вашингтону нежелательную для нас информацию о положении евреев в Германии и на оккупированных ею территориях?! Президент наверняка принял бы самые энергичные меры для вывоза из Европы миллиона, а может, и того больше, евреев! Ведь ему в первую очередь нужен политический капитал... Вот, мол, господа избиратели, смотрите, какой я гуманный, спасаю миллионы людей от коричневой чумы и тому подобное...

И, конечно, ни слова о том, что иммигранты — даровой труд для американских бизнесменов. За такое «благоденствие» наши еврейчики всю свою жизнь расплачивались бы нищенским существованием, тяжким трудом и всяческими унижениями... Откровенно говоря, нам наплевать на то, какая судьба ждала этих наших соплеменников за океаном! Хуже другое — перспектива массовой иммиграции евреев из Европы в Америку превращает в мыльный пузырь все планы наших руководителей... И «Акционс-Комитет» ни за что не пойдет на такой шаг, какой бы ценой ни пришлось расплачиваться за это нашим единоверцам!

Делясь с Хаимом сокровенными мыслями, Нуци Ионас все же недоговаривал главного: Штерн, являясь вожаком «Штерн-ганга», одной из крайне экстремистских групп бейтарцев, вместе с тем возглавлял так называемый руководящий центр, в состав которого входили Эйлик Фришман, ведавший организационными вопросами, Элиас Нейски, осуществлявший связь с границей, и некий доктор Шаубер, направлявший идеологическую деятельность. Триумvirат этот и особенно стоящий над ними главарь Штерн, при любых обстоятельствах оставаясь в тени, руководили из-за «приспущенного занавеса». Обо всем этом Нуци еще не считал нужным осведомлять Хаима.

— Твой котелок, Хаймолэ, не в состоянии перевернуть сразу всего, что я мог бы тебе сказать, — таинственно произнес Нуци. — Пока же пусть будет тебе ясно одно: с ренегатами и предателями, подобными Майклу, нельзя поступать иначе.

Ионас был прекрасно осведомлен о том, как возвращавшегося из Германии в Америку Майкла завлекли в «страну обетованную» под предлогом необходимости «изучить обстановку» в Палестине: его информация предназначалась для президента Штатов. Знал Нуци и о том, что ждало Майкла в Палестине в случае, если оправдаются слухи о его «двурушничестве», и что ответственным за «проверку» и последующее выполнение «определенного акта» был назначен член руководящего центра Нейски, которому, по роду его официальной деятельности, было легче, чем кому-либо, осуществлять связь с зарубежной агентурой. Так же, как Штерн, он считал террор кратчайшим путем достижения цели. И тем не менее в тот самый день, когда предстояла ре-

шающая встреча с Майклом, Элиас Нейски был отстранен от участия в беседе, а «проверкой» Майкла неожиданно занялся сам Штерн. Обстоятельства, приведшие к такой перемене, оставались тайной даже для Нуци Ионаса. А суть этих обстоятельств сводилась к тому, что именно Нейски, уже зная о колебаниях Майкла, все же добился через своих людей в Соединенных Штатах Америки назначения его на высокий пост.

Штерну этого было достаточно, чтобы не полагаться на Элиаса при решении судьбы Майкла. Этим и объясняется, что Штерн, до приезда в Палестину американского посланца почти никому не показывавшийся на глаза, вдруг в тот злополучный вечер лично явился на столь расширенное собрание. Вот почему его появление тогда так поразило Нуци Ионаса.

Все еще не уверенный в том, что Хаим вполне уразумел необходимость и целесообразность столь жестокой расправы с инакомыслящими, Нуци не нашел ничего лучшего, как сослаться на Макиавелли, оправдывавшего любые методы борьбы за власть.

— Ты хотя бы слышал это имя? — спросил он.

— Слышал, — недовольно буркнул Хаим, и ему внезапно захотелось осадить приятеля, возомнившего себя чуть ли не вершителем судеб еврейской нации. — Макиавелли Николо ди Бернардо... О нем, между прочим, всегда с восторгом отзывается фон Риббентроп! Да и румынские легионеры тоже...

— Ну, я не знаю, кто там им восторгается! — Нуци раздраженно оборвал Хаима. — Знаю лишь, что он правильно говорил, и мы правильно поступили, убрав с дороги ренегата Майкла...

Наступила неловкая пауза. Хаим горько улыбнулся, вспомнив, как Симон Соломонзон, Штерн и другие руководители «Акционс-Комитета» радушно обнимали и даже целовали уже тогда втайне обреченного ими на смерть человека. «Поистине макиавеллевское коварство и лицемерие...» — подумал Хаим.

А Нуци, видимо, пожалев, что погорячился, помолчав немного, сказал тихо и задумчиво:

— Жаль, конечно, что тщательно разработанный план ликвидации американского гостя пошел насмарку... Но, как говорится, что бог ни делает, все к лучшему...

И Нуци рассказал, что труп Майкла, как только прибыла машина Симона, отвезли на окраину Яффы.

— Первоначально мы должны были его выбросить где-то между тюрьмой и инфекционной больницей... Самое подходящее для ренегата место! Но Кнох, который руководил этой операцией, передумал. Мы проехали еще пару кварталов. Как раз там, где кончается мусульманское кладбище и начинается с одной стороны греческое, а с другой — латинское... И вернулись мы уже дорогой на Бат-Ям. Мы выбросили тело в кювет, предварительно сняв с него пиджак и очистив карманы брюк... Теперь каждому ясно, что Майкла убили с целью грабежа.

Рассказ Нуци был прерван донесшимися с соседнего двора истошными воплями женщин. Нуци и Хаим, прибежав туда, увидели лежащего на крыльце дома черноволосого мальчика. Моля, склонившись над ним, отчаянно кричала, ее слабые руки судорожно пытались развязать веревку на его по-детски тонкой шее.

Хаим осторожно отстранил Молю, развязал веревку, приподнял безжизненное тело ребенка. Нуци взял кувшин с водой у стоявшей рядом женщины, плеснул в перекошенное предсмертной судорогой жалкое лицо мальчика. И Хаиму вдруг показалось, что из-под плотно сомкнутых посиневших век ребенка проступили слезы.

— Мальчик мой, родной мой... — причитала Моля и гладила, целовала мокрое лицо и головку сына, прижимала к груди его худенькое тельце.

Сбежавшиеся соседки с трудом оторвали ее от сына, тщетно пытаясь успокоить. Мужчины внесли мальчика в дом, положили на пол.

Во дворе появилась Нуцина теща, видимо, узнавшая о случившемся несчастье. Втиснувшись в небольшую толпу испуганно притихших людей, она безапелляционно заявила:

— А кто довел мальчика до этого? Она! Разве это мать, я вас спрашиваю? Кошмар!.. Не удивительно, что он решился на такой поступок, да простит меня бог... Никогда бы не подумала, что такой маленький мальчик что-то вообще понимает! Сколько ему было? Он же еще ходил в бейт-а-сефэр¹! А выходит, все видел и все понимал...

На старуху зашикали, пытаясь урезонить, пристыдить. Но не тут-то было. Нуцина теща взвизгнула, как ужаленная.

¹ Начальная школа.

— Что вы меня останавливаете? И скажите на милость, что это вы вдруг заступаете за нее? Кто, скажите, не знает эту шхуну?! Мужа своего довела до того, что он уже не вылезает из больницы, а сама — нет ночи, чтобы сидела дома! Неправду я говорю?! Вы ее застали вечером дома? Так что с этого? Зато по утрам от нее, я уверена, выходила не одна пара брюк! И это жена, по вашему? Это мать ребенка?

— Зачем же так наговаривать? — вмешалась женщина в сером платке, с заплаканными, скорбными глазами. — Два раза в день она бежит в больницу — это все знают, кто работает с ней на «Дельфинере»: утром, чуть свет, и в обед, хотя у самой и маковой росинки во рту не было. А к гудку возвращается. Это же надо уметь, а вы бог весть что говорите... Нехорошо так.

— Не делайте из меня, пожалуйста, дуру! — завопила старуха. — Я еще, слава богу, не выжила из ума! И, между прочим, не собираюсь... Да. К вашему сведению. Как-нибудь я знаю ее лучше вас: днем она будет бегать в больницу к мужу, а по ночам спать с мужчинами...

-- А если даже так? От хорошей жизни разве? Где ей, несчастной, взять деньги на больницу, на докторов, на лекарства? Откуда, если она гроши зарабатывает? А-а?

— Откуда? — ехидно переспросила старуха, воинственно подбоченясь. — Кошмар! Посмотрите на них! Они не знают, откуда люди берут деньги... Как будто бы с неба свалились! Не иначе, чтоб я так была здорова... Работать надо! Трудиться! Не телом же торговать и себе удовольствие получать! А ваша Моля что? Все думает, что если когда-то в Венгрии была артисткой, то ей, видите ли, не подобает работать так, как все люди. Она ждала, что приедет в Палестину и ей будут все подавать на тарелочке прямо в постель? Да-а? А кукиш она не хочет? Здесь люди трудятся от темна до темна! А у нее что, руки отсохли бы, если, скажем, после фабрики пошла кому-нибудь посуду помыть, белье постирать или еще чего-нибудь поделывать, как честные люди поступают?

— Уж ты бы, старая сплетница, помалкивала лучше о честности! — К старухе подступила рослая моложавая женщина. — Сама-то ты чем занимаешься? Деньги ссужаешь под проценты, а потом три шкуры дерешь, если хоть на денек опоздаешь с возвратом! Я-то тебя знаю, как облупленную, будь ты проклята, ростовщица! Кто, как не ты, зажулила обручальное кольцо несчастной

Моли, которую сейчас поносишь последними словами? Молчишь, ведьма? А бриллиантовые сережки вдовы хромого провизора, что держал аптекарский магазин на улице Рабби Акива, не ты ли прикарманила? И кто их носит теперь, бриллиантовые сережки? Твоя бесплодная дочь!

— Кошмар! — Нуцина теща окинула столпившихся вокруг нее женщин презрительным взглядом. — При чем тут моя дочь? А я что, может, не свои деньги — чужие даю в долг? Не нравится платить проценты, не берите займы! Никто вас, голодранцев, не принуждает. Не я прихожу к вам, а вы же сами прибегаете, плачете и божитесь, что вернете в срок, клянчите так, что аж тошнит! И после всего этого я же еще и ростовщица? А вы бы как хотели? Без залога и без процентов, на дурницу? — Старуха затрясла кукишем. — Вот вам!

— Ой, люди, люди... Постыдились бы! — слышался робкий голос из толпы. — Такое несчастье, а вы свои счета сводите...

Нуци потянул Хаима за локоть.

— Пошли! Пусть судачат... Не наше это дело. Пошумят и помирятся. Одно слово — женщины. Что с них взять? Гвалт поднимут, а если разобраться, так все выеденного яйца не стоит.

Но и на дворе, где стоял дом Нуци, собрались соседи, обсуждая печальное событие. Из этих разговоров Хаим узнал, что муж Моли, тромбонист известного в Палестине симфонического оркестра, играл по три-четыре, а то и по пять концертов в неделю. Вот эти-то концерты и подорвали его здоровье. Непривычна для европейца здешняя жара! Разгоряченный, с пересохшим горлом, музыкант в антрактах с жадностью набрасывался на холодную воду. И все будто бы было хорошо. Потом вдруг занемог немного, но не придавал этому значения: думал, обыкновенная простуда, пройдет. Может, полежать бы ему, побережься, так и в самом деле прошло бы. Да куда там! Зарабатывать надо. Вот и свалился... А теперь который месяц в больнице! Может, туберкулез, а может, и того хуже... Словом, не сегодня-завтра отумачается.

Так говорили люди, собравшиеся во дворе. Слушая их, Хаим задумался: «Майкл... Мальчик Моли... Несчастный музыкант... Не слишком ли много смертей? И отчего все это?»

Хаим чувствовал, что есть какая-то общая причина, породившая все эти столь различные по обстоятельствам трагедии, какая-то связь. Но как понять ее?

А люди потихоньку разговаривали, сочувствуя, вздыхали. Хлопнув калиткой, во двор вошла Нуцина теща и тут же трескучим голосом возвестила:

— Ну! Так я вас спрашиваю, кто был прав: я или не я? Он таки удавился от позора за свою мамочку...

Оказалось, что по пути домой старуха успела расспросить повстречавшегося ей чернявого мальчугана-сабра, заводилу местных ребят.

Он готовился стать «йешивэ-бухэром»¹ и поэтому досаждал всем соседям за малейшие отклонения от норм религиозного поведения. Это он выследил, куда по вечерам уходила Моля, он оповестил всю детвору о том, что она проводит ночи в притоне, он мучил сынишку Моли, обзывая его мать последними словами. Чернявый клялся, что говорит правду.

«Я сам подслушал однажды, как мой старший брат — он работает шофером такси — рассказывал своему приятелю, что зашел в один домик — бейт-зонат²... — брызгая слюной, сыпал скороговоркой чернявый мальчуган. — И там он увидел твою маму. Это в Тель-Авиве. Около порта. В самый конец большой улицы Лассальшвейс... Недалеко от Иарден-отель, где старая синагога!.. А хочешь, я даже скажу тебе, как мужчины зовут твою маму? «Сильва»! И еще знаю, что платят ей за ночь десять фунтов... Хай-Адонай³, что я не вру! Я уже ходил туда смотреть. Там много таких женщин. Они все ходят знаешь как? Как на пляже! Если не веришь, могу сходить с тобой, когда твоя мама уйдет вечером из дома! Убедишься сам, Хай-Адонай!»

Нуцина теща торжествовала.

— И он таки убедился!.. Так убедился, что проклял свою дорогую мамочку и удавился...

— Ой-ой-ой-йой! Ну что вы говорите? Вы же знаете, что мальчик оставил матери письмецо! И какое это хорошее письмецо! — прервала старуху заглянувшая вслед за ней во двор соседка. — Он же написал, что ни в чем не винит мать, понимает, как много нужно было денег на

¹ Набожный парень — ученик специальной талмудической школы.

² Дом терпимости.

³ Клянусь богу жизнью.

лечение отца и что только ради его спасения она пожертвовала своей честью и своим здоровьем... Он просил прощения у нее за свой поступок, за то, что не смог пережить такое несчастье... А вы говорите, будто он проклял свою мать! Неправда это!

Нуцина теща попыталась и это предсмертное письмо истолковать на свой лад. Снова началась перепалка, но Хаим не стал слушать. Он отошел в сторону. Ему было нестерпимо стыдно за Нуцину тещу, горько и обидно за Молю и до боли в сердце жаль погибшего мальчика. Увидев в дверях своей временки встревоженную Ойю, он метнулся к Нуци Ионасу и испуганно признался:

— Ума не приложу, как объяснить все Ойе? Ведь ей теперь ни в коем случае нельзя волноваться...

Нуци с недоумением посмотрел на Хаима.

— Тоже мне важный вопрос! Как-нибудь успокоишь... В торе не случайно написано: «И это пройдет!» Пройдет и следа не оставит. Мелочь! Немцы подходят к Парижу, и то не страшно. Не об этом нам с тобой надо думать, если мы хотим воссоздать собственное государство!.. Общественное превыше личного, Хаймолэ! Этого ты не забудь...

12

«...Ни выстрелы из-за угла, ни расстрел в упор никого уже не удивят. Какую бы окраску ни носил разбой — совершен ли он с целью ограбления или ради мести, — иудеев не сломить! Повеление всевышнего «в крови своей жить будешь!» приучило наш народ к смирению и терпению, а каинов грех испокон веков сопутствует ему... Если кровь людей наших льется на мостовых городов или в песках пустынь, то и это не ново, как и не ново терпение наше. Но как всякое добро и зло небесноконечны, так и смирение народное должно иссякнуть. Придет долгожданный день, когда всевышний наделит избранный им народ силой и мужеством. И, как лучи солнца, восходящего из-за гор, проблески этого великого часа уже видны и ощутимы всеми нами! И тогда за все муки и страдания народ наш будет отомщен с лихвой. Ибо если повеление всевышнего гласит: «В крови своей жить будешь!» — то из этого с полным основанием вытекает, что в крови этой враги наши захлебнутся! Пусть же

новый акт насилия, жертвой которого на этот раз оказался прибывший из-за океана верный сын Исраэля, приблизит час сурового возмездия! Пусть же кровь ушедшего от нас в расцвете сил и красоты души единоверца вопиет о мщении...»

Хаим читал эти строки спустя день после того, как был свидетелем убийства Майкла на тайном ночном сборище в кабинете Симона Соломонзона. Читал и не верил глазам своим. Реббе Бен-Цион Хагера — было имя автора. Это ему на тайном сборе в присутствии еще живого Майкла была воздана всеобщая хвала. И теперь именно он был запевалой в хоре лжецов, на все лады утверждавших в прессе, что злодеяние совершено врагами народа Израиля, прозрачно намекал на иноверцев, живущих бок о бок с ними.

Хаима охватила тревога при мысли, что раввин мог переехать с Кипра в «страну обетованную». И чем больше он думал о нем, тем страшнее становилось: «Неужто и в самом деле все здесь строится на лжи и крови?» Он попытался отвлечься, перевернул листок. Внимание его привлек набранный жирным шрифтом и заключенный в траурную рамку текст. Это было краткое официальное сообщение, доводившее до сведения местных читателей о случившемся, заверявшее американцев в том, что администрацией предприняты все меры к отысканию убийц и преданию их в руки правосудия.

Хаим понял, что вокруг этого убийства затевается какая-то темная и сложная игра. Но он не знал еще, что в тот день кругом только и трубили «о трагедии, разыгравшейся на глухой тель-авивской улочке». Газетный листок «Мизрах» вышел с небывалым до тех пор опозданием: вместо утренних часов он появился в продаже только вечером, а вкладыш к нему отсутствовал... В действительности он распространялся тайным образом, и печальному случаю в нем было уделено всего несколько строк.

Неведомый автор этих строк, прозвучавших, как гром среди ясного палестинского неба, задавал неожиданные вопросы: «Хотелось бы знать, почему полиция умалчивает о том, что злодейски убитый американский гость прибыл в страну праотцов не из-за океана, как все были склонны думать, а после длительного пребывания в столице «третьего рейха»? Хотелось бы также знать, — спрашивал автор, — почему следственные органы ни

словом не обмолвились о том, с какой целью этот человек ездил в Германию? Не менее важно знать, и какие переговоры вел он там с высокопоставленными лицами из ближайшего окружения германского канцлера? Наконец, кому конкретно он пришелся не ко двору: американским боссам, пославшим его в Германию, нацистским бонзам, с которыми он вел переговоры, или их агентуре в Палестине во главе с муфтием иерусалимским Эмином-эль-Хуссейном? Вещи все-таки надо называть своими именами, хотя сам факт обнаружения трупа между греческим, латинским и мусульманским кладбищами древней Яффы красноречиво свидетельствует о том, чьи руки обгарены кровью!..»

Заметка тотчас же возымела свое действие: шумиха, поднятая по поводу убийства американского подданного, лихорадившая обывателей, вдруг сразу испуганно прекратилась. Многие знали, что поместивший загадочную статейку листок, который считался независимым, в действительности был органом штерновской группы.

— Смотри, Нуцик, — заметил Хаим, — о Майкле уже ровным счетом никто даже и не заикается, словно ничего не было.

— Ну и что же, — равнодушно ответил Ионас, будто речь шла о пустяковом деле. — Я и сам все забыл... И вообще, чем меньше вспоминать об этом, тем лучше... Есть у нас дела поважнее. Сегодня, между прочим, предстоит принять большую партию миндаля для Европы. Потом для «Хекал лимитед ин цитрус» зафрахтован пароход под рожки-силикуа. Грузиться, правда, он будет в Хайфе. Я сам поеду туда. И ко всему этому вот-вот должен подойти пароход с очень ценным грузом... Так что дел, Хаймолэ, как видишь, хватает! Что касается ренегата Майкла, то наш хавэр Штерн метко сказал: «Труп недруга не пахнет дурно!» Понял? И, между прочим, Хаймолэ, тебе не мешает это запомнить... Все-таки кем сказано!

Разговор этот состоялся рано утром в портовом пакгаузе. Вскоре Нуци Ионас уехал в Хайфу. На погрузочной от Экспортно-импортного бюро Хаим остался «за главного»: Давида Кноха пока не было. Редчайший случай! Обычно главный экспедитор приходил раньше всех и уходил последним: всегда у него были какие-то дела в администрации или в таможене порта. При чем околачивался он там, как правило, до начала рабочего дня

и после его окончания. Это обстоятельство Давид Кнох всегда использовал для бахвальства в узком кругу особо доверенных людей: «Я не белоручка-ашкинази Ионас. Это он является в порт, как врач на визит к больному: не успел порог переступить, как уже ждет на лапу пятифунтовку и поглядывает на дверь... С такими лодырями разве воссоздашь собственное государство? Я бы их всех на фарш пустил, честное слово! Пригодились бы хоть на удобрение Негеевской пустыни! Все-таки польза».

Перед отъездом Ионас поручил Хаиму Волдитеру взять в товарной кассе порта чистые бланки фрахтов для оформления грузов. Выдавали их только в первой половине дня. Но тут, как на грех, стали подъезжать к разгрузочной рампе машины с мешками, наполненными миндалем. Пришлось задержаться: надо же проследить, как положат первые ряды яруса.

Судна еще не было, и потому Хаим поспешил в порт. У пакгауза его обогнал Кнох.

— Шолом, хавэр Дувэд Кнох! — несколько заискивающе проговорил Хаим.

Ответа, как обычно, не последовало. Бестактность Кноха не была новостью для Хаима, тем не менее он почувствовал себя сконфуженным. После того как Хаим стал принимать участие в выполнении щекотливых операций, главный экспедитор начал обращаться с ним более или менее по-человечески. Казалось, он убедился в исполнителности «Локша»¹, как прозвал Хаима Кнох, в том, что тот умеет крепко держать язык за зубами. Это была первая «заповедь» главного экспедитора. Но и она, видимо, отошла теперь на задний план. Мысли Давида Кноха были заняты чем-то более значительным. В подобных случаях он становился для остальных неузнаваем. Работа настолько его увлекала, что сам Теплиц, дядюшка Симона Соломонзона, говорил не без гордости: «Наш главный экспедитор так увлекается своей работой, так окунается в нее, что ничего больше не видит, ничего не слышит и никого уже не признает... Иногда даже меня!»

Вместе с тем все прекрасно понимали, что не столько сама работа поглощала Давида Кноха, сколько доход, который он чуял получить от нее. Это тоже знали все. И сеньор Теплиц, и Симон Соломонзон, и те, кто был мало-мальски осведомлен в делах главного экспедитора

¹ Буквально: лапша, чудака, мамля.

Экспортно-импортного бюро... Но все они помалкивали, делали вид, будто ничего не замечают...

Появившись на причале, Кнох стремглав поднялся на рампу, вихрем пронесся по ней из конца в конец, заглядывая во все уголки, окинул взглядом растущий ярус из мешков с миндалем и, убедившись, что работа идет нормально, придаться не к чему, поспешил к пакгаузу.

— Я уезжаю, — на ходу сказал он. — Будут спрашивать из порта, скажите, что уехал в город к врачу. Другие будут интересоваться, ответьте: в таможене... Рабочим ни слова, что уехал! Смотрите в оба! За каждый украденный мешок платить будете из своего кошелька!

— Понял вас, хавэр Дувэд Кнох, — торопливо ответил Хаим. — Все сделаю, как вы сказали...

— Вернусь завтра, — не дослушав, бросил главный экспедитор и ушел.

Хаим знал: если Кнох говорит, что вернется к следующему утру, жди его накануне, а если скажет, что будет через час, можно рассчитывать, что уезжает надолго. Кнох был уверен, что подчиненных надо держать в постоянном напряжении.

С большим облегчением вздохнул Хаим, глядя на быстро удалявшуюся фигуру главного экспедитора. Между тем на рампе появился помощник весовщика. Он подошел к Хаиму и показал депешу: речь в ней шла о подходе к порту какого-то австралийского судна, зафрахтованного компанией «Атид» под силос для Экспортно-импортного бюро.

На мгновение Хаим растерялся, но, сообразив, что подготовить разгрузку «силоса» может лишь главный экспедитор, бросился вслед за ним. Кноха он увидел еще издали, когда тот садился в автомашину, поджидавшую его у развилки дорог. Дорога, ведущая в город, шла почти параллельно с причалом, и Хаим кинулся на перехват машины, размахивая руками, чтобы привлечь внимание.

— Ну, что еще? — раздраженно крикнул Кнох, когда машина остановилась. — Что у вас там стряслось? — Он вышел из машины, оставив дверцу приоткрытой.

— Депеша, хавэр Дувэд Кнох! — с трудом переводя дыхание, проговорил Хаим. — Пароход... с силосом. Из Австралии! Зафрахтованный «Атидом».

Кнох достал очки, прочел депешу, насупился; нижняя губа тяжело отвисла.

— Кто принес?

— Помощник весовщика... Он сказал, что к полуночи пароход будет в порту.

Кнох снова пробежал глазами депешу. На его покрасневшем, усыпанном угрями потным лице едва заметно промелькнула одобрительная улыбка.

— Правильно сделали, что догнали, — буркнул он. — Идите в пакгауз и скажите, что я разрешил вам позвонить в наше бюро. Хавэр Симон сегодня до обеда на месте. Передайте ему, что получено извещение о пароходе с кормом для скота... Вы поняли? И ни слова о том, что он зафрахтован «Атидом» и что идет под австралийским флагом... — Кнох шагнул было к машине, но приостановился и, не глядя на Хаима, добавил: — Пусть хавэр Симон позвонит в Хайфу, чтобы к вечеру Ионас был здесь! Обойдутся там и без него. Экая важность — гнилые рожки! А помощнику весовщика скажите, что судно я выгружу без задержки. Пусть не шумит. Просто не будет! Так и передайте ему. Поняли?

Кнох повернулся к автомобилю, стал садиться. Хаим взглянул внутрь машины и обомлел: на заднем сиденье рядом со Штерном сидел курчавый молодой человек в очках с толстыми стеклами, тот самый, кто был инициатором уничтожения документов пассажирами «трансатлантика», кто призывал отчаявшихся людей к благоразумию, сам же воровски покинул судно, прихватив с собой, разумеется, исправные документы. Но еще больше встревожило Хаима присутствие в машине человека с пышной бородой, пристально и недобро смотревшего на него из-под насупленных бровей. Это был реббе Бен-Цион Хагера!..

Перед вечером, как всегда неожиданно, в порту появился Давид Кнох. Весть о его приходе разнеслась мгновенно. И сразу смолкли голоса грузчиков, подбадривавших друг друга шутками: уставшие после трудового дня люди подтянулись, насторожились, работа обрела напряженный и вместе с тем четкий, как ход хорошо отлаженного часового механизма, темп.

— Здесь все в порядке, хавэр Дувэд Кнох! — Хаим поспешил навстречу главному экспедитору, как только тот приблизился к ярусу. — Укладываем уже шестой ярус! Я передал хавэру Симону все, что вы велели...

Кнох молчал, будто не к нему были обращены эти слова. Не удостоив Хаима взглядом, он направился к спуску на причал и лишь у лестницы отрывисто бросил:

— Здесь вам больше нечего делать... Забудьте дорогу в порт навсегда!

Хаим не сразу сообразил, что эти слова относятся к нему, и потому продолжал машинально плестись вслед за Кнохом. Когда же до его сознания дошел страшный смысл только что услышанных слов, Хаим почувствовал, как силы покидают его. Он стал отставать и, наконец, остановился. К нему подходили грузчики, что-то спрашивали, но Хаим их не слышал. Увидев вновь мчавшегося к ярусу главного экспедитора, Хаим переборол свой страх и робость, бросился за ним вдогонку.

— Вы извините, пожалуйста, хавэр Дувэд Кнох, — забежав немного вперед, произнес он. — Я не понял, что вы сказали...

— Я сказал: вон отсюда! — на ходу рявкнул Кнох. — Теперь слышали? Или швырнуть вас с ramпы?

Давида Кноха мучило раскаяние. В этом он чистосердечно признался Симону Соломонзону, когда тот приехал вечером в порт в связи с предстоящей разгрузкой австралийского судна и спросил, почему не видно холоуца Волдитера.

— Не могу себе простить! — Кнох растирал волосатую грудь, отвисшая губа его зло кривилась. — С такими негодяями нечего церемониться, их просто нужно хватать за ноги и швырять рыбам на кормежку... А с этим придурком у меня почему-то слова разошлись с делом! Спасло его, конечно, то, что утром, когда поступило сообщение о прибытии судна, он догнал меня. И правильно сделал: в порту дежурил тот уса́тый египтянин... Могли быть осложнения...

Когда вечером, вернувшись из Хайфы, Нуци Ионас услышал встревоженный рассказ Хаима, он успокаивающе похлопал его по плечу: Нуци был навеселе, и ему море было по колено.

— Не горюй, Хаймолэ! Обойдется, увидишь... Тем более, что плохого ты ничего не сделал. Тебя «паровоз» даже похвалил. В жизни не было случая, чтобы он кого-нибудь хвалил! Обойдется... В крайнем случае он

посчитается и с моим мнением, Хаймолэ! Так что не беспокойся... Уладим!

Хаим видел, что Ионас подвыпил и потому храбрился, не подозревая, конечно, что могло послужить причиной увольнения. Поделиться своими опасениями Хаим не решался. «А вдруг и на этот раз пронесет, — думал он. — Тогда в мишторе опасался, что неприятности из-за Бен-Циона Хагеры, а, оказалось, реббе ни при чем...»

На другой день Хаим все же не вышел на работу. Да и Нуци, протрезвев, посоветовал Хаиму переждать, пока он сам не разузнает всю подоплеку.

— Надо же пронюхать, какая его муха укусила! — говорил Нуци перед отъездом в порт. — Глядишь, и удастся как-то замять... Ты же сам знаешь, когда «паровоз» застопорится, нелегко его сдвинуть с места! Но не будем гадать. Я постараюсь, можешь на меня положиться...

Вернулся Ионас домой лишь на четвертые сутки. И все эти дни Хаим нервничал, с трудом скрывая от Ойи истинное положение вещей. Он дал ей понять, что в порту будто бы наступило затишье и ему разрешили отдохнуть несколько дней дома. Ойя была счастлива, сияющая от радости спешила она с фабрики.

«Надо бы освободить ее с работы. Ведь на седьмом месяце уже ходит, — в который раз подумал Хаим. — Так на тебе! Я оказался на мели...»

Было очень рано, когда приехал Ионас. Хаиму не спалось. Услышав шум машины, он выглянул во двор и увидел Нуци, но окликнуть не решился. Знал, что все эти дни Ионас и Кнох принимали, сортировали и отправляли по таинственным адресам оружие, скрытое в тюках прессованного сена или, быть может, теперь уже в иной «упаковке»...

Хаим снова прилег, сомкнул глаза и сразу, словно наяву, увидел разгрузочную рампу, шествие грузчиков с тюками сена, перетянутыми то медной, то простой проволокой... Пакгауз, огромные брезенты — на них груды промасленного оружия, штабеля продолговатых металлических ящиков с запасными частями, квадратные деревянные сундуки с боеприпасами и склоненные над столами, где шла сборка оружия, молчаливые парни и девушки, привезенные из какого-то киббуца. И снова в душу пробрался страх, холодной мерзкой гадюкой пополз по спине, сдавил горло, мешая дышать.

Захотелось тут же, немедленно бежать, бежать куда глаза глядят, только бы не видеть этих жестоких людей, не принимать участия в их темных делишках. Но куда бежать? Кто тебя ждет, Хаим? Тебя и твою бедную Ойю? Слабый огонек надежды теплился в сердце: а вдруг все-таки поможет Нуцик? Ведь помог же однажды...

Весь день Хаим не находил себе места, с нетерпением ожидая, когда же наконец покажется Нуци, терялся в догадках.

Лишь под вечер Нуци Ионас зашел к Хаиму, украдкой взглянул на хлопотавшую по хозяйству Ойю и как бы нехотя пригласил Хаима прогуляться. Они присели на огромные камни-валуны, лежавшие за временкой Хаима.

Лениво начал Нуци разговор, позевывая, спросил о самочувствии Ойи, пишет ли ему отец, здорова ли сестренка, завел речь и о делах давно минувших дней, но ни словом не коснулся причины своего длительного отсутствия.

Все это Хаим отмечал про себя, понимая, что Ионасу, очевидно, не удалось уговорить главного экспедитора вернуть его, Хаима, на работу в порт.

— Так, оказывается, твоя Ойя не из ваших? — вдруг вне связи со всем предыдущим сказал Нуци, не глядя на Хаима. — А ты скрывал...

«Значит, узнал меня реббе! Это он, Бен-Цион Хагера, повинен в моем увольнении...» — сразу понял Хаим и признался:

— Да, Нуци. Она гречанка... Но я ровным счетом не понимаю, какое это имеет значение? Она спасла мне жизнь! Ты понимаешь, что это значит? Есть же какие-то нормы порядочности!

Ионас обдал Хаима презрительным взглядом, но Хаим, не замечая этого, продолжал:

— К тому же я люблю ее! Ведь речь идет о моей жене! Жене, которая скоро станет матерью моего ребенка! Ты понимаешь это, Нуцик?

— Да, да, Хаим! Конечно, понимаю... — поспешил ответить Нуци. — И она тебя любит. Это всем известно. И труженица она у тебя отменная: на фабрике ею очень довольны, и дома хлопочет, как муравей. Мы всегда удивляемся ее неутомимости, честное слово! Все это так... Но согласись, что и ты, как холуц квуца, носящего

имя нашего Иосефа Трумпельдора, нарушил общепризнанные каноны поведения! Более того...

— Погоди, Нуцик! — недоуменно пожав плечами, прервал своего приятеля Хаим. — Чем же, интересно, я их нарушил? Обворовал кого-нибудь или убил?..

— Ну, ну! При чем тут обворовал и всякое такое? Хотя, между прочим, иногда высшие интересы обязывают нас делать и то и другое... И ты не притворяйся непонимающим, не морочь, пожалуйста, мне голову! Не такой уж ты новичок в этом деле, слава богу. А нарушение, о котором я говорю, состоит в том, во-первых, что ты и Ойя даже не обвенчаны!.. Понимаешь, что это означает?

— Ну и что?

— Возможно, для тебя это не имеет значения, — раздраженно продолжал Нуци, — однако ни один порядочный еврей не позволит себе такого... Да, да! И во-вторых, она же гречанка! Мы и они несовместимы, как небо и земля, как день и ночь! Это ты можешь понять?..

— Подожди, Нуцик! Ты все твердишь, что мы не обвенчаны, что Ойя не нашей национальности и что в этом мое преступление... Пусть так. Но ведь меня никто об этом раньше не спрашивал! Чего же в таком случае все вы всполошились?

— А не спрашивали тебя потому, что ты холуц и, как само собою разумеющееся, правоверный еврей! Так по крайней мере полагали мы: я, Симон, Кнох и другие. Мне, доверчивому чудаку, и в голову не приходило, что холуц может совершить такое!

— Но и я ровным счетом ни разу не задумывался над этим, потому что не видел, да и сейчас не вижу, никакого преступления в том, что жена у меня гречанка, ей-богу!

Упорство Хаима разозлило Ионаса.

— Не заговаривай мне зубы! Ты прекрасно знал и раньше, что смешанные браки нашими обычаями запрещены! И не только запрещены, но и преследуются здесь со всей строгостью! Так что не разыгрывай из себя незнайку! И вообще я удивляюсь твоему нахальству! Серьезно! Ведь только какие-нибудь красные демагоги могут говорить так и, что в миллион раз хуже, мыслить так!.. Это же просто страшно! А ты все-таки холуц, прошедший «акшару»! Холуц, которому оказали большое доверие, приняли в самую чистую, самую честную и лучшую

из лучших наших организаций! Людей в нее, ты знаешь, отбирают со всей строгостью. А ты что натворил?!

— Ну, ей-богу, Нуцик! Ты все, по-моему, усложняешь и накручиваешь. Ну что такое я натворил? Не понимаю.

Ионас вскочил.

— И ты еще спрашиваешь? Да если бы мы знали, что ты связался с гречанкой, разве оказали бы тебе такое доверие? Посвятили бы тебя в святая святых? Никогда! Понимаешь? Ведь ты же обманул всех наших хавэрим... Осквернил самым подлым образом все благородные идеалы «Иргун цваи леуми». Это же знаешь что такое? Это же... это же граничит с предательством! И за такие штучки по головке у нас не гладят! Это-то ты хоть понимаешь?

И Хаиму вспомнилось, как в памятную ночь в кабинете Соломонзона Штерн кричал Майклу: «Ты предатель, и твое место на виселице!» При мысли о том, что и его могут запросто окрестить предателем и пристрелить, как собаку, Хаим содрогнулся, хотя вины за собой не видел ни в делах своих, ни в помыслах. Тяжкие обвинения, которые обрушил на него Ионас, представились ему каким-то чудовищным недоразумением.

— Подожди, Нуцик! Успокойся. Давай разберемся во всем как следует, — стараясь говорить спокойно, примирительно начал Хаим. — Вот ты говоришь: смешанный брак запрещен нашими обычаями. Пусть так. Но ведь ты сам, твоя жена и теща тоже не сабра, ведь вы тоже не свято блюдете все эти затхлые, изжившие себя обычаи... Да и не только ты и твоя семья, а многие! И ничего. Ровным счетом никто их за это не ругает и не казнит. А Ойя, что она, прокаженная, если появилась на свет божий от родителей греков? Это же ровным счетом как мы с тобой виновны в том, что нашими родителями оказались евреи! Но за это нас в Румынии преследовали legionеры, и моя бедная мама умерла от учиненного фашистами погрома, а теперь ты, Нуцик, угрожаешь мне, намекаешь на что-то очень страшное только за то, что жена моя гречанка... Однако это как две капли воды похоже на то, что делали и делают фашисты! Ты извини, но это же так!..

Хаим поначалу говорил сдержанно, но потом волнение, закипавшее в его словах, выдало зреющие в нем чувства протеста и нарастающей злобы. Именно в таких

случаях мягкость его характера, податливость и даже безволие превращались в упорство, делавшее Хаима способным перенести тяжкие испытания, но не сдаться. Так было в Болграде, когда его избивали полицейские, требуя назвать товарищей, помогавших ему распространять прокламации «Долой фашизм!». Он не выдал тогда своих единомышленников Илюшку Томова и Вальтера Адами. Так было и на Кипре. Измученный болезнью, беспомощный, он не поддался злой воле раввина, не женился на его избалованной дочери, а отстоял свою любовь.

Правда, в Болграде он не чувствовал себя одиноким: с ним были отец, сестренка, друзья, в сочувствие и помощь которых он верил. И на Кипре — рядом была добрая тетя Бетя. Но здесь, в Палестине, он был один среди чужих и жестоких людей — религиозных фанатиков, стяжателей, карьеристов, мастеров контрабанды, шантажа и убийств из-за угла. От них зависела его судьба, его счастье быть с любимым человеком. Хаим знал: от таких, как реббе Бен-Цион Хагера, пощады не жди. При мысли об этом в его душу закрадывался страх, но Хаим уже не мог, да и не хотел подавить рвущиеся наружу протест и возмущение.

Между тем Ионас беспокоился только о собственной карьере, успех которой был поставлен под сомнение: как-никак он, Ионас, поручился в свое время за Хаима, и поэтому теперь продолжал устрашать его.

— Одно тебе скажу, Хаим: не шути! — говорил Ионас. — Здесь тебе не Румыния и тем более не Бессарабия. Тут собрались хавэрим что надо, лучшие из лучших со всего мира! Не до шуток им, когда на карту поставлено все во имя великой цели! И никто из них не позволит водить себя за нос, как тебе думается...

Хаим развел руками, хотел что-то возразить, но Ионас не дал ему.

Ионас горячился, размахивал руками, то и дело вытирал платком вспотевший лоб и шею, плевался.

— У тебя остался единственный выход из создавшегося положения, — наконец решился Нуци Ионас высказать мысль, ради чего и пришел к Хаиму. — Пускай она едет себе туда, откуда приехала... Так будет лучше. Поверь мне. И с тебя свалится эта обуза! Ведь ты же с ней собираешься жить здесь, на землях предков, завещавших нам беречь чистоту веры! А не где-нибудь в Европе. Неужели это трудно понять, честное слово?

Понури́в голову, Хаим молча слушал Ионаса; он не изменил позу, не проронил ни слова даже тогда, когда Нуци, заключив свою бурную тираду, назвал Хаима «поистине честным дураком».

— Имей в виду,— Ионас принял молчание Хаима за добрый знак и, чтобы окончательно сломить его колебание, проговорил, веско и злобно отчеканивая слова,— церемониться с тобой не будут! Не поможет ни Соломонзон со своими миллионами, ни тем более я... Между прочим, твой фокус и мне доставил кучу неприятностей. Я же за тебя поручился! Потому-то тебе и оказали доверие. Да еще какое доверие! Подумать только, ужас! А ты вместо благодарности подводишь меня самым подлым образом!

— Можешь удивляться и обзывать меня последними словами,— тихо заговорил Хаим,— можешь угрожать расправой, но я Ойю никогда не оставлю... Клянусь! Сказать, что я ее люблю,— не то слово. Я ровным счетом не мыслю себе жизни без нее...

Потеряв самообладание, Ионас схватил Хаима за ворот рубашки, рывком притянул к себе и яростно, брызгая слюной, прошипел:

— Ровным счетом, холуц Волдитер, ты слюнтяй и глупец или просто предатель! Тебе юбка паршивой гречанки дороже нашего великого дела! Но знай, такие фокусы здесь заканчиваются плачевно. Пожалеешь, но будет поздно. В последний раз говорю тебе: кончай с этой бабой — и все!

— Никогда!

Глазами, полными презрения и злобы, смотрел Ионас на жалкую, ссутулившуюся фигуру опечаленного, но твердого в своем решении Хаима.

— А хавэр Дувэд Кнох был прав, сказав, что ты все это специально подстроил, чтобы очернить нас! — процедил сквозь зубы Ионас. — Что ж! За это ответишь... И очень крепко! — Он резко повернулся спиной к Хаиму и зашагал прочь.

Нуци Ионас солгал. Давид Кнох действительно сказал нечто подобное, но не в адрес Хаима Волдитера, а на сей раз в адрес Нуци Ионаса, якобы умышленно скрывшего порочащие факты из жизни своего подопечного холуца. Кнох предъявил ему обвинение в злоупотреблении положением доверенного лица Симона Соломонзона. Именно Нуци вменялось в обязанность повсе-

дневно наблюдать за Хаимом, изучать его характер, настроения, следить за поведением, знать обо всех его связях, систематически, исподволь готовить его для исполнения самых серьезных, сугубо секретных поручений. Потому-то Хаима и поселили на одном дворе с Ионасом.

Хаим хотя и был удручен разговором с Ионасом, однако вздохнул с облегчением от сознания, что он, ни секунды не колеблясь, отказался расстаться с Ойей и что отныне он не связан с шайкой законспирированных убийц и контрабандистов, маскирующих свою черную работу болтовней «о высоких идеалах и кровных чаяниях народа-скитальца».

Ойя встретила Хаима настороженным взглядом, но, не обнаружив на его лице признаков тревоги, принялась за стряпню.

Хаим прилег, как обычно это делал по возвращении с работы, ожидая, когда Ойя приготовит ужин, закрыл глаза. И мрачные мысли, тесня и обгоняя друг друга, закружились в его голове. Иногда его охватывало отчаяние, но тут же он старался успокоить себя: «Переживем! Свет не сошелся клином на Ионасе и Соломоне. И кто знает, чем бы еще закончилась моя работа у них. Может, и меня «паровоз» отправил бы на съедение рыбам, как это делал с другими, неугодными ему людьми. Не бог весть каким сложным делом для всей этой компании было отправить к праотцам даже такого человека, как Майкл, а я что? Песчинка... Нет, я правильно сделал, порвав с этой братией. Как бы худо нам с Ойей ни было, с голоду не умрем. Буду работать кем угодно! Никакой труд меня не страшит. Работу я найду, непременно найду... Из-под земли выкопаю, но найду...»

13

Утром Хаим ушел из дому задолго до того, как Ойя пошла на фабрику. Ничего не сказав ей о своем увольнении из Экспортно-импортного бюро, он направился в Яффу. Этот город был ему больше по душе, чем шумный, равнодушный и чопорный Тель-Авив; там жизнь была, как на скачках: все, словно обгоняя друг друга, стремились к финишу за большим призом.

Яффа, расположенная всего в полутора милях от Тель-Авива, была древним городом, с узкими и кривыми улочками и зачастую убогими домами. Хаима этот город

привлек прежде всего тем, что его обитатели были, как казалось ему, людьми простыми и отзывчивыми. Это он понял, работая некоторое время на местной железнодорожной станции и общаясь с грузчиками, среди которых трудилось немало арабов и евреев, имевших случайное отношение к этой немудреной профессии. Всех их привела сюда нужда.

Хаиму частенько доводилось соприкасаться по делам Экспортно-импортного бюро со служащими товарной кассы, станционными чиновниками, особенно с весовщиками и маневрантами. Теперь он возлагал надежды на их советы и помощь. «Захудалая там станция,— рассуждал он,— но люди как будто неплохие. Найдут и для меня какую-нибудь работу. Много ли мне нужно? Ровным счетом чепуха... Заработать на кусок хлеба и чтобы никто не дергал, не угрожал, чтобы я сам не оглядывался, будто совершил преступление. И скажу спасибо, ей-богу! Я же ехал сюда не бог весть за каким большим счастьем... Вижу, уж какое тут может быть «счастье» для простых смертных... Наглотался его так, что сыт по самое горло!..»

На железнодорожной станции, куда, прибыв в Яффу, сразу же отправился Хаим, в этот день даже для грузчиков-профессионалов не было работы.

— Это все из-за войны,— ругались они,— гори она вместе с теми, кто ее придумал!

Люди сидели на земле в тени, мирно беседовали, терпеливо ожидая, не заявится ли кто-нибудь выкупать со склада груз. И если подвертывался такой случай, то дружеская беседа тотчас же обрывалась. Все бросались к заказчику и, окружив его плотным кольцом, старались перехватить друг у друга работу, сбивая цену за свой труд. Вспыхивали споры, а иногда и ожесточенная драка.

Хаим вскоре понял, что делать ему здесь нечего. В то время, когда он приходил на товарную станцию как служащий Экспортно-импортного бюро, грузчики в надежде на заработок заискивали перед ним, выслуживались и угождали, а теперь, узнав, что он так же, как и они, ищет работу, равнодушно отворачивались или недвусмысленно давали понять, что здесь ему не место.

Побывал Хаим и у весовщика, поговорил со служащими товарной кассы, его выслушали, но в ответ на

просьбу помочь устроиться на работу беспомощно разводили руками.

Обойдя на станции всех знакомых, удрученный и усталый, Хаим побрел в город. То, что накануне казалось ему легко доступным, теперь представлялось в совершенно ином свете. И снова, как всегда в трудных случаях, сердце сжала робость: он подолгу нерешительно топтался у порога какой-нибудь знакомой конторы, прежде чем открыть дверь. Обращался он и во французскую больницу святого Люиса, побывал в квартале немецких колонистов, попутно заглянул к знакомому маклеру, что жил напротив мечети Хассан-Бека, потом кто-то сказал ему, что на Таршешстрит якобы нужен посыльный, и он поплелся туда, но, увы! Его сочувственно выслушивали, делились с ним и своими невзгодами, а в заключение либо высказывали надежду на то, что в самое ближайшее время дела круто улучшатся и тогда можно будет подумать о подходящей для него службе, либо, не скупясь, подсказывали, куда следует обратиться, где будто бы он наверняка сможет устроиться.

— Послушайте меня, там вы обязательно найдете то, что нужно! — советовал Хаиму портье кинотеатра «Одеон». — Никого больше не спрашивайте, никуда больше не ходите, не тратьте напрасно время, а идите прямо туда!

А «там» все повторялось сызнова. Бесплодное скитание по раскаленной от солнца пыльной Яффе вконец измотало Хаима, к исходу дня у него гудела голова от советов, посулов и нестерпимой жары.

— Кругом одни «адвокаты»! — пожаловался Хаим знакомому грузчику. — С виду все серьезные люди, уверяют, доказывают и даже божатся, что там-то и там-то нужен человек, а приходишь — на тебя смотрят, будто ты не то с неба свалился, не то просто жулик...

Но Хаим все же успокаивал себя: что ж, сегодня не удалось — удастся завтра, во всяком случае, он теперь хоть знает что к чему.

С этими мыслями он отправился домой. Еще со двора Хаим заметил, что Ойя уже пришла с работы. Он был приятно удивлен ее преждевременным возвращением.

Осторожно приоткрыв дверь своей временки, Хаим просунул голову, лицо его расплылось в улыбке. Но он тотчас заметил, что Ойя встревожена, в глазах ее застыл испуг.

Жестами она дала ему понять, что мастер выгнал ее с фабрики... Причина? Она не знает. Но Хаим уже догадывался о том, что произошло.

Он попытался было успокоить Ойю: мол, что бог ни делает, все к лучшему, давно пора уйти с работы — вон какой у нее живот! И мастер, видимо, пожалел ее... Не иначе!

Однако это не помогло. Ойя нахмурила брови и отчаянными жестами принялась показывать, как толстый мастер кричал на нее, тыча под нос кулаки, потом взял за плечи, подвел к воротам и вытолкнул... И никто из женщин, даже соседка, мальчик которой повесился, не заступился. Все стояли в сторонке и молча смотрели.

Хаим продолжал убеждать, будто все это только очередное недоразумение, из-за которого ни в коем случае не следует волноваться, и для большей убедительности смачно сплюнул. Дескать, все сущая чепуха! А главное — это то, что он любит ее больше всего на свете, и поэтому ничто им вдвоем не страшно! Он нежно обнял дрожавшую от волнения Ойю и осторожно, словно прикасался к цветку, с которого могли осыпаться лепестки, поцеловал ее. В это мгновение в дверь кто-то грубо постучал и, не дожидаясь ответа, распахнул ее настежь. Хаим и Ойя оглянулись: на пороге стоял высокий сухопарый старик в длинном черном кафтане, с седой бородой и маслянистыми, пожелтевшими не то от никотина, не то от чего-то другого длинными пейсами, свисавшими из-под обеих сторон его широкополой затасканной черной шляпы.

Не спрашивая разрешения, будто у себя дома, старик направился к табуретке, мимоходом покосился на застывших от изумления Хаима и Ойю, достал из-под кафтана помятый клочок бумаги и, неторопливо постелив его поверх табурета, осторожно сел. Все еще не произнося ни слова, он неприязненно оглядел помещение, покосился на камни, заменявшие ножки под матрацем, почесал шею под бородой. Весь вид пришельца говорил о его глубоком неудовольствии.

— Откуда молодой человек изволил прибыть и давно ли находится на земле праотцев? — невыразительным голосом, будто продолжая прерванный разговор, начал старик, не упомянув при этом, кто он и зачем пришел.

Едва Хаим успел ответить на этот вопрос, как тут же посыпались другие: где молодой человек выучил иврит

и знает ли он идиш? Имена его отца и матери? Кто из них жив? Есть ли у него братья и сестры? Имеются ли родные в эрец-Исраэль? Был ли кто-нибудь в его роду нееврейского происхождения и насколько сами родители правоверные люди?..

Хаим старался отвечать спокойно, но наряду с тревожным чувством в нем росло возмущение против бесцеремонности, с какой вел себя этот незнакомец. Поэтому Хаим стал отвечать односложно и все более и более резко.

Старик уловил эту перемену и теперь уже тоном далеко не безразличным потребовал отвечать на его вопросы обстоятельно: ведь он пришел сюда не ради забавы, а прислан раввинатом, где является младшим дайяном¹, будучи к тому же потомственным хасидом.

Хаим понял: тревога его не была напрасной. Он знал, что персона младшего дайяна — личность весьма значительная в иерархии богослужителей. В компетенцию дайяна входило неустанно и строго блюсти чистоту веры праотцев, постоянно заботиться о строжайшем соблюдении иудеями предписаний торы и древних традиций. Еще в талмудтойре, где Хаим учился до поступления в гимназию, помнилось ему, как учитель иудаизма сказал однажды, что «глупый хасид, так же, как и хитрый нечестивец, губит мир... Увидев, как тонет купающаяся женщина, хасид воздержится от оказания ей помощи только из-за того, чтобы избавиться от греховного созерцания ее голого тела...»

— А что за ныкейва² тут стоит? — кивнув в сторону дрожавшей от страха Ойи, брезгливо спросил дайян. — Откуда она?

Наглость старика обескуражила Хаима. Он не успел собраться с мыслями, чтобы оборвать дайяна, а тот, обдав Ойю презрительным взглядом, вновь спросил:

— И неужели холуц живет с ней, как муж с женой?

— Да, конечно...

На Хаима обрушился поток брани: старик упрекал его в величайшем грехе состоять в браке с женщиной иной веры. И хотя дайян видел, насколько он противен Хаиму, раздражает его, все же, пренебрегая этим, продолжал дотошно выпрашивать подробности интимных

¹ Младший помощник старшего раввина.

² Женщина, баба (вульгарно).

сторон супружеской жизни. Не стесняясь, он настойчиво выводывал всю подноготную жизни не только самого Хаима, но и его родителей. Ему непременно надо было знать, ежедневно ли посещает отец Хаима синагогу или лишь по субботам, ходит ли на утреннюю молитву или только заглядывает по вечерам на Маарив¹. Так же дотошно выяснял он, была ли мать Хаима «адук»², ходила ли со стриженной наголо головой и носила ли парик, как предписано традиционным обрядом для подлинно набожных женщин, или оставалась при своих волосах, соблюдались ли в доме традиции и обряды; курил ли отец по субботам и готовила ли пищу мать в этот день; не замечал ли Хаим случаев, когда его отец общался с другими женщинами и, в частности, с женщинами иной национальности?

Получив и на все эти вопросы более или менее исчерпывающие ответы, служитель раввината поинтересовался: был ли Хаим подвергнут при рождении обрезанию, обряду, служащему символом «союза между Богом и Израилем»?

Как ни тревожно было на душе у Хаима, этот вопрос старика заставил его сдержанно улыбнуться.

— Лично я не помню, конечно, это событие в моей жизни,— с грустным юмором ответил Хаим,— но догадываюсь, что не был обойден... Я же вам сказал, что мои родители были нормальными евреями!

Младший помощник старшего раввина был недоволен ответом. Скептически прищурив глаз, он после короткой паузы со злобным ехидством спросил:

— И ваш отец никогда разве не говорил об этом? Удивительно! Родному сыну не рассказать о том, что этой ритуальной операцией на восьмой день жизни новорожденного ребенка мужского пола гордится вся нация на протяжении многих столетий? Как же так можно?! Да знаете ли вы, что даже короли английские переняли у нас этот обрядовый обычай! И что когда не кто-нибудь, а самолично римский папа в гневе предложил эфиопскому негусу отказаться от обрезания мужчин в своей стране, император ответил ему, что «ни одна абиссинская женщина не согласится выйти замуж за необрезанного...» А наш холуц ничего этого не знает и что

¹ Вечерняя молитва.

² Женщина, соблюдающая все традиционные правила иудейской религии.

ужасно — так пренебрежительно говорит обо всем этом!..

Хаим ничего не ответил бородачу, только пожал плечами. Зато старик заключил, что поскольку ответ холоуцела не был достаточно определенным, в ближайшие дни придется устроить ему соответствующий осмотр.

— Наши благочестивые люди уж как-нибудь сумеют установить, была ли эта самая операция у вас, значит, или нет!..

Перспектива подвергаться такому осмотру не прельщала его, к тому же она была совсем несвоевременной теперь, когда в поисках заработка он дорожил буквально каждым часом времени. Невольно вспомнилось ему, что нацисты и легионеры, поймав человека, в котором подозревали еврея, путем такого же осмотра определяли его принадлежность к иудейской нации.

— Ну, а с пищей у вас как? — не унимался старик. — С посудой, скажем? Покажите-ка ваши ножи!

Хаим достал с полочки перочинный ножик, протянул его бородачу.

— Так вы, значит, пользуетесь одним ножичком как для молочных, так и для мясных продуктов?! Ну и отступники! Ай-яй-яй... У вас, как я вижу, нет даже посуды отдельно для молочной и обособленно для мясной пищи?! И мясо, конечно, тоже покупаете у йорданцев? Потому что оно дешевле, а?

Бородач говорил и раскачивался на табурете так, будто у него нестерпимо болел живот. Он то и дело причитывал:

— Ай-яй-яй! Что творится, что делается на этом паршивом свете!.. Ай-яй-яй-й... Что творится!

Хаим заверил служителя раввината в том, что у арабов они ничего не покупают, а что касается утвари, то просто еще не успели обзавестись всем необходимым, так как приехали сравнительно недавно и без всякого имущества.

Дайян не хотел слушать. Он продолжал сокрушенно раскачиваться и бормотать себе под нос какие-то заклинания. Наклонив набок голову и хитро прищулив глаза, он таинственным тоном вдруг спросил:

— Ну, а у нее, у этой шиксэ, вы были хотя бы первым? Или тоже не знаете?

— Я ровным счетом не понимаю, — Хаим вновь недоуменно пожал плечами, — почему это вас интересует? И вообще как можно задавать такие вопросы?!

Оказалось, что в функции раввината входит контроль и за этой стороной супружеской жизни людей, обитающих на землях предков.

— А между прочим,— заключил свои разъяснения старик,— молодой холуцел знает, что именно может служить подтверждением девственности жены?

Покраснев от стыда, Хаим не мог вымолвить ни слова. Старик, однако, упорно продолжал допытываться, не стесняясь в выражениях, вновь и вновь пристально рассматривал трясущуюся Ойю.

Хаим понял, что совершил ошибку, не сказав сразу, как было. Тогда бы бесстыжий старикан, возможно, скорее отвязался. Теперь Хаиму приходилось расплачиваться за свою застенчивость, отвечая на каждый в отдельности вопрос представителя раввината.

Видя растерянность Хаима, старик все же счел за благо объяснить, почему столь подробно донимает его расспросами:

— Ваш отец — кохэн. Это вы, конечно, знаете? Слава богу... Значит, его сын тоже принадлежит к этому колену привилегированных людей нашего народа. И если сына по молодости потянуло на неправильный путь, так это еще не значит, что он не остался кохэном... Поныне, согласно библии, эта каста пользуется привилегиями: например, к чтению торы их призывают первыми... И не только это!

Старик растолковал своим нудным сиплым голосом, что наряду с преимуществом талмуд, среди прочего, накладывает на эту часть родовой аристократии еврейства и определенные ограничения. Он сообщил, что кохэнам запрещается касаться мертвецов и входить в дом, где имеется покойник, если таковой не из самых близких родственников; строжайше запрещается кохэнам жениться на разведенных женщинах, на бездетных вдовах, а также на женщинах, включая девочек, иной веры...

— Ну и кроме того,— продолжал бородач,— талмуд, к вашему сведению, строго-настрого запрещает вступать в брак с идиотами и слабоумными... Глухонемые относятся к этой же категории! Разве вы не знали? Нет? Не верю... Пустые разговоры... Хотя вашему отцу, может, было некогда растолковать все это вам, своему сыну. Или, может, сыночек не внимал отцовским наставлениям? Бывает и так, я знаю. Оттого и не приходится

удивляться, почему вдруг молодой холуц пренебрегает священными обрядами и порядками... Не напрасно же наши мудрейшие праотцы говорили: «Торопись, покупая земли, но медли, выбирая жену; продай с себя последнее, но женись на дочери ученого». И еще: «Выбирая жену, поднимись на одну ступень, а выбирая друга — опустишь на одну ступень». А вы как поступили? Вы кого себе выбрали? Чья она дочь? Вы подумали, прежде чем выбрать себе жену? Нет, конечно.

Этот тяжкий, изматывающий душу разговор длился более четырех часов.

Хаима мутило от волнения и отвращения, которое он испытывал, выслушивая представителя раввината. К тому же он не переставал беспокоиться за Ойю. Бедняжка, разумеется, заметила, как он то краснеет, то бледнеет, то молчит, понуря голову. Понять было нетрудно, что вновь на их бедные головы обрушилось несчастье.

Когда наконец-то представитель раввината поднялся с табурета, за окном было темно. Снова неторопливо осмотрев комнату, он в который уже раз впери свой взор в Ойю, брезгливо поморщился и, укоризненно покачивая головой, шагнул к выходу. У порога дайян остановился и, как слепой, стал ощупывать рукой косяк двери. И вдруг с яростью закричал:

— Ам-хаарец!¹ На дверях этого дома нет мезузы²! Ай-яй-яй, что делается, что творится, Шма-Исраэль! Он даже забыл, что этот свиток является обязательным для каждого жилого помещения, если в нем живет еврей, конечно! Но раз жена гойя³, так и сам он огойлся... Ай-яй-яй! Ай-яй-яй...

Перешагнув через порог, бородач обернулся и, обдав Хаима полным презрения взглядом, строго наказал:

— Завтра же утром явитесь в главную синагогу. Она находится на Аленби, угол Ахад-Хаам... И возьмите с собой молитвенник! Он у вас есть, или вы никогда не брали его в руки? И вообще что у вас там имеется?

¹ Неуч, отступник!

² Прямоугольный кусок пергамента — свиток со стихами из Второзакония, обычно помещается в деревянном или металлическом футляре, который крепится на косяке.

³ Нееврейка.

— Махзор' у меня есть.

— Махзор-витри?

— Да.

— Хорошо. Берите его. Ну, а заупокойную молитву «кадиш» по матери в «йорцайт»², наверное, ни разу не произносили? И обряд поминания усопших «газхарот-нешамот» тоже не знаете? Честно признайтесь, мешуммет?!

— Все это я знаю,— устало пролепетал Хаим.— Я же говорил вам, что учился в талмудтойре...

— И пятикнижие изучали или вы даже не знаете, что это такое?

— Изучали, изучали... И пятикнижие с комментариями «раши» проходили... Не беспокойтесь!

Старик недоверчиво покосился на холуца, постоял несколько секунд в раздумье и, ничего не сказав, неторопливо, словно намереваясь еще вернуться, поплелся со двора.

После ухода дайяна Хаим с остервенением захлопнул дверь, задвинул тяжелый засов. Ойя сразу зарыдала. Едва Хаиму удалось немного ее успокоить, как снова кто-то постучал в дверь. Хаим ужаснулся, подумав, что вернулся бородач, но стук повторился, тихий, осторожный, и Хаим понял, что ошибся: пришел кто-то другой.

Это была Моля. Сейчас присутствие этой доброй женщины было просто необходимо для Ойи. При Моле она всегда успокаивалась, забывала о своем недуге, веселела.

— Зачем пожаловало к вам это пугало? — спросила Моля.— Я уж решила, что он остается у вас ночевать... Столько сидеть!

В нескольких словах Хаим рассказал, чем интересовался слугитель раввината и в чем причина его прихода.

— Так я и думала! — воскликнула Моля, выслушав Хаима.— Все они из одной шайки...— И она рассказала, как днем к владельцу «Дельфинера» заявили два молодых парня и потребовали немедленно уволить глухонемую работницу, которая будто бы выдает себя за еврейку, а в действительности является гречанкой. В противном случае они угрожали фабриканту такими неприятностями, от которых его не спасет и страховка.

¹ Молитвенник.

² День поминания усопших.

— Это были йешиботники¹... Вы еще не знаете, какая это шайка! Они связаны с иргунцами² и штерновцами³ и, конечно, от них всего можно ожидать, вплоть до поджога и убийства!.. И наши женщины не без основания испугались... Кто не боится остаться без работы или, чего доброго, лишиться жизни! Поэтому никто не осмелился заступиться, когда мастер стал выталкивать Ойю из цеха... Да и бессмысленно! Мастер выслуживается перед хозяином, а хозяин сам хорош... Вы понимаете, как все получилось?..

Моля смолкла и, низко склонив голову, закрыла лицо ладонями, словно винилась перед Хаимом в том, что не помогла Ойе. Но Хаим, удрученный сознанием того, что он сам недавно принадлежал к этой шайке, которая ныне терзала любимого им человека, не понял состояния Моли. Он сумрачно смотрел в одну точку и молчал.

— Вы осуждаете меня...— не поднимая головы, проговорила Моля.— Но, поверьте, своим заступничеством я бы ничего не достигла...

Хаим словно очнулся от забытья, только сейчас до него дошел смысл того, о чем говорила Моля, и он с жаром воскликнул:

— Что вы, Моля! Я и не думал вас осуждать, и вообще как можно?! За что? О каком заступничестве может идти речь? Лбом стену не прошибешь, я знаю. Что, я не вижу, с кем имею дело?..— Хаим замаялся. Разве повернется язык признаться, что он сам состоял в «Иргун цваи леуми»? Даже Моле, доброй, душевной женщине, разве скажешь об этом?

— Не нужно отчаиваться,— прервала Моля томительное молчание Хаима.— У вас все же есть влиятельные знакомые, а здесь это, как ни горько сознавать, главное! Надо попросить их вмешаться и как-то уладить, в противном случае вам может быть плохо: ведь Ойя не еврейка... Тут такие порядки.

— Знаю,— грустно улыбнувшись, ответил Хаим.— Что касается моих знакомых, то они неделю назад вышвырнули меня с работы. И именно потому, что моя жена — гречанка.

Это известие расстроило Молю. Она отвернулась от

¹ Йешибот — высшая талмудическая школа с почти круглосуточными занятиями.

² Члены организации «Иргун цваи леуми».

³ Последователи Штерна.

Ойи, чтобы не выдать своего волнения, устало закрыла глаза. После долгого молчания тихо заговорила, обращаясь к Хаиму:

— Мы приехали сюда, наслушавшись обещаний и ожидая впереди ясную, светлую жизнь. Мы думали, что будем людьми среди людей, что наш мальчик будет огражден от унижений, надругательств... Бóльшего счастья и не нужно. «Мы в стране своих предков! Дома!» — так говорил муж... А теперь его не стало. Скончался в больнице. И мальчика моего нет...

Моля сжала голову руками, пошатываясь, стала ходить по комнате.

— Земля обетованная?! Реки молочные и горы медовые?! — громко воскликнула она, как бы обращаясь уже не к Хаиму, а к воображаемой толпе. — Все ложь! Чудовищная ложь! Вы слышите, люди-и?! Какой народ и когда, скажите, был счастлив на этой земле? Отсюда, еще со времен до Христа, берет свое начало горе всего еврейского рода!

Моля заплакала и, закрыв лицо ладонями, снова обессиленно опустилась на табуретку.

Хаим, не находя слов, чтобы утешить, смягчить ее горе, машинально твердил:

— Выпейте воды! Выпейте воды, Моля! Вам станет легче... Не надо себя так изводить... Выпейте воды!

Вдруг Моля энергично встала, выпрямилась, быстро вытерла слезы, поправила волосы и расправила блузку; движения были точны, размеренны, словно она привычно готовилась к выходу на сцену. Это была уже другая Моля — овладевшая собой, собранная, будто и не было ни слез, ни отчаяния. Она начала рассказывать о доброте хромого лавочника, отпускавшего ей продукты в долг, когда болел муж, о враче, отказавшемся взять деньги за визит к больному мужу, когда узнал, что Моля была в Будапеште артисткой. Прощаясь, она крепко обняла и долго целовала Ойю, а Хаиму сказала:

— Все же постарайтесь уладить дело с раввином. Я раньше вас здесь и лучше знаю это заведение.

На следующий день вместо того, чтобы отправиться на поиски работы, Хаим рано утром явился в раввинат. В синагогу, как велел младший помощник старшего раввина, он не пошел. «Не все же туда ходят! А мне и по-прежнему это ни к чему».

Не застав в раввинате старика, приходившего нака-

нуне, он вышел на улицу, где толпился народ, видимо, тоже пришедший сюда по вызову.

— Вся свора хнокелэй¹ закрылась в тлавной синагоге! — напрягая охрипший голос, озорно выкрикнул высокий и тощий мужчина. — Горячка! Служат «ми ше-бе-рах»² за сына какого-то американского богача... Усердно бьют себя кулаками в грудь, а лучше бы головой об стенку... Хоть пошло бы им впрок!

Люди, скромно дожидавшиеся возвращения служителей раввината из синагоги, с интересом слушали этого человека, острого на язык и весьма осведомленного.

— У американца денег — гора! Несколько лет назад он запросто отвалил куш на покупку здесь земельного участка для какой-то колонии, а теперь пожертвовал крупную сумму на приобретение позолоченной серебряной бляхи к торе!.. Такой еще осел! Разбрасывает денежки на побрякушки... Лучше б построил богадельню и подкормил старцев, которые все еще ждут манну небесную и сохнут с голода у «Стены плача»... И откуда их столько?

Окружавшие его люди опасливо поглядывали по сторонам, боясь, не подойдет ли незаметно кто-либо из служителей раввината.

— Этот сынок американского богатея, — продолжал рассказывать высокий мужчина, — гнал свой автомобиль, как сумасшедший, а теперь искалечен вдоль и поперек. Лежит он в Америке, а в Палестине за него молятся. Для чего, думаете? Хотят ему дать второе имя — Леб³. И делается это для того, чтобы злые духи, знавшие его под именем Гарри, сбились со следа и не могли утащить парня на тот свет!.. Нравится вам такая комедия? У меня, например, от этого сжимается мочевого пузырь, иметь мне так счастье!.. Но, правоверные, эта комедия обойдется американцу не в один десяток тысяч долларов! Иначе разве эти святоши пошли бы служить с таким остервенением молебен? Режь на кусочки — не согласились бы. Это те еще типчики! Но можете не волноваться: ни один грош из этих долларов не попадет в ваши руки, а все исчезнет в бездонных карманах наших благочестивых реббе, хасидов и их прихлебателей

¹ Прозвище дайянов.

² Служба, во время которой возносятся молитвы о даровании больному здоровья, при этом присваивается ему второе имя.

³ Жизнь.

хнокелэй... Могу вас заверить, что если, не дай бог, подобное несчастье постигнет еврея-бедняка, то вся эта свора благочестивых не станет устраивать столь пышных «ми ше-берах» и так усердно возносить всевышнему молитвы за его жизнь... Деньги! И только деньги!..

Человек этот, как узнал Хаим от стоявшего рядом с ним мужчины, был маклером по съемке квартир и помещений, по купле-продаже жилых домов и, в чем он откровенно признался, азартным игроком в кости. Последнее и было причиной его вызова в раввинат.

— Вонючие хнокелэ собираются меня посрамить при всем народе,— говорил он,— а я плевал на них с самой вершины Сионской горы! Я играю на собственные деньги, и если случается, что у меня в карманах дует ветер, так не я ли сам сосу палец?! Не к ним же за подачками бегать! Стакана воды пожалеют, если будешь подыхать от жажды! Знаю я этих великих хасидов... Думаете, их беспокоит мой порок и они хотят обеспечить мне на том свете место в раю?! Как бы не так! Им нужны только проценты с моего выигрыша!

Маклер вглядывался в лица подходивших людей и, видя в них сочувствие, продолжал с большим жаром:

— А попробуйте утаить от них хоть пиастр! Разве только во сне... Ни один владелец кофейни или притона не рискнет скрыть от них, кто в его заведении набил себе карман. А если кто и отважится умолчать, так его сожрут с потрохами вместе с его живым товаром! Придумают, к чему придаться. Это они умеют... Ого! Возьмут да скажут, что девки не кошерные! Так уже было не раз... Не поладишь с ними — и жизни своей рад не будешь...

Слушая маклера, Хаим ободрился. «А какое дело раввинату до моей жены? — думал он. — Плевал и я на них с вершины Сионской горы! Что они мне сделают?!»

Солнце было в зените, когда вдоль улицы цепочкой потянулись служители раввината в длинных черных кафтанах и куцах капотах.

— О, о! Хнокелэ как со свадьбы идут! — посмеивался маклер. — Не одну рюмку, плуты, видать, опрокинули во здравие американского благодетеля! Почему бы и нет?! Дай им хоть помой, все равно вылакают, лишь бы на дармовщину!

Люди сдержанно засмеялись и, видя приближающуюся процессию, стали потихоньку отходить в сторонку от

маклера. Да и сам говорун, как только подошли служки раввината, благоразумно замолчал.

Никого не удостоив взглядом, низко склонив голову и торопливо шаркая ногами, мимо Хаима и маклера прошел младший помощник старшего раввина.

— Баал-шем-тоб! — подмигнув Хаиму, произнес маклер и, кивнув в сторону уже прошедшего бородача, хлестко выругался.

Вслед за стариком, заложив руки за спину, степенным шагом, с гордой осанкой шествовал старший раввин. Все, кто стоял перед входом в раввинат, низко и чинно поклонились ему, получив в ответ едва заметный кивок.

Хаима Волдитера вызвали в числе первых. В маленькой, грязноватой, почти без обстановки комнате, в стороне от старшего раввина, величественно восседавшего в кресле с высоко торчавшей над его головой спинкой, примостился на скамейке уже знакомый Хаиму старик дайян.

Ни тот, ни другой не спросил, почему холуц Хаим не явился в синагогу. Более того, к удивлению Хаима, рабби не проявил ни малейшего интереса ни к Ойе, ни к ее вероисповеданию. Лениво, безразличным тоном, думая о чем-то другом и часто позевывая, он задал несколько вопросов формального характера. И уже совсем сонным голосом, обращаясь к дайяну, заключил:

— Красивая душа молодого человека опечалена дурным поступком... Пусть холуц ознакомится с «Гиттин»². И дайте ему почитать «Кейтубот»...³ Грешник нуждается в вдохновении больше, чем кто-либо! Господь его не оставит...

Тотчас старик дайян повел Хаима к другому служителю раввината, рангом пониже раввина, но старше его, младшего помощника. Жирненький и розовый, как рождественский поросенок, служитель раввината с места в карьер набросился на своего гостя с угрозами за совершенное перед торой и народом тягчайшее преступление, потом перешел к нравоучениям. Присутствовавший при этом дайян не пропускал случая репликами подлить масла в огонь. Хаим отупело слушал их и, стараясь перебороть подкрадывающуюся исподволь обычную для

¹ Добрый чудодей!

² Талмудический трактат о разводе.

³ Талмудический трактат о браке.

него робость, твердил про себя: «Плюю с вершины Сионской горы...»

Больше часа оба служителя попеременно читали и комментировали ему выдержки из мидраши¹, когда же сочли, что молодой холуц достаточно измотан, в категорической форме предложили либо разойтись с гречанкой, и тогда вопрос о нарушении обета предков не будет стоять настолько остро, либо пусть гречанка примет иудейскую веру.

— Но лучше, конечно, и, безусловно, легче избрать путь «бал-те-шув»², — как бы между прочим, заметил младший помощник раввина. — Это и здоровее, и приятнее, и правильнее... Как ни говорите, а ваша шиксэ все-таки человек неполноценный...

Пухленький служитель раввината тотчас же подхватил и широко развил этот довод. Он предупредил Хаима, что переход в иудейство связан с множеством крайне сложных обрядовых формальностей. В частности, подчеркнул он, если сожительствующая с Хаимом женщина решится перейти в иудейскую веру, то ему, холуцу, придется представить доказательство того, что свой переход в иудейство она совершает сознательно и по доброй воле. А поскольку он кохэн, то ему придется также записаться подтверждением того, что вступающая с ним в брак прежде не была замужем... Кроме того, он должен будет поручиться, что у гречанки хватит сил и терпения строго соблюсти законы и диктуемые традицией правила при совершении обряда перехода из одной веры в другую.

Служитель раввината ставил перед Хаимом вопрос за вопросом, стараясь запугать его, запутать и заставить сдаться. Сможет ли холуц поручиться, что гойя не воспротивится пойти в бейт-микву³ для совершения обряда омовения тела? Чем он может гарантировать, что она не окажется несговорчивой, когда будет необходимо изменить ее имя? Как мыслит он представить высокому раввинату доказательства того, что сожительствующая с ним гречанка глухонемая от рождения? Уверен ли он,

¹ Талмудическая литература, внушающая верующим покорность и смирение — сборник комментариев, аллегорических иносказательных толкований библии.

² Раскаявшегося грешника.

³ Дом с бассейном для ритуального «омовения и очищения от скверны».

что в самый ответственный момент эта женщина не передумает? Не станет возражать? Не откажется? Казалось, этим «не» не будет конца.

Долгий и нудный разговор служитель раввината завершил тем, что дал Хаиму два дня на размышление и всучил под расписку два объемистых религиозных сборника «Кав-хайошэр»¹, с которыми он должен был ознакомиться дома, а здесь его обязали прочесть вслух отрывок из талмуда, где речь шла об анафеме. Это должно было, по словам дайяна, предупредить Хаима от неразумных поступков, вовремя остановиться.

Хаим принялся читать:

— «Во имя Владыки Владык, да будет подвергнут херэму²...»

Служитель раввината повелительным тоном прервал чтение и, зло косясь на Хаима, вставил слова:

— Покамест условно: Волдитер Хаим... Повторите! Хаим послушно повторил:

— Покамест условно: Волдитер Хаим, сын...

Служитель раввината снова прервал его:

— Покамест условно: сын Израиля... Повторите!

— Покамест условно: сын Израиля... — смущенно повторил Хаим, затем снова принялся читать: — «...обоими судилищами, небесным и земным, всеми святыми архангелами, серафимами и офанимами и все общиной от мала до велика. Пусть поразят его язвы великие, неисцелимые, болезни многочисленные и необычные; да станет дом его жилищем ехидны и да померкнет звезда его в небесах. Пусть станет он предметом злобы и гнева и да будет отдан труп его на съедение зверям диким и хищным; да станет он притчей врагов и супостатов, серебро и золото его да будут отданы другим, а дети — вынуждены просить милостыню у дверей его врагов. Пусть судьба его будет предметом ужаса для грядущих поколений. Да будет он проклят ангелами... и архангелами... пусть земля поглотит его, как Кораха с сонмищем его, торопливо и поспешно пусть оставит душа тело его, а гром небесный да поразит его смертью; пусть он удавится, как Ахитофель — дурной советник, да покроет его проказа Гехази, да не воспрянет он от своего падения и не сподобится он погребения по обычаю израильскому;

¹ Религиозные наставления для женщин.

² Анафеме.

пусть вдова его станет после его смерти достоянием других.

Сей анафеме подвергается...»

Служитель раввината прервал чтение словами:

— Покамест это условно, как мера предупреждения, Хаим бен-Исраэль Волдитер... И да будет это твоим уделом, если вовремя не свернешь с неправильного пути, по которому начал делать первые шаги, а мне и на всем Израиле да почиют божий мир и благодать... Господь да сохранит народ свой от всякого зла!..

Настойчивость, с которой служители раввината добились его развода с Ойей, расстроила Хаима. И хотя ему было плохо, кружилась голова, подкашивались ослабевшие ноги, решение его оставалось непреклонным: он не расстанется со своей любимой.

Покинув раввинат, Хаим стал успокаиваться, и постепенно мысли вновь вернулись к тому, что заботило его главным образом: где найти работу. Надо было зарабатывать на хлеб...

Но дома Хаима поджидала страшная весть. Еще утром Моля перерезала себе вены... Ее нашли без сознания. По пути в больницу в карете «Скорой помощи» она скончалась от потери крови...

14

Самоубийство Моли особенно потрясло Ойю: она плохо спала, раньше без устали хлопотавшая по хозяйству, теперь часами просиживала, тупо уставясь в одну точку, или бесцельно слонялась по своей раскаленной от солнца комнатушке, часто плакала.

Хаим всячески успокаивал ее, делал вид, что сердится на то, что она пренебрегает своим здоровьем и здоровьем младенца, которого они ждут. Ойя понимала, что Хаиму тяжело уйти из дому по своим делам, оставив ее в состоянии безутешного горя, но не могла совладать с собой. Провожая его, она пыталась приободриться, улыбнуться, а в глазах ее блестели слезинки, и губы мелко вздрагивали. Прощаясь, Хаим тоже улыбался, но на душе у него было тяжело.

Миновав ворота, Хаим в раздумье остановился. Куда идти? Последовать ли настойчивому совету покойной Моли и отправиться в раввинат или «наплевать на него с высоты Сионской горы», как говорил маклер, поносив-

ший хасидов, хнокелэй и прочих служителей раввината. «А что, собственно, они мне сделают, если я являюсь к ним через несколько дней? Не боюсь я их... Никого ровным счетом я не обворовывал и никого не убивал... В самом деле!»

И Хаим отправился на поиски работы. Снова побрел на яффскую станцию. В тот день там можно было бы неплохо подзаработать, но грузчики еще с раннего утра распределили всю работу между собой. Радостно возбужденные, они принялись распекать его:

— Скоро обед, а он только заявляется...

— Ну как же! Привык у Соломонзона!

— Приказчики всегда приходят, когда им заблагорассудится! Не знаешь разве?

— Да нет же, нет! Он просто провалился со своей чернявой! Она ведь киприотка... Знаешь, какие это женщины, у-у-ух!

Хаим сконфуженно улыбался, краснел и бледнел. Ответить было нечего. Про себя же с горечью подумал, что задержался он, утешая Ойю. Но так и не успокоил ее. Да и сюда пришел к шапочному разбору.

За разгрузочной площадкой в тени сидели грузчики, как и Хаим, опоздавшие и поэтому оставшиеся без работы. Одни играли в кости, другие о чем-то оживленно разговаривали. Хаим подошел к ним, подсел к знакомому грузчику и попросил его объяснить, о чем говорит толстый араб с испытанным лицом курильщика гашиша. Не один год работал он на станции, но минувшей осенью, когда начались военные действия между Англией и Германией и работы поубавилось, подался на поиски лучшей жизни. Сунулся было на хайфский нефтеочистительный завод.

— Завод там, как город, клянусь пророком! — говорил он. — Рабочими кишит больше, чем развалины храма ящерицами... Нефть течет днем и ночью по трубам прямо из Ирака!.. Если так, думал я, найдется и мне работа... Почему бы нет? Ждал долго. Долго, да напрасно. Нищий феллах подсказал, что идти надо в Содом. Я пошел. Концессия там... Иорданцев в Содоме — как песчинки в пустыне, — продолжал араб, отчаянно жестикулируя. Руки его были жилистыми, худыми и потому казались очень длинными. — Меня сразу приняли. Только работа там для верблюда, клянусь пророком!

— Вах-ва, Файк! — удивленно воскликнул араб в бе-

лой чалме.— Ты, брат мой, разве не слышал, что в Содоме добывают калийные соли?

— Правда твоя,— согласился рассказчик.— Слышал, только не верил. Думал, злые языки сбивают людей с толка. Испытал на собственных костях и поверил. Англичанин там говорит: «Выпаришь, Фаик, тонну калия — получишь фунты!» А когда Фаик фунты получает, глаза у него уже больше, чем уши у мула, руки и ноги тонкие и гнутся, как оливковые ветки, а колени и локти разбухают, как горб у верблюда, и дышит несчастный Фаик, будто загнанный осел... Пророк — свидетель! Это «Палестайн поташ-компани»! Концессия...

— Лучше б ты подался в Натанью,— сказал кто-то.— Там, говорят, можно неплохо заработать... И даже профессию получить!

— Когда у осла рога вырастут, тогда, брат мой, приобретешь в Натанье профессию,— с усмешкой ответил араб в белой чалме.— Там алмазные мастерские, и хозяева охотнее принимают европейцев, а палестинцев — будь ты израильтянин или араб,— если и принимают, то только на работенку, что не легче выпаривания солей в Содоме...

Сосед Хаима шепнул ему, что араб в белой чалме был когда-то учителем.

— Человек он грамотный! — добавил тихо грузчик.— Люди говорят, будто его выгнали из школы за то, что очень умный!.. Здесь он появляется ненадолго, поработает малость и опять исчезает... Все знает!

Хаим не придавал значения этим словам соседа. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы побольше разузнать, где и какую можно найти работу.

— Вкалывал я и в Иерусалиме,— продолжал араб с болезненным лицом наркомана.— На спичечной фабрике «Нура». Там душа у меня была спокойна, клянусь пророком!

— Отчего бы это? — прервал араб в белой чалме, которого здесь звали учителем.— Разве оттого, что содрали с тебя не три шкуры, а только две? Или там рабочих людей не обсчитывают? А может быть, тебе платили, а ты не работал? Вах-ва-а!..

Раздался дружный смех.

— Нет, учитель, нет! Пророк — свидетель! — заговорил курильщик гашиша.— Ты не работал там, не говори так. Человек ты грамотный, человек ты умный, человек

ты добрый, все это знают. Но говорить так не надо! На фабрике «Нура» люди тоже умные. Очень умные... В день «Небимуса»¹ было это. Хозяин фабрики — сатана. Палестинского рабочего хотел выгнать. Израильские рабочие не дали. И палестинские тоже. Все помогали ему, как братья! Тогда сатана позвал англичан. Приехали они на больших машинах. Не помогло. Англичане начали стрелять! Опять не помогло. Англичане сказали: арабы бунтари! Религиозную резню хотят делать... Неправда это! Так сказали и феллахи в Эйнкарем... Они крепко поддержали рабочих! Тогда англичане и там стреляли. Тогда израильские железнодорожники в Хайфе пришли на помощь рабочим и феллахам... Англичане и тут стреляли. Покойников было везде много — и в Иерусалиме, и в Эйнкарем, и в Хайфе! Мои глаза видели... Небо пусть покарает того, кто лжет...

— Прости меня, брат Фаик! Прости! — поклоном ответил человек, которого здесь звали «учителем». — Не сразу я вразумел, о чем ты собираешься поведать нам. Слышал и я про страшные дела в день «Небимуса», слышал, конечно... Верно это, люди! Правду чистую говорит брат Фаик: англичане горой стоят за палестинских феодалов и израильских богачей, а золото получают они от тех и от других... Много золота! Очень много, братья мои! Слепцы только не могут этого видеть... А рабочим людям давно пора знать, что в пустом желудке палестинца сосет не меньше, чем в голодном желудке израильянина! И тоже пора знать, что тем и другим лучше держаться друг за друга, вместе не давать сатане забрать наш хлеб!.. У кого на плечах голова, а не тыква, тот уже понимает это! Понимает, да-а!

Хаим начинал догадываться, почему перед бывшим учителем закрыли свои двери школы... Пригляделся к нему, посмотрел и на остальных: внимательно слушали его грузчики, одобрительно кивали.

Разговор о житейских трудностях перешел на библейские темы. Фаик и сосед Хаима заспорили о том, кого имел в виду бог — иудеев или арабов, когда сказал Аврааму: «Дам землю твоему семени от реки Египет до большой реки Евфрат»?

Хаим понял, что подобные темы являются в этих краях постоянными и трудно определить, кто прав. Того же

¹ Праздник арабский.

мнения, видимо, придерживался и араб в белой чалме. Деликатно, с оглядкой, чтобы не обидеть ту или иную сторону, он сдерживал страсти спорщиков. То шуткой, то разумным словом учитель клонил их к примирению. Он напомнил им, что по библейским сказаниям и писаниям Магомета у Авраама было два сына: Исмаил, родившийся от Гагары и ставший родоначальником северных племен арабов, и Исаак, родившийся от Сарры и положивший начало народу израильскому.

— Это по-вашему, по-арабски, она — Гагары! — горячился сосед Хаима, грузчик Давидка. — А по библии и талмуду ее звали Агары! Она египтянка и считается побочной женой Авраама... И это потому только, что у него не было потомства от Сарры. Сарра была его женой. Это она сама велела Аврааму сойтись с египтянкой... Агарь была прислугой...

Фаик истошно закричал:

— Нет! Не твоя тут правда, не твоя правда, Давидка! Гагарь первая жена отца Ибрагима. Первая! Пусть она Агарь, пусть она побочная, пусть она была прислугой раньше, — она первая! Первая жена его!.. Исаак второй сын! Второй! Сарре было девяносто лет, когда на свет появился Исаак... Девяносто лет! Исмаилу уже было тридцать шесть лет...

В разговор снова вмешался учитель:

— К чему спорить? К чему это, добрые люди? Мы не дикари... А разумные люди считают, что бог, когда сказал «дам землю твоему семени», то имел в виду всех потомков Авраама... А праотец Авраам, или, как зовем его мы, мусульмане, отец Ибрагим, — одно и то же лицо! Любил он, видать, шалить... Вот и спор оттого теперь возникает. Поспал себе с одной женой — Саррой, поспал с другой — Гагарь, потом вернулся к Сарре и, может быть, от этого стал праотцом стольких народов? А они, олухи, вот уж сколько тысячелетий никак не разберутся, кто от какой жены происходит? Путаница эта давняя, братья мои, к чему нам сейчас спорить? Разве нет у нас других бед?

Грузчики сдержанно улыбались, еще не решаясь друг перед другом откровенно поддержать учителя. Лишь один из них притворно наивным тоном спросил:

— Оттого, говоришь, учитель умный, стал он праотцом многих народов, что был многоженец и напутал, какой сын от какой жены?

— Вах-ва! — с невинным видом ответил учитель. — А ты, человек добрый, не знаешь разве, что сказал мудрец? Вах-ва!.. Он ведь сказал, что от многих жен не станешь умен, но зато наверняка наплодишь вереницу племен!..

Уже более оживленно последовали острые реплики в адрес великих и малых святых, затем все разразилось дружным смехом. Сумрачным оставался лишь курильщик гашиша Фаик. Недовольными взглядами косился он то на одного, то на другого, а когда слушал, о чем говорит араб в белой чалме, осуждающе качал головой и тихо что-то шептал.

Учитель притворился, будто не замечает этого, и снова заговорил:

— Еще тысячу лет назад добрый брат наш — арабский поэт Абу'ль — Алла-эль Маарри написал мудрые, достойные упоминания слова: «Христиане, мусульмане, маги и иудеи одинаково заблуждаются. На свете теперь два рода людей: у одних есть разум и нет веры, у других есть вера, но нет разума!»

При этих словах курильщик гашиша решительно повернулся спиной к кругу собеседников, встал на колени и, раскачиваясь вперед-назад, забубнил молитву. Учитель замолчал. Приумолкли и остальные.

Осторожно, стараясь не нарушить тишину, установившуюся из уважения к молящемуся арабу, Хаим посидел немного, затем поднялся и направился к водопроводной колонке. Со стороны станции до него донесся какой-то невнятный шум. Стремглав побежал он туда и не ошибся. У товарной кассы несколько человек выкупали грузы. Одному из них, прибывшему за минеральными удобрениями, Хаим тотчас же вызвался помочь.

Когда удобрения были погружены в высокую двуколку с впряженной в нее парой тощих мулов, хозяин расплатился с Хаимом и, видимо, заметив его старательность и скромность, предложил поработать в своем хозяйстве.

— Понравится — останетесь, а не понравится — так разойдемся, никто не будет в убытке, — доброжелательно сказал он.

Не колеблясь, Хаим согласился. Заработанные деньги он тотчас же отнес Ойе.

Хозяин Шимон Зиссман, к которому Хаим Волдитер нанялся на работу, был родом из Болгарии. Более двадцати лет тому назад он в числе первых переселенцев обосновался в этих краях. На арендованной земле трудились все члены семьи — сам Шимон, его жена Циппора и четырнадцатилетняя дочка. Была у Зиссманов и работница — еще молодая, одинокая женщина, приехавшая из Египта, черная, как смола, и пышная, как кулич. Звали ее по привычке «фрэнка», хотя она имела, разумеется, имя и фамилию. Работоспособностью эта женщина напоминала Хаиму главного экспедитора Давида Кноха, но в отличие от него была предельно честна, невероятно говорлива, незлопамятна и суеверна.

— Что ты уставилась на вымя коровы?! — кричала она поденщице-арабке. — Сунь сейчас же кукиш себе в глаза, скорее, ну! Можно же сглазить так, не дай бог!

Не раз собиралась она выйти замуж, но браки расстраивались: то жених оказывался несговорчивым, то она не принимала условий жениха. Когда же наконец состоялась помолвка и даже били тарелки на счастье, то жених, получив в качестве «аванса» часть денег из приданого невесты для открытия бакалейной лавчонки, исчез. «Фрэнка» долго ждала его, много слез пролила, а на настойчивые советы объявить розыск, обратиться к адвокату отвечала: «Раз нет счастья, так к чему же еще расходоваться на адвоката? Если его и найдут, так он мне нужен будет, как корове «здрасте», а деньги все равно я не получу обратно! Он ведь тоже возьмет адвоката... Пустые хлопоты».

С тех пор она стала копить деньги на старость, работала не покладая рук, словно хозяйство Зиссманов было ее собственным. Трудно сказать, когда здесь начинался и когда кончался рабочий день. Шимон, например, просыпался за полночь, хватал фонарь и бежал в коровник взглянуть, не остались ли коровы без корма, не случилось ли с ними беды. Да так и оставался во дворе: не ложиться же снова. Тем более что дела всегда находились. Вскоре к нему выходила обеспокоенная Циппора и принималась помогать мужу.

Разбуженный ни свет ни заря грохотом бачков и ведер, скрипом водокачки и окриками, вскакивал и Хаим, поспешно одевался и бежал на скотный двор, с беспокойством думая, что непростительно спать работнику, когда встал хозяин.

— Куда вы торопитесь? — встречал его возгласом Шимон. — Спали бы себе на здоровье! Еще рано... А дел за день у вас хватит, не беспокойтесь!

Между тем на огромной плите уже клокотал кипяток в большом чане и «фрэнка» кого-то поторапливала:

— Ялла ха! Ялла, махала ал рош-шел-ха¹.

Хаим убедился, что главой семьи да и хозяйства был не столько Шимон, сколько его жена Циппора. Бойкая и рассудительная, она не без основания называла себя «женщиной в брюках», а мужа — «мужчиной в юбке».

Шимон и в самом деле был человеком слабохарактерным. Он добросовестно трудился и помышлял только о том, чтобы в срок выплачивать «Англо-палестайн-банку» проценты за ссуду, регулярно вносить арендную плату и поставлять товар непременно в лучшем виде, иначе...

— Иначе, — говорил он Хаиму, — моя репутация будет подмочена и тогда банкротство неминуемо! А хомут на нас, как ни крутись, все равно висит и будет висеть...

Миллионером стать он не мечтал, знал, что это не удастся, сколько бы ни работал и как бы ни изворачивался, но состоятельным, как он полагал, ему следовало бы быть уже давно.

В отличие от него Циппору не страшили частенько возникавшие хозяйственные затруднения, из которых она неизменно находила выход исключительно благодаря своей предприимчивости и упорству.

— Есть нужные люди, и с ними всегда надо быть в хороших отношениях, — говорила она Хаиму, — хотя многие из них заслуживают не только презрения, но прямо-таки проклятия!

К категории «нужных» людей Циппора относила в первую очередь приемщиков урожая, которые только и делают, что придираются, будто товар еще незрел, либо уже перезрел...

— И ничем им не докажете их неправоту! — возмущалась Циппора. — Вдобавок эти типички еще норовят обвесить, обсчитать, запутать. С вас они сдерут три шкуры, но попробуйте хоть чуточку задеть интерес фирмы, так вы уже не будете рады этому... Они же имеют от фирмы проценты! А вы думали?

¹ Скорей! Скорей, болезнь на твою голову!

Хаиму надоело слушать об этом. Впрочем, Циппора не случайно была озлоблена на приемщиков плодов. Оказывается, Зиссманы прежде продавали свой скудный урожай цитрусовых фирме «Оффир». Но в минувшем году им внезапно забраковали весь товар. Циппора говорила, что из-за плохой упаковки. Видимо, были и другие причины, о которых она умалчивала. Поэтому Зиссманам пришлось переработать одну часть урожая на пасту и эссенцию, другую перегнать на спирт.

— В общем, как говорится, овчинка выделки не стоила...— призналась Циппора.— И только немного нам удалось сбавить фирме «Хэркуле». Тоже американская фирма. Но мой Шимон не хочет иметь с ними дело. Они, конечно, платят намного меньше. Пусть так. Зато и меньше придираются! А что? Чтобы я варила из такого урожая чон¹? Или, скажем, пустить все на корм коровам? Нет. Скорее приемщики не доживут до этого!..

— Жена у меня — бесценный клад! — признался Хаиму Шимон.— У нее голова министра, дай ей бог здоровья и долгих лет жизни!

— Как-то надо выкручиваться! — скромно отвечала Циппора. Она никогда не упрекала мужа за его пассивность, за неумение выходить из затруднительных положений. В нем она ценила качества, которыми сама не обладала в той мере, в какой они нужны были для процветания хозяйства. Шимон всей душой пристрастился к сельскому хозяйству, со знанием дела занимался и садоводством, и огородничеством, и животноводством, был на удивление трудолюбив и вынослив.

Под стать хозяевам была и «фрэнка». Она ни минуты не сидела сложа руки: мыла бидоны из-под молока и сметаны, старательно терла металлические крышки, детали сепаратора, все делала размеренно, без усталости, как машина. Того же она требовала от арабки-поденщицы, покрикивала и на Хаима.

— Силос нужно принести коровам! И воду накачать... Скоро надой поспеет!

Хаим был безотказен, споро выполнял все, что требовали от него новые хозяева: носил корм коровам, которые казались ему ненасытными; особенно старательно и ласково поил, кормил и чистил мулов, которых ему было жаль, потому что никто не обращал на них внима-

¹ Повидло.

ния; десятки раз за день качал воду, до одури крутил сепараторы, рыхлил землю мотыгой, окучивая лимонные и апельсиновые деревца на маленькой плантации. И так ежедневно до наступления темноты. Но бывало, что и на ночь глядя прибывал транспорт, и тогда всем приходилось работать чуть ли не до полуночи.

— Не отправлять же порожняком, раз пришла машина! — говорила Циппора. — Нагрузим как-нибудь, а завтра поспим немного попозже.

Но завтра повторялось все сначала. Прошли две недели, и Хаим понял: дальше работать у Зиссманов он не сможет, — просто не было сил. «Надорвусь, как пить дать, — горестно думал он. — И что будет тогда? А Ойя? У нее ведь такой характер, что здесь она ровным счетом не заметит, как надломится... И еще неизвестно, как будут относиться к ней хозяева, когда узнают, что она немая и к тому же гречанка!..»

В очередную пятницу, перед вечером, Хаим собрался ехать домой. Разговор с хозяевами он начал с благодарности за хорошее к нему отношение и заключил просьбой отпустить его.

— Не обижайтесь, — признался Хаим, — но я не выдержу у вас... Извините, пожалуйста....

Шимон и Циппора Зиссманы искренне сожалели о решении Хаима не только потому, что были заинтересованы в нем как в добросовестном работнике, но и потому, что знали, как трудно будет ему найти работу и прокормить жену и будущего ребенка. Прощаясь, Циппора уговаривала Хаима взять для жены немного масла, банку сливок и большую жестяную коробку с застывшим, как мармелад, прошлогодним чоном... А крикливая и, как казалось Хаиму, скупая толстуха «фрэнка», смущенно озираясь, приблизилась к нему почти вплотную и, не глядя в глаза, таинственно прошептала:

— Я слыхала, твоя жена беременна... Так пусть это от меня будет ребенку, когда он, даст бог, родится...

При этом она быстрым движением руки засунула в его нагрудный карман хрустящую десятифунтовую ассигнацию. Хаим растерялся, попытался вернуть ей деньги, но тщетно. Она попросту убежала от него. Однако Хаим убедил хозяйку взять у него эти деньги и вернуть их «фрэнке» с большой-большой благодарностью.

Двое суток Хаим не выходил из дому. Проснется — обведет глазами свое жилье, улыбнется Ойе и снова за-

сыпает. Ойе с трудом удавалось растормозить его, заставить встать и поесть. И он, кряхтя от боли в суставах и ломоты в пояснице, присаживался к столу, пугая Ойю своим осунувшимся лицом с тяжелыми, синими тенями под глазами.

И все же рано утром в понедельник снова Хаим отправился на поиски работы. И, конечно, снова в Яффу, на товарную станцию. На этот раз он был в числе первых, и ему удалось немного заработать. К полудню Хаим уже был свободен и вместе с напарником, с которым работал утром, поднялся в верхнюю часть города к автобусной станции. Толпившиеся здесь грузчики, издали заметившие торопливо идущих Хаима и его приятеля, не преминули встретить их беззлобными насмешками:

- Скорей, ашкинази, скорей! Работы тут навалом!
- Крыши автобусов ломаются от чемоданов!
- И некому отнести их в отель!
- Хозяин добрый, сундук большой, бакшиш¹ хороший, беги скорей!..

Со стороны могло показаться, что эти люди ничем не озабочены, беспечны, как дети, и потому склонны без меры шутить и смеяться. В действительности все было далеко не так. Забота о хлебе насущном для своих близких острыми когтями сжимала сердце. И потому шутка, острое слово, зачастую добродушная грубость, сопровождавшиеся дружным хохотом, были для них, пожалуй, единственной возможностью хотя бы на короткое время отвлечься от гнетущих мыслей. Хаим понимал это и потому не обижался, а лишь смущенно улыбался.

Но вот шутки и смех смолкли: на большой скорости подкатила и резко затормозила основательно потрепанная легковая машина, подняв вокруг себя плотное облако пыли.

Люди ринулись к автомобилю. Но прошло всего несколько секунд, и машина снова резко рванула с места, увозя с собой лишь одного грузчика.

Появление машины вызвало оживленный и продолжительный спор между изнывавшими без дела грузчиками.

— Умеют же люди выкручиваться! — не без зависти произнес один. — Шофер этот раньше среди нас околачивался, носильщиком был, а теперь, видишь ли, соб-

¹ Чаевые (турецк.).

ственным автомобилем обзавелся... Откуда, как? Вот жох!

— Ну да, крутиться бы ему всю жизнь, как нам, если бы не пристроила его к себе та рыжая паскуда, что сидела с ним сейчас,— заметил другой грузчик.— Одно время йешиботником хотел стать, в равнины все метил... А когда не вышло, приперся к нам, чемоданы таскал. Потаскуха его заметила. Недалеко от порта она тогда промышляла. Теперь вместе «работают», деньги пополам делят... Он находит ей клиентов и возит их от Яффы или Тель-Авива до Хайфы. В обратный путь «накалывает» ей другого... Машина у них, видел? С занавесками, будто от солнца, а на самом деле чтобы «пассажиры» могли уединиться... И еще людьми себя считают! Как же, автомобиль у них собственный есть!..

— По мне лучше мешки с навозом таскать, голодать, чем пойти на такое дело! — со злобой сплюнув, сказал грузчик-араб. Узкий обруч вокруг его головы придерживал ветхую накидку.— Слышит небо, правду говорю. Чисте руки будут, душа спокойнее будет, совесть, как слеза, останется, аллах свидетель! Ишай свернет себе шею, помяните мое слово...

— Нет, Абу Аббуд, не свернет Ишай себе шею! — возразил пожилой грузчик.— У Ишая голова не как у нас с тобой. Она у него большая, много хитростей вмещает. Оттого коня железного заимел, оттого и живет как господин!

Уже знакомый Хаиму грузчик в белой чалме, что был когда-то учителем, и тоже оказавшийся здесь, прервал старика:

— Ты, брат мой труженик, за свой долгий век зубы, вижу, сточил, а не разумеешь, как ненадежен конь у Ишая. Не ему чета, а вылетали на полном скаку из седла. Жадность до добра не доводит.

— Хэ-э, учитель! — упрямо покачав головой, ответил старик.— Конь железный не может скинуть своего господина с седла! Ишай теперь шагает по деньгам, как верблюд по пескам пустыни. А когда есть серебро и золото — все нипочем! Будешь мошенником — сама полиция скажет, что ты честнейший человек на свете; будешь, как Ишай, плутом — тебе почет вместо проклятья... Человек ты умный, учителем был, много грамоты знаешь, многое в жизни испытал, но не понимаешь, что мир, точно груженный на один бок пароход, идет не туда, ку-

да надо!.. Счастье бежит от честных людей, как дым от ветра... Вот только, может, аллаху теперь угодно так?

— Кому это угодно, я не знаю, а как были арсы¹, так арсами они и останутся. Что с них взять? — пробасил сорванным голосом грузчик по прозвищу «Медведь». — Наш хавэр Жаботинский верно сказал, что большой и умный народ должен иметь своих генералов и альфонсов, своих проституток и ученых, своих предателей и тюремщиков!.. Чем мы хуже других? Сегодня — фельдшер, завтра он врач, сегодня — киббуцник, а завтра — министр, я сегодня — грузчик, а завтра...

— А завтра тюремщик! — перебил Медведа грузчик в белой чалме и с особым удовольствием рассмеялся. — Тебе не привыкать, не так ли? Полицейским ты уже служил и как был нечист на руку, так и остался. Ты не обижайся! Ведь я, как попугай, только повторяю то, что люди говорят... Спроси любого, вон люди стоят!..

— Верно! Служил в полиции, ну и что? И тюремщиком могу завтра стать, чтобы таких, как ты, смутьянов покрепче взаперти держать... Не обижайся и ты. Я, правда, не попугай, с чужого голоса не пою... Мы ведь с тобой, учитель, давние знакомые, небось помнишь?

— Вах-ва! — воскликнул бывший учитель. — Как же не помнить! Такое разве забудешь? Под одной крышей дни коротали, только я в том доме за решеткой сидел, и меня трижды на день колотили резиновыми дубинками, сутками напролет в холодной воде по колени держали, а ты стражником был, жалованье получал от тех, кто приказывал нас истязать... Мы с тобой старые знакомые, еще бы!

Грузчики плотным кольцом окружили их, перешептываясь, искоса поглядывали на бывшего тюремщика, осуждающе качали головами.

— А держали меня за решеткой, как сказал сейчас мой давний «друг» Медведь, за то, что пел я будто бы с чужого голоса... Тогда я был учителем в школе, и заставляли меня прославлять в арабском селе короля Британии. И я, конечно, прославлял, объяснял детям, что король хоть и всеильный и могучий, а языка арабского не знает и знать не желает, людей наших не понимает и понимать не хочет — словом, чужой он нам! И еще сказал я детям, что сидит король на золотом троне, об-

¹ Арс — альфонс, сутенер.

сыпанном драгоценными камнями, но самый маленький гвоздик в том троне ценнее, чем восседающий на нем властелин... Разве неправду я сказал, люди?

Грузчики заулыбались, и кто-то ответил:

— Конечно, так...

— Правду, учитель, говоришь...

— Ну вот видите, а меня за это схватили. В Акко повезли и там заточили в тюрьгу... К моему старому «другу» Медведю... А незадолго до этого я ездил в одну далекую и очень большую страну...

— В Москву, говорят люди! — подсказал кто-то из толпы. — Правда это?

— Не стану таить от вас, братья мои. Правда. Туда я ездил, с хорошими людьми толковал о тяжелой жизни наших палестинцев... И за это тоже поплатился тюрьмой... Мой давний «друг» знает и об этом... Но мир не без честных людей. Нашлись они и среди арабов и среди евреев. Они и помогли мне... Выпустили. А Медведь вскоре получил под зад коленом. Не поделился барышом с начальством — вот и вышибли с теплого местечка! Теперь «другом» нашим стал!

Медведь в сердцах плюнул и, сопровождаемый дружным хохотом грузчиков, отошел в сторону.

Пронзительный свист одного из грузчиков оповестил товарищей о прибытии к концессии рейсового автобуса из Хайфы. Все, словно стая изголодавшихся ворон, с криком бросились к автобусной стоянке. Судя по обилию багажа на крыше приближавшегося автобуса, пассажиров в нем было немало. И хотя некоторым пассажирам еще предстоял неблизкий путь, все вышли из раскаленного, как духовка, салона машины. Одни бросились в кофейню — промочить горло, другие — в ресторан. Вокруг автобуса мгновенно выросла толпа: здесь были родственники и знакомые приехавших, маклеры, комиссионеры и проститутки, охотящиеся за клиентами, представители англо-арабо-еврейской администрации и стражи порядка, по долгу службы сменившие полицейские мундиры на штатские костюмы, и, наконец, просто зеваки.

Хаим с горечью наблюдал, как только что дружно и мирно беседовавшие грузчики с яростью вырывали друг у друга чемоданы и, с трудом взвалив добычу на плечи, задыхаясь и обливаясь потом, плелись за владельцами багажа.

Не желая да и не чувствуя себя физически способ-

ным вступить чуть ли не в драку с опытными грузчиками, Хаим выбрался из толпы и, не оглядываясь, удрученный, направился домой. И все же он несколько дней приходил к автобусной концессии, часами околаваясь без дела в надежде что-то заработать.

Здесь всегда было шумно и суетно. Бродячие продавцы пирожков и сладостей, разносчики кофе и газет, чистильщики обуви, лудильщики и паяльщики утвари, маклеры и всякого рода комиссионеры сновали с рассвета дотемна с огромными лотками, высокими кувшинами или объемистыми чайниками и маленькими чашечками, с сундучками, корзинами или переброшенными через плечо мешками с инструментом и, нараспев, стараясь перекричать друг друга, расхваливали свой товар:

— Ай свежие, ай вкусные, ай румяные!..

— Есть ханса! Дешевая ханса!

— Чистим-почистим, блеск будет, гореть будет, как новый будет!

— Вот хариса²! Тут самая лучшая хариса! Спешите на харису! Кончается хариса!

Всякий раз Хаим глотал слюну, когда приходилось слышать короткий, но пронзительный выкрик:

— Эл-лектрико! Эл-лектрико!

Никто не знал, какая существует связь между словом «электрико» и пирожками, начиненными разваренным горохом с укропом. Никто не знал имени их продавца. В отличие от других бродячих торговцев этот однорукий старик появлялся со своей корзиной, висевшей на перекинутом через плечо ремешке, ровно через полчаса после отхода автобуса. К тому времени носильщики уже успевали положить первые пиастры в карман.

Разноголосый шум доносился из кофейни, расположенной по соседству с билетной кассой автобусной концессии: под узкой полосой замызанного брезентового тента, за тесно расставленными круглыми столиками немолчно галдели посетители. Между столиками, ловко лавируя с высоко поднятыми подносами, сновали официанты в коротких, когда-то белых куртках, на ходу выкрикивали заказы на кухню:

— Один кофе двойной!

— Два раза кофе по-турецки!

— Три бокала чистой...

¹ Финики с маслом и кислым молоком в муче.

² Толченая пшеница с мелко нарубленным мясом.

С раннего утра и до поздней ночи здесь звонко шлепали шашками. Вокруг игроков толпились любители поглазеть, позубоскалить, а то и поспорить, делая ставку на того или иного игрока, темпераментно комментируя, горячась и ссорясь. Перед броском костяных кубиков «болельщики» игры «шешь-бешь»¹ на мгновение замирали, смолкал смех, азартный спор. И тут же непрочную тишину вновь разрывал оглушительный взрыв восторженных криков, проклятий и ругани.

Дважды в день, утром и перед вечером, в эту суету и гвалт врывались звонкие голоса мальчишек-газетчиков. С их появлением в кофейне с новой силой разгорались суды-пересуды, обсуждение всякого рода событий и особенно, разумеется, войны в Европе. Очередной сенсацией, о которой Хаим узнал из выкриков газетчиков, было соглашение руководителей арабов с сионистской верхушкой о прекращении распри и оказании помощи англичанам в войне против стран оси.

Хаим вспомнил все, что за короткое время службы у Симона Соломонсона ему довелось услышать и узнать об «истинных целях и намерениях главарей «Акционс-Комитета», о средствах, к которым те прибегали для достижения своих целей. Поразмыслив, он пришел к выводу, что заключенное сионистами соглашение — очередная афера. Но сказать об этом грузчикам не осмелился. Ему стало стыдно смотреть в глаза этим доверчивым людям, и он потихоньку вышел из толпы. Шофер, возившийся около автобуса, подозвал его и попросил помочь поднять тяжелое запасное колесо на крышу, а потом неожиданно предложил работать с ним в качестве помощника.

— Но жалованья никакого... Только чаевые. Попадают иногда жирные, бывают и тощие... Неплохо перепадает и от перевозки и доставки писем... Так как, пойдешь?

15

Автобус, на котором Хаим Волдитер стал работать помощником шофера, был переоборудован из обыкновенного грузовика марки «Рео». Кузов, сбитый из крепкого алеппского дерева и обшитый жестью, вмещал лишь двадцать пассажиров.

Обязанности Хаима были не мудреные, но и не лег-

¹ Турецкая игра.

кие: тщательно уложить багаж на огороженной металлической крыше автобуса, перевязать его так, чтобы веревка не портила чемоданы, и, главное, отвечать за сохранность багажа. А это было сопряжено с немалым риском. Предшественник Хаима поплатился жизнью за свою беспечность. Намаявшись за день, он в последнем ночном рейсе задремал, лежа, как всегда, на крыше. Вблизи Иерусалима, перед крутым подъемом с резким поворотом у большого ущелья, шофер убавил скорость. На это и рассчитывали притаившиеся за каменными валунами у обочины дороги налетчики. Один из них на ходу ухватился за лесенку на задней стенке кузова, вскарабкался на крышу автобуса и вместе с чемоданами сбросил сонного помощника шофера. После этого лесенку установили сбоку кузова автобуса.

Всякий раз, когда по завершении рейса Хаиму приходилось протягивать руку за чаевыми, он краснел и терялся. Бывали случаи, когда его щедро вознаграждали, но чаще пассажиры пользовались его нерасторопностью и «забывали» отблагодарить за сохранность багажа и за услугу.

Среди носильщиков, постоянно околачивающихся на стоянках автобуса, у Хаима теперь появилось много доброжелателей, стремившихся всячески задобрить его. Некоторые из них предлагали делиться с ним своим заработком, лишь бы он отдавал им предпочтение при раздаче багажа с крыши автобуса. Но Хаим наотрез отказывался от дележа заработка носильщиков. Не принимал он и угощения. Одни были ему за это искренне благодарны, другие считали его чудаком.

Хаим старательно мыл кузов машины, подметал, сбрызгивал для прохлады пол салона, часто заливал воду в протекавший радиатор и наполнял водой запасную банку. Особенно досаждали ему проколы покрышек. Имелся, конечно, запасной скат. И не один. Без них автобус не выезжал в рейс. Но все они были изрядно изношены, и после очередной смены колеса приходилось тотчас же готовить другое, запасное, насаживать с необычайным трудом стальное кольцо на упругие «гудьяровские» борта покрышки; трудоемкой и изматывающей процедурой было накачивание шин.

Хозяин автобуса, которого Хаим видел лишь однажды, не торопился с покупкой новых покрышек. Он требовал загружать машину пассажирами до отказа, ус-

тапавливая в проходе между сиденьями раскладные стульчики. При этом он неизменно ворчливо напоминал о баснословно высокой стоимости резины фирмы «Гудьяр», причитал, будто едва сводит концы с концами, не зная, кому прежде платить деньги: за пользование дорогой, шоферу жалование или налог казне за содержание автобуса. Так выходило, что на покрывки и камеры денег не оставалось...

Хозяин жаловался и экономил, сколачивая капитал на новый автобус — более современный и вместительный, а шофер с помощником надрывались, накачивая старые шины, — упаси боже сорвать выезд!

Обычно первый утренний рейс проходил относительно благополучно, и Хаим имел возможность понежиться, развальясь среди груды чемоданов.

Автобус покачивало и встряхивало на ухабах, он мчался по узкому, еще не успевшему раскиснуть от солнцепека шоссе, вдоль которого тянулись рощицы цитрусовых плантаций и виноградников, бахчей и огородов.

Первый рейс начинался чуть свет, когда воздух был насыщен пьянящим ароматом апельсиновых деревьев, некоторые из них цвели, а другие сгибались под тяжестью золотых плодов. Хаима всегда поражало это, хотя он знал, что разные сорта апельсинов цветут и плодоносят в разное время. Особенно красивы были плотные заросли кактусов, местами ограждавшие дорогу стеной в рост человека.

Все это напоминало Хаиму родные края, где с обеих сторон шоссе ровными лентами тянулись акации, за ними выстраивались ряды виноградников, а вдали сверкало озеро Ялпуг, нарядное от множества рыбацких парусов. Мысли его обращались к родному дому, к отцу и сестренке. Недавно он получил от них пространное письмо, в котором отец уже не намеками, как прежде, а с суровым упреком напрямик спрашивал, не забыл ли сынок прислать им обещанный вызов.

Вспомнив об этом, Хаим болезненно поморщился. Что он мог ответить отцу? Рассказать о своих несчастьях? О том, что сам перебивается с хлеба на воду, не зная, что принесет ему завтрашний день.

Хаим жалел отца. Всю жизнь трудился тот, за нищенскую плату вел бухгалтерские дела лавочников и вот на старости лет остался гол, как сокол. Жена — в могиле, сын укатил искать счастья. Хорошо хоть дочь Милка

осталась с ним! По ее письмам Хайм заметил, как она не по годам повзрослела после его отъезда. В письмах не было и намека на детскую беззаботность. Она не жаловалась, но по всему чувствовалось, что жить там, на родине, стало нелегко. И этот скрытый смысл писем сестренки еще больше, чем откровенный упрек отца, мучил Хаима. Чем больше хапает Гитлер, тем наглее ведут себя легионеры. Это тоже ясно из писем Милки... И чем все кончится? Что будет с отцом и сестренкой? Как им помочь, если нет лишнего гроша в кармане? А ведь через месяц или полтора Ойя должна родить! Сколько еще всего понадобится!.. На одних чаевых далеко не уедешь... И выхода из этого тупика пока не видно...

Хаиму показалось, что сосредоточиться, найти этот выход ему мешает вид цветущих плантаций, причудливых зарослей кактусов, сменивших выжженные холмы, похожие на заброшенные сотни лет назад карьеры с бесформенными горами белых, как известняк, и грязно-желтых камней... Хаим лег на спину, стал смотреть в безбрежное, как океан, лазурное небо, далекое и равнодушное ко всему земному. И к его, Хаима, горю. Да, жизнь Хаима никогда не была безоблачной, как это небо. Чаще всего мрачные тучи затягивали его горизонт. И откуда взяться ветру, который развеял бы эти тучи?

Он вспомнил об отсрочке, которую ему дали в раввинате. Через несколько дней нужно дать ответ, согласен ли он развестись с Ойей. И если нет... Хаим вздохнул, досадуя на то, что все не решается отпроситься у шофера, чтобы сходить в раввинат. Надо же это как-нибудь уладить, а не то еще напакостят... Кто их знает?!

Шофер сбавил скорость. Петляя, машина с ревом одолевала подъем. Дорога здесь пролегла между круто возвышавшимися холмами, вдали виднелись отроги Иудейских гор.

Не доезжая до узкого ущелья, шофер остановил машину. Хаим быстро спустился с крыши, схватил кусок мешковины и стал открывать пробку радиатора. Пар со свистом просачивался из-под крышки, и на последнем витке Хаим не смог удержать ее в руках: крышку рвало, обдав мешковину kloкочущим кипятком. Притащив двадцатилитровую банку с водой, Хаим залил радиатор. Тем временем шофер проверил уровень масла, осмотрел покрывки.

Пассажиры вышли из автобуса подышать свежим воздухом, поразмяться, покурить. Навстречу им уже бежали ребятишки и подростки из близлежащей деревушки. У каждого из них было ведро с водой; словно автобус вез не два десятка пассажиров, а по меньшей мере стадо овец. Наперебой дети предлагали пассажирам напиться и взамен клячили спичечные коробки и красочные открытки, выпрашивали монеты или что-нибудь съестное.

Трудно было удержаться от искушения утолить жажду холодной и чистой родниковой водой из глубокого ущелья, но резкий запах прокисшего козьего молока, исходивший от глиняных кружек, которыми черпали воду из ведра, да и от самых ведер, сводил на нет всю прелесть от удовлетворения этой жгучей потребности. И потому, расплачиваясь с водоносами, пассажиры ворчали, на что ребята реагировали по-разному: одни из них, насупившись и опустив длинные и черные, как сажа, ресницы, молча отходили в сторону, другие, напротив, охотно вступали в разговор, добродушно воспринимали замечания относительно привкуса воды и, как бы вознаграждая за это, по собственной инициативе рассказывали передававшиеся из поколения в поколение на протяжении многих веков легенды о том, как вот в том ущелье, откуда они носят воду из родника, Иисус Христос постился сорок дней и ночей, а по ту сторону высокого холма карликового роста Давид убил из пращи филистимлянского великана Голиафа.

Эти маленькие хитрецы, не зная с людьми какого вероисповедания они разговаривают, старались угодить заученным рассказом и иудеям и христианам.

Но вот шофер дал сигнал на посадку, пассажиры поспешили занять свои места, а водоносы слили воду в запасную банку и передали шоферу, а остатки, по укоровившемуся здесь обычаю, выплеснули на покрышки колес, восклицая при этом:

— На счастье!

— Чтоб колеса хорошо катили!

Автобус быстро набрал скорость. Подъем здесь крутой, мотор надрывно завывает, и порою кажется, вот-вот разлетится вдребезги.

Позади остались причудливые развалины каких-то каменных строений — не то монастырей, не то крепостей. Впереди показались окрестности Иерусалима, и автобус

вновь остановился. На этот раз только для того, чтобы Хаим спустился с крыши и протиснулся в кабину водителя. В Иерусалиме англичане запрещают ездить на крыше автобуса, и полиция тотчас останавливает и штрафует нарушителей этого запрета.

Издали столица Палестины выглядит как кладбище, усеянное надгробными памятниками разной формы и величины. Виднеются церкви и монастыри, купола соборов и мечетей, колокольни и минареты. И все из камня, словно сам город некогда был каменной глыбой, из которой и высечены все эти причудливые строения. По мере приближения к городу отчетливее проступают их цветовые оттенки: ослепительно-белые, грязновато-серые с зигзагами трещин, зеленоватыми пятнами плесени и мха.

Ближе к центру новой части города встречаются современные здания, на улицах людно: неторопливо идут прохожие в белых одеяниях, монахи и бедуины, облаченные во все черное, арабки в чадрах. Взгляд задерживается на католических монашенках в огромных белых чепцах.

Запыленный автобус осторожно вполз на широкую яффскую улицу и, свернув на бульвар Короля Георга V, чуть в стороне от отеля «Палантин» остановился.

Хаим быстро вскарабкался по лесенке на крышу автобуса, и все повторилось, только в обратном порядке: развязывание веревок, раздача багажа, заливка воды в радиатор, доливка масла в картер, наведение чистоты в салоне машины...

Завершив подготовку автобуса к обратному рейсу, не отдохнув и минутки, Хаим отправился выполнять поручения: разносить по адресам полученные в Тель-Авиве письма, ценные пакеты и свертки. Выполнение этих поручений было основным источником его заработка, хотя он и делился с шофером, который был в ответе как перед клиентами контрабандной почты за ее сохранность и доставку адресатам, так и перед британским комиссариатом и тройственной администрацией, преследовавшими подобное посредничество. Однако, невзирая на грозящие им крупные штрафы и прочие неприятности, шоферы рейсовых автобусов, заинтересованные в приработке, и коммерсанты, нуждающиеся в скорейшей доставке адресатам своих поручений, а нередко и весьма значительных денежных сумм с меньшими по сравнению с почтовым

тарифом накладными расходами, научились обводить инспекторов вокруг пальца и, хотя риск был велик, упорно пренебрегали интересами казны. Контрабандная почта здесь всюду процветала.

Сегодня путь Хаима лежал чуть ли не через весь город. Одно письмо, полученное накануне вечером в Хайфе, надо было доставить филиалу конторы «Лондон-экспок», она находилась в северной части города, где-то около кафедрального собора святого Георгия; второе — старой больнице Ротшильда, расположенной на противоположном конце древнего города. За срочность доставки этих двух писем и пакета для иерусалимской дирекции «У. М. С. А.»¹ Хаиму причиталась плата в двойном размере. Так было указано на конвертаж и пакете, но имелась на них и пометка о времени доставки... За остальной корреспонденцией адресаты сами должны были прийти в холл отеля «Царь Давид». Поэтому оплата за доставку этой корреспонденции была одинарной.

Хаим торопился. Доставив письмо филиалу конторы «Лондон-экспок», он, чтобы сократить дальнейший путь, пошел через христианский, затем через мусульманский кварталы, несмотря на неприязнь, которую испытывал при одном воспоминании об ощущениях, возникавших у него всякий раз, когда бывал в этом районе палестинской столицы. Не раз уже бродил он в лабиринте похожих друг на друга, как близнецы, кривых и узких улочек. Стоило здесь появиться двуколке, как идущий навстречу человек вынужден был сворачивать в ближайшую подвороню: иначе не разминуться. На мощеных мостовых повсюду валялись вывороченные камни, кучи мусора. Зловонием и сыростью несло из-под темных арок, ведущих в захламленные дворики. Облезлые, с потрескавшимися фасадами и сорванными крышами, покривившиеся и полуразрушившиеся дома со сплошь закрытыми ставнями или просто заколоченными окнами казались необитаемыми, заброшенными.

Проходя по закоулкам и улицам квартала, Хаим всякий раз обнаруживал новые и новые своеобразные черты этой части города, почитаемого «священным» и христианами, и иудеями, и мусульманами. Скопище в пределах «священного града» храмов и соборов, монастырей и церквей, синагог и мечетей отнюдь не свидетельство-

¹ Христианская ассоциация молодых людей (американская).

вало о религиозной взаимотерпимости людей разных вероисповеданий, проживающих как в старой, так и в новой части Иерусалима. Напротив, после каждого посещения столицы Палестины Хаим все больше убеждался в том, что религиозные распри составляли основу духовной жизни местного населения.

Не раз побывал он у каменной «Стены плача», в течение многих веков являвшейся местом сбора верующих. В предпраздничные и праздничные дни сюда стекались богомольцы, приходили и женщины. По обрядовому правилу для них было огорожено место в стороне от стены, «дабы не подвергать мужчин искушению...». Здесь постоянно околачивались раввины и дайяны, хнокелэ и йешиботники, шамесы и прочие синагогальные служители. В кульминационный момент молитвы, предшествующей звуку «шофара», все они в истинном или искусно изображаемом религиозном экстазе усердно колотили себя кулаками в грудь и плакали навзрыд.

Нижняя часть стены на уровне человеческого роста была испещрена, точно язвами, множеством гнезд и ниш, куда богомольцы клали записки. Они верили, что ночью явится добрый ангел и поведает всесильному об их просьбах... А пока люди до хрипоты возносили горячие молитвы в надежде быть услышанными на небесах.

В стороне от «Стены плача» с протянутыми руками длинной шеренгой стояли слепые и немощные, калеки и просто нищие попрошайки. Жалобными голосами они встречали и провожали богомольцев:

— Сделайте доброе дело, подайте милостыню!

Все они выглядели жалкими и смиренными. Но стоило дать кому-нибудь из них монету, как десятки других уже не с мольбой о подаянии, а требовательно наседали на дарящего милостыню и, оскорбляя, злобно поносили и слали проклятия.

Глядя на них, Хаим вспоминал, как в первые дни своего приезда в Бней-Берак Нуци Ионас говорил:

«Ты не думай, Хаймолэ, что за деньгами на покупку оружия будет остановка... Стоит хавэрим из «Еврейского агентства» протянуть руку, как моментально наши еврейчики со всего мира раскошелятся...»

«И действительно,— подумал Хаим,— ведь во множестве еврейских семей, проживающих в диаспоре, висит голубая металлическая кружка-копилка, куда все члены семьи обязаны опускать пожертвования... Регулярно при-

ходят в эти дома уполномоченные «Керен-кайемер»¹, забирают наполненную монетами кружку и вместо нее оставляют новую, опечатанную и запертую на замок... И неужели из всех бесчисленных пожертвований нельзя выделить хотя бы малую толику для этих озверевших от нужды и отчаяния людей?!»

Впрочем, сионисты, потряхивая голубыми кружками с изображением шестиугольной звезды, собирали подаяния и у «Стены плача». Делали это обычно во время распродажи мест для моления, которые закреплялись за верующими на год. Распродажу мест производили с аукциона: староста синагоги стучал деревянным молотком, повторял суммы, предлагаемые богомольцами. За лучшие, наиболее удобные и почетные места эти суммы, как правило, достигали весьма внушительных размеров.

«Стена плача» — это многовековая обманчивая надежда для невежественных и одурманенных людей — для больших и малых служителей культа была щедрым источником обогащения.

По другую сторону этой же стены начиналась территория мечети Омара. Здесь мусульманские муллы до одурения возносят аллаху молитвы и в религиозном рвении с таким же остервенением, как иудеи кулаками колотят себя в грудь, бьются головой об пол мечети... Попрошаек, что по одну сторону «котель»², то и по другую «бурака»³ одинаково много и с одинаковым усердием вымаливают у прохожих богомольцев подаяния.

Из поколения в поколение в ходу тут противоречивые легенды о всякого рода чудесах, будто бы сотворенных в давние времена. Одна нация старается перещеголять другую. Многим все еще памятно, как вокруг этих легенд шли горячие споры между христианами и мусульманами, иудеями и христианами, мусульманами и иудеями. Передаваемые из уст в уста различные легенды трансформировались, обрастали новыми подробностями, порожденными фантазией верующих, их желанием либо придать легенде наибольшую достоверность, либо, наоборот, опровергнуть ее или истолковать в интересах своей веры.

¹ Финансовый трест, занимавшийся сбором средств для Палестины.

² «Стена плача», названная евреями.

³ «Стена плача», названная арабами.

И на этот раз Хаиму довелось быть свидетелем бурной дискуссии по поводу достоверности одной распространенной в этих краях легенды.

Поблизости от монастыря греческих монахинь находилась одна из контор «Джарузалем электрик энд паблик сервис». Сюда Хаим доставил письмо из Хайфы, затем, как обычно, зашел в скромную столовую, славившуюся вкусными лепешками «хумус», снятыми с огня в присутствии клиента. А во дворе этого замызганного заведения, служившем пристанищем для проезжих, в тени под навесом всегда было многолюдно, суетно и шумно. Завсегдатаями тут бывали мелкие торговцы-лотошники и феллахи из близлежащих деревень, ремесленники и отлученные или бежавшие из монастырей монахи-скитальцы. Здесь Хаим и услышал, как в кругу странствующих богомольцев монах-скиталец рассказывал о посрамлении некоего именитого турка еще во времена хозяйничания в Палестине османов за то, что тот публично подверг сомнению чудодейственную силу Иисуса Христа. Разгневанный иерусалимский патриарх, узнавший об этом, направил турку послание, в котором утверждал, что сын божий Иисус Христос не только в прошлом совершал чудеса на земле, явившись народу в плоти и крови, но что сила его чудес продолжает и ныне удивлять мир. Это не убедило именитого турка. Тогда патриарх пригласил его на всюнощную в храм гроба господнего, чтобы он воочию убедился в божественной силе Иисуса Христа.

Турок согласился. И вот патриарх и турок заперлись в храме, где находилась могила Иисуса Христа. Патриарх благоговейно молился, а турок, сложив под себя ноги, уселся в углу и, лукаво улыбаясь, ждал подтверждения слов патриарха.

Было далеко за полночь, когда вдруг что-то резко затрещало, раздался оглушительный грохот и из-под мраморной плиты на могиле Христа стали пробиваться огненные лучи.

Патриарх смиренно и благочинно, а турок в трепете и страхе упали и поникли головами к полу... Утром они увидели, что толстая мраморная плита, покрывавшая могилу, раскололась пополам...

— В тот день именитый турок, убедившись в чудодейственной силе Иисуса Христа, принял христианскую веру и вскоре постригся в монахи, а некоторое время

спустя он рукоположился в епископы! — торжествующе завершил свой рассказ монах-скиталец.

А спустя буквально несколько минут, сидя в столовке и аппетитно уплетая лепешки, Хаим имел случай убедиться в том, как арабы опровергают эту легенду. Заливаясь смехом, мулла говорил, что того самого имени-того турка постигло тогда большое горе: умерла одна из его многочисленных жен, самая красивая и любимая. А турок этот был весьма влиятельной личностью в Иерусалиме. И вот он решил изъять мрамор с могилы Иисуса Христа для памятника на могилу умершей жены. Об этом узнали греческие монахи и, чтобы мраморная плита не попала на гробницу мусульманки, ночью раскололи ее...

Хаим с интересом выслушивал подобные легенды. В их правдивость, тем более в чудеса, он не верил, но полагал, что основой для них послужили все же какие-то факты из далекой истории Палестины и этого многострадального города.

Наевшись лепешек досыта, Хаим собрался было уходить, но его внимание привлек рыжебородый и сутуловатый монах, который разговаривал со своим напарником на русском языке. Хаим знал русский не хуже идиша и несравненно лучше иврита. Еще с тех пор, когда Бессарабия входила в состав Российской империи и его отец служил в царской армии, в их семье часто разговаривали по-русски.

Хаим подошел к монаху, заговорил с ним по-русски. От него он узнал, что в Иерусалиме есть много русских монахов, что есть у них свой монастырь и очень богатый храм, получавший из России на протяжении многих лет щедрые подарки. Более того, им принадлежат подворья, которые, как и храм, являются неотъемлемой собственностью России.

Все это было ново для Хаима. Ему хотелось еще поговорить с монахом, но тот спешил. Прощаясь, монах пригласил Хаима навестить в русский монастырь и спросить там его, инокка Викентия Измаильского.

Хаим вздрогнул, услышав это имя.

— Вы сказали Измаильский?! — повторил он. — Случайно не из этого города? Я же сам родом из Болграда, недалеко от Измаила...

— А я с Матроски! — радостно воскликнул монах. — Там и полсотни верст до твоего городка не будет...

— Как же! Бывал я в вашей Матроске, ей-богу! Она перед самым въездом в Измаил!

— И я бывал в Болграде!..— Монах улыбался.— А коли мы земляки, так непременно заходи, братец, ежели выпадет случай навеститься в наши края... Желанным гостем будешь!

— Слушай, Хаим! — крикнул Нуци, вставая из-за стола.— Подожди, куда ты так торопишься?

Хаим остановился, поздоровался. За столом сидели Нуцины жена и теща, скрипучий голос которой Хаим слышал еще у калитки. По вечерам Ионасы долго засиживались за ужином во дворе под деревом, к которому Нуци протянул электрический провод с тускло светившей лампочкой. Не раз из-за этого Хаим и Ойя вынуждены были маяться в своей душной комнатухе, не решаясь выйти на воздух.

Нуци отвел Хаима в сторону.

— Тебя не видно, не слышно! Где ты пропадаешь, что делаешь? И вообще, как жизнь? — спросил он, обнимая Хаима за плечи.

— Работаю,— беспечно ответил Хаим.— А что мне еще делать?

— Видно, что работаешь, а не гуляешь...— Нуци кивнул на свертки в руках Хаима.— Раз покупки делаешь, значит, устроился неплохо.

— Да... Неплохо.

В тот день Хаим в самом деле неплохо заработал и купил приданое для будущего новорожденного — полдюжины пеленок и пикейное одеяльце.

— Вот как?! Это хорошо... Я бы тоже куда-нибудь сбежал, осточертело все. Но не начинать же все сначала? Пусть уж будет так, как есть.

Нуци лукавил, его темные глаза воровато избегали прямого взгляда Хаима, и Хаим почувствовал это, насторожился: добра от Нуци Ионаса он не ждал.

— Да, я совсем забыл тебе сказать,— продолжал Нуци,— Соломонзон собирается ремонтировать этот дом! Ты ведь слыхал?

Хаим пожал плечами.

— Откуда мне знать.

— Ну как же! Вот-вот начнут свозить материалы...

И складывать их будут знаешь где? У тебя во флигеле! Ничего себе затея, а? Но, между прочим, хотим мы того или не хотим, а переезжать нам отсюда тоже придется. Да, представь себе! В Тель-Авив, наверное, переберемся... Так что и тебе с Ойей...

— Понял я, Нуцик! — не дал ему договорить Хаим. — Все понял. Ты не волнуйся! Мы здесь не задержимся. И, пожалуйста, передай это хавэру Симону. У него ведь нет других забот, кроме как обо мне.

Нуци был разочарован тем, что Хаим так спокойно воспринял его сообщение, словно речь шла о сущем пустяке. Вопрос о переселении основательно назрел и без предупреждения Нуци: Хаим не переставал думать об этом. Давно уже всем соседям стало известно, что Ойя не еврейка, что раввинат требует, чтобы она приняла иудейство, но и она и ее рыжий ашкинази якобы отказываются!.. Этого было достаточно для того, чтобы ватага мальчишек и девчонок не упускала случая поиздеваться над Ойей. Они преследовали ее, высовывали языки, совали в лицо кукиши, кривлялись, выкрикивали оскорбительные слова, угрожали. Заводилой был все тот же мальчуган с вьющимися смолисто-черными волосами. На его совести уже было самоубийство сынишки Моли. Но будущий йешивэбухэр, кичившийся набожностью и соблюдением завещанных праотцами обрядов, не унимался. Он изощрялся в поисках все новых и новых способов травли Ойи.

Когда зной становился невыносимым, и Ойя, завесив оконце для прохлады, ложилась отдохнуть, подростки по наущению этого богомольного молодчика начинали озорничать: залезали на крышу времянки, бегали по ней, колотили палками по жестяному козырьку, приподымали черепицу и бросали внутрь камни, пустые бутылки, которые со звоном бились о каменный пол, осыпая все вокруг дождем осколков.

Ойя плакала, дрожа от страха, ждала прихода с работы Хаима. Она не пыталась объяснить ему, что здесь происходит в его отсутствие не только потому, что была не в состоянии этого сделать: просто она не хотела его огорчать, не хотела давать ему лишний повод думать, что именно она является причиной всех их несчастий, хотя сама давно поняла, какой тяжкой обузой стала для Хаима.

Однако Хаим и без жалоб и объяснений Ойи знал,

что происходит в его отсутствие: рассказывали соседи; но жаловаться было некому. И вот однажды после обеда, когда Ойя прилегла, чернявый мальчуган со своей озорной компанией тихонько подобрался к времянке, завязал снаружи дверь проволокой, а затем, взобравшись на крышу, приподнял черепицу и бросил на постель, где лежала Ойя, дохлую кошку. А тем временем ребята по наущению своего заводилы развели костер перед оконцем флигеля, чтобы создать видимость пожара... Им помешали соседи: развязали проволоку, погасили костер. Когда вошли в комнату, застали Ойю лежавшей без сознания, тут же вызвали карету «Скорой помощи».

Доведенный до отчаяния, Хаим принялся энергично подыскивать жилье. Не раз отпрашиваясь на целый день у шофера автобуса, бродил по городу, заходил из дома в дом, но все старания были тщетны. Если и находились охотники сдать комнату, то требовали плату вперед минимум за три месяца. А узнав, что они ждут ребенка, либо тут же отказывали, либо требовали повышенную квартплату за целый год вперед.

Сообщение Ионаса подстегнуло Хаима. Правда, строительные материалы, о которых говорил Нуци, еще не привозили и, может, не собирались привозить, но Ионасы действительно готовились к переезду. С окон были сняты занавески и портьеры, а старый комод и шкаф старуха уже продала соседям.

В субботу утром к Хаиму неожиданно пожаловали два парня. Одного из них он знал еще по «акшаре». Хаим было обрадовался, но вскоре выяснилось, что посещение это вызвано не желанием повидать старого знакомого, а необходимостью передать строжайший наказ бывших руководителей квуца Иосефа Трумпельдора — Хаиму вместе с женой прибыть в киббуц.

Не успели посланцы из киббуца уйти за ворота, как во флигель вломился бородач-дайян из раввината. Брызгая слюной, как в припадке эпилепсии, он обрушился на Хаима с угрозами и упреками за неповиновение, стучал палкой по столу.

Все это происходило в присутствии Ойи, и Хаим видел ее иссиня-бледное лицо, широко раскрытые, полные ужаса глаза.

— Помилосердствуйте! — взмолился Хаим, обращаясь к дайяну. — Бога ради, повремените немного! Она же на восьмом месяце беременности! Неужели нельзя не-

много отложигь... Вы просто не люди, если можете так поступать...

Старик злобно плюнул и, хлопнув дверью, вышел из флигеля.

Как ни бодрился Хаим, а горькие мысли одолевали, подсказывая единственный вывод: все, что происходило с ним, не было стечением печальных обстоятельств. Нет! И выселение из этой жалкой лачуги, и нажим из раввината, и категорическое требование прибыть с женой в кибуц — все это дело рук Нуци Ионаса и его покровителей. В этом он вскоре окончательно убедился. В воскресенье утром Хаим, как всегда, пришел на работу. Зная отзывчивость шофера, человека мягкого и доброго, рассказал ему о своих мытарствах. Надо же с кем-то поделиться, когда душа разрывается от горя! Шофер слушал, сокрушенно опустив голову и не глядя на Хаима, а выслушав, сказал:

— Все понимаю... Понимаю и сочувствую. Но чем я могу тебе помочь? Чем? Я сам человек подневольный. Должен делать, что прикажут. И хоть мне горько причинить тебе новую боль, а вынужден... Поверь, вынужден отказаться от твоих услуг. И не спрашивай почему. Хотел бы ответить, да нельзя... Вот так! Одно лишь могу тебе сказать: пусть они все околеют! Понял меня? Вот так...

И снова Хаим вернулся домой безработным. И когда в тот же день к нему явились посланцы кибуца, он готов был уехать хоть на край света, только бы не встречаться с Нуци Ионасом и бородачом из раввината, не видеть злобного мальчишку-фанатика, не слышать больше о Симоне Соломонзоне...

Хаима Волдитера с женой доставили не в тот кибуц, где находилась квуца имени Иосефа Трумпельдора, а в другое хозяйство, расположенное на горе, среди каменных оврагов. У тех, кто так ревностно заботился об их переселении, в последний момент возникло опасение, что в бывшей своей квуца Хаим может найти сочувствующих... Внезапная перемена, разумеется, огорчила Хаима, но, поразмыслив, он пришел к заключению, что, пожалуй, так будет лучше.

В кибуце вновь прибывшим предоставили светлую комнату с нормальным полом и потолком, обставленную

вполне приличной мебелью. Получили они и постельные принадлежности, полотенца и даже мыло. Все это приятно удивило их, особенно Ойю, очень обеспокоенную внезапным переездом, о причинах и перспективах которого она ничего не знала. Рад был этим житейским благам и Хаим, хотя представлял себе, как трудно будет ему, да и Ойе, жить и работать в киббуце. Но оставаться здесь надолго он не намеревался. «Потерпим некоторое время, посмотримся,— думал он,— а там видно будет... Может, со временем все уляжется».

И в самом деле в первые дни было спокойно: о них будто забыли, никто ни о чем не спрашивал, не напоминал, состоялся всего лишь короткий разговор о том, что им все же придется оформить брак.

— Сыграем свадьбу! — сказал Хаиму межгнях, управляющий киббуца. — А почему бы и нет, если жена примет иудейство? Люди нам нужны!

— Какая там свадьба! — Хаим смущенно пожал плечами. Ойя была на сносях, и все согласились, что тревожить ее пока не следует. Однако Хаим заметил, что Ойя как-то по-особому взволнованна, даже на него, Хаима, смотрит настороженно-ждушими глазами. В них не было прежней ласки, нежности — одна тревога.

Вскоре Хаиму стало ясно: женой управляющего киббуца Игола Мейера была Циля, любимая дочь раввина Бен-Циона Хагера. Как-то Циля прошла мимо домика, где поселился Хаим Волдитер, Ойя узнала ее и с тех пор потеряла покой. Однако Циля, никому ни словом не обмолвившись о том, что знает Хаима и Ойю, уехала погостить к родственникам. Как поговаривали соседи, такие внезапные отлучки не были редкостью, так как, видать по всему, дочь раввина не очень-то ладила со своим муженьком.

И все же беспокойство не покидало Хаима. Уходя на работу, он каждый раз нежно обнимал Ойю, заглядывал в ее большие печальные глаза, улыбался, желая вызвать ее ответную улыбку. Но напрасно. Пряча подступавшие слезы, Ойя опускала голову, тяжелые косы, скользя по плечам, закрывали щеки. Ему бы побыть дома, успокоить жену, но куда там — в киббуце прохладиться было нельзя.

Направляя Хаима на работу, управляющий Игол Мейер напутствовал:

— Каждый приезжий в киббуце используется по сво-

ей специальности: шофер — на машине, врач — в больнице, музыкант — в оркестре, каменщик — на стройке. Перспективы у нас грандиозные! Планы обширные! Вы скажете мне, что есть безработные? Да, есть. А что делать, если приезжий, к примеру, мостовик? Рек у нас почти нет и в ближайшие дни не предвидится... Хотя смею вас заверить, что в недалеком будущем появятся у нас и реки! И не только реки... Да! Но пока что ничего не поделаешь, и мостовику придется переквалифицироваться. Труд у нас — источник счастья! Это чтобы вы знали и запомнили навсегда! Так что, если хотите стать счастливым, засучите рукава, и повыше... Еще имейте в виду, молодой человек, что труд здесь всегда на первом месте и на переднем плане, все остальное — семья, жена, дети и прочее такое, чтоб они были здоровы, — на втором, а не наоборот... А сейчас будем считать, что мы с вами нашли общий язык и, как говорится, пришли к общему знаменателю на высшем уровне! Возражений нет?

И Хаим засучил рукава. Его прикрепили к грузовой автомашине, с которой он ездил за кормами в город в качестве и приемщика, и грузчика, и помощника шофера. А в те редкие дни, когда не было поездок, работал на силосном складе и в коровнике.

— Сидеть без дела в хозяйстве, — каждый раз напоминал управляющий Игол Мейер, — никто не должен. Ни одна живая душа! Люди обязаны трудиться, скот — давать продукцию, моторы — работать, свет — гореть, вода — течь. Часы — на то они и часы, чтобы показывать точное время. Наше хозяйство для того и существует, чтобы давать то, что от него требуется!

Не в новинку для Хаима были установленные в киббуце казарменные порядки, атмосфера националистического и религиозного фанатизма. Поселенцы сельскохозяйственной колонии, как казалось Хаиму, в большинстве своем были бесхитростными людьми. Одни из них пришли сюда так же, как и он сам, по необходимости, другие — горячо уверовав в то, что создание и процветание киббуцев — единственно верный путь к воссоединению разбросанных по всему миру единоверцев, к возрождению еврейского государства. Они с энтузиазмом твердили, что в киббуце главное не деньги, не одежда и пища, а труд, в котором заключается счастье всей их жизни и проявляется подлинное равенство и великое братство.

Жизнь в киббуце была организована по армейскому образцу: питание из общего котла, одежда всем одинаковая: один костюм рабочий, другой праздничный, жилье казенное, деньги — только на курево и некоторые мелочи.

«Арбайт махт гликлих!»¹ — вспомнился Хаиму плакат, висевший у входа в барак, где размещались холуцы. По ассоциации перед глазами возник висевший над воротами лагеря для заключенных нацистами евреев лозунг: «Арбайт махт фрай!»². Хаиму стало не по себе.

Раз в месяц Игол Мейер ездил в Тель-Авив, где участвовал в каких-то заседаниях и совещаниях, а возвратившись в киббуц, поздно вечером собирал людей и выступал с докладом.

Такие собрания устраивались в киббуце регулярно, и увильнуть от них почти никто не имел права. Исключения делались лишь старшему инструктору военной подготовки и некоторым лицам, только числившимся членами киббуца. Раз или два в месяц они приезжали на собственных или служебных машинах и отработывали положенные часы. Как правило, эти люди занимали в городе довольно высокие посты, однако в киббуце работали наравне со всеми, хотя получали, естественно, более легкую работу, чем остальные, постоянные киббуцники.

Вот и на этот раз, вернувшись из Тель-Авива, Игол Мейер созвал очередное собрание. Хаим сидел в душевной комнатухе, еле вместившей всех киббуцников. Уставшие после трудового дня, люди дремали, слушая в сотый раз надоевшие наставления межгяха³. К тому же подобного рода «беседы» он умудрялся проводить и на «военных учениях», куда Хаим по прибытии в киббуц тотчас же был зачислен. Без конца одно и то же.

— Каждый киббуцник, каждый холуц,— любил повторять Игол Мейер,— независимо от того — мужчина или женщина,— обязаны владеть в совершенстве имеющейся в их распоряжении техникой: начиная с плуга и верблюда и кончая трактором и пулеметом! И только овладев всем этим, мы сможем показать себя миру!..

Разговаривая с людьми, Игол Мейер старался придать себе вид проницательного человека: он хитровато прищуривал левый глаз, наклонял голову вправо, к плечу, кривил в усмешке влажные губы. Игол Мейер не

¹ «Работа приносит счастье!»

² «Работа приносит освобождение!»

³ Управляющий.

переносил возражений со стороны подчиненных; не жаловал и тех, кто пытался высказать свое мнение. «Не давайте мне, пожалуйста, советов,— любил говорить он.— Я и сам умею неплохо ошибаться».

Все знали, что межгнях киббуца был особенно придирчив к «фрэнкам» — иммигрантам из Азии и Африки. Эти люди, влачившие всю жизнь нищенское существование, ни умом, ни сердцем не воспринимали всерьез высокие требования Игола Мейера во всем соблюдать идеальную чистоту и порядок. Сейчас Игол Мейер вновь обрушился на них с упреками.

— Нам нужны люди,— говорил он, щуря левый глаз, словно держал в руках винтовку и прицеливался.— Это правильно! Нужны рабочие руки. И этого никто не отрицает. Но, скажите на милость, какая польза от того, что семьи «фрэнков» так многочисленны? Они ведь прожорливы, как полевые грызуны, и плодятся, как тараканы... Детей у них по десять и даже по четырнадцать! И какие все они нахальные! А взрослые до чего же завистливые! Однако не волнуйтесь за них... Все, что им нужно, берут горлом и напором, учиняют скандалчики и лезут с ножами в драку... Девки? Эти вообще не успевают достигнуть пятнадцати лет, как сразу выходят замуж. Им все невтерпех! Смотришь, рабочий сезон в самом разгаре, а она уже ходит со вздутым животом... И пошла плодить! Ну, а работать? Работать, спрашиваю я, кто будет? Им до этого нет никакого дела. Но! Не на простачка напали... Нет, Игол Мейер — человек не сентиментальный. Это во-первых! А во-вторых, Игол Мейер не намерен быть у них на поводе. И в-третьих? В-третьих, либо они будут работать наравне со всеми, либо им придется положить зубы на полку.

Доставалось и «фрэнку» Эзре, работавшему вместе с Хаймом Волдитером на выгрузке кормов и чистке коровника. Как бы он ни старался содержать в чистоте коровник, Игол Мейер всегда ухитрялся найти какой-либо пустяк, чтобы придрататься и наброситься на Эзру с попреками. И этот силач двухметрового роста трепетал от страха и молчал.

Эзра был родом из Йемена, с детских лет работал там у богатого англичанина на выработке кож и едких красителей, привык к рабскому повиновению, безропотно, как должное, сносил побои и оскорбления и никогда не помышлял о другой участи для себя. Так жили

его далекие предки, так прожил свою жизнь его отец, так, думал он, предопределено всевышним жить и ему.

Но однажды появились на его родине сионистские миссионеры, стали именем Иеговы заклинять иудеев вернуться на «землю праотцев», посулили горы медовые, реки молочные и кисельные берега. Их усердно поддерживали местные марри¹, возглавлявшие общины, слово которых среди йеменских иудеев пользовалось особым авторитетом.

Эзра, вняв «зову господнему», пал к стопам земного господина и стал слезно молить отпустить его на «землю обетованную».

Англичанин и слушать не хотел. В бешенстве вырвав свою ногу из рук коленопреклоненного раба, он прочертил носком ботинка на лбу Эзры глубокий кровотокающий след, хотя именно Эзра несколько лет назад спас его, тонувшего, потерявшего сознание, от верной гибели. Но через неделю англичанин все же вызвал к себе Эзру. То ли совесть в нем заговорила, то ли он усмотрел в поведении всегда безропотного и покорного раба опасные признаки бунтарства, но он отпустил его с миром и даже подарил круглые карманные часы. Вместе со шрамом над левым виском они теперь напоминали ему о далеком родном крае...

В Палестине Эзру тотчас направили в киббуц. Ехал он в полной уверенности, что там-то он и увидит описанный миссионерами рай земной, и потому, прибыв на место, обратился к старожилам-киббуцникам с просьбой показать ему, где именно текут эти обещанные сионистами молочные реки среди кисельных берегов.

А киббуцники, смеясь над его детской наивностью и доверчивостью, потешались над ним, забавляясь, как игрушкой. Обманутый, разочарованный и кровно обиженный, Эзра стал сторониться людей, замкнулся в себе. В субботние и праздничные дни он забирался в укромный уголок, открывал коробочку, в которой хранил часы, и подолгу неотрывно следил за скачкообразным движением секундной стрелки.

Узнав об этой слабости Эзры, шутники наперебой спрашивали у него: «Который час?» — и Эзра тотчас серьезно неторопливо доставал коробку, открывал ее, вынимал часы, сначала сам с интересом наблюдал за дви-

¹ Раввины.

жением стрелки, потом молча поворачивал их циферблатом к тому, кто спрашивал, и так же молча, не спеша, бережно укладывал часы в коробочку. Он и не подозревал, что над ним подшучивают. Ему казалось, что всякому доставляет большое удовольствие лишний раз взглянуть на эту удивительно умную машинку. Часы были для него единственной радостью и единственным богатством.

В первый день совместной работы Хаима Волдitera с Эзрой в коровник пожаловали Игол Мейер и пользовавшийся у него особым расположением Арье Херсон. Этот коренастый, широкоплечий, сутулый человек с чисто выбритым и гладким, как яйцо, лицом, с обильно намаженными бриллиантином густыми волосами, формально числясь начальником клуба, в действительности выполнял функции старшего инструктора военной подготовки, хотя прежде он, выходец из некогда богатой, но вконец разорившейся семьи, не имел никакого отношения к военному делу.

Незадолго до появления Игола Мейера и Арье Херсона в коровнике Хаим и Эзра несколько часов без передышки перетаскивали на вилах силос со склада в кормушки, изрядно утомились и присели отдохнуть. Начальство будто поджидало этого момента: в дверях показались управляющий Мейер и Арье Херсон. Игол Мейер, прищутив левый глаз и склонив голову к плечу, крикнул:

— Эй вы, лодыри! В честь какого праздника расселись? — Бочком шмыгнув в ворота, он проворно обежал все кормушки, проверил, достаточно ли в них корма. Кормушки были заполнены до отказа, и Мейер было успокоился, но, увидев на полу растрюшенные остатки сена, которые Эзра и Хаим еще не успели убрать, вновь закричал:

— А это что такое? Почему валяется корм?! Вы знаете, во что нам обходится каждая охапка сена?! Вы знаете, откуда мы ввозим корм?!

Эзра стоял перед управляющим еле живой от страха. Старший инструктор военного дела Арье Херсон подошел к Хаиму и, методично постукивая стеком по толстой волосатой ноге — он был в шортах, гнусава, проговорил:

— Не годится, молодой человек! У нас так не пойдет, нет, нет! Я не знаю, где вы учились хозяйству, но должен вам сказать со всей серьезностью, что здесь всегда, в большом и в малом, надо проявлять аккуратность и активность, болеть душой за все, что делается в киббуце...

И имейте в виду, что без этих качеств вам нечего думать о том, чтобы стать холуцем. А это ведь очень почетно у нас! Вы же еще совсем молодой человек!..

Хаим спокойным тоном ответил, что уже не первый год считает себя холуцем.

— И мне от этого ровным счетом ни холодно и ни жарко...— Он усмехнулся. Ему был смешон этот высокомерный франт, отвратительно его холеное лицо, напмаженные волосы, толстые, волосатые ноги и главное — это самодовольство, презрение, с которым он посматривал на него, Хаима, на черного Эзру, словно они были не люди, а скоты.

Заметив усмешку Хаима, Арье Херсон покраснел от злости, волосатая рука судорожно сжала стек; Арье вспомнил: ему что-то говорили об этом новичке, рассказывали какую-то пикантную историю о его жене. Но что именно, Арье сейчас не мог припомнить, да и не хотел. Какое ему дело до этого парня, которому судьбой уготовано возиться в коровьем навозе? Кто дал ему право ухмыляться и сидеть, когда начальство разговаривает с ним! Он решил, что этот парень, длительное время утаивавший принадлежность своей жены к иной вере, с равным успехом может сочинить о себе любую небылицу. И, приняв такое предположение за непреложный факт, принялся срамить Хаима. А Хаим, представив себе, в какое дурацкое положение ставит себя этот высокомерный франт, невольно еще и рассмеялся.

Арье Херсон назвал Хаима наглецом и самозванцем. Услышав крики своего помощника и решив, что Хаим проявил непочтительность к старшему инструктору военной подготовки, Игол Мейер, в свою очередь, набросился на молодого киббуцника.

— Почему вы грубите? — спросил он, подходя к Хаиму.— Вы же холуц! И не просто какой-то там холуц!.. Прошли «акшару» в знаменитом квуца Йосефа Трумпельдора! Не всякий удостоен такого почета... И вместо того, чтобы показывать здесь всем пример, вы ведете себя, как юнец... Осмеливаетесь насмехаться над начальником клуба. А он здесь еще и старший инструктор военной подготовки! Что у вас тут произошло?

— Да ничего особенного. Я просто сказал хавэру Херсону о себе то, что сказали вы. А он почему-то назвал меня наглецом и самозванцем...

Арье Херсон растерянно посмотрел на управляющего.

— Мне известно было только то, что этот киббуцник выдавал свою жену-гречанку за еврейку, — старался поддержать свой престиж Херсон. — И поэтому, естественно, предположил, что...

Однако управляющий не дал ему договорить: начальство поспешило удалиться.

— Хавэр межгях Мейер! — крикнул им вдогонку Хаим. — А между прочим, охалку сена, за которую вы брали Эзру, обронил и не успел убрать до вашего прихода я... Эзра тут ровным счетом ни при чем. Так что прошу прощения!

Игол Мейер обернулся, как всегда прищулив левый глаз и склонив к плечу голову, хотел что-то сказать, но махнул с досады рукой, резко повернулся и поспешил за Херсоном.

На Эзру весь этот эпизод произвел сильное впечатление: впервые в жизни он встретил человека, заступившегося за него.

Все с большим уважением и доверием относился он к Хаиму, каждодневно убеждаясь в том, что этот киббуцник, прошедший какую-то «акшару» в «знаменитом квуча», работает наравне с ним, «фрэнком» Эзрой, до пота лица и никогда ни единым словом не принижает его человеческого достоинства. Наоборот, не раз случалось, что Хаим осаживал и стыдил киббуцников, подтрунивавших над Эзрой, прогонял прочь мальчишек, избравших мишенью для своих по-детски эгоистичных забав этого чудаковатого, добродушного и молчаливого великана.

Все чаще убеждался Эзра в том, что хотя Хаим холоц и «не просто какой-то там холоц», как сказал тогда управляющий, тем не менее он, как и Эзра, чуждается людей, поэтому, пожалуй, отношения их с каждым днем становились все более дружескими, хотя Эзра не мог преодолеть своей рабской покорности, застенчивости и нелюдимости. На приглашения Хаима заглянуть вечером к нему домой Эзра отвечал уклончивым обещанием зайти как-нибудь в другой раз. Увидев однажды Хаима вместе с Ойей, он сделал вид, будто не заметил их, ускорил шаг и свернул в сторону. Когда же Хаим поделился с ним своим радостно-тревожным чувством, связанным с ожиданием ребенка, лицо Эзры впервые за время их знакомства расплылось в белозубой улыбке, в глазах засветилось счастье, словно не Хаим, а он, Эзра, вот-вот должен был стать отцом.

Очень огорчился Эзра, когда узнал, что Хаим включен в военизированную группу, которая должна отбыть куда-то на несколько дней. Подготовка к поездке велась уже давно, но держалась в тайне. Поговаривать об этом стали лишь в день приезда в киббуц трех тяжело нагруженных грузовиков с холуцами из других хозяйств. Все они присоединились к военизированной группе местного киббуца и поступили под командование старшего инструктора военной подготовки Арье Херсона.

С утра до вечера холуцы, включенные в военизированную группу, в том числе и Хаим Волдитер, загружали машины. Плуги и сеялки, походная кухня и ящики с провиантом, палатки и матрасы, автогенные аппараты с кислородными баллонами и бочки с маслом, соляровкой и питьевой водой — все эти и подобные предметы не давали Хаиму и другим холуцам-новичкам оснований догадываться о подлинном характере предстоящей операции.

К концу рабочего дня утомленные киббуцники из военизированной группы разошлись по домам. Хаим хотел было просить разрешения остаться в киббуце в связи с плохим самочувствием жены, но раздумал. Он был уверен, что Арье Херсон, да и сам Игол Мейер превратят его просьбу и не разрешат остаться, хотя Ойя действительно больше чем когда-либо нуждалась в его присутствии.

Придя домой, Хаим умылся, поужинал и хотел было выйти с Ойей погулять возле дома, как прибыл гонец с приказом срочно экипироваться в обмундирование, полученное днем на складе, и явиться к месту сбора в полной готовности к отъезду.

К фуражному складу, у которого собрались холуцы из военизированной группы, подкатил дизельный грузовик. И тут выяснилось, что под огромной горой силоса скрыт склад оружия. Участникам военизированной группы выдали новенькие винтовки и два легких пулемета, ящики с боеприпасами, шанцевый инструмент и другое военное снаряжение.

Только сейчас Хаим понял, отчего Арье Херсон с Иголом Мейером частенько заглядывали на силосный склад...

В полной темноте пять тяжело нагруженных машин с полсотней холуцев во главе с Арье Херсоном покинули территорию киббуца. Хаим не мог определить, куда они едут, не знал он и с какой целью предпринята поездка,

но понимал, что все это не походило на обычное учение и далеко не случайно хранилось в строжайшем секрете.

Около полуночи машины свернули на проселочную дорогу, потом двигались по бездорожью, часто останавливались, отыскивая в темноте какой-то участок. Прижав винтовки к груди, с пулеметами наготове холуцы сидели в полном безмолвии, словно не знали друг друга. Старший инструктор Арье Херсон запретил разговаривать, сходить с машины даже в случае кратковременной остановки и ни в коем случае не зажигать спички, не курить. Было тревожно, настороженно, как перед боем.

Наконец машины остановились, старший инструктор приказал немедленно выгружать оружие, рыть окопы в указанных им направлениях и установить пулеметы на возвышенности, а также быстро освободить машины от грузов.

Обливаясь потом, холуцы работали в страшной спешке, будто за ними гнались. К рассвету траншеи были выкопаны, и все холуцы, за исключением четырех девушек, занятых приготовлением пищи, начали лихорадочно заколачивать в землю железные костыли и растягивать между ними огромные спирали колючей проволоки. Посреди участка, на возвышенном месте, где окопался пулеметный расчет, группа холуцев спешно монтировала заранее приготовленную наблюдательную вышку, и как только она была установлена, на ней тотчас же появился наблюдатель с биноклем.

К восходу солнца площадь в несколько десятков дунамов¹ была со стороны расположенной поблизости арабской деревни ограждена колючей проволокой, и оба дизельных грузовика с прицепленными к ним плугами приступили к вспашке почвы.

— Все у нас должно быть кашер! — говорил старший инструктор, обходя группы холуцев. — Нажимать надо, хавэрим, изо всех сил нажимать! Иначе дело может сорваться... Проволочные спирали устанавливайте быстрее. Это сейчас главное!

Хаиму вспомнилось, как в порту после ночной выгрузки оружия с австралийского судна Соломонзон тоже сказал:

«Все должно быть кашер! Это первая заповедь в на-

¹ Один дунам равен 910 квадратным метрам.

шей работе... Иначе нам не достигнуть цели...»

Арье Херсон, оказывается, «кашер в работе» тоже считает «первой заповедью». Впрочем, у него была еще одна «первая заповедь». При каждом удобном случае он любил напоминать, что малодушие, терпимость или жалость к людям, мешающим выполнению приказа командования, есть проявление слабости. Вот почему, наверное, на наблюдательной вышке появился транспарант: «Терпимость — признак слабости!»

Солнце уже взошло, когда с наблюдательной вышки сообщили, что к их участку движутся два трактора. Арье Херсон с радостью поспешил подняться на наблюдательную вышку.

Когда тракторы пересекли обозначенную колышками границу земельного участка, занятого отрядом холуцев, по команде Арье Херсона на вышке взвился белый флаг с голубой шестиугольной звездой. По этому сигналу все холуцы бросили работу и выстроились перед вышкой в шеренгу: один из них, совсем еще молодой паренек, достав из кармана крохотный молитвенник, прочел конторским голоском короткую молитву — освящение земли... Затем холуцы, стоя по стойке «смирно», исполнили гимн «Атикву».

Почти тут же грузовики двинулись в обратный путь, а трактористы, прицепив плуги, деловито возобновили вспашку земли. С шумным ликованием возвращались холуцы к прерванной работе.

— Вот как возникают наши сельскохозяйственные колонии,— не то удивляясь, не то радуясь, сказал холуц, работавший вместе с Хаимом.— Другим путем, наверное, не создать нам свое государство...

Хаим ничего не ответил. Он вспомнил обездоленных и обозленных румынских крестьян, которых холуцы квупа имени Иосефа Трумпельдора лишили заработка, отняли последний кусок хлеба. К счастью, временно. Но здесь-то, на «земле обетованной», они, холуцы, обездоливают арабских крестьян не временно, а навсегда!

Завтракали посменно, чтобы не прерывать работу. Три грузовика вернулись с очередной партией колючей проволоки и снова уехали. Холуцы продолжали спешно огораживать захваченную землю.

Работа кипела. Но вот с наблюдательной вышки поступило сообщение: из-за пригорка показалась большая группа крестьян с палками и вилами...

По тревоге холуцы бросили работу и заняли места в траншеях. Тракторы тоже было остановились, но по приказу Арье Херсона продолжили вспашку земли.

Когда крестьяне подошли на близкое расстояние к огороженной колючей проволокой территории, по команде старшего инструктора Арье Херсона холуцы залпом выстрелили в воздух. Хаим судорожно сжимал винтовку в руках и молил бога, чтобы несчастные люди поскорее вернулись к себе в деревню. Он отчетливо видел, что среди крестьян были старики и даже женщины с детьми.

Крестьяне-феллахи испуганно отпрянули и, побросав свои палки и вилы, вскоре скрылись за холмом. Хаим глубоко вздохнул и в то же мгновение почувствовал себя совершенно обессиленным. Он неловко опустился на землю, взглянул в сторону холма и про себя твердо решил, что, если оттуда вновь покажутся несчастные феллахи, стрелять он ни за что не будет.

— Ничего не поделаешь, — как бы оправдываясь, сказал напарник Хаима. — Мы тут постреливаем в воздух, а где-то в наших людей стреляют по-настоящему... Хотя если бы они, крестьяне, не испугались и пошли на нас, могла бы и здесь пролиться кровь... Бывает. Такое время: кто кого! И вообще не первый это случай и, к сожалению, не последний...

Действительно, это был не первый земельный участок, закупленный трестом «Керен-гаисод» у арабских помещиков. Поколения феллахов арендовали эту землю, выплачивая сезонную арендную плату. Но какое дело помещику до того, что у этих людей нет другого источника существования, кроме принадлежащей ему земли? Помещику понадобились деньги, и он продал землю, а феллахи пусть отправляются на все четыре стороны...

Так оно и случилось. Уже через несколько дней многие феллахи из близлежащей деревушки покинули насиженные годами места. Узнав об этом, Арье Херсон направил на разведку в деревню группу холуцев, приказав распространить слух, будто земельный участок куплен у помещика с ведома англичан, которые-де заставляют евреев строить здесь свою колонию.

На появление холуцев, делавших вид, будто они случайно оказались в деревне, феллахи никак не реагировали. Лишь женщины при их появлении опускали на свои лица чадру да загоняли в огороженные стойбища тощих коз и овец, продолжая затем заниматься своим

делом у небольших печей, сложенных в стороне от убогих хижин. Глиняные стены этих жалких домишек настолько потрескались и перекосились, что казалось, вот-вот обрушатся. В деревушке осталось не более десятка семей.

Холуцы попытались завязать беседу с мужчинами, мирно восседавшими у своих хижин. Крестьяне охотно вступали в разговор, ругали помещика, который после снятия урожая содрал с них по четыре мерки зерна вместо обычных трех, а теперь и вовсе оставил без земли... Что делать, куда податься? Хорошо тем, у кого детей мало: поднялись и ушли куда глаза глядят, а многосемейным как быть? Да еще с немощными стариками, разве далеко уйдешь? Никто их нигде не ждет. Одно лишь горе поджидает...

Холуцы предложили мужчинам табаку, феллахи оживились и принялись набивать свои трубки, примешивая к щепотке табака крохотную долю гашиша. В свою очередь, они угощали холуцев свежее испеченными лепешками и козьим молоком. Но нового ничего не рассказали... Горе везде имеет один вкус, и они привыкли хлебать его полными ложками.

Послониавшись по опустевшей деревушке, вдоволь наболтавшись с феллахами и не обнаружив ничего тревожного, разведчики Арье Херсона убрались восвояси.

— Терпимость — признак слабости! — торжествующе произнес старший инструктор военной подготовки Арье Херсон, выслушав вернувшихся холуцев. — Это еще раз подтверждает правоту наших... — Арье Херсон осекся. Насторожились и холуцы: где-то неподалеку раздался сильный взрыв, через несколько секунд последовали еще два взрыва.

На огороженной территории было объявлено «осадное положение»: взрывы не предвещали ничего хорошего. Смеркалось. И тогда с наблюдательной вышки заметили одиноко бредущего по дороге человека.

Высланная навстречу ему вооруженная группа холуцев узнала в нем шофера одного из трех грузовиков, которые взяли смонтированную электростанцию и движок. Все грузовики подорвались на минах, были обстреляны арабами и сожжены. О судьбе двух других шоферов прибывший ничего не знал.

«Вот тебе и «терпимость — признак слабости!» — подумал Хаим и горько усмехнулся.

Холуцам предстояло на следующий день отбыть в свой киббуц. Дальнейшее освоение участка под будущую колонию возлагалось на остальные две группы.

Ночь прошла, как в осажденном лагере: все были в ожидании нового нападения. Старший инструктор Арье Херсон не сомкнул глаз. При малейшем шорохе ему мерещилось, что в темноте подкрадываются арабы... И звенящая тишина казалась ему зловещей...

17

Возвратясь домой, Хаим застал Ойю в крайнем возбуждении и тревоге. И он понял причину: в киббуц вернулась Циля. Увидев ее в столовой, Ойя тотчас же, не прикасаясь к еде, убежала домой.

Между тем Циля сама старалась не встречаться с Ойей и с Хаимом, конечно, не потому, что опасалась каких-либо оскорбительных выпадов с их стороны. Просто приезд этой супружеской пары в киббуц разбередил, казалось бы, давно зажившие ее душевные раны. Память воскресила тот день, когда она впервые в своей жизни стряпала, готовя званый обед, а потом долго и тщательно прихорашивалась, не сомневаясь в том, что именно в этот день состоится ее помолвка с неказистым на вид, но умным, веселым и в общем-то симпатичным парнем. Снова, будто это было вчера, она ощутила острое чувство стыда за унижение и позор, испытанные ею, когда она, дочь раввина, богатая красавица, была отвергнута рыжеватым холуцем, который предпочел ей какую-то нищенку-приживалку, бездомную и безродную иноверку да к тому же еще глухонемую.

Исподволь Циля наблюдала за Хаимом и Ойей, осторожно, стараясь не выдать истинные причины своей заинтересованности, осведомлялась у отца и мужа об их жизни. И убеждалась в том, что вопреки всем страшным испытаниям и бедствиям, которые обрушил на их головы мстительный и всесильный раввин, несмотря на бедность, они были счастливы — они любили друг друга. А она? Она, которой — все было дано в жизни? Все, кроме счастья.

Да, замужество не принесло радости Циле. Ни внешностью, ни умом, ни характером Игол Мейер и отдаленно не походил на тот идеал «суженого», который Циля рисовала в своем воображении в затаившиеся

годы девичества. Сноенравная, эгоистичная, привыкшая быть в центре всеобщего внимания, она оказалась, в сущности, прислужгой своего мужа.

По понятиям Игола, жена должна была заниматься домашним хозяйством, детьми и прежде всего угождать мужу. Он же, муж и хозяин, обязан был, по его убеждению, обеспечить семью материальными благами. И потому все его помыслы были отданы делам киббуца, общение же с супругой ограничивалось совместными и, как правило, торопливыми, молчаливыми трапезами. Вечерами, а то и по ночам между ними возникала перебранка, нередко завершавшаяся скандалом и бегством Цили из киббуца то к отцу, переехавшему с семьей в Натанию, то к родственникам в Хайфут. Ей казалось, что эти отлучки образумят мужа, пробудят в нем ревность, боязнь потерять ее. Но получалось наоборот. Игол во всем оставался таким же, каким был: холодным, невнимательным, — прибавились только поводы к недовольству друг другом — на Цилю сыпались грубые упреки за эти самовольные отлучки из дому.

— Неизвестно куда, к кому и, главное, зачем ты шляешься! — кричал Игол. — Когда ищешь тебя у отца — она, видите ли, оказывается у родственников в другом городе... А там отвечают, что она «только что» уехала к отцу!.. Можно подумать, что мне нечего больше делать, как только заниматься этими глупыми розысками... Ну, а люди что? Не видят разве? А тебе на это наплевать... Жена, называется!

Взаимное раздражение и недовольство, которое подспудно зрело долгое время, наконец, как нарыв, прорвалось наружу.

Был канун «шавуот»¹. Киббуцники готовились к празднику, убирали свои комнаты цветами и ветками. В украшенной внутри и снаружи зеленью столовой в этот вечер подавались исключительно молочные блюда. В киббуце праздник этот посвящался также и уборке урожая пшеницы. По установившейся традиции в этот день киббуцники могли посетить гробницу царя Давида, дни рождения и смерти которого, по легенде, совпали с этим праздником. У входа в разукрашенную полевыми цветами столовую происходила запись желающих совершить это поклонение.

¹ Второй из трех главных еврейских праздников; он приходится на пятидесятый день после пасхи — «праздник жатвы».

Уже стемнело, когда около столовой зазвучали песни и начались танцы. Молодежь пришла на вечер и, заметив, что Игола Мейера и его супруги пока нет, чувствовала себя привольно. Все знали, что управляющий был ярым противником подобных увеселений: с его точки зрения, они противоречили предписаниям библии и талмуда, тем более что праздник совпал с субботним днем, когда в соответствии с обрядовой традицией не следовало ходить в кино или театр и устраивать веселье. Некоторые кибуцники и особенно молодые люди придерживались более современных взглядов и, невзирая на недовольство Мейера, в эти дни устраивали вечера. Иных развлечений в кибуце не было.

Хаим попытался убедить Ойю пойти посмотреть хотя бы издали, как веселятся кибуцники, но Ойя наотрез отказалась. Хаим не обиделся, он понимал, почему она не выходит из комнаты и, пока не стемнеет, опасливо поглядывает в окно.

Со стороны столовой слышались песни «Шиболет Басадэ»¹. Исполняли ее звонкие голоса детей кибуцников. Потом хор мальчиков исполнил «Массаду» — воинственную песню, посвященную героям древних времен. Когда же кибуцники затянули веселую песенку «Майм-майм»², в которой рассказывалось о большой радости тружеников земли, обнаруживших живительную влагу, мимо открытого окна, у которого стояли Хаим и Ойя, прошел чем-то встревоженный Арье Херсон. Он спешил к столовой. Хаим понял, что старший инструктор недоволен тем, что кибуцники поют, с его точки зрения, неподобающие песни. И действительно, только что звучавшая веселая песня вдруг оборвалась. Теперь под звонкую мелодию аккордеона послышался громкий и гнусавый голос старшего инструктора. Он пел:

Ал тира авди Яков!..³

Слушая песню, Хаим невольно вспомнил, что точно так же по ночам румынские легионеры горланили:

Дештяпты-те ромыне
Дин сомнул тыу де вech!..⁴

¹ «Колос в поле».

² «Вода-вода».

³ Воспрянь, Яков! (Буквально: не бойся никого, раб мой Яков).

⁴ Проспись, румын, ото сна векового!.. (рум.).

Помимо воли на Хаима нахлынули воспоминания о Болграде, об оставленных далеко на родине отце, сестренке, друзьях. Эти думы не приносили облегчения его уставшей от забот и волнений душе. И главное, Хаим не видел просвета, надежды на лучшее, — тучи грозно нависали над его головой.

А тем временем в доме управляющего кибуцем разгорелся очередной скандал. Цилия была уверена в том, что рыжий холуц и его убогая жена находятся в столовой, слушают песни, веселятся и даже, может, пляшут вместе с молодежью. Она прекрасно понимала, что ее появление испортит им настроение, а именно этого она и хотела. Да, пусть они собственными глазами увидят, с каким уважением относятся к ней все кибуцники, каким успехом она пользуется у мужчин, как она хороша и как красиво одета. Она знала: стоило ей появиться в столовой, как все устремляли на нее жадные взгляды...

Пусть хоть другие видят, как она счастлива и всем довольна, если ей самой не дано это почувствовать. Пусть и рыжий холуц посмотрит и позавидует... Конечно, она не могла даже намекнуть мужу об этом. От одной мысли, что Игол может узнать, как в свое время пренебрег ею этот тщедушный холуц Хаим Волдитер, Цилию бросало в жар. Конечно, муж не упустил бы случая лишний раз унижить ее, уж он припомнил бы ей эту историю. Цилия ясно представила, как он своим гнусавым голосом изрекает: «Не все то золото, что блестит», — хитро шурит при этом левый глаз. Он любил повторять эту фразу, намекая жене на ее «обманчивую внешнюю привлекательность, под которой скрывается пустой, вздорный характер».

Игол Мейер, с горечью бросая в лицо своей благоверной этот упрек, имел в виду и ее непокорность, и непочтительное отношение к мужу, и чрезмерную склонность к развлечениям, и лень, и, наконец, недостаточную религиозность — нежелание строго соблюдать все предписания талмуда.

В тот вечер, как только Игол переступил порог дома, Цилия стала упрашивать мужа, а потом и настойчиво требовать, чтобы он пошел с ней на вечер к кибуцникам. Но Игол был непреклонен.

— Здесь я не ошибусь, что бы мне ни говорили! — взвизгнул выведенный из себя Мейер. — Сначала я верующий еврей и подлинный сионист, а потом уже муж и

даже мужчина... И если я сказал «нет», так можешь сколько угодно ворчать, все равно будет «нет»!

Тем временем доносившийся со стороны столовой шум веселья стал заметно утихать, и Циля поняла, что люди расходятся по домам. Ее охватила дикая ярость. Она швырнула на стол немытую тарелку и кухонное полотенце, сорвала с себя фартук и, на ходу поправляя прическу, решительно двинулась к двери.

— Черт с тобой! — сквозь зубы злобно процедила она. — Торчи здесь со своими обрядовыми правилами, я все равно пойду туда!

— А я не допущу, чтобы дочь раввина и жена управляющего киббуца кошунствовала вместе с «фрэнками» и им подобными! Это позор! Или ты сошла с ума?

С этими словами Игол вскочил со стула, догнал Цилю в дверях и резко дернул ее за руку. От неожиданности Циля споткнулась и упала...

Горькая обида и бессильная злоба на мужа, жалость к себе, досада на то, что упущена возможность омрачить жизнь ненавистной влюбленной парочке, наконец, сознание того, что в те самые мгновения, когда она, оскорбленная и униженная, страдает, Хаим и Ойя наверняка блаженствуют, — все эти мысли и чувства нахлынули на нее, приведя в смятение. И она, давясь слезами и причитая, горько разрыдалась.

Игол попытался было успокоить ее, приподнять с пола, но Циля, отталкивая его, рыдала все безутешнее. Наконец она позволила поднять себя с пола, усадить на кровать. Циля затихла, прислонилась к плечу мужа и, всхлипывая, жалобно зашептала:

— Ну почему, почему мы так, Игол?! Зачем?! Смотри, как люди живут и наслаждаются жизнью, а мы?..

Опасаясь новых слез, Игол не стал, как всегда, перечислять качества своей супруги, которые, по его мнению, были причиной семейных конфликтов. Прижимая к себе, он нежно гладил ее голову, плечи, приговаривал:

— Это правда, Циликл! Правда. Успокойся... Все пройдет и будет хорошо... Бог поможет!..

Скупой на ласку и нежное слово, всегда занятый работой, уставший сейчас Игол был нежен, и Циля восприняла это как радостную для них обоих победу. Она обхватила голову Игола теплыми руками, приблизила свое мокрое от слез лицо к его лицу. Устремленные на него глаза выражали скорбную радость и умиление.

— Игол! Мой хороший Игол! Обещаю тебе, и ты обещаешь больше не ссориться,— шептала она, все еще всхлипывая.— Поцелуй меня...

— Хорошо-хорошо, Циликл, пожалуйста! Я обещаю... Успокойся.— И Игол выполнил ее желание, поцеловал, как целуют ребенка, плачущего не столько от боли, сколько от испуга и обиды после падения.— Ты хочешь, чтобы я еще раз поцеловал тебя, не-ет?

Кроме желания успокоить жену, Игол ни о чем другом не помышлял. В душе он уже сомневался, следовало ли ему в канун субботнего дня прикоснуться к жене, если даже та впала в истерику. Но Циля не была столь правоверной, а в эти минуты забыла и о субботнем дне и о соблюдении предписанных талмудом норм поведения.

— Еще, Игол, еще...— шептала она и сама прильнула к мужу, целуя его.— Вот так!.. А теперь ты меня поцелуй. Ну!

Игол стал осторожно освобождаться из объятий супруги.

— Циликл! Как можно?.. Ты забыла, что суббота уже наступила?! Пусти меня...

Это напоминание подействовало на Цилю, как удар хлыста.

— Нет! Хватит. Не пушу!..

— Кошунство это! Циликл, опомнись! Слышишь? Оставь меня! Я прежде всего верующий, а...

Иголу не удалось договорить: Циля, потеряв самообладание, повисла у него на шее, под тяжестью ее пышного тела Мейер опрокинулся на спину.

— Молчи, мучитель! Молчи, проклятый субботник... Молчи...— кричала Циля, зажимая мужу рот руками.

Низкорослый Игол не отличался крепким здоровьем. Он часто испытывал слабость и усиленное сердцебиение, но не придавал значения этому недомоганию. Сейчас, задыхаясь, он стал испуганно и судорожно вырываться из цепких рук Циля.

— Нет, мучитель!.. Не отпущу...— злобно причитала Циля.

Почувствовав наконец, что Игол перестал противиться, она взглянула на посиневшее лицо мужа.

— Игол! Что с тобой, Игол? А, Игол!— Циля испуганно отпрянула от распростертого, безжизненного тела Игола Мейера.

Потрясенная случившимся, она кинулась бежать, что-

бы оповестить людей о несчастье. За порогом дома ее встретили ясная звездная ночь, тишина и безлюдье. Нигде в окнах домов не горел свет. В замешательстве она бросилась в одну сторону, потом в другую и остановилась: благоразумие подсказало ей, что будет лучше оставить все до утра и ночью не поднимать тревогу.

Ранним утром, лишь забрезжил рассвет, она, растрепанная, полуодетая и босая, с криком выбежала из дома, опрометью кинулась к домику, в котором жил Арье Херсон, забарабанила в окно...

— Скорее! Он лежит, будто не живой... Я не пойму... Помогите!

Сбежавшиеся в дом управляющего киббуцники увидели Игола Мейера лежащим на смятой постели, руки его были распростерты, голова свесилась с края подушки, лицо посинело и глаза безжизненно смотрели куда-то в ноги толпившимся людям.

— Скажите же, люди! — Циля бросалась то к одному, то к другому киббуцнику. — Он жив?

Киббуцники молчали. Скорбно молчал и Арье Херсон.

— Ну, хавэр Арье, что вы молчите?! Скажите же мне наконец! Он жив еще? — Циля умоляюще смотрела на Арье Херсона.

Глаза старшего инструктора наполнились слезами. Он растерянно пролепетал:

— Пока... нет.

Бразды правления киббуцем временно принял на себя старший инструктор военной подготовки Арье Херсон. Он объявил об этом, собрав киббуцников и сообщив им, что «незабвенный Игол-бен-Леви Мейер скоропостижно скончался от разрыва сердца в расцвете сил и необыкновенного организаторского таланта».

На похороны управляющего в киббуц приехали знатные люди, в том числе и тесть покойного реббе Бен-Цион Хагера. Он лично, как лучший кантор, отслужил у свежего холмика из желтой глины заупокойную молитву, при этом искусно прослезился в кульминационный момент душераздирающей «амулэ»¹.

Безутешная вдова стояла в глубоком трауре, лицо ее закрывала кружевная шаль. Циля казалась убитой го-

¹ Заупокойная молитва.

рем, так что вот уже третьи сутки никто не осмеливался спросить у нее, при каких обстоятельствах Игол Мейер столь неожиданно ушел из жизни.

Приехавшая мать Игола голосила, рвала на себе волосы.

— Никогда мой мальчик не жаловался на сердце,— причитала она.— Откуда взялась у него эта болячка? Откуда? Я всегда боялась, что, не дай бог, он простудится, но сердце?! Я никак не могу понять, и никто не может мне объяснить!

В этих настойчивых причитаниях мало кто из присутствующих не улавливал горький упрек в адрес жены покойного. Быть может, лучше, чем сама Циля, понимал это реббе Бен-Цион Хагера.

— Да, это правда, не жаловался он на свое сердце,— в тон старушке заговорил реббе.— Не жаловался потому, что всего себя отдавал нашему общему делу, не щадил себя... Вы же знаете, как много он работал, как близко к сердцу принимал большие и малые дела в киббуце, как горячился из-за малейшего упущения. И вы же знаете, каких замечательных успехов достиг киббуц под его руководством! Щедрое сердце вашего сына живет и будет жить в прекрасных плодах его труда!..

— Живет оно и в наших сердцах, поверьте мне,— поддакнул Арье Херсон. Со дня кончины управляющего его не покидала мысль об оставшихся целехонькими двенадцати тысячах фунтов стерлингов, которые отвалил реббе «незабвенному» Иголу Мейеру, выдавая за него свою любимицу дочь.— О каждом из нас он заботился, каждому отдал частицу своего сердца... Это же был человек! О, какой человек! Он всегда говорил, что прежде всего является верующим евреем и подлинным сионистом! Разве можно забыть такого человека?

Прикрывая лицо шалью, Циля чутко прислушивалась к проникновенным речам отца и старшего инструктора военной подготовки. Горестно всхлипывая, она вспоминала жадные взгляды Арье Херсона, которые она частенько ловила на себе, и сердце ее блаженно замирало.

После скорбных проводов безвременно усопшего управляющего в последний путь Арье Херсон принимал горячее участие в организации миньен¹. Распорядитель-

¹ Молитвенный обряд в доме усопшего, на котором должно присутствовать не менее десяти мужчин, достигших тринадцатилетнего возраста; м и н ь е н — буквально: число необходимое.

ный, энергичный Арье Херсон, с грустью поглядывая на Цилю, приказал всем мужчинам киббуца собраться в молитвенную комнату, чтобы и там отслужить, согласно обрядовым правилам, общую заупокойную молитву.

Хаим не мог принять участие в молитве: Ойе вдруг стало очень плохо.

— Наверное, у нее начинаются схватки,— дрожащим от испуга голосом сказала медицинская сестра,— а я не знаю, что в таком случае делают... Ее надо в больницу.

Сестра побежала к Арье Херсону: взять машину мог разрешить только он. Но в комнату, где молились мужчины, женщинам вход был запрещен. Сестра нерешительно остановилась возле двери в надежде передать просьбу первому, кто выйдет. «Попрошу, чтобы вызвали старшего инструктора»,— подумала она и ждала. Но никто не выходил и на робкий стук ее не ответил.

— Наш новый межгях на миньен,— чуть не плача сообщила она Хаиму.— Что же делать?

Хаим сам побежал в молитвенную комнату киббуца, но оказалось, что Арье Херсон находился на молитве в доме почившего. Пойти туда он не решался: там были Циля и ее отец раввин Бен-Цион Хагера. Хаим побежал в конюшню, но дежуривший киббуцник лишь посочувствовал ему, однако без разрешения управляющего дать лошадь не решился.

— Такой порядок еще от того межгяха, вашего аш-кинази,— ответил дежурный.— Но и этот военный инструктор не лучше. Он так любит нас, «фрэнков», что не будет большого горя, если тоже отправится в рай... Но все-таки, пока он жив, мне нет никакого интереса с ним связываться.... Пусть даст разрешение, и я хоть всю конюшню...

Хаим убежал, не дослушав киббуцника.

Только что сменивший с дежурства в коровнике Эзра увидел в окно бегущего Хаима. Он окликнул его, но Хаим даже не оглянулся. Эзра понял, что у Хаима случилось что-то неладное, и тотчас же пошел вслед за ним. На этот раз он осмелился заглянуть в дом и, узнав, в чем дело, сразу вызвался отнести Ойю на руках до дороги, чтобы там перехватить попутную машину и таким образом доставить роженицу в больницу.

Ойя застонала, лицо ее исказилось от боли, и Эзра немедленно бережно взял ее на руки вместе с покрывалом, на котором она лежала. Он легко, словно нес младенца, за-

шагал к шоссе. Хаим и медсестра едва поспевали за ним.

Эзра знал кратчайший путь, и вскоре они благополучно достигли дороги, стали ждать. Но машин не было. Между тем уже заметно стемнело, на небе появились первые звезды. Наконец-то вдали замерцал свет фар.

По шоссе шел военный грузовик. Шофер-англичанин не сразу понял, чего от него хотят, а догадавшись, выразительно пощелкал пальцами, требуя плату.

Киббуцники смущенно переглянулись: ни у кого не было ни пиастра. Заметив их замешательство, шофер что-то сердито буркнул и захлопнул дверцу кабины, собираясь ехать. Но в это мгновение Эзра вскочил на подножку машины и просунул в окно свои большие круглые часы.

...Через час Ойя находилась в первой попавшейся на пути больнице. К исходу следующего дня после тяжких мук она родила мальчика.

Для Хаима Волдитера настали радостные дни. Недавние страдания и горести, память о которых, казалось, никогда не изгладится из его сердца, теперь отступили, стусевались, канули в прошлое. Он чувствовал себя обновленным человеком, будто сам заново родился!

В знак глубокой благодарности Эзре Хаим решил назвать сына его именем. Торжественным тоном он сказал Эзре об этом. Улыбнулся:

— И будут два Эзры: один большой и черный, другой маленький и рыженький!..

От неожиданности и счастья Эзра зажмурил глаза, его толстые, светлее лица губы беззвучно зашевелились, произнося молитву.

Но счастливее всех была Ойя. Врачи объяснили ей, что мальчик непременно будет говорить, и умолчали о своем опасении за его здоровье: тяжелые роды не прошли бесследно.

Каждый день под вечер Хаим навещался в больницу. Арье Херсон не только разрешил ему эти отлучки, но и распорядился выдать деньги на дорожные расходы.

Через несколько дней Ойя уже чувствовала себя настолько хорошо, что, к великой радости Хаима, вышла к нему во двор больницы. Глаза ее сияли от счастья, когда она сообщила ему, что их сын будет говорить, как все люди, как сам Хаим. Она радостно кивала на окна

больницы, словно убеждала Хаима, что да, именно так ей сказали врачи, добрые люди, которые живут здесь, в этом большом, светлом здании. Когда, простившись, Ойя ушла в палату, Хаима окликнула женщина в белом халате и попросила зайти в кабинет.

Пожилой врач с остроконечной бородкой и холеным лицом весьма любезно встретил его, предложил присесть, стал расспрашивать, откуда он родом, где и кем работает, затем, как бы между прочим, отметил, что больница, в которой лежит его, Хаима, жена, платная.

— В подобных случаях мы не принимаем рожениц, но вам повезло! — признался врач и расплылся в улыбке. — Вы привезли жену на английской военной машине, а в тот вечер впервые дежурил только что прибывший к нам врач-иммигрант, еще неопытный, незнакомый со здешними условиями. Вот он и решил, что поскольку машина английская да еще военная, то принять роженицу он обязан... Теперь поняли, как это получилось? — И врач вновь ослепительно улыбнулся. — Но я полагаю, что моему коллеге за эту оплошность не придется расплачиваться из собственного кармана. Надеюсь, ваш киббуц внесет требуемую сумму... Не так ли? Вот передайте, пожалуйста, вашему управляющему...

С этими словами врач небрежным движением сунул Хаиму в руки какую-то бумагу.

— Не в уплате, разумеется, сейчас дело, — продолжал он, все так же любезно улыбаясь, — она, полагаю, будет произведена... Я пригласил вас по другому поводу... Вам, наверное, уже сообщили, что мальчик ваш будет говорить? В этом отношении действительно все обстоит нормально. Да, да! Но вот с сердечком у него не все благополучно... Вначале мы думали, что при столь тяжелых и продолжительных родах произошла незначительная асфиксия, но, к сожалению, в последующие дни посинение усилилось... Это уже свидетельствует о сердечной декомпенсации... Во что это выльется в конечном счете, пока сказать трудно. Разумеется, все зависящее от нас будет сделано. В этом я вас заверяю! Однако состояние ребенка оставляет желать много лучшего, и вас, как отца, я должен об этом поставить в известность. Будем надеяться на лучший исход, но, сами понимаете... все мы ходим под господом богом, и надо быть, как говорится, ко всему готовым...

Из больницы Хаим ушел, едва сдерживая слезы.

«Ничего у меня ровным счетом не проходит гладко!— горестно размышлял он.— Никому я не делал в жизни плохого, а несчастья валяются на мою голову одно за другим. Сердечко у малыша не в порядке, какая-то «декомпенсация», а что это такое?»

На следующий день Хаим пробыл в больнице всю ночь. Ойя почему-то не вышла к нему, о состоянии ребенка никто ничего определенного не говорил, лишь предложили подождать вызова врача. И он мучительно ждал, то надеясь, то отчаиваясь.

Только под утро его пригласили в кабинет врача. И здесь Хаим долго сидел один, одолеваемый страшными предчувствиями. Наконец вошел врач, другой, незнакомый Хаиму. Он сразу начал с того, что мальчик родился с врожденным пороком сердца. У Хаима похолодело в груди, голова закружилась, будто его посадили на карусель. Он молча смотрел на врача, напряженно вслушиваясь в непонятные медицинские термины — асфиксия... синюшность... увеличение печени... комбинированный врожденный порок сердца... полная декомпенсация... — и тщетно ожидая услышать хоть одно обнадеживающее слово.

— Медицина в таких случаях, как ни печально, пока бессильна... — заключил врач и развел руками.

Он замолчал, а Хаим все смотрел на него, все ждал, надеясь и холодея от мысли, что надеяться больше не на что, сейчас надо встать и уйти, но подняться со стула сил не было. Нет, нет! Он должен бороться, должен что-то сделать.

— Извините, пожалуйста, хавэр доктор, — проговорил Хаим, — но я не понял, что же с моим мальчиком? Неужели ему нельзя помочь?

Врач вытянул длинную шею из белого накрахмаленного халата с вышитой на груди монограммой.

— Не поняли?! — Он удивился и отвел глаза в сторону. — Ваша жена все знает... Мы оказались бессильны, понимаете? Ничего не поделаешь... А дети у вас, поверьте, еще будут! Оба вы молоды и успеете.

Весь день, как в страшном кошмаре, метался Хаим между больницей, киббуцем и раввином, со слезами упираивая сначала дайяна, затем и самого раввина разрешить ему похоронить сына на кладбище.

Бородачи с длинными и короткими пейсами, в долгополых капотах или куцах черных сюртуках смотрели на

уставшего, измученного горем молодого киббуцника так, будто он просил их достать с неба утреннюю звезду.

— Вы еще совсем молоды,— заговорил почти отцовским тоном краснощекий дайян,— однако должны знать, что на протяжении тысячелетней истории иудейства, понимаете ли вы, не было случая, чтобы шейгецеля¹ похоронили на кладбище среди благочестивых, полноценных евреев, рожденных от матери-еврейки и отца-еврея! Вы же хотите сделать так, как никогда еще не было и, должен вас заверить, никогда не будет!.. С какой, скажите, стати ваш мальчик, рожденный иноверкой, я уже не говорю о том, что он не подвергался обряду обрезания, должен быть похоронен не там, где ему положено? Не обижайтесь, но какой он еврей? Вы мне скажете, что вы его отец и вы — еврей? Позвольте вам ответить, что такого рода довод неубедителен! Где, позвольте вас спросить, досказательство, что именно вы его отец? Известно множество случаев, когда родитель полагал, что он отец ребенка, а в действительности им оказывался другой человек, не имеющий никакого отношения ни к иудейству, ни к рождению ре...

Хаим вскочил и, прервав старца, выпалил как из ружья:

— Клопы вы вонючие, а не евреи! Сосете кровь иудейского народа, будьте вы прокляты!

Ошеломленные, с открытыми ртами раввин, дайян и другие служители синагоги, присутствовавшие при разговоре, опомнились лишь после того, как с дверной рамы грохнулась на пол штукатурка.

...Сына своего Хаим и Ойя вместе с прибывшим к ним из киббуца Эзрой похоронили в крохотной и очень глубокой яме, выкопанной по другую сторону забора, ограждавшего тель-авивское кладбище, среди множества таких же могил: похороненные в них тоже не были признаны раввинатом иудеями.

В киббуце по настоянию раввината Хаиму Волдитуру дали знать, что он должен сидеть «шивэ»² всего лишь один день.

— Мальчик у вас незаконнорожденный,— сказал Ха-

¹ Мальчик иной веры (презрительно).

² Предписанный талмудом обряд, согласно которому в знак траура родные покойника в течение недели сидят дома на полу в носках, без обуви.

иму без всяких обиняков Арье Херсон.— Не обижайтесь, но он считается «мамзер»¹... Вы знаете, что это означает?

Хаим не ответил.

— Так вот,— продолжал Арье Херсон,— это первое. Точнее — второе, а первое — это то, что он появился на свет божий от родителей, только один из которых принадлежит к нашей нации. Поэтому послезавтра выходите на работу. Через недельку вернемся к этому разговору. Это уже будет третье. И тогда решим вопрос о вашей, не знаю, как ее назвать, ну, пусть — о вашей сожительнице. Нельзя же так дальше, не правда ли? Только животные сходятся как попало... Вы же все-таки холуц! И нельзя вам дальше оставаться в таком ложном положении... Мы создаем культурное государство с высоко нравственным и интеллигентным народом, глубоко чтущим наши многовековые богатые традиции, а вы вольно или невольно топчете их... С этим надо кончать!

Так же безучастно выслушал Хаим и наставления старжила киббуца, старика, выполнявшего в молитвенной комнате функции шамеса, в категорической форме заявившего, что Хаиму будет вполне достаточно нести траур и не бриться всего одну недельку вместо положенного обрядом целого месяца... Все по той же причине.

Хаим не думал ни о трауре, ни о бритье, ни о традициях, ни даже о жизни своей, так потрясли его смерть сына и похороны, как какого-то бездомного щенка... Нет правды и справедливости на этом свете. А еще какой-то мудрец назвал его «белым светом»! Хаим вспомнил Молю, ее слова, произнесенные в тот последний вечер: «И это земля обетованная? Ее же проклинали целые поколения на протяжении многих веков... Это проклятая земля!»

Ойя страшно переменилась. Она целыми днями сидела словно каменная: ничего не просила, ничего не делала, не притрагивалась к пище, лишь подолгу смотрела на Хаима своими огромными черными, как ночь, скорбными глазами. Что она хотела ему сказать? О чем спросить?

И Хаим не мог выдержать этот странный взгляд, на его глаза навертывались слезы, и он отворачивался или спешил выйти из комнаты.

Так длилось несколько дней. Хаим, медсестра и наве-

¹ Рожденный иноверкой (презрительно).

шавшая Ойю женщина-соседка старались успокоить ее, утешить, отвлечь от горестных мыслей. Но все было безуспешно. Хаим совсем отчаялся, как вдруг однажды, проснувшись рано утром, увидел Ойю, проходившую мимо окна с ведром воды. Хаима это очень обрадовало не только потому, что было признаком наступившего в ее состоянии перелома к лучшему, но и по другой причине. Еще в то время, когда они жили во флигеле Соломонсона, теща Нуци Ионаса, узнав, что Ойя гречанка, распустила слух, будто Ойя осквернит воду, если и впредь будет ходить к колонке. Ойя тогда поняла, в чем дело, и перестала ходить за водой. Избегая новых неприятностей, она в киббуце никогда не подходила к колодцу. И вот вдруг теперь преодолела свою боязнь...

Обрадован был Хаим еще и тем, что в то утро Ойя и внешне преобразилась: причесалась, красиво заплела свои длинные косы, надела новую блузку и туфли, купленные еще во время работы Хаима в Экспортно-импортном бюро.

Впервые за все эти печальные дни Хаим с облегчением вздохнул. Уходя на работу, он подошел к Ойе, поцеловал ее, и она, обхватив его голову ладонями, долго не отпускала от себя, пристально всматриваясь в его лицо, словно хотела запомнить на всю жизнь.

В это время раздался стук в окно: Эзра торопил Хаима, опасаясь опоздать на работу. И только тогда Ойя бессильно опустила руки.

Хаим вышел из дома, у ворот он обернулся и увидел в окне Ойю: она махала ему рукой. Улыбаясь, Хаим ответил ей тем же.

На складе шла разгрузка силоса с прибывшей накануне вечером машины. С фермы доносился гул сепараторов. Где-то тарахтел дизель, качавший воду. Мычали коровы, возвращавшиеся с водопоя. Вдали гроыхал трактор, доносились разговоры, смех киббуцников. Но Хаим ничего не слышал. Он работал машинально, с беспокойством думая об Ойе. Что с ней? Нет, не обычно провожала она его сегодня утром... Станным был ее взгляд, будто она прощалась с ним навек. Погруженный в эти тревожные мысли, Хаим не услышал донесшийся истерический крик:

- Сюда скорей! Хавэрим, сюда!
- Женщина бросилась в колодец!
- Немая! Немая утопилась!..

Нуци Ионас поздоровался с Хаимом, как с лучшим другом: крепко обнял, усадил, участливо расспрашивая о здоровье, о работе в киббуце. Хаим угрюмо молчал, лишь изредка отчужденно поглядывал на собеседника.

— Понимаю тебя, Хаймолэ, понимаю, честное слово! — Упитанная физиономия Нуци страдальчески сморщилась. — Мне рассказали. Ужасное горе тебя постигло... Кто бы мог подумать?!

Хаим пожал плечами и горько усмехнулся: он-то знал цену этому «дружескому» сочувствию! Однако Нуци Ионас сделал вид, что ничего не понял, не заметил.

— Но что было, то прошло, — продолжал он, по-прежнему с жалостью поглядывая на Хаима. — Ты, Хаймолэ, еще молод, вся жизнь у тебя впереди, и надо думать не о прошлом, а о будущем. К тому же в твоей помощи нуждаются и старик отец и сестренка... Забывать о них ты не имеешь права. Все-таки они тебе самые близкие! Не так ли? Надо, пожалуй, выхлопотать им вызов сюда? А что? Я говорю вполне серьезно! Перспектива у тебя теперь отличная... По воле всевышнего нет больше причин, из-за которых ты в свое время лишился работы в Экспортно-импортном бюро, и я знаю, что наши хавэ-рим, а я в первую очередь, будут довольны, если ты вернешься. Поверь мне, я говорю искренне. Хотя сам понимаешь, что незаменимых работников нет. Это я могу тебе сказать твердо. Единственная причина столь доброго отношения к тебе состоит в том, что ты из одного квуца с нами. Ну, конечно, еще и потому, что отбывал «акшару» не только за себя, но и за нашего хавэра Симона. Это тоже о чем-то говорит! Он для нас всех много значит... Кроме того, скажу тебе искренне, не хочется мне начинать все сначала с новым человеком, обучать его, вводить в курс наших дел и всякое такое. Надеюсь, понимаешь меня? Как-никак, а ты уже был посвящен в специфику нашей работы и соображал что к чему...

Нуци Ионас хоть и уверял Хаима в своей искренности, но и на этот раз лгал. Ионас был заинтересован в том, чтобы Хаим вернулся в Экспортно-импортное бюро совсем по другим причинам: разумеется, неприятно лишиться честного и бесхитростного помощника, но куда неприятнее лишиться прежнего доверия и расположения руководящих деятелей «Иргун цваи леуми».

«Откуда было мне знать, что немая жена рыжего «локша» гречанка!— жаловался Ионас в те дни Симону.— Что я, рентгеновский аппарат?!»

Ионас удержался на своем посту только благодаря Симону. Однако вышестоящие хавэрим не переставали упрекать не только Ионаса, но и самого Симона Соломонзона. Штерн и его ближайшие единомышленники хотя и зависели от Симона в финансовом отношении, тем не менее всегда держали камень за пазухой, противодействуя его стремлению расширить свою власть в «Иргун цваи леуми». Вот почему Нуци Ионас, как только узнал о самоубийстве Ойи, примчался к Симону в ночное время и, захлебываясь от радости, объявил: «А все-таки есть справедливость на свете, чтоб я пропал, если ошибаюсь!.. Немая-то рыжего локша откинула сандалии!..»

Однако сообщение Нуци не произвело на Симона Соломонзона никакого впечатления: его меньше всего интересовала судьба жены холуца Волдитера. Но Нуци Ионаса это не смутило.

«К чему нам оставлять Давиду Кноху и Штерну козырь, будто мы ошиблись с холуцем Волдитером, взяв его на работу в порт?!— воскликнул Нуци.— Они же при каждом удобном случае спекулируют на этом!.. Между тем сам холуц Волдитер по всем статьям подходящий для нашего дела человек: отбыл «акшару» за вас, но никогда и ни перед кем этим не хвастался; в порту работал прилежно— от самого Кноха заслужил похвалу; был посвящен в специфику наших дел и даже в обстоятельства смерти Майкла, однако всегда держал язык за зубами. Пережил столько несчастий, с ума сойти можно! И до сих пор молчит, как рыба! Именно такие холуцы нужны нам, а не болтуны. Понабрали всякой швали, а потом еще удивляемся, откуда сведения, которые, казалось, знает только один господь бог, становятся достоянием англичан и арабов?.. А то, что у Волдитера жена была гречанка, так что поделаешь, но теперь-то ее нет, была, да сплыла. Почему сейчас нам не взять его обратно и не заткнуть глотку вашим завистникам?!»

Этот аргумент показался Симону веским. Он уже не раз убеждался, что Давид Кнох разделял точку зрения Штерна, поддерживал его, откровенно делая ставку на него. Это раздражало Симона: «Работает Кнох у меня, я ему плачу, и немало, а он пятки лижет этому шизофренику Штерну. Тоже мне вождь сыскался!..»

Симон Соломонзон согласился с предложением Ионаса: снова пригласить Хаима Волдитера на работу в Экспортно-импортное бюро, пока на какую-нибудь второстепенную должность.

«Поживем, увидим. Потом вернем его к Кноху,— заметил Симон.— Для начала и этого достаточно».

Так, с благословения Симона Соломонсона Нуци Ионас явился в кибуц. Предлог для такого визита подвернулся вполне подходящий: вместе с Ионасом прибыли два грузовика с оружием. Хаим, естественно, не знал об этом, но догадывался, почему Ионас и Херсон подолгу засиживались в фуражном складе, по другую сторону которого имелся хорошо замаскированный вход в подземный склад оружия.

Выслушав Ионаса, Хаим отказался возвратиться на службу в Экспортно-импортное бюро.

— И ты еще крутишь носом?! Ты в своем уме, Хаймолэ?— обиженно проговорил Ионас.— Неужели тебе здесь лучше? Что ты тут заработал?— Нуци пренебрежительно ткнул пальцем в потертую куртку Хаима.— Так и будешь вкалывать всю жизнь? Ведь в кибуце же у тебя никакой перспективы! Ты хоть это-то в состоянии понять?

— В состоянии...

— В таком случае я ничего не понимаю!.. Честное слово! Может быть, объяснишь?

Хаим молчал. Заговорил вновь Ионас: теперь уже об ответственности перед временем, в которое они живут, и о грандиозных задачах, стоящих перед ними, холуцами. Но, видя, что и на это собеседник не реагирует, Ионас решил пойти с козырной карты.

— Ты знаешь, Хаймолэ, мы ведь давно перебрались в Тель-Авив?— произнес он, вглядываясь в лицо Хаима.— Квартирка у нас такая, что когда придешь, закачаешься! Ванна, горячая вода утром и вечером, телефон! В подъезде у нас, знаешь, когдаходишь или уходишь, вечером нажмешь кнопку — зажигается свет, но ровно через одну минуту, как только ты прошел, сам по себе гаснет!.. Здорово, нет? «Реле!» Такой аппарат... И, между прочим, ты теперь тоже будешь жить в городе. Серьезно. Даю тебе честное слово, Хаймолэ!

— Нет,— твердо ответил Хаим.— Мне ровным счетом ничего не нужно. Абсолютно.

Ионас опешил. Он был уверен, что стоит ему только

намекнуть на возможность вернуться на прежнюю работу, как рыжий «локш» ухватится за это предложение обеими руками! А тут не помогает даже такой соблазн, как жилье со всеми удобствами в Тель-Авиве!.. Ионас не ожидал подобной реакции от робкого холуца. Тем не менее он бодро сказал:

— Э, нет, Хаймолэ, это несерьезно... Я понимаю, ты сейчас расстроен, тебе ни до чего. Знаю по себе: бывает и у меня такое. Но и это пройдет, как все проходит в жизни... Не кончать же тебе из-за Ойи самоубийством!

— Не надо об этом!— резко прервал его Хаим.— Прощу тебя, хватит!

— А что такое я сказал, Хаймолэ!— произнес Ионас, с обидой поджав губы.— Ты, по-моему, знаешь, как я к ней относился. Кто, скажи, как не я, тогда приютил вас, забрал со «сборного пункта»? Или ты забыл, что...

Хаим оборвал Ионаса:

— Я прошу тебя, перестань! Это же ровным счетом — сначала отнять человеку голову, а потом проливать слезы по его волосам...

Но Ионас будто не понял намек Хаима.

— Я понимаю тебя. Думаешь, нет? Честное слово, понимаю. Ты опечален. Согласен. Пожалуйста. Поработай еще некоторое время в киббуце, успокойся, а я как-нибудь заеду, и мы еще поговорим...

Хаим отрицательно покачал головой.

— Не о чем нам говорить,— сказал он твердо.

— Поговорим, поговорим,— наставлял Ионас, похлопывая Хаима по плечу, и уже более жестко добавил: — Ты холуц квуца имени Иосефа Трумпельдора, и с этим, мой дорогой, не шутят... А пока, Хаймолэ, акшэм¹.

Со дня визита Ионаса в киббуц новый управляющий Арье Херсон резко изменил свое отношение к Хаиму Волдиту. Он тут же предложил ему перейти на более легкую и чистую работу, освободил от дежурства по ночам в коровнике, разрешил отлучаться из киббуца, если у него возникнет в этом надобность... Но Хаим отклонил все эти подачки и продолжал трудиться наравне со всеми киббуцниками. Единственная просьба, с которой он обратился к Арье Херсону, состояла в том, чтобы ему разрешили в свободное время навещать могилы Ойи и сына.

¹ Привет.

— Конечно, конечно! О чем разговор, хавэр Хаим?! Ваше право, пожалуйста!

В тот же день Хаим еще попросил, чтобы ему разрешили переселиться в комнату Эзры. И единственная вещь, которую он взял с собой, была косынка Ойи. Он хранил ее так же бережно, как некогда Эзра свои большие круглые часы, так же, как Эзра, на досуге уединялся и, подолгу перебирая в руках косынку, вспоминал шаг за шагом короткую жизнь, прожитую со своей любимой.

Киббуцники с удивлением и уважением наблюдали за поведением Хаима и сочувствовали ему, однако он ни с кем из них не сближался. Впрочем, исключением был лишь киббуцник Моисей, или, как некоторые звали его, Моше. Работал он шофером на грузовике и часто вместе с Хаимом ездил в Тель-Авив или Иерусалим. Родом он был из Одессы и как истый одессит отличался общительностью и остроумием. Без устали сыпал он шутками и рассказами о событиях своей жизни. Слушая его, Хаим невольно оживлялся, отвлекался от постоянно гнетущих его мыслей, вспоминал и свой край — Бессарабию, отца. Все чаще и чаще вспоминал он и своего друга Илюшку Томова.

В Иерусалиме жила тетушка Моисея, к которой тот часто заглядывал в гости после сдачи молочных продуктов на сыроваренную фабрику.

— Масейка! — обычно по-русски говорила ему тетушка Дора, пожилая, но еще бодрая женщина. — Жаркое с картошечкой ты скушаешь здесь... И не быть мне твоей теткой, если хоть кусочек останется, ты слышишь, Масейка?! А этот сверточек возьмишь с собой. Я же знаю, что в вашем киббуце флуден¹ валяется под ногами, как мусор. Но ты все-таки сверточек возьмишь!..

И частенько Моисей, вернувшись в киббуц, в тот же вечер заходил с подарками своей тетушки к Хаиму и Эзре, за кружкой чая заводил беседу, незаметно переводя разговор со всякого рода шуток и прибауток на более серьезные темы.

— В мире столько несправедливостей, сколько в навозной куче бактерий, — говорил он. — И если мы все замкнемся в себе, будем безропотно гнуть шеи, то превратимся в навоз... А кому от этого польза? Только тем,

¹ Вареный мед с грецкими орехами, обложенный с обеих сторон вафлями.

у кого кошельки и без того набиты деньгами!..

Хаим настороженно прислушивался к таким рассуждениям шофера Моисея. В устах балагура-одессита они казались неожиданными. Хаиму было ясно, что Моисей чего-то не договаривает, но почему? Потому ли, что неуверен в нем, Хаиме, боится довериться ему, или... или провоцирует на откровенность. «Кто его знает?— размышлял Хаим.— Может, тоже из шайки этих Ионасов и Штернов?..»

Опасения Хаима были напрасны, и вскоре он убедился в этом. Заболел напарник Хаима, с которым он ездил на грузовой машине. Хаим обратился к Арье Херсону с просьбой назначить Эзру вместо заболевшего.

— О чем разговор, хавэра Хаим!— подобострастно ответил Арье.— И не цацкайся с ним! Пусть он за тебя поработает. Ничего с ним не станет! И от военной подготовки мы его освободим. Все равно никакого толку... Оружие ведь ему нельзя доверить. Чего доброго, еще начнет по дурости стрелять в своих!..

Так Эзра начал вместе с Хаимом и Моисеем ездить в город. Во время очередного рейса Моисей уговорил своих друзей заехать на часок к его тетушке Доре. Жила она недалеко от отеля «Царь Давид» и где-то поблизости торговала газированной водой. Дома ее не оказалось, но ключ от квартиры лежал в условленном месте. Открыв дверь, Моисей провел своих спутников через узкую и темную прихожую в маленькую комнатушку, плотно заставленную старой мебелью.

— Побудьте тут,— сказал он,— а я ненадолго смотаюсь в одно местечко. Не успеете дух перевести, как буду обратно. Но если за это время придет моя тетушка Двойра, или просто тетя Дора, то можете быть уверены — она вас не испугается: принимать гостей ей не впервые... А то, что ты, Хаим, говоришь по-русски, доставит ей гораздо большее удовольствие, чем если бы сам бог спустился на землю. Seriously, seriously. Мы же коренные одесситы! Так что чувствуйте себя, как дома, и... не забывайте, что вы в гостях.

Почти вслед за его уходом пришла тетя Дора. И действительно, ее несколько не удивило присутствие в комнате незнакомых людей. Напротив, уже с порога, приветливо улыбаясь, она заговорила так, словно перед этим только на минуту оставила гостей.

— Я уже знаю, что тут есть хавэр с России!— произ-

несла она по-русски с легким украинским акцентом.— Что, не угадала?

Хаим, поклонившись, подтвердил, что и в самом деле он приехал из Бессарабии и говорит по-русски.

— Еще до того, как Масейка забежал ко мне и сказал об этом, я увидела, что у моего дома стоит грузовик. Так я сразу закрыла свое «оптовое дело»! Сказалось бы оно лучше, такие покупатели! Торгуешь соком, они хотят зельтерскую... Есть зельтерская, подавай им сок! Моя б подагра на их голову, так им было б не до сока!.. Ой, что ж вы не садитесь? Ноги у вас казенные? Все равно правды нет — хоть стойте, хоть сидите. Так почему же не сидеть? А я сготовлю что-нибудь домашнему. Такое в своем киббуцике вы не покушаете, можете не сомневаться...

Несколькими словами женщина обменялась и с Эзрой, расспросила его, откуда он родом и давно ли в Палестине. Узнав, что он из Йемена, она удивилась: ведь там все такие низкорослые, щупленькие, откуда он взялся, такой здоровяк... С особой жадностью тетушка Дора набросилась с расспросами на Хаима: как живут в Бессарабии, бывал ли он в Одессе?

— Масейка, мой племянник, был еще крошка,— рассказывала она,— не то девять, не то десять лет от роду, как остался без матери. А отца его убили бандюги из «Черной кошки». И вырос Масейка у меня на руках. А старшая моя сестра жила в Иерусалиме, но так себе: не очень бедно и не сказать, чтоб богато. Раньше в Одессе она держала трактир, а тут — кофейню. Сами понимаете: в Палестине нет биндюжников, которые будут вам пропиваться в стельку!.. Оттого ей здесь не сладко жилось. Если бы не моя старшая сестра, мир ее праху, разве мы были бы тут? Да ни в жизни... Что за вопрос? Жили бы себе на своей Молдаванке, как жили, и я торговала бы на своем привозе, как торговала... А что нам, скажите, не хватало там? Кадухэс?¹ Так мы их получили тут с превеликим походом! Там ведь жизнь была, а не шутка! Вы вообще можете себе представить хоть на минутку, какой в Одессе привоз? Честное слово, пол-Палестины, и ни чуточку не меньше!.. Бывало, еще только светает, а молдаванцы с Тирашполя и хохлы со Жмеринки уже привозят свой товар, и подымается такой галдеж,

¹ Болячек.

что весь город просыпается... А почему? Потому что мы все перекупали у них оптом! Чего только там не было! А какой аромат стоял летом! Даже на Дерибасовской в самой лучшей цирюльне не пахло так... Язык проглотишь! Какая зелень, какие синенькие! А перцы или молодая «американка». Вы знаете, что это такое? Картошка, конечно! Такая розовая и продолговатая. Ну, а помидоры? В тысячу раз вкуснее здешних паршивых апельсинов. И что в них приятного, я не знаю! Оттого и говорю, что на привозе бывали помидоры, когда, хоть один, не дай бог, упадет вам на ногу, останетесь на всю жизнь калеккой! А рыба там какая! Вы когда-нибудь слыхали про скумбрию или кефаль? Я уже молчу про бычков... Они же хрустели во рту, когда я на своем примусе зажаривала сковороду побольше, чем этот таз... Вот это была жизнь!

Хаим слушал и время от времени поглядывал на Эзру, который, хоть и не понимал хозяйку, видно было, слушал ее приятный, мягкий говорок с удовольствием. А истосковавшаяся по русской речи и по родному городу тетушка Дора продолжала предаваться воспоминаниям:

— А разве во всем мире найдете такую мостовую, как на Ришельевской? Ну-у, вы посмотрели б утром, когда еще дворники в белых фартуках поливают тротуар, и в это время проносятся первые пролетки и фаэтоны! От одной чечетки копыт можно влюбиться в город. Полжизни отдать не жалко, лишь бы одним глазком еще раз посмотреть на его бульвары у моря. Так после всего этого, я спрашиваю вас, каким же ветром нас сюда занесло? И зачем, и почему, и для чего? Сестра. Да, та самая сестра. Старшая. Она приехала в Палестину еще до мировой войны. Думала, что тут есть биндюжники. Они, конечно, есть, но это не одесские, которые кучками загребали деньги и пили так, что про них на привозе говорили: было бы Чёрное море из водки, так они вылакали б его аж до самого донышка. Золотые люди! От них торговля так торговля, а не то что от зельтерской или сока. То ж Одесса, что за вопрос?! И сестра начала мне писать, чтоб вместе мы подымали торговое дело. Тут! Она писала-писала, пока-таки нас не затребовала. А у меня был неплохой капиталец. Золотишко червонное и бриллиантики тоже не крошечные... Тетя Дора немножко разбирается и в этом деле... Но как я их перевезла сюда, один бог знает! И все-таки перевезла. Запихала в мыло! А мыло сунула в корзину с бебехами, взяла замур-

занного Масейку за руку и сказала: «Одесситы, шоб вы мне были здоровы!» И мы приехали в Иерусалим... Самые счастливые люди на свете. Что за вопрос? Не спрашивайте...

Услышав от Хаима, что его отец одно время жил и работал в Одессе приказчиком и что город ему тоже очень нравился, тетушка Дора воскликнула:

— Теперь нам Одесса может только сниться во сне... Такой город! Если б я знала, что смогу дойти до него пешком, я бы сейчас уже шла! Вы слушайте, что я вам говорю. Это же не город, а целый мир!

Хлопнула входная дверь, тетушка Дора прислушалась и снова заговорила:

— А вот и Масейка воротился, дай ему бог здоровья! Хороший он у меня, а счастья у него тоже нету. Не женится! Киббуц вбил себе в голову, за душой нет ни гроша, а жизнь идет, и годы летят... Почти как в такси: не успел отъехать — как счетчик отбил пиастры; потом вроде бы немного проехал — пошли шиллинги, а когда платить — так подавай целый фунт! Так и я с вами: хотела сготовить что-нибудь по-домашнему, а время прошло за разговорами! Но я сейчас все-таки сготовлю...

Хаим попросил тетушку Дору не беспокоиться. Ему казалось, что она устала, наговорившись вдоволь, даже взгрустнула немного и теперь помолчит, но не успел Моисей выйти в прихожую и помыть руки, как она вновь затараторила мягким, добрым голосом:

— Вы знаете, какую наши иммигранты песенку поют про ваши киббуцики? Нет? Так я вам сейчас скажу слова:

Голдинер киббуцент
Мит ди штейнердике вент,
Ост гемейкт верен фарбрент
Эйдер их об дих деркент!..¹

Хаим и Эзра рассмеялись. А тетушка Дора, довольная тем, что развеселила гостей, удалилась стряпать «что-то по-домашнему».

Вошел Моисей и положил на стол перед Хаимом листок бумаги небольшого формата с текстом, напечатан-

¹ Золотой киббуцик с каменными стенами, ты бы лучше прежде сгорел, чем тебя я узрел!

ным убористым шрифтом. Еще не прочитав ни строчки, Хаим почувствовал, что перед ним подпольная газета: маленький листок, густо заполненный текстом, живо напомнил ему большевистские листовки; найденные когда-то в лицейские годы на чердаке дома в Болграде, чтение, перепечатка и распространение которых сблизили его с Илюшкой Томовым куда больше, чем годы совместной учебы.

Выждав минуту, Моисей спросил:

— Так что ты скажешь об этом, хавэр Волдитер? Теперь ты можешь не беспокоиться за своего старика отца и сестренку! Ты тут живот надрываешь, чтобы как-то прожить и вызвать их сюда, а они и без твоего «вызова» оказались действительно на обетованной земле!

Хаим с недоумением уставился на Моисея и сердито проговорил:

— Что ты мелешь? Нашел, над чем шутить... В Бессарабии фашизм. Понимаешь, что это значит?

— О! Ты, как я вижу, и петушиться умеешь?! Но тут не до шуток. Ты читай, а не гляди на бумагу, как баран на новые ворота. Читай! В Бессарабию вступили красные! Понял? Там с фашизмом покончено. Правда, реки молочные не текут, но, будь уверен, там-то они непременно потекут! Для всех смертных, а не как у нас — для толстосумов!

Хаим уткнулся в газетку, с волнением прочитал описание встречи бессарабцев со своими освободителями — братьями из-за Днестра, от которых были насильственно отторгнуты двадцать два года назад. Когда же дошел до сообщения о торжественном освобождении из кишиневской тюрьмы томившихся в ней коммунистов, в горле у него запершило, на глаза навернулись слезы радости.

Снова и снова Хаим перечитывал эти строки, мысли его уносились в родные края, к тем временам, когда вместе с Илюшкой Томовым он без колебаний вступил на путь революционера... Потом свернул с этого пути и оказался в кювете. А Илюшка, его лучший друг, остался верен себе, все эти годы неуклонно шел дорогой борьбы. Илья — человек настоящий. Это он, Хаим, стал безвольным соучастником преступлений сионистов, которые в конечном счете жестоко расправились с ним, погубили его семью...

Хаиму стало нестерпимо стыдно за свое слабование,

бездеятельность, неумение противостоять ударам сионистских деятелей. Да и теперь что делает он, когда эта шайка вновь пытается заарканить его как бессловесную рабочую скотину? Только молча пожимает плечами.

— Что же ты молчишь, Хаим?— прервал его мысли Моисей.— Нравится тебе, что в Бессарабию вернулись коммунисты?

Хаим оторвался от чтения и пристально посмотрел шоферу в глаза:

— Мало сказать «нравится»... Это же ровным счетом большая радость для каждого бессарабского труженика! Люди мечтали об этом на протяжении всех лет существования Советской власти в России! А ты спрашиваешь, нравится ли мне?

— А я, признаться, другого ответа и не ожидал от тебя, Хаим! Что ж... Будем, значит, радоваться за бессарабцев и ждать сложа руки, когда к нам тоже кто-нибудь придет и вытурит взащей всех этих соломонзонов и штернов! Так, что ли, Хаим?

— Я тебя понял. Понимаю, к чему ты клонишь... Честно признаться, я и сам хотел поговорить с тобой об этом. Конечно, ты прав на сто процентов! Нельзя сидеть и ждать у моря погоды... Надо давать отпор всей этой сволочи! Но как? И с кем?

— О-о! Это уже слова настоящего мужчины... Тебе можно верить, ты на своей шкуре испытал цену благодеяниям сионистиков. Что ж! Если так, то я сведу тебя с одним нашим товарищем. Вы договоритесь с ним. Согласен?

— Согласен,— твердо ответил Хаим.— Я готов! Довольно быть тряпкой... Надоело!

Эзра не понимал русского языка, но по тону разговора, по выражению лица Хаима все же уловил, что случилось что-то очень серьезное. Сосредоточенное молчание Хаима лишь укрепило в нем эту догадку.

На обратном пути в киббуц Эзра все же спросил Хаима, что было написано в той бумаге, которую он так долго читал, а потом о чем-то долго разговаривал с шофером. Но и на этот раз Хаим затруднился с ответом не потому, конечно, что не доверял Эзре. Объяснить было не просто. Ведь Эзра не имел представления ни о Советской России, ни о Советской власти, ни о коммунистах. Но объяснить все-таки было надо, и Хаим терпеливо принялся разъяснять. И был счастлив, когда услышал из уст

этого забитого, темного, несчастного человека, преданного и благородного друга:

— Эзре не верится, что такое может быть на свете... Но раз хавэр Хаим говорит, что это так, значит, так. Значит, они хорошие люди... Плохо, что они далеко отсюда.

По возвращении в киббуц Хаим и Эзра разгрузили привезенные комбикорма, поужинали и отправились на отдых. Хаим, как во все дни после смерти Ойи, долго не мог уснуть, но на этот раз не из-за горьких мыслей о постигшей его беде. Он чувствовал себя так, словно долгое время, согнувшись, нес непомерную тяжесть и наконец сбросил ее, выпрямился во весь рост и с облегчением вздохнул полной грудью. Да, теперь он мог говорить и делать то, что думал. Исчезло угнетающее душу раздвоение. Исчезло ощущение безысходности, терзавшее его и во время прохождения «акшары» и особенно в последние дни работы в Экспортно-импортном бюро у Симона Соломонсона.

Другим человеком теперь почувствовал себя Хаим: словно обрел силу, и страх ему вроде бы стал ничем. В самом деле, эта шайка сионистов отняла у него жену, сына — все его счастье, исковеркала ему жизнь, а он будет их бояться? Он почувствовал себя увереннее, когда, не колеблясь, ответил Моисею согласием участвовать в трудной, опасной, но благородной борьбе и работе, которую самоотверженно ведут подпольщики-коммунисты. «Ну вот, Илюшка, — мысленно обращался он к своему далекому другу Томову, — видишь, я опять хочу идти с тобой плечом к плечу! Правда, еще не знаю, как это у меня здесь получится, однако можешь не сомневаться, что теперь никакая сила уже не свернет меня с этого пути! Испробовал я все прелести здешнего рая».

Почему-то Хаим был уверен, что Илья Томов остался в родном городе. И Хаим попытался представить себе, что тот делает сейчас. Ведь там все должно круто измениться: вместо горластых легионеров из «лиги защиты христиан», разгуливавших по городу со свастикой на рукавах, на улицы сейчас, очевидно, вышли честные труженики с красными флагами и революционными песнями; наверняка исчезли полицейские с королевскими кокардами, аксельбантами и нагайками в руках; нет больше и мозоливших глаза табличек с надписью «Говорите только по-румынски или по-немецки!». Хаим пытался пред-

ставить себе, как отнеслись ко всем этим переменам его отец и сестренка, как они живут, что делают. «Конечно,— размышлял он,— Моисей прав; не сразу там потекут реки молочные, жить еще, наверное, им нелегко, но все равно тащить их сюда теперь незачем. Это ясно, как божий день. Ничего, кроме унижений и всяких издевательств, здесь их не ждет, а там они будут людьми среди людей... Это ж все-таки Советская власть!»

Впервые за много-много дней Хаим уснул спокойно, не ворочаясь с боку на бок от тревожных мыслей и горестных переживаний. А на следующий день произошло событие, казалось бы, незначительное, неизбежные последствия которого Хаим своевременно не учел. На обратном пути из соседнего хозяйства в кибуц заехал на несколько минут Нуци Ионас: Хаима срочно вызвали к управляющему.

— Вот и наш холуц Хаим Волдитер!— воскликнул Арье Херсон.— Прошу любить и жаловать. А я, с вашего разрешения, хавэр Ионас, пойду распоряжусь по неотложным делам...

С этими словами Арье Херсон удалился, оставив Ионаса наедине с Волдитером.

— Хазак, Хаймолэ!

— Шолом.

Ионас удивился, что Хаим не ответил ему традиционным «хазак-ве-емац», но вида не подал, будто не обратил на это внимание.

— В моем распоряжении всего десять минут. Вернее, осталось уже только пять. Так как? Ты подумал о моем предложении?

— Подумал.

— И что же? Конечно, согласен вернуться на прежнюю работу?

— Нет. Не согласен, конечно!

— Та-а-ак!— зло процедил сквозь зубы Ионас.— В таком случае, холуц Волдитер, позвольте спросить, что именно вашей милости так не нравится в Экспортно-импортном бюро? Что конкретно мешает вам вернуться на высокооплачиваемую, перспективную и, подчеркиваю, почетную для каждого правоверного еврея работу?

Хаим не решался назвать причину. Он лишь пожал, как обычно, плечами и промолчал.

— Я спрашиваю, Хаим?!— переспросил Нуци.— От-

вечай, пожалуйста! Мы взрослые люди и не играем в прятки!

Хаим откашлялся, глянул Ионасу в глаза и выпалил:

— Ровным счетом все мне у вас не нравится!

— А все-таки нельзя ли точнее?

— Я не желаю участвовать ни в контрабандных делах, ни в кровавых расправах... Не для этого я прошел каторжную «акшару», не для этого я сюда добирался и чуть было богу душу не отдал. Хватит с меня! И, если хочешь знать, не во мне даже дело... Не могу я улыбаться людям, которые, в сущности, погубили мою жену и моего мальчика! И вообще можно говорить о многом... Но не хочу. Ни к чему...

На мгновение Нуци Ионас опешил. Он никак не ожидал такого резкого и откровенного ответа от того самого холуца, которого считал тихоней, робким и застенчивым провинциалом. Не ожидал он, что рыжий «локш» окажется враждебно настроенным не только к тем, кто, как считал Ионас, облагодетельствовал его, но и ко всему, что делали эти благодетели.

— Вот как ты заговорил?! Так, так, холуц квуца имени Иосефа Трумпельдора Хаим бен-Исраэль Волдистер... Хорош ты, оказывается, хо-рош! Что ж! Пеняй на себя... У меня больше нет ни времени, ни желания говорить с тобой. Только учти: ты слишком много знаешь, и то, что делаешь сейчас,— предательство. Самая настоящая измена идеалам сионизма! А это так просто, как может показаться, не проходит... Запомни!

Ионас резко встал и, не прощаясь, вышел из комнаты.

Не сразу до сознания Хаима дошел угрожающий смысл последних слов Нуци Ионаса. Хаим был доволен тем, что впервые говорил с Нуци как равный с равным, что напрямик высказал ему то, что думал о делах Экспортно-импортного бюро, и о тех людях, перед которыми Ионас преклонялся, заискивал, лебезил и от которых зависел. Но когда прошло возбуждение, Хаим задумался... «Слишком много знаешь, то, что делаешь,— предательство!» — вспомнил он слова Ионаса. И вспомнил, как беспощадно расправлялся Давид Кнох, Штерн и вся их шайка с каждым, кто, проявляя непокорность, мог вольно или невольно выдать их тайны. Перед глазами предстала расправа, которую вся эта банда учинила над Майклом. «Он-то был личностью, а я кто?— Хаим по-

жал плечами.— Ровным счетом никто! Не случайно же Ионас сказал, что это так просто не проходит...»

Встревоженный этими мыслями, Хаим отыскал Моисея и рассказал ему о встрече с Ионасом. Моисей согласился: Ионас слов на ветер бросать не станет — это была угроза.

— Но будь уверен, — успокоил встревоженного друга Моисей. — Найдутся люди, которые сделают все возможное, чтобы помочь тебе. В чем выразится эта помощь и как она будет осуществлена, я пока не знаю. Но знаю, что тебя не оставят... Однако и ты сам тоже смотри в оба. Пусть Эзра пока не оставляет тебя одного. Со штерновцами шутки плохи!

Когда Хаим вернулся в коровник, Эзра встретил его настороженно вопрошающим взглядом. Эзру встревожил неожиданный вызов напарника к управляющему.

После того, как были заполнены кормушки силосом, Хаим все рассказал Эзре. Лицо его было напряженным и обиженным, как у ребенка.

— А что они могут сделать? — наконец после долгого молчания спросил он. — Не убьют же?!

— Не знаю... — грустно ответил Хаим. — Эти «хавэрим» — плохие люди, они на все способны.

— Нет. Эзра этого не допустит. Эзра — хороший хавэр. Эзра сам погибнет, а не даст обидеть хавэра Хаима. Эзра теперь будет, как тень, ходить за хавэром Хаимом...

Весь день Хаим и Эзра провели в тревожном ожидании возвращения из рейса Моисея. Он появился в их комнате поздним вечером.

— Есть люди, готовые помочь. Конечно, ты, Хаим, напрасно погорячился. Ведь знаешь, что это за «хавэрим» и как с ними надо держать себя настороже. Но что делать? После драки кулаками не машут. Нам бы только продержаться до следующего рейса. А он, как известно тебе, будет лишь послезавтра. За сутки эти бандюги многое могут успеть...

— А чем твои люди все-таки могут мне помочь? — спросил Хаим. — Не устроят же мне побег? И куда?

— Не будем гадать. Возможно, что и так...

— А я? — спросил Эзра, молча сидевший возле Хаима и не сводивший с него глаз. — Новый управляющий сживет Эзру со света. Эзра пойдет туда, куда пойдет хавэр Хаим.

— Ну вот, час от часа не легче.— Моисей ласково похлопал по плечу Эзру.— Нечего пороть горячку. Поживем — увидим.

Когда они отошли от дома, Моисей горько усмехнулся, заметил:

— Наивные вы люди! Разве легко спрятать человека? Ведь не иголка. Да еще двоих. Или ты считаешь, что Эзре здесь не найдется дела? Мы не бросим его на произвол судьбы! Я-то остаюсь в киббуце... А если говорить откровенно, то ты просто погорячился с этим типом Ионасом. Твоя работа в Экспортно-импортном бюро нам бы здорово пригодилась.

— Моя работа в Экспортно-импортном бюро?— удивился Хаим и насторожился.— Это еще зачем?

— Я думал, ты понимаешь. Мы же должны знать, что делают эти сионистские бандиты, а главное, что они намерены делать. У нас с ними борьба не на жизнь, а на смерть. Может, ты считаешь, что я сижу в киббуце по своей прихоти?— Моисей остановился, посмотрел на Хаима.— Но об этом мы еще поговорим, и не здесь, конечно. А пока пойдем спать...

Всю ночь Хаим не сомкнул глаз, обдумывал разговор, который состоялся у него с Моисеем, взвешивал его доводы, терзался в догадках.

И следующий день он был в состоянии напряженного ожидания чего-то страшного, что, по его мнению, неизбежно должно было случиться: Соломонзон со своими приближенными, разумеется, не остановятся ни перед чем, чтобы покончить с ним, свидетелем не только запретных махинаций с оружием, но и подлого убийства Майкла...

В таком тревожно-напряженном состоянии Хаим встречал по пути в столовую управляющего.

— Ну что, хавэр Волдитер?— спросил Арье Херсон, посмотрев на бледное, измученное лицо Хаима.— Собираешься бежать от нас?

От неожиданности Хаим остановился, словно налетел на стену.

— Знаю, знаю все твои секреты!— продолжал Арье, ложно истолковав замешательство киббучника.— Хавэр Ионас сам сказал мне об этом. Правда, мне было приятно услышать, что ты не хочешь уходить из нашего киббуца, но... хавэр Ионас сказал, что все равно и «через не хочу» тебя заберут от нас... Так что считай,

будто ты уже в Тель-Авине и занимаешь в Экспортно-импортном бюро высокий пост!

У Хаима отлегло от сердца. Значит, Ионас намерен «забрать» его отсюда, невзирая ни на что. Это лишний раз подтверждало, что бывшие «благодетели» не останутся перед самыми крайними мерами.

Раньше обычного вернулся из рейса Моисей.

— Все в порядке, — сказал он Хаиму. — Завтра отправляемся ни свет ни заря и, возможно, сюда уже не вернемся...

— А с Эзрой как? — встревожился Хаим.

— Товарищи согласны помочь и ему. — Моисей грустно улыбнулся. — Хотя, честно говоря, ему лучше бы оставаться здесь. Ведь ты же уедешь на родину. Где родился, рос, учился, там твои отец и сестра, друзья. А он что? Языка не знает, людей не знает... Подумай!

Но и Эзра просил не разлучать его с Хаимом, единственным близким для него человеком.

Ранним утром они отправились в очередной рейс на сыроваренную фабрику. Сидя в машине, Хаим с тоской поглядывал по сторонам. Вон домик в киббуце, в котором они жили с Ойей. Неужели он видит его в последний раз? Неужели в последний раз он проезжает по этой дороге, оставляя позади дорогие воспоминания, свои надежды, свое короткое счастье, их навсегда схоронили сиротливые могильные холмики. Его мальчика и его жену...

Хаим нащупал в кармане косынку Ойи, нежно погладил ее. Тоска сжала сердце, слезы текли по щекам, но Хаим не замечал их.

Быстрее обычного гнал Моисей свой грузовик. Надо было прибыть в Иерусалим как можно раньше, чтобы первыми сдать молочные продукты на сыроваренную фабрику.

— О-о! Люблю простор! — воскликнул Моисей, еще издали заметив, что у ворот фабрики нет ни одной машины.

Хаим и Эзра молча принялись выгружать бидоны.

— Теперь, хавэрим, живо на мукомольный склад за комбикормами, — нарочито громко вслед удалявшемуся приемщику сказал Моисей, когда разгрузка машины была закончена. Но, к удивлению Хаима и Эзры, Моисей свернул в первый же переулочек и повез их в обратном от мукомольного склада направлении. Вскоре они оказались

на улице Батей Хабукхарим и остановились у знакомого дома, в котором обитала тетушка Дора.

— Дождетесь меня у тетушки. Я быстро вернусь.

Действительно, вскоре послышался шум подъехавшей машины. Моисей вошел в комнату не один. Мужественное, смуглое лицо, густые с проседью волосы, усмешливые темные глаза вошедшего вслед за Моисеем человека показались Хаиму знакомыми. Он узнал инженера-бетонщика Гордона, встречавшего Шелли Беккер в день прибытия «трансатлантика» в Хайфу.

Когда они разговорились, Хаим достал из кошелька сохранившийся у него конверт с обратным адресом инженера, который ему оставила еще на пароходе Шелли, и напомнил о их встрече в порту Хайфа.

— Точно, это моя рука...— удивился Гордон, разглядывая помятый конверт.— Да, да, мы тогда жили в Яффе... Все правильно. Но вы, я вижу, очень изменились! Ну и, конечно, бородки этой у вас не было...

Инженер Гордон коротко рассказал, что Шелли долго находилась в больнице, теперь с мальчиком живет у него, в Иерусалиме, но ни с кем она не разговаривает, даже со своим сыном.

— Слышал я и о ваших печалях...— сочувствующе произнес Гордон.— Понимаю вас... Но что поделаешь? Надо крепиться... Мертвых не воскресить. Однако и мириться с причинами и обстоятельствами, которые приносят людям такие несчастья, тоже не следует. И я рад был узнать, что и вы пришли к такому именно заключению.

— Да. Именно так... Не могу я больше стоять в стороне,— подтвердил Хаим и глянул инженеру в глаза.— Хватит, стоял достаточно.

Вскоре у Хаима уже не было ни малейшего сомнения, что инженер Гордон коммунист и что это мужественный человек. Как выяснилось в процессе разговора, Гордон, оказывается, знал о контрабандном ввозе оружия Экспортно-импортным бюро Симона Соломонзона, знал о жестоких расправах над рабочими, чинимых Давидом Кнохом и штерновской шайкой над каждым, кто казался им ненадежным хранителем их тайн. Доходили до него и иного характера слухи, но все это были слухи. Однако то, что рассказал ему Хаим о конспиративном сборище сионистов и особенно о сборище в кабинете Соломонзона, на котором с циничной откровенностью

говорилося о контактах, установленных между сионистскими вожаками и нацистскими правителями «третьего рейха», и, наконец, его рассказ об убийстве в кабинете Соломонсона Майкла, посланца из Вашингтона,— все это поразило Гордона.

— Постарайтесь припомнить подробности,— сказал он, пристально глядя Хаиму в глаза.— Это очень важно, поверьте...

И Хаим рассказывал, ничего не утаивая. Он верил этому человеку не только потому, что его привел Моисей, но и потому, что инженер Гордон был очевидцем трагической гибели «трансатлантика». Хаим понимал: эти сведения о деятельности шайки Соломонсона нужны не только инженеру Гордону, но и его друзьям-коммунистам в их борьбе с сионистами для публичного разоблачения их преступлений.

Об этом Хаиму поведал Гордон.

— Вы понимаете, что после этого вам оставаться в Палестине невозможно. Штерновцы легко догадаются, кто передал нам эти сведения, и вас обрекут на смерть. Поэтому в киббуц вам уже возвращаться не придется. Не исключено, что не сегодня, так завтра туда снова пожелует сподвижник Соломонсона и на этот раз, конечно, не для уговоров. Корабль, на который мы можем доставить вас и вашего друга, отплывает только послезавтра. Подобная оказия не часто бывает у нас. Пароход идет в Констанцу. Другой возможности у нас пока нет. Однако я думаю, что из Констанцы вы сумеете добраться до теперь уже Советской Бессарабии.

Гордон объяснил Хаиму, что в день отплытия парохода к порту Тель-Авив их подвезет Моисей и познакомит с товарищем Ахмедом.

— Ахмед проведет вас на причал и передаст матросу. Пароход, кстати, румынский. Люди там надежные. И не исключено, что они помогут вам перебраться из Румынии в Бессарабию... Вот, пожалуй, все. О некоторых мерах предосторожности позаботится товарищ Моисей. Он же снабдит вас и небольшой суммой денег. К сожалению, в этом отношении наши возможности весьма ограничены... Мне остается пожелать вам счастливого пути и поспешить по своим делам...

Уходя, Гордон попросил Моисея, закончив приготовления к отъезду Хаима и Эзры, прийти в условленное место. Не теряя ни минуты, Моисей принялся за дело.

Он достал из кармана завернутую в газетную бумагу тоненькую пачку денег и передал ее Хаиму со словами:

— Для пассажиров третьего класса на пароходе найдется буфет... Пировать будешь дома, а до Констанцы должно хватить и этих денег... Дальше? Придется затягивать пояса!

— Ничего, обойдемся! Свет не без добрых людей,— бодро ответил Хаим.— Не так ли, Эзра?

— Эзра имеет руки... Будет хлеб и для хавэра Хаима и для Эзры!

— Все то, что ты говоришь, Моисей, мелочи... Меня беспокоит другое,— заметил Хаим.— В киббуце наш Арье Херсон поднимет тревогу! Куда делась машина и киббуцники?

— Не тревожься, Хаим, все продумано... Я тут органирую небольшую поломку крестовины у своего грузовика, отбуксирую его в ремонтную мастерскую и дам знать управляющему... А новую крестовину найдут не сразу. В этом я уверен. Что касается тебя и Эзры, скажу: вернулись в киббуц на рейсовом автобусе... Ночью никто не хватится, да, пожалуй, и завтра утром не сразу станут вас искать. В крайнем случае Арье Херсон пришлет кого-нибудь ко мне в мастерскую узнать, что с вами стряслось. Но откуда мне знать, куда вы запропалились? Уехали на автобусе, и весь сказ. Пусть себе ищут... Вот так. А сейчас я побегу. Скоро меня не ждите, но ночевать приду. Так и скажите моей тетушке.

Под вечер пришла тетя Дора. Она знала, что у нее заночуют гости.

— Сейчас я вас накормлю, постелю что-нибудь под ваши бока, а сама пойду себе ночевать к одной знакомой. Она тоже с Одессы! Так что вы догадываетесь, как мы с ней хорошенько поработаем языками! Вспомнить у нас, слава богу, есть о чем!

Накормив и устроив гостей на ночлег, тетушка Дора сказала Хаиму:

— Передайте Масейке, что на полу в прихожей стоит чугунчик с жарким... Он любит. Ну, я пошла.

Дверь закрылась. Хаим задвинул задвижку, и сразу в комнате наступила тишина. Огня не зажигали, и потому казалось, что вместе с темнотой, как коварное живое существо, бесшумно вползла тревога.

Пробило одиннадцать.

На улице все стихло. И в комнате отчетливо послы-

шался мягкий ход стареньких стенных часов, жужжала муха, ударяясь в оконное стекло.

Двенадцать!

Эзра дремал, сидя на стуле. Пора бы ложиться, но Моисея все не было. «Что могло случиться?—думал Хаим.—Когда придет он? И придет ли вообще? А если его схватили? Как быть им, сидящим в этой комнате, как в мышеловке. А послезавтра в порту их будет ждать товарищ Ахмед... Как они узнают его?»

Час!

— Эзра! Ложись. Надо спать...

— Хавэр Хаим ляжет, Эзра тоже ляжет. Хавэр Хаим не ляжет, Эзра будет ждать.

Теперь уже Хаим не сомневался, что какие-то непредвиденные обстоятельства задержали Моисея. Но какие?

Наконец Хаим лег. Сделал это ради Эзры, который, вздремнув на стуле, чуть было не свалился. Но уснуть Хаим не мог. Лезли страшные мысли: «Где Моисей? Что бы могло с ним произойти? А если и утром не придет? И днем тоже?! Нет, этого не может быть! А если все-таки так будет? Тогда вместо него, наверное, придет инженер Гордон... Но как быть, если он не явится? Что в таком случае предпринять? В киббуц возвращаться?»

Рано утром послышался стук в дверь. Хаим подбежал, отодвинул засов... Это была тетя Дора. Ее не встревожило отсутствие племянника.

— Он что, не знает, какой у меня тут дворец? Заночевал где-нибудь. А вы думали что? Конечно! Просто не хотел вас стеснять... Это ж бриллиантовая душа! Спросите, кто его не любит? Нет, кажется, человека на свете, чтобы не восторгался им! А что он имеет с этого, вы бы его спросили? Только рубашку и штаны, которые носит... Но попробуйте с ним поговорить по душам и объяснить, что такое жизнь, как надо ее устраивать? Упаси вас бог!

Говорила-говорила тетка Дора, однако дожждаться племянника не смогла.

— Пойду уже открывать свое «оптовое дело»!..— Она грустно усмехнулась.— Чтоб оно сгорело, так оно мне надоело... А как придет мой Масейка, пускай скушает жаркое из чугуничка, иначе оно испортится. У меня же нет ледника!

Но не прошло и четверти часа, как тетушка Дора вернулась, встревоженная:

— Ко мне сейчас подъехал на велосипеде какой-то апоэл¹ и сказал, что моего Масейку арестовали вчера вечером... Ну, так как вам это нравится?

Хаим не сразу сообразил, о чем толкует тетка Дора. Он хотел ее переспросить, но она продолжала тарыхтеть, как заводная.

— Того апоэла я видать никогда в глаза не видала и знать в жизни его не знала. А он знает, что Масейка мой племянничек! Тогда я хотела спросить его, откуда он берет про все это, но он вскочил на свой велосипед и уехал!.. «Что делать?» — подумала я. Уже хотела было податься в миштору, есть там у меня один хороший негодяй — за деньги отца родного продаст, но подумала, что скорей всего не за автомобильные дела, наверное, зацапали Масейку. И раз это так, то что ж я, идиотка старая, стою?! В моем доме сидят же его корешки!..

Хаим и Эзра помогли тетушке Доре унести на чердак и закидать всяким хламом несколько туго завязанных тяжелых пачек нелегальных газет и листовок с текстом на иврите и на арабском языках. А прощаясь, старуха назвала Хаиму адрес человека, который, как она сказала, «уже сделает все, как вам надо».

— Это около греческого монастыря, — пояснила она, стряхивая пыль с фартука. — За вокзалом. Спросите улицу Живат Ханаания. На углу аптекарская лавка, а рядом булочная. Вот в том самом доме! Фамилия Гордон! Он инженер... Запомнили? А то, что заарестовали моего Масейку, они у меня еще пожалеют... Они узнают, что такое тетушка Дора с привоза! Я им устрою веселую жизнь, подождите!..

Положение, однако, оказалось намного серьезнее, чем предполагала старая одесситка. Еще накануне вечером полиция учинила обыск у Гордона и увела его с собой. Об этом Хаиму сказал старичок, у которого он спросил, в каком подъезде живет инженер Гордон.

Хаим решил вернуться к тетушке Доре, сообщить ей об аресте Гордона и попросить дать какой-нибудь другой адрес. Но едва он и Эзра свернули с улицы Малахни, как увидели у подъезда знакомого домика машину с крытым кузовом, полицейские бросали в нее те самые пачки

¹ Мальчик.

газет и листовок, которые Хаим с тетей Дорой еще утром так старательно прятали на чердаке. Хаим и Эзра притаились в подъезде углового дома. У них не было сомнений в том, что в доме старухи идет обыск и что оба они чудом избежали ареста. Вскоре полицейские вывели на улицу тетушку Дору. Она что-то кричала, отталкивала от себя полицейских, обращалась за сочувствием к соседям, с любопытством столпившимся вокруг машины. Полицейские еще не успели водворить тетушку Дору в машину, как к ее дому подъехал легковой автомобиль. Хаим сразу узнал машину Соломонзона. Из нее вышли Нуци Ионас и Херсон... «Значит,— догадался Хаим,— в киббуц еще с вечера сообщили об аресте Монсея...»

Надо было скорее уходить из Бухарианского квартала. Но куда? Хаим не сомневался, что Ионас и Херсон ищут его и Эзру, что, не найдя их у тетушки Доры, они прибегнут к услугам полиции. Где найти место, чтобы надежно укрыться от преследователей до утра следующего дня?

Эзра, высокий и неуклюжий, плелся за шуплым и сутулившимся Хаимом, как верблюд в пустыне за тощим осликом. Шарахаясь от всего, что казалось подозрительным, они в течение нескольких часов блуждали по раскаленным от солнца и пыльным улицам окраины, не раз опрометью бросались в первый попавшийся двор или, затаив дыхание, проходили мимо постовых полицейских.

Лишь к исходу дня, очутившись неподалеку от монастыря Нотр-Дам де Франс, Хаим вспомнил монаха из Измаила, с которым познакомился в столовке, вспомнил, как этот человек приветливо разговаривал с ним, узнав, что и он, Хаим, из Бессарабии, и пригласил при случае заглянуть к нему в гости в подворье русской церкви.

Хаим ускорил шаг, и вскоре они уже прошли Яффские ворота старого города, миновали латинскую патриархию, вышли к храму Воскресения, где, как полагал Хаим, и должно было находиться подворье русской церкви. Но он ошибся. Спросив одного, другого прохожего, Хаим наконец выяснил, что им надо вернуться к высоким каменным воротам древнего Иерусалима, пройти немного по Яффской дороге и потом свернуть к местечку Миграш Хаарусим.

Едва доплелись они до русских построек, но и здесь, среди множества церковных и мирских учреждений, им довелось поблуждать от собора к монашеским

стросниям, потом к «Казенному» дому, к школе и к мастерским, пока наконец один из монахов на вопрос Хаима — не знает ли он монаха из города Измаила, не догадался, что тот, кого они ищут, есть не кто иной, как иеромонах Викентий Измаильский.

— Он! — Хаим обрадовался, услышав знакомое, но забытое имя. — Ну да, Викентий Измаильский!

Монах довел пришельцев до мужского флигеля и сам вызвался сообщить иеромонаху, что к нему пожаловали гости. Хаим тотчас узнал Викентия Измаильского. Когда тот — в светлом парусиновом облачении, на голове его по-прежнему был темно-зеленый бархатный колпак — показался на крыльце, Хаим напомнил об их беседе в столовке. Иеромонах просиял:

— Верно! Земляк же... Запомню я, стало быть. Да и бородку вы, гляжу, старообрядческую отрастили за это время... Вот оттого и не признал с первого взгляда... Не взыщите и простите меня великодушно: на время я должен вас покинуть. Вечеря у нас сейчас должна начаться...

Викентий провел гостей в садик и предложил здесь подождать его. Хаим был доволен тем, что получил возможность обдумать разговор с церковником. Рассказать ему о том, что случилось накануне? Вряд ли Викентий сочувственно посмотрел бы на их связи с арестованными коммунистами, а тем более на желание бежать не куда-нибудь, а именно в Советскую Бессарабию. Вместе с тем надо было придумать убедительную причину, которая заставила их просить о ночлеге.

Хаим так и не принял никакого решения, когда к ним вернулся Викентий и пригласил следовать за ним. Втроем они вошли в приемную — старинное помещение с низким сводчатым потолком и каменным потрескавшимся полом. Тяжелые скамейки с массивными крестообразными стойками на высокой спинке, ничем не покрытый узкий и длинный, как и скамья, стол, на котором лежала объемистая библия, на стене крупный барельеф распятого Христа и в углу образ божьей матери, перед которым теплилась лампада, — все это усугубляло мрачное впечатление от помещения, и без того напоминавшего собою погребальный склеп.

Усадив гостей, Викентий не стал расспрашивать, что привело их к нему, хотя и догадывался, что пришли они сюда не ради любопытства. Об этом свидетельствовал их

утомленный вид и особенно озабоченно-беспокойное выражение лица Хаима. Да и время для праздного визита было явно неподходящее.

— Так-то вот, земляк!— начал иеромонах беседу, обращаясь к Хаиму.— Непокойно на нашей с вами родной земле! Ранее румынцы хозяйничали в Бессарабии, а ныне небось слышали, безбожные большевики туда пришли... Видать, суждено мне доживать свой век в молитвах рядышком со святым гробом господним и пребывать в превеликой тоске по родительскому очагу...

— А нам и этого не дано,— после непродолжительной паузы робко сказал Хаим.— О возвращении на родину мечтать не приходится, да и здесь оставаться тоже никак невозможно... Ушли мы из киббуца. Убежали! Не жизнь там, а ровным счетом каторга! Чужие мы там были, хотя и среди своих... За людей нас не считают, обращаются, как с рабами... Не выдержали мы, поссорились с начальниками, ну вот и решили бежать, куда глаза глядят. Что теперь будет, подумать страшно.

Викентий весьма одобрительно отнесся к тому, что его гости покинули киббуц и направили свои стопы в обитель господню. Однако из последующего разговора Хаим почувствовал, что, пользуясь безвыходным положением своих гостей, иеромонах не прочь склонить Хаима и Эзру навсегда остаться в подворье и принять христианство. Хаиму стало не по себе. «Та же картина, что в раввинате!— подумал он.— У нас, можно сказать, земля горит под ногами, а он, знай, свое мелет...»

Хаим молча слушал иеромонаха. «Пусть себе думает, что бросает зерна в благодатную почву,— размышлял он.— Лишь бы нам переночевать здесь. А завтра скажем ему «спасибо», и поминай как звали...»

— Однако ж для начала надобно вам поесть,— сказал Викентий, прервав свои речи о благодатной жизни монашеской братии.— Так заведено спокон веков в подворье. И никакой беседы не ведется, покамест пришелец не накормлен...

Он повел Хаима и Эзру в трапезную и попутно рассказывал, чем знаменательны были в отдаленные времена здания, мимо которых они проходили. С особой гордостью он говорил о значении Мейданской площади, пятиглавого Троицкого собора и здания, где некогда помещался генеральный консул Российской империи.

— Вон то поодаль,— указал Викентий,— дом высо-

чайшего присутствия его императорского величества царя-батюшки Руси нашей великой... Это единственное, что связывает на чужбине россиян с отечеством, кроме, естественно, постоянно пребывающего средь нас духа святой русской православной церкви... И по воле божьей, несмотря на смутные времена, собор во имя святой Троицы и монастырь, равно как наше подворье и прочие заведения, доселе пребывают в полном ведении и духовном повиновении священного синода Московской и всея Руси патриархии и ее местоблюстителя, владыки нашего святейшего Сергия!..

Совсем стемнело, когда они подошли к трапезной — длинному, мрачному строению со множеством небольших и тускло освещенных, словно тюремных, окон.

— А вот и трапезная нашего мужского флигеля... Милости просим отужинать. Не бахвальства ради скажу вам, что братья наши во Христе одинаково хлебосольны со своими прихожанами или паломниками, равно как и с иноверцами, идущими к нам с миром и любовью...

Во время ужина иеромонах Викентий снова, уже более откровенно, предложил пришельцам остаться в подворье, уединиться в молитвах, которые будто бы «охраняют человека от грехопадений и имеют чудодейственную силу освобождать душу от мирской суеты и мучений».

На этот раз Хаим ответил:

— Верю вам... Хорошо живут ваши люди и вкусно едят. Очень! Ей-богу!.. Но на такое дело, о котором вы говорите, не сразу же решишься... Надо подумать, чтобы потом не раскаиваться...

— Известное дело, торопиться ни в чем не следует! Побудете у нас, поглядите, что к чему, и решите... Дело это серьезное!

— Что за вопрос! Конечно, надо подумать. И приятелю своему все рассказать и растолковать. Ведь он совсем не знает русского языка и не понимает, о чем мы разговариваем...

— И то справедливо,— подхватил снова Викентий.— Подумайте, потолкуйте меж собой, а там, глядишь, и решение само по себе придет...

После сытного ужина Викентий проводил своих гостей к мужскому флигелю, продолжая без умолку говорить о смиренной и праведной жизни братьев россиян в монастыре.

— Как говорят просвещенные люди, утро вечера муд-

ренее, — напутствовал он их перед тем, как удалиться. — Сладко поспите, отдохнете, поглядите, как наша братия живет в подворье, а там и потолковать можно. Времени у нас вдоволь, торопиться некуда... Не зря же поговорка гласит: поспешишь — людей насмешишь!

На следующий день, едва иеромонах Викентий закончил утреннюю молитву, его вызвали к поджидавшим у входа в храм Хаиму и Эзре. И Хаим сразу сказал ему, что они решили уехать в Хайфу, где наверняка сумеют попасть на какой-нибудь корабль.

— Кочегарами пойдем работать, грузчиками, кем угодно! Лишь бы выбраться с этой «кобетованной земли». Спасибо вам за приют, за хлеб-соль... Спасибо и за то, что хотели приобщить нас к своей братии, да только не суждено этому сбыться: наши недруги рано или поздно узнают, где мы, и тогда не миновать беды... Да и вы будете казнить себя, что уговорили нас остаться... Хотя мы ничего плохого не сделали, ей-богу!

Викентий был обескуражен таким оборотом дела. А Хаим, желая поскорее закончить прощальное объяснение и уловив, какое впечатление произвело их решение на земляка в монашеской рясе, осмелился напоследок попросить иеромонаха ссудить их небольшой суммой — хотя бы только на оплату проезда по железной дороге.

Растерявшийся было служитель бога сразу обрел дар речи, как только разговор зашел о деньгах.

— В нашем подворье вас потчевали и дали ночлег без всякой за то платы — таков у нас обычай. Можем и довести до Яффы: туда ежедневно ходит наш транспорт... Однако денежных средств у меня, раба божьего, не водится, как и у несчастных братьев ваших, денно и ночью тяжко работающих в киббуцах... Господь свидетель! Ни гроша у меня за душой...

Втайне иеромонах надеялся, что, быть может, отсутствие денег вынудит этих пришельцев, хотя бы на время, отказаться от задуманного, а там, глядишь, попривыкли бы и вовсе остались в подворье. Тогда и славы у него прибавилось бы за обращение заблудших овец господних на праведный путь, и рабочих рук в монастырском хозяйстве стало бы больше. Но и эта его надежда не оправдалась.

— Ну что же делать: на нет, как говорится, и суда нет, — сказал Хаим. — Пойдем пешком, побираться бу-

дем, лишь бы поскорее унести ноги отсюда... Еще раз спасибо вам за все, и прощайте!

— С богом, раз так,— разочарованно ответил иеромонах и трижды перекрестил каждого.— Может, и впрямь лучше быть своим среди чужих, чем на земле обетованной чужим среди своих... Всякое в наш век бывает!.. А в случае чего возвращайтесь. Ворота нашего подворья, как и сердца наши, всегда открыты для страждущих и бедствующих...

На пути в Тель-Авив Хаим мучительно думал, как он сможет отыскать Ахмеда, если они в глаза друг друга не видели. Но все оказалось гораздо проще, чем думалось. У входа в порт в группе носильщиков Хаим заметил знакомое лицо человека в белой чалме. Он тотчас же узнал в нем араба, с которым не раз встречался, когда работал помощником шофера на рейсовом автобусе. Грузчики почтительно называли его «учителем» или просто по имени — Ахмедом. Хаим воспрянул духом. Он был почти уверен, что именно этот Ахмед и ждет их. В свою очередь Ахмед, уже зная об аресте Моисея, пристально наблюдал за робко приближавшимися Хаимом и Эзрой. Ахмед поспешил им навстречу, чтобы объясниться без свидетелей. Впрочем, объяснений не потребовалось. Ахмед узнал Хаима и, чтобы убедиться в том, что именно их и должен был привести Моисей, спросил:

— А где же ваш провожатый?

— Шофер?

— Да, с грузовой машины. Не заболел ли?

— Заболел...— грустно произнес Хаим.— И, наверное, тяжело!..

— Да, случилось несчастье... Но ничего! Вы следуйте за мной... Жду вас давно. Думал, что у вас тоже беда...

Ахмед повел беглецов на пристань. Судно уже отошло от причала и стояло на якорь вдали от пристани. Вскоре к причалу подплыла моторная лодка. Оставив Хаима и Эзру в стороне, Ахмед подошел к ней. Переговорив с одним из матросов, он указал на стоявших поодаль Хаима и Эзру. Матрос, окинув Хаима взглядом, посоветовал сбрить ему бороду, чтобы не выделяться среди пассажиров судна. Парикмахерская рядом, времени хватит: он сам пока пойдет по поручению капитана в таможню.

Ахмед дал Хаиму монету и направил его в парикмахерскую, сам остался с Эзрой.

Сидя в кресле брадобрея, Хаим с облегчением подумал: «Не пройдет и получаса, как мы будем на пароходе, все мытарства и страхи останутся позади». О том, что ждет их в Констанце, думать не хотелось. Главное — выбраться отсюда. Взглянув в зеркало, он не узнал себя: совсем другое лицо — худое, в веснушках, со смешными, оттопыренными ушами. Невольно вспомнилось ему, что в последний раз брился, когда поехал к Ойе в больницу и она впервые после родов вышла к нему, счастливая, радостная, с сияющими глазами. Он бросился к ней, прижал к груди и долго гладил прильнувшую к его плечу голову. Гладко причесанные волосы был стянуты в тугий узел. И вся она, его Ойя, была такая родная — маленькая, худенькая, беззащитная, единственная и любимая... А теперь он уезжает, оставляя ее могилу...

Расплачиваясь с мастером, Хаим все еще находился во власти горестных воспоминаний. Он не обратил внимания на доносившиеся с пристани крики и на то, что свободные от работы мастера покинули салон. Лишь выйдя из парикмахерской и увидев бегущих вдоль причала Эзру и преследующих его Арье Херсона с какими-то парнями в голубых рубашках, Хаим замер, не зная, что делать, на что решиться. Услышав окрик Ахмеда, Хаим опрометью бросился вслед за ним к причалу и там спрыгнул в поджидавшую его моторную лодку. Матросы, тоже напуганные происходящим, тотчас же уложили его на дно лодки и накрыли брезентом.

Бежавший Эзра вдруг резко остановился, обернулся лицом к преследователям и первого, налетевшего на него, отшвырнул с такой силой, что остальные голуборубашечники не посмели приблизиться: остановились полукругом, тяжело дыша, как стая гончих псов, настигшая добычу.

— Хватайте его! — в бешенстве крикнул Арье Херсон и первым стал приближаться к Эзре. — Не смей, Эзра! Будет хуже...

Но Эзра легко, в два прыжка настиг Арье Херсона, ударом свалил его с ног и бросился к причалу. Еще издали он увидел моторную лодку, удалявшуюся от берега к пароходу. И Эзра с разбегу кинулся в море.

Преследователи растерялись. Что делать: догонять ли

вплавь беглеца, который стремительно удалялся от берега, или оказывать помощь валявшемуся без сознания Арье Херсону. В это время от причала отделился английский сторожевой катер, командир которого решил, что в море уходит преступник, пытающийся скрыться от правосудия.

Моторная лодка еще не подплыла к румынскому судну, когда сторожевой катер, набирая скорость, устремился к пловцу. Но настигнуть его оказалось не легким делом: Эзра был отличным пловцом. Увидев приближавшийся катер, он нырнул и надолго исчез из поля зрения преследователей. Его черная голова появилась вновь на поверхности далеко в стороне от прежнего места, и когда, круто развернувшись, катер направился к нему, Эзра снова нырнул и снова выплыл не там, где его ожидали. Эту неравную борьбу Эзра вел до тех пор, пока не увидел, что моторная лодка, на которой находился Хаим, уже поднята на борт румынского судна. Дождавшись приближения катера, Эзра поднял руку, приветственно помахал ею в сторону румынского парохода и погрузился в море.

Долго, стоя у иллюминатора, Хаим сухими от горя глазами смотрел на спокойное море, тихое и ласковое, на катер, круживший, как стервятник, между причалом и румынским судном, на тусклые огоньки города, слабо мерцающие в сумерках, на черное небо с большими звездами. Там оставалась «земля обетованная».

«Обетованная?— Хаим горько усмехнулся.— Для кого?» В памяти всплыли слова Моли: «А ланд фун гройсе штерн ун мит битерэ трерн...»¹.

¹ «Страна больших звезд и горьких слез».

Юрий Антонович Колесников
ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Редактор Л. И. Парфенов
Художник С. А. Соколов
Художественный редактор Е. Ф. Николаева
Технический редактор Т. Ф. Евсенина
Корректор Л. В. Конкина

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подписан в печать 5/XI-73 г. Формат бум. $84 \times 108^{1/32}$. Физ. печ. л. 10,0. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,74. Изд. инд. ХД-105. А12972. Тираж 50 000 экз. Цена 66 коп. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия»,
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25. Заказ № 1440.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, Центр, проезд Сапунова, д. 13/15, издательство «Советская Россия».